

ВЛАДИМИР КРЕПС и КЛИМЕНТИЙ МИНЦ

КАЛУБ ЗНАМЕНИТЫХ КАПИТАНОВ

65

60

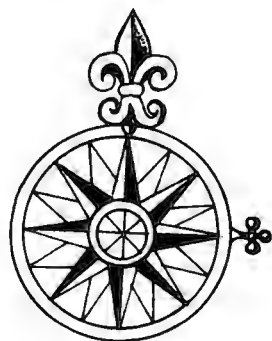
55

70

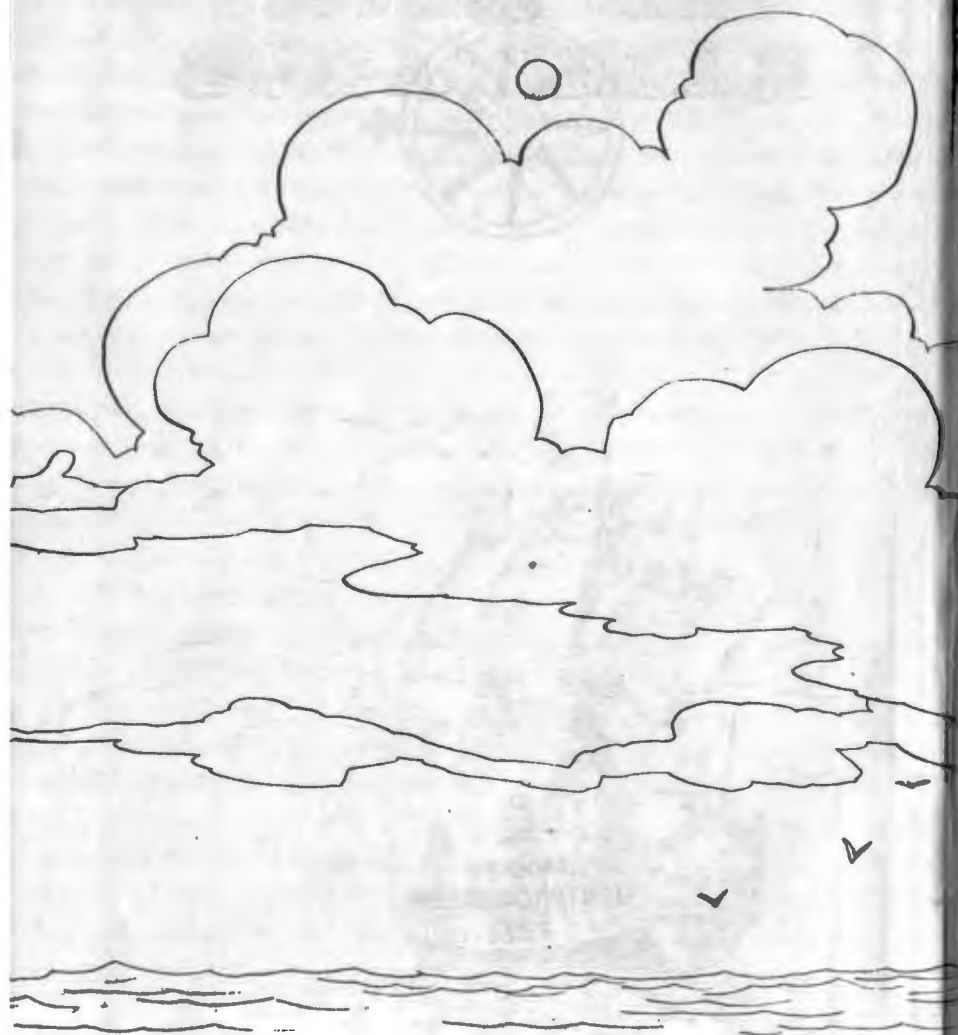
55

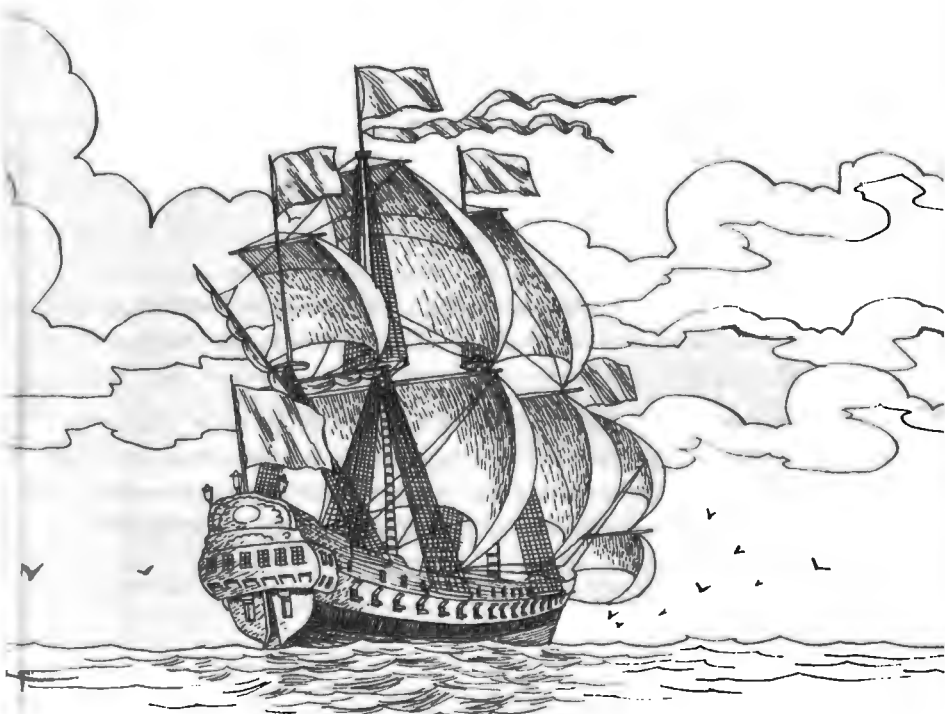
Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
1997

Фантастическая история,
записанная гусиным пером
в клеенчатых тетрадах,
с приложением вахтенных журналов
одного «городского воробья» и
конструктора планетоходов
серии ВВН

КАУБ ЗЛАЧЕНІЯ КАПТАНОВ

ББК 84.7Р
К79

Художник
ВЛАДИМИР ДОЛГОВ

ISBN 5-218-00350-6

- © Художественное оформление,
ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 1997 г.
- © ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 1997 г.

ЛИЧНЫЙ ВАХТЕННЫЙ ЖУРНАЛ

старосты географического кружка «Алый вымпел»

Сергея Березова (шестой «А»)

Постараюсь изложить все примечательные события сегодняшнего дня по возможности последовательно, а также без географических и орфографических ошибок.

Я встречал ленинградский утренний экспресс, как вы сами понимаете, именно на Ленинградском вокзале. Пока что все шло в норме, и поезд с абсолютной точностью прибыл по расписанию. И вот на платформу выскакивает Василий Васильевич Новиков, мой закадычный друг по шестому «А» и известный в нашей школе конструктор планетоходов. Правда, его первый планетоход на горячем песке пляжа прошел всего восемь метров и развалился на куски. Но такое бывало со многими выдающимися конструкторами и даже совершенно взрослыми академиками.

За Василием Васильевичем ловко соскочила худая симпатичная женщина в роговых очках. В одной руке она держала небольшой чемодан, а в другой — собачий поводок. Я сразу догадался, что это тетя Сима из Ленинграда, эксперт-криминалист по уголовным делам, гроза преступников и опора правосудия. Наконец, медленно перебирая лапами, появилась красавица овчарка Булька с целым созвездием золотых медалей на ошейнике. Василий Васильевич церемонно представил меня тете Симе и Булке в чрезвычайно лестных выражениях. Он говорил, что я вожак стайки «городских воробьев», бессменный староста географического кружка, исследовавший все излуины реки Пахры. Тетя Сима любезно улыбалась, а Булька без устали махала хвостом.

Мы все направились к выходу в город. Я хотел помочь тете Симе нести чемоданчик, но она мне его не доверила, заявив, что внутри находятся очень хрупкие приборы, без которых немисливо раскрытие преступлений, а также всевозможных загадок, которые на каждом шагу задает жизнь. Мы вышли на привокзальную площадь и увидели громадную очередь на такси... Но стоило тете Симе показать какую-то крошечную книжечку в кожаном переплете, и нам была открыта «зеленая улица»... Булька вскочила в первое

подъехавшее такси и уселась рядом с водителем. Очевидно, это было ее привычное место. Мы приехали домой к ВВН. Пока ишейка обнюхивала все уголки Васиной квартиры, он нашел на своем письменном столике приглашенный билет на выставку «Морской флот СССР». Тетя Сима решила примкнуть к «городским воробьям» в этой экскурсии в мир дальних плаваний по морям и океанам. Через два часа мы вышли на улицу...

Тетя Сима опять остановила первое же такси... Кстати, следует заметить, что она всегда ездила на такси или попутных машинах, потому что ее специальность, как она утверждала, прежде всего требовала энергичных действий. Это было очень кстати, потому что мы чуть не опоздали. В вестибюле уже собрались все члены географического кружка «Алый выпел», которые на лето оставались в Москве, за что им было присвоено звание «городских воробьев».

Ребята обступили Василия Васильевича (по правде говоря, они называли его просто Васей), а я познакомил тетю Симу с нашим новым учителем географии Афанасием Петровичем. Я тут же рассказал, что он возглавлял наши походы к озеру Чаек, в Царицыно и вообще по Подмоскovie, еще так мало исследованному учениками нашей школы.

Они отошли к окну и стали оживленно беседовать. Я не слышал, о чем они говорили, и только видел, как с подчеркнутой любезностью улыбалась тетя Сима и беспомощно разводил руками наш любимый учитель.

Вася представил ребятам звезду уголовного розыска Бульку. Они восхищались, но боялись ее погладить... Тогда я, как староста, решил подать пример... Ну а за мной ласкать Бульку стали все «городские воробьи».

Теперь я перехожу к обстоятельствам, которые превратили нашу обычную скромную экскурсию в таинственное происшествие, а возможно, и в необычайное приключение.

Настало время покинуть раздевалку... К сожалению, нам тут пришлось расстаться с Булькой. Даже волшебная книжечка тети Симы, которую я мысленно уже окрестил «лампой Аладдина», не сработала. Несмотря на все золотые медали и выдающиеся заслуги Бульки, ее не пропустили на выставку. Пришлось вывести собаку на улицу или, вернее, на бульвар у Сретенских ворот и привязать поводок к одному из двух якорей, которые красуются при входе. Между

прочим, якоря совершенно настоящие, как и все, что показывают на выставке...

Очень симпатичный, средних лет экскурсовод, по-видимому бывалый моряк, провел нас в главный зал, и мы увидели глобус диаметром в четыре метра. Он медленно вращался, показывая океаны и континенты, заливы и острова... Затем мы увидели корабельный колокол... Оказывается, это дар советскому народу от Соединенных Штатов Америки!.. Колокол самый настоящий и снят с американского судна типа «Либерти» — «Таунсенд Харрис». Одна из наших девочек, Наташа Васильева, набралась храбрости и попросила разрешения ударить в колокол. У нее такие красивые черные глаза, что отказать ей в маленькой просьбе очень трудно. Так было и на сей раз, и на всю выставку прозвенели удары судового колокола с давно не существующего корабля... Как мы потом узнали, на судах типа «Либерти» перевозились разные военные грузы для Советской Армии во время Великой Отечественной войны.

Дальше на выставке становилось все интереснее. Нам показали три рубки с ледокола «Федор Литке» — радиорубку, штурманскую и рулевую. Этот ледокол участвовал в двадцати пяти арктических навигациях. А в тысяча девятьсот тридцать четвертом году впервые совершил плавание Северным морским путем с востока на запад. Узнав все это, я не выдержал и попросил разрешения пройти в рулевую рубку, чтобы встать за штурвал... Хотя глаза у меня самые обыкновенные и не черные, а серые, мне тоже не отказали. Очевидно, приняли во внимание, что я как-никак ведущий «городской воробей» — староста географического кружка «Алый вымпел».

Щелкнул какой-то выключатель, и за стеклами рулевой рубки показалось освещенное лунным светом море... Слева по борту горели огни какого-то большого портового города... А прямо по курсу мигали световые сигналы маяка...

Я стоял за штурвалом, поглядывая то на ручку машинного телеграфа справа от меня, то на антенную радиолокатора «Нептун», висевшую над рулевой рубкой. Словом, я почти вел корабль на зависть всем участникам экскурсии...

А потом по настоящему деревянному трапу, обитому медными полосами, как положено на больших кораблях, мы поднялись на второй этаж, где нам показали реликвии

со старейшего русского ледокола «Ермак». Этот корабль был построен по идее и под наблюдением вице-адмирала Степана Осиповича Макарова. «Ермак» был на плаву шестьдесят пять лет, и только в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году пришел конец его ледовым походам. Ледокол был награжден орденом Ленина — вот какие у него были заслуги!..

Мы увидели круглый стол и дюжину кресел из кают-компания прославленного судна. Все «городские воробьи» уселись в кресла и почувствовали себя на какой-то момент в гостях у адмирала Макарова...

Нам показали барометр, морские часы, судовые журналы и подлинные документы, сохранившиеся как память о долгой жизни ледокола.

Потом мы сбежали по трапу вниз, чтобы посмотреть движущуюся модель атомохода «Ленин»... Этот первый в мире атомный ледокол был спущен на воду в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году в Ленинграде на Адмиралтейском заводе. Он и по настоящее время ходит по Севморпути в обоих направлениях. Нас особенно поразили слова экскурсовода, что мощность двигателей этого ледокола — сорок четыре тысячи лошадиных сил. А за сутки он сжигает всего двести сорок граммов ядерного топлива. Мы увидели на модели, как работают двигатели атомохода, хотя он, конечно, никуда не уплыл. Впрочем, пожалуй, и уплыл, потому что нам тут же показали маленький фильм — «Атомоход «Ленин» штурмует льды».

А в конце экскурсии нас ждал сюрприз... При входе в раздевалку с двух сторон красовались два настенных зеркала в деревянных рамах. Внизу на медных дощечках можно прочесть надпись — «Зеркало из кают-компания ледокола «Ермак». Мы по очереди смотрелись в зеркало, но ничего там не увидели, кроме собственных физиономий. На мгновение мне показалось, что в глубине зеркала мелькнула длинная борода адмирала Макарова, но оказалось, что это серая шапочка Наташи Васильевой, которая выглянула из-за моего плеча.

Последними в раздевалку вошли тетя Сима и Афанасий Петрович, о чем-то оживленно беседуя. Очевидно, как пишут в газетах, «Высокие Договаривающиеся Стороны достигли полного взаимопонимания».

И вдруг на всю раздевалку раздался крик Маруси Кольцовой: «Ой!.. Что это?.. У меня в рукаве пальто какой-то сверток... Клеенчатая тетрадь!..»

Я первым подбежал к Марусе. Сомнений не было. У меня в руках оказалась тетрадь с вахтенным журналом Клуба знаменитых капитанов под кодовым названием «Прошу следовать за мной».

Учитель географии хотел взять у меня эту необыкновенную находку, но тетя Сима его опередила... Она уже успела надеть резиновые перчатки и взяла тетрадь из моих рук каким-то мягким кошачьим движением.

И дальше мы все первый раз в жизни увидели, как берет след. Эксперт-криминалист подошла к Бульке и дала ей понюхать клеенчатую тетрадь... Затем отвязала поводок... Все ребята застыли на месте. Звезда уголовного розыска обошла всех, кто был в раздевалке, быстро обнюхивая каждого... Она залаяла только на Марусю и на меня... Ну что тут было удивительного?.. Ведь мы действительно держали в руках эту тетрадь и вовсе не думали отпираться. Булька вернулась к ногам своей хозяйки, виновато помахивая хвостом.

Эксперт-криминалист со вздохом сняла очки, и мы увидели ее сверкающие, как горячие угольки, глаза.

Она нам пояснила, что собака замечательно берет след, когда что-нибудь похищено или просто унесено... Но если криминальный предмет положен, подброшен, доставлен куда-либо, собака не станет мешать злоумышленнику или неосторожно действующему лицу. Так, например, ищейка позволит кому угодно войти в вашу квартиру, но уж зато не выпустит обратно до прихода хозяев. В данном случае клеенчатая тетрадь была подложена, подброшена или, в лучшем случае, забыта неизвестным лицом или группой лиц в рукаве пальто, а может быть, и в кармане или головном уборе ученицы Маруси Кольцовой. Да, девочка могла спутать, где именно она нашла тетрадь... От неожиданности, растерянности, радости и многих других сопереживаний, которые могут вывести на мгновение из состояния душевного равновесия.

Учитель географии вежливо остановил эту занимательную лекцию и назначил экстренное заседание кружка «Алый выпел» на шестнадцать часов ноль-ноль минут в нашей школе.

Хранение драгоценной находки было доверено мне. Отправив гостей на прогулку по Москве, я поспешил в школу и успел переписать свою тетрадь в вахтенный журнал.

Я только успел закончить, как начали собираться ребята... Затем пришли Афанасий Петрович и тетя Сима. А Бульку оставили сторожить у двери, чтобы не вошел кто-нибудь из посторонних.

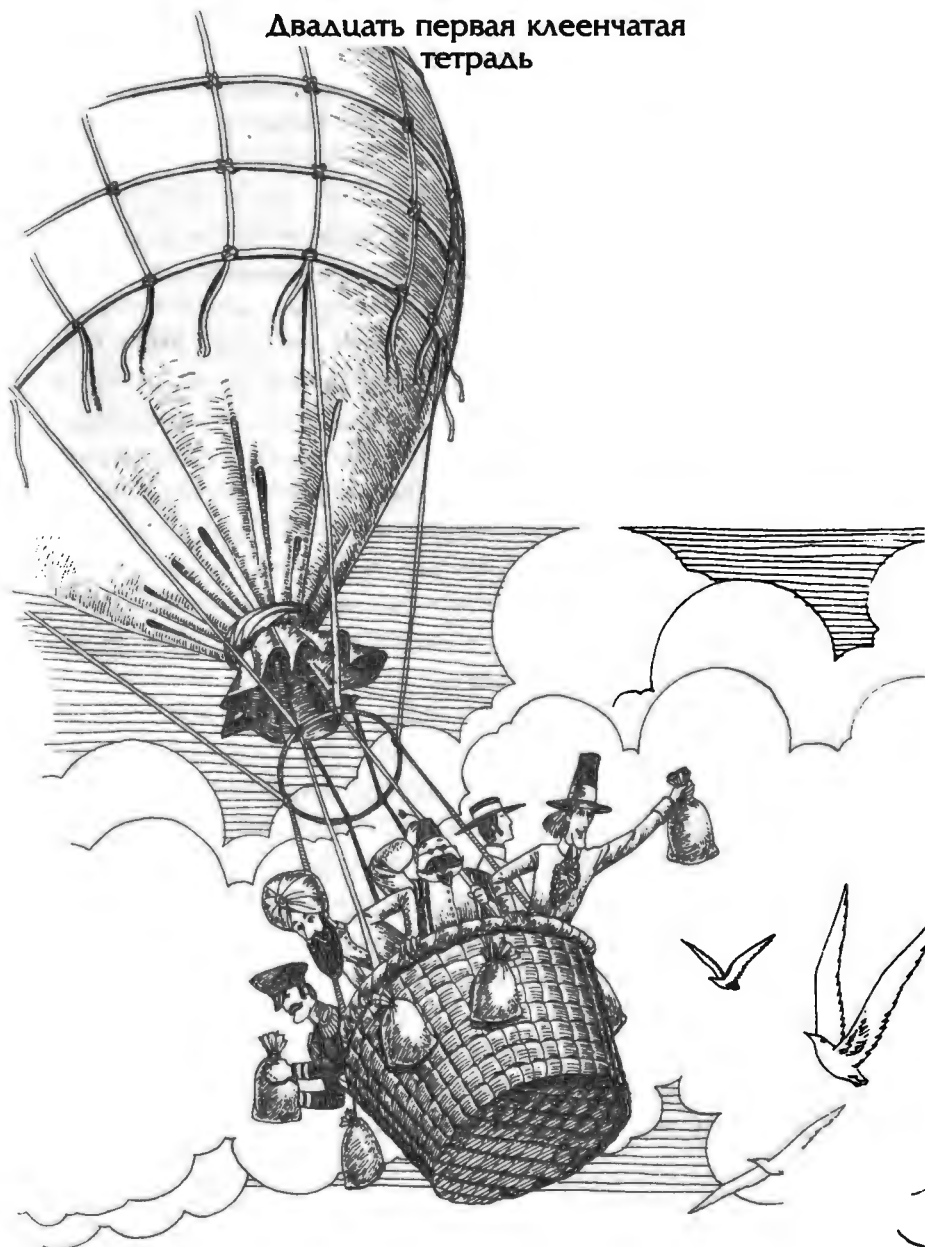
Эксперт-криминалист достала из чемоданчика какой-то флакон, кисточку и большую лупу. Она быстро смазала несколько строк из первой и последней страниц, посмотрела в какую-то таблицу и со вздохом сообщила, что двадцать первая тетрадь написана гусиным пером, а чернила — большой давности, во всяком случае, не моложе сорока лет...

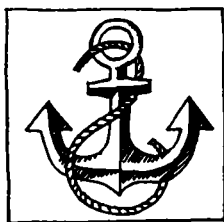
Василий Васильевич, он же Вася, выразил общее мнение: «Пора!.. Рога трубят!»

Огласить клеенчатую тетрадь было поручено Марусе Кольцовой, учитывая, что находка была обнаружена ею лично...

ПРОПУ СЛЕДОВАТЬ ЗА НИМ

Двадцать первая клеенчатая
тетрадь

...Все, что происходило в Клубе знаменитых капитанов, до сего времени окутано тайной. Однако ваш покорнейший слуга Лемюзль Гулливер, пленник лилипутов и великанов, гость в стране говорящих лошадей — гуигнгнмов и на летающем острове Лапута, сегодня взялся за гусиное перо с единственной целью пролить свет на необыкновенные события минувшей ночи. Итак, достопочтенные друзья, в этот памятный вечер я оказался в особом и редкостном для книжного героя положении. Меня потеряли!.. Да, да, одна школьница с русыми косичками по имени Света получила книгу моего автора Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера» из рук высокопочитаемой в библиотечном мире Марии Петровны. Девочка сунула роман в свой портфельчик, и я очутился в милейшем обществе учебника географии, карты звездного неба, носового платочка, пахнущего одеколоном «Мечта», и начатой плитки молочного шоколада.

Света попрощалась с хозяйкой нашей книжной обители, потрянула косичками и направилась к выходу. И тут я неожиданно попал в сферу действия закона тяготения, открытого великим Исааком Ньютоном на радость ревнителям наук и на горе закоренных двоечникам. Дело в том, что девочка забыла закрыть портфельчик... Я скольжу, падаю... Пытаюсь ухватиться за платок... Но маленький кусочек батиста не в силах удержать историю моих назидательных путешествий.

О любезный Джонатан Свифт! Я впервые за двести пятьдесят лет пожалел о щедрости вашего пера и богатстве слога. Да еще эти иллюстрации в тексте, да

вес переплетает... Словом, не пускаясь в излишние подробности, я угодил в корзину для бумаг, и дело обошлось без излишнего шума. Моя легкомысленная поклонница убежала. Я слышал топот ее ножек по ступеням нашей школьной лестницы.

Мне пришлось расположиться на ложе из старых газет и рваных конвертов. В корзине стоял не слишком приятный запах — ведь на дне покоилась пустая бутылочка из-под клея. На счастье, у меня в руке застрял платочек, как вам известно, надушенный «Мечтой», хотя и в слабом растворе недорогого одеколона.

Вдруг скрипнула дверь из читального зала... Я не мог ошибиться, потому что не раз слышал разговоры наших библиотекарей, что петли пора смазать. Но, увы, другие неотложные дела заставляли откладывать эту нехитрую операцию. Замечу, что мне этот скрип всегда доставляет удовольствие — он чем-то напоминает воинственные пiski лилипутов как в самой Лилипутии, так и в соседнем государстве Блефуску. Я выглянул из своего не слишком приятного убежища и увидел вовсе не торжественный парад императорской гвардии, а всего-навсего достоуважаемую Марию Петровну, хранительницу нашей библиотеки, и ее милейшую помощницу Катюшу. Но меня поразило, что обе они были принаряжены. На шефе библиотеки красовалась черная кружевная шаль, а молодая девушка была в новом цветастом платье. И обе они держали в руках по большому букету алых гвоздик. Очевидно, они собирались на какое-то торжество. Но какое именно?... День рождения?... Новоселье?... Выпускной вечер?... Или, может быть, свадьба Катюшиной подруги?... Но действительность превзошла все мои ожидания. Из их разговора я понял, что сегодня начинается Неделя детской книги, что, как известно любому школьнику, со-

впадает с весенними каникулами..А недавно был день рождения писателя Гайдара... Признаться, я не уловил, сколько именно отмечалось лет, и расслышал, что он родился в январе тысяча девятьсот четвертого года. Я узнал также, что в нашей школе немало тимуровцев (это ребята, принявшие на себя добровольно обязательства делать добрые дела). И вот по их просьбе в читальном зале развернута большая выставка на тему «Гайдар и дети». А сейчас делегаты школы — ученики, педагоги и работники библиотеки едут к Московскому Дворцу пионеров и школьников, чтобы возложить цветы к памятнику Мальчишу-Кибальчишу — одному из любимых героев гайдаровских книг.

Снизу донесся гудок автобуса. Мария Петровна и Катюша поспешили к выходу. Стукнула дверь, и когда шелкнул ключ, на моем брегете было ровно семь часов. К его мелодичному звону присоединился мерный бой больших стоячих часов в футляре из красного дерева. Теперь библиотека находилась всецело в нашем распоряжении, если иметь в виду моих коллег по книжным полкам. Я выскользнул из переплета, стараясь не уронить корзину для бумаг (терпеть не могу мусор под ногами, тем более что он мог запачкать мои праздничные белые чулки).

Первым делом я проложил курс в читальный зал. Перед моим взором предстали стенды с множеством изданий книг писателя Гайдара. Все они были мне достопамятны по совместным скитаниям. Квартиры наших юных друзей, рюкзаки юных следопытов и путешественников, книжные полки детских библиотек были нашим общим пристанищем. «Судьба барабанщика», «Школа», «Военная тайна», «РВС», «Чук и Гек», «Голубая чашка»... В этот момент я пожалел, что мне не двенадцать лет. Увы, я не мог испытать

счастья первого знакомства с этими удивительными повестями и рассказами.

Но я не узрел «Тимура и его команду». Как выяснилось, для этого надо было только оглянуться... Целая стена было украшена витринами с изданиями «Тимура». А на отдельных щитах виднелись какие-то фотографии. Я протер батистовым платочком (невольный подарок рассеянной школьницы) стекла своего лорнета и стал разглядывать кадры из фильма о Тимуре.

От этого увлекательного занятия меня отвлек громкий собачий лай. Ко мне подбежала большая светлорыжая собака. Обнюхав мои чулки, она тихо зарычала и легла поперек пути у двери. Сомнений не было — это была Рита, собака Тимура, державшая Женю в плену на даче, если я не ошибаюсь, на девятой странице повести.

Естественно, что следом за Ритой из переплета выскочил главный герой этого повествования — высокий темноволосый мальчуган лет тринадцати. На нем были легкие черные брюки и темно-синяя безрукавка с вышитой красной звездой. Я с подобающей случаю вежливостью снял свою широкополую шляпу и сделал легкий поклон. Но Тимур не был знатоком церемониала, принятого в Англии в начале восемнадцатого века. Он порывисто обнял меня и предложил свои услуги в качестве гида по выставке в читальном зале. В течение нескольких минут я узнал об Аркадии Гайдаре столько интересного, что этого хватило бы на несколько писательских биографий. Оказывается, в четырнадцать лет юный Голиков (такова настоящая фамилия писателя) добровольно вступил в Красную Армию и участвовал во многих сражениях. В шестнадцать лет он командовал полком в легендар-

ной дивизии Котовского (редкостный случай в истории не только кавалерии, но и военного искусства вообще). По окончании гражданской войны он собирался остаться в армии. Но это оказалось невозможным — раны и контузия вывели его из строя. Врачи были неумолимы. Бедный Гайдар написал прощальное письмо Михаилу Васильевичу Фрунзе. Он ни на что не надеялся. Просто это был порыв души. Но буквально на следующий день прославленный полководец вызвал автора письма к себе и посоветовал ему заняться литературной деятельностью, стать воспитателем будущих поколений бойцов. И Гайдар стал журналистом, писателем... На всех своих рукописях в правом верхнем углу он всегда рисовал красную звездочку.

Я спросил Тимура, почему Гайдар стал писать именно для детей, а мальчик ответил мне словами своего автора: «Для детей надо писать так же, как для взрослых, но только лучше».

Меня заинтересовал еще один вопрос: как, собственно, появился на свет мой собеседник — любимый герой детской литературы?..

— Это случилось совсем по-особенному, капитан Гулливер, — сказал Тимур. — Аркадий Петрович написал для Студии детских фильмов сценарий «Тимур и его команда». Фильм поставил режиссер Александр Разумный. Так «моя команда» появилась на экране, и до сих пор ее смотрят все новые и новые ребята. Подрастают и смотрят... Смотрят и растут дальше... А по сценарию мой автор написал повесть, которая печаталась много раз.

Тем временем мы подошли к последнему стенду. Он был посвящен гибели Аркадия Гайдара. Я долго рассматривал его последнюю фотографию, снятую в

Москве перед уходом на фронт в июле сорок первого года. Плечистый, кряжистый человек с мягкой улыбкой на устах и проникновенными добрыми глазами... А вот и последний снимок, сделанный на фронте примерно через месяц. На камне сидит суровый Гайдар, Гайдар-воин, в стальном шлеме, с автоматом на коленях. А на дальнем плане несжатое поле и одинокое дерево, опаленное огнем.

Я с большим волнением слушал Тимура.

— В первые дни Великой Отечественной войны Аркадий Петрович добился отправки на фронт. В карманах его гимнастерки лежали билеты военного корреспондента «Комсомольской правды» и «Пионерской правды». Он присылал с передовой пламенные статьи, обращенные к сердцам юных патриотов Родины.

После падения Киева, — со вздохом продолжал Тимур, — Гайдар с группой бойцов попал в окружение и присоединился к партизанскому отряду. Вместе с народными мстителями Украины он сражался в тылу врага, сменив перо на пулемет. Прикрывая отход своих товарищей, он погиб в бою под тихой деревушкой Леплявой... А потом его прах перенесли на берег Днепра возле Канева. Он покоится там, неподалеку от могилы Тараса Шевченко.

Наконец мы остановились возле витрины с газетными вырезками, посвященными подвигу Гайдара.

Теперь голос Тимура задрожал, мальчик с трудом сдерживал слезы.

— Вот что писали о беседе с Гайдаром его друзья и соратники — военные корреспонденты... «Вы думаете, что я не знаю, почему иные наши собратья ушли от фронтовых дел? Все знаю. И напрасно они думают, что война им это спишет. Списать можно стоптанные сапоги, поношенные рукавицы, а совесть

не списывается. Я понимаю: таланты надо беречь, но ведь есть долг перед народом, наконец, перед своей совестью. Вспомним, разве лорд Байрон был не талантлив? А он на своем корабле отправился к греческим повстанцам и умер на чужой земле. А наш Пушкин? Кажется, таланта ему не занимать, правда? А с Кавказским корпусом генерала Паскевича штурмовал Арзрум, не прятался от пуль, лихо скакал на коне над ущельями. Граф Лев Николаевич Толстой был артиллеристом в осажденном Севастополе, а ведь мог не быть на войне. Отечество было в опасности, и он пошел на передний край...»

Тимур справился со своим волнением и продолжал уже спокойно:

— Мне хочется, капитан Гулливер, чтобы вы занесли на страницы вахтенного журнала еще одну запись из фронтового блокнота. Вот такая была беседа с моим автором... На Юго-Западном фронте...

«— Как вы относитесь к смерти?

— Отрицательно.

— Зачем же вы лезете под пули?

— Чтобы жить.

— Вы же не солдат, а писатель?

— Барабанщик шагает, как вам известно, всегда впереди.

— При чем тут барабанщик?

— Писатель и есть барабанщик. Я себя не представляю в какой-то другой роли».

Мы медленно шли вдоль стендов гайдаровской выставки, которая была в высшей степени убедительным доказательством бессмертия писателя. Нам не хотелось говорить — ни мне, ни любезному Тимуру. Ведь молчание иногда бывает гораздо красноречивее слов.

Внезапно приоткрылся переплет одной из книг, и откуда-то с чердака раздался звонкий торжествующий голос Жени:

— Подаю по форме номер один позывной сигнал общий!

— Сумасшедшая! — перебил Тимур. — Что ты делаешь?

Но действие повести неумолимо двигалось дальше, согласно авторской записи на семидесятой странице...

«...Но уже закрутилось, заскрипело тяжелое колесо, вздрогнули, задергались провода: «Три — стоп, три — стоп, остановка!» И загремели под крышами сараев, в чуланах, в курятниках сигнальные звонки, трещотки, бутылки, жестянки...»

И тут же из раскрытой книги донеслись звуки аккордеона, на котором играла Женина сестра, Ольга.

— До новых встреч, капитан Гулливер... — на бегу крикнул Тимур. — Я больше не могу... Ведь не может команда провожать без меня Георгия на фронт!

Я помахал вслед батистовым платочком. И запах «Мечты» стал слышен в читальном зале. Затем я проследовал к двери из читального зала в библиотеку. Но не сразу мне удалось услышать ее уютный, располагающий к приятным воспоминаниям скрип... Я увидел прямо на стене, по бокам двери выставку детских рисунков. Кнопками к обоям были прикреплены очаровательные рисунки под общим девизом — «Герои Гайдара глазами детей».

Я обратил внимание, что по большей части рисовали Мальчиша-Кибальчиша. Вот он скачет на коне... Вот беседует с ребятами... Вот лихо рубится в бою с

буржуинами. А самый лучший его портрет — голова мальчишки в шапке-буденовке.

И тут я обратился к самому себе с вполне заслуженным упреком — как вы могли, сударь, будучи одним из старинных обитателей книжных полок, упустить из виду, что сейчас возлагаются цветы, а возможно, венки и адреса к первому памятнику литературному герою в достославном городе Москве? И как вы могли не оповестить об этом своих коллег по Клубу знаменитых капитанов?..

Я быстро открыл дверь... Мне послышалось, что на сей раз она скрипнула как-то укоризненно и, я бы сказал, даже сердито. В библиотеке все было, как всегда, на своих местах. Глубокие кожаные кресла как бы приглашали поскорее расположиться возле круглого стола, в центре которого голубел большой глобус. Мерно и равнодушно отмеривали время большие часы. По стенам неподвижно висели портреты выдающихся мореплавателей — Беллинсгаузена, Лазарева, Беринга, адмирала Макарова и академика Шмидта. Мне почудилось, что Отто Юльевич Шмидт смотрит на меня с недовольной улыбкой, а его коллеги отвернулись в разные стороны. И я не задумываясь принял весьма ответственное решение — свистать всех вниз! Пусть знаменитые капитаны немедленно спустятся с книжных полок на экстренное заседание клуба. И я запел нашу широко известную песенку...

В шорохе мышинном,
В скрипе половиц
Медленно и чинно
Сходим со страниц...

Должен, однако, заметить, что лишь немногие были посвящены в тайну этой песенки. Эта на первый взгляд незатейливая мелодия, по сути дела, была — «по-

даю по форме номер один позывной сигнал общий!» из повести о Тимуре и его команде. Мышиный шорох отлично заменял колесо, провода, сигнальные звонки, трещотки, бутылки, жестянки, в чем я имел счастливую возможность лишний раз удостовериться.

...Встречи час желанный
Сумерками скрыт...
Все мы капитаны,
Каждый — знаменит!..

Это пели члены клуба, выходя из переплетов своих романов... Первым в кают-компании показался капитан Робинзон Крузо в своем оригинальном фраке из козых шкур с топором за поясом и мушкетом в руке. Его провожали по обычаю Пятница, попугай и любимая коза. Но губернатор необитаемого острова подал своей свите повелительный знак рукой. И Пятница тут же исчез, захватив с собой и попугая, и козу.

Затем с верхней полки спустился по веревочному трапу (который нам впоследствии очень пригодился) Дик Сэнд, гораздо более известный юным читателям как пятнадцатилетний капитан.

Раздался шум весел, и на шлюпке с «Наутилуса» прибыл капитан Немо. Всем известный сын Индии занял свое место у круглого стола и поправил на голове белоснежную чалму. Гораздо менее благополучным было прибытие любезного Тартарена. Раздался страшный шум и грохот. На пол полетели кастрюли, патронташи, малайские кривые ножи, термосы, одеяла... путеводители, портреты каких-то восточных красавиц, охотничьи ружья и небольшие, но элегантные лыжи. Затем на диван плюхнулся сам любимец Тараскона, не выпуская из рук саквояжа, плащ-палатки и томагавка. Мне показалось почти невероятным, что

малиновая феска с черной кисточкой каким-то чудом удержалась на его голове.

Собирая свою рассыпанную по полу походную амуницию, достопочтенный охотник за львами и фуражками не удержался от присущего ему прилива красноречия:

— Ах, медам и месье!.. На страницах романов моего автора Альфонса Доде царит одна черная неблагодарность... Мой друг по Сахаре верблюд, который на каждом шагу проявлял ко мне чувства любви и преданности. Представьте себе, завидев заросли каких-то колючек, очевидно, большое лакомство с точки зрения этого обжоры, вдруг брыкнулся, сбросил меня с горба и умчался пировать...

Ужасно! Ужасно! Меня спасло только мое искусство альпиниста. Ведь смог же я спуститься с вершины Монблана, даже не поднимаясь на нее!..

— А что тут особенного, любимец Тараскона?.. — ворчливо произнес Мюнхгаузен, влетая на утиной запряжке в распахнутое окно. — Ведь мог же я не один десяток раз не только открыть Северный полюс, но и закрыть его! А также Полюс холода, Полюс недоступности, Полюс истины и Полюс скромности...

Затем он свистнул, и послушные утки сделали круг почета, обогнув люстру. После этого нехитрого маневра они умчались в свои гнездовья на страницах книги Эриха Распе.

Тем временем достойнейший Артур Грэй успел попрощаться со своей любимой, своей Ассоль на борту галиота «Секрет», прыгнуть с восьмой полки и скромно занять свое кресло в кают-компании.

Итак, все были налицо, кроме достопочтенного капитана корвета «Коршун». Но кто из нас мог

знать, волны каких морей и океанов бороздит его «Коршун»?..

Я открыл нашу экстренную встречу и рассказал о памятнике Мальчишу-Кибальчишу возле Московского Дворца пионеров и школьников. Это сообщение поразило высокое собрание. Ведь из членов нашего клуба, по слухам, один Карл Фридрих Иероним Мюнхгаузен удостоен подобной чести. При этом я заметил, что, по совести, не могу считать памятником громадную статую, которая поставлена лично мне в центре японской столицы — городе Токио. А у моих ног колоссальная автомобильная шина... Я полагаю, что мой автор Джонатан Свифт и не рассчитывал, что Лемюэль Гулливер будет использован для рекламы так называемой «шины Свифта»!

— Совершенно справедливо!.. Тем более что во времена Свифта не было ни автомобилей, ни шин! — иронически произнес Немо.

Артур Грэй предложил немедленно отправиться к памятнику Мальчишу-Кибальчишу. Все приняли это с восторгом. Но оставалось, согласно традициям клуба, выбрать председателя сегодняшней встречи. Мюнхгаузен высказался за то, чтобы выбрать самого правдивого из капитанов... Некоторые выдвинули мою скромную кандидатуру, поскольку именно я сегодня созвал всех в кают-компанию. Но мне не хотелось выпускать из рук гусиное перо, так как меня осянило предчувствие, что я смогу занести в вахтенный журнал совершенно необыкновенные приключения.

Пока шли споры, любезный Дик вспомнил, что первый памятник литературным героям был поставлен в городе Ганнибале на реке Миссисипи. Это памятник Тому Сойеру и Гекльберри Финну. После

Московского Дворца пионеров надо отправиться в Ганнибал! И тогда возникла идея — вручить председательский молоток самому юному из капитанов. Пусть мальчишкам воздаст должное их сверстник!..

Пятнадцатилетний капитан не стал отказываться, и мы сразу услышали знакомый нам на протяжении более тридцати лет стук председательского молотка из черного дерева.

И снова возникли споры... Как быть? На чем ехать? Ведь ни фрак из козьих шкур, которым так гордился ветеран клуба Робинзон Крузо, ни расшитый камзол и треуголка Мюнхгаузена, ни бархатный редингот вашего Лемюэля Гулливера не могли не вызвать чрезмерное внимание на вечерних улицах Москвы.

Из затруднительного положения нас вывел достойный капитан Немо. Сын Индии с детства умел водить слонов и знал их язык. Ведь при дворце принца Дакара, как, по словам самого Жюль Верна, именовался в молодости Немо, держали выездных слонов.

Но где взять слона в Москве, да еще в такое позднее время, когда Зоологический сад наверняка закрыт, а в обоих московских цирках идет представление? Я взял на себя смелость напомнить капитанам об одной больной девочке по имени Надя. В рассказе Александра Куприна «Слон» описано, что Надя тихо угасала. Врачи советовали ее папе и маме исполнять любое желание девочки, даже малейшие ее капризы. Но у нее уже не было ни желаний, ни капризов. Однажды утром она проснулась немного бодрее, чем всегда... Она видела сон про слона... и захотела с ним познакомиться. Но только не с таким, который нарисован на картинке, а с настоящим, живым слонем.

Папа поспешил в зверинец. Добродушный немец-хозяин согласился привести к Наде своего самого большого слона — Томми, который весил сто двенадцать пудов. Девочка играла со слоном, обедала вместе с ним и наконец заснула около него...

— Позвольте! Позвольте, капитан Гулливер, — перебил меня Тартарен. — Я уже достал с книжной полки четвертый том сочинений Куприна. Вот, пожалуйста... Читаю вам интереснейшие сведения со сто девяносто четвертой страницы...

Он читал очень быстро, с каким-то торопливым восхищением, но я все же успел записать отрывок из рассказа в вахтенный журнал...

«В эту ночь Надя видит во сне, что она женилась на Томми и у них много детей, маленьких, веселых слонят. Слон, которого ночью отвели в зверинец, тоже видит во сне милую, ласковую девочку. Кроме того, ему снятся большие торты, ореховые и фисташковые, величиной с ворота...» А в конце страницы девочка говорит: «Передайте Томми, что я уже совсем здорова!»

Я напомнил своим дорогим коллегам, что надо оставить записку с координатами нашего предполагаемого путешествия непременно члену нашей кают-компании — капитану корвета «Коршун». Мною была выражена уверенность, что «Коршун» найдет нас, где бы мы ни оказались.

Любезный Дик Сэнд не поставил себе за труд быстро набросать записку, где были указаны ближайшие пункты назначения — Московский Дворец пионеров и город Ганнибал в Соединенных Штатах Америки.

Все предположения о наших дальнейших маршрутах там не были указаны, поскольку у нас были очень

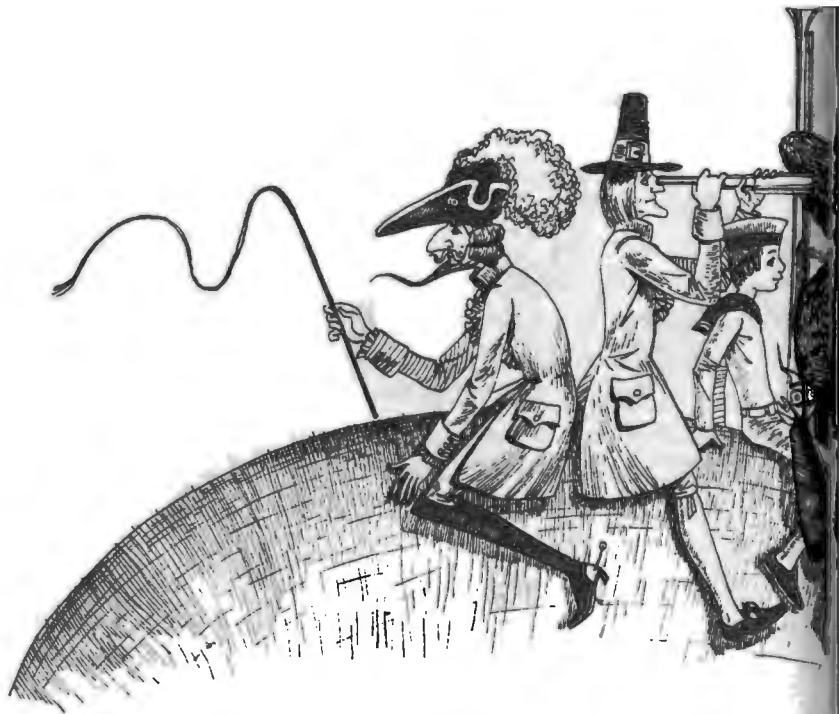
широкие планы, которые, увы, полностью не были осуществлены благодаря необычайным и весьма загадочным обстоятельствам... Но не будем забегать вперед. Я только позволил себе приписать в конце известную морскую команду «Прошу следовать за мной» и положил записку под глобус, украшавший круглый стол нашей библиотеки.

А далее события начали стремительно разворачиваться. Дик Сэнд прикрепил к подоконнику веревочный трап, и мы один за другим спустились на улицу... Немо бережно держал в руках четвертый том Куприна. Предосторожность была не лишняя — слона можно было пригласить со страниц только на просторе, ведь он не прошел бы ни в дверь библиотеки, ни по нашей не слишком широкой лестнице. Последним спускался Тартарен, звеня своими кастрюлями и оружием. К счастью, на улице никого не было.

Несколько гортанных звуков на неведомом всем нам наречии раздались из уст капитана Немо. Эффект был поразительным! Зашелестели страницы книги, на мостовую вышел Томми и тут же послушно опустился на колени. Немо забрался на шею слона и попросил Тартарена одолжить ему томагавк, ведь нужно было чем-то заменить остроконечный бамбуковый шест погонщиков.

Поддерживая друг друга, мы уселись на широкой спине доброго животного. Дорогу показывал Артур Грэй, который много раз бывал в Московском Дворце пионеров и школьников. Но герой «Алых парусов» выбирал окольные пути, избегая шумных центральных улиц.

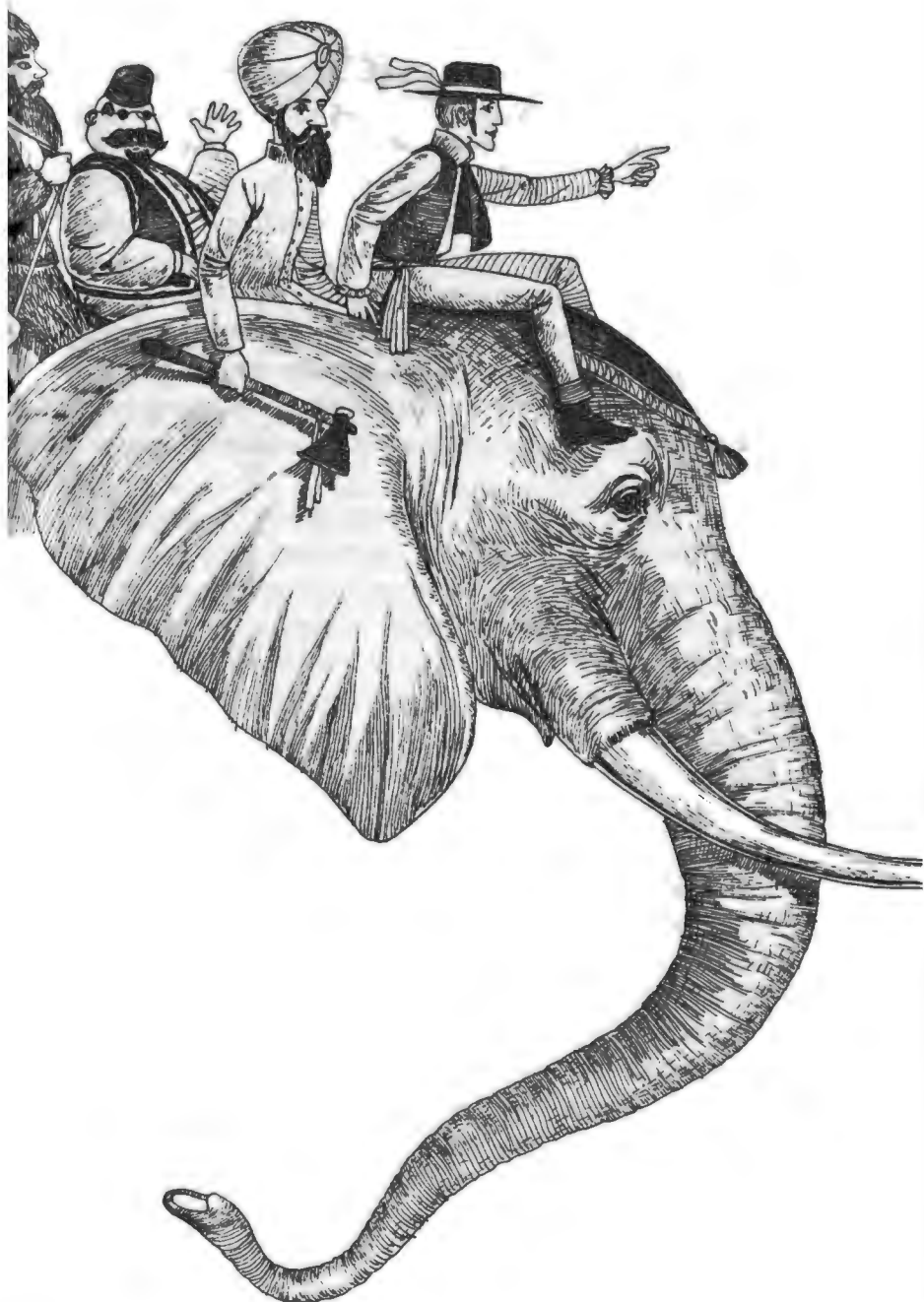
Эта предосторожность не спасла нас от милицейского патруля. Рядом со слоном очутилась желтая ма-

шина с синей полосой на бортах, с надписью «Милиция». Положение было критическим — тайна существования Клуба знаменитых капитанов, ведомая лишь нашим юным друзьям, могла быть раскрыта не на страницах вахтенного журнала, а в милицейском протоколе. Но попутный счастливый ветер, как это всегда бывало на протяжении многих лет наших встреч в кают-компании, благоприятствовал нашему ночному путешествию. Мы слышали, как плечистый лейтенант сказал водителю:

— Никакого ЧП! Все ясненько, старшина. Артисты перегоняют слона из старого цирка на Цветном бульваре в новый на проспекте Вернадского.

Усатый старшина все-таки усомнился:

— А может, слон угнанный, товарищ лейтенант?

— Исключается. Такую вещь ни спрятать, ни сбыть. Это Москва, а не джунгли.

Дальше мы не слышали их разговора, потому что машина пошла впереди Томми, любезно прокладывая нам путь между такси и продуктовыми машинами...

Немного не доезжая до нового цирка, милиция свернула направо, помахав нам на прощанье.

Без дальнейших опасных приключений мы прибыли к Дворцу пионеров, а точнее сказать, к памятнику Мальчишу-Кибальчишу, вынесенному далеко вперед между двумя проездами к главному зданию...

Мы соскочили на землю и обошли памятник со всех сторон.

Герой гайдаровской сказки из повести «Военная тайна» показан в движении, в порывистом броске вперед. На голове у Мальчиша шапка-буденовка, в одной руке обнаженная сабля, в другой — пионерский горн. Юный боец как бы призывает всех ребят ничего не бояться, никому не сдаваться, всегда быть готовыми к бою!

Все подножие памятника было покрыто букетами живых цветов. Видимо, здесь побывали ребята из многих школ...

Над Москвой быстро густели сумерки. Бледно мерцали фонари. А внизу по дороге катили автомобили, но мы не слышали их шума. Все наши мысли и чувства сейчас принадлежали бронзовому Мальчишу.

Нас вывела из этого полузабытья песня... Да, да, песня, зазвучавшая вдали, за открытыми окнами Дворца маленьких москвичей. Я быстро раскрыл вахтенный журнал и взялся за гусиное перо. Ведь это была не просто песня, а салют Мальчишу!..

Любуясь Москвой,
Ты ночи не спишь,
Наш друг, наш герой,
Мальчиш-Кибальчиш!
«Плывут пароходы —
Привет Мальчишу!
Пролетают летчики —
Привет Мальчишу!
Пробегут паровозы —
Привет Мальчишу!
А пройдут пионеры —
Салют Мальчишу!»

Раздались шумные аплодисменты... И вслед за этим стали хлопать двери вестибюля... Видимо, вечер, посвященный Неделе детской книги, кончился, и лавина ребят вот-вот хлынет к выходу. Надо было действовать быстро и без шума.

Я успел спрятать в огромный букет водяных лилий, который возложил командир «Наутилуса» к ногам Мальчиша, короткую записку капитану корвета: «Ганнибал. Прошу следовать за мной».

Немо поднял томагавк и что-то гортанным голосом приказал Томми.

Слон приветливо помахал хоботом и скрылся на страницах четвертого тома Куприна, любезно распахнутого милейшим Тартареном.

Перед фасадом здания слышался ребячий гомон и топот множества ног. Но мы были уже в безопасности. Дик Сэнд достал из-за пазухи четвертый том сочинений Марка Твена, предусмотрительно захваченный им из библиотеки. Раздался шелест страниц, и мы сразу окунулись в «Жизнь на Миссисипи», а точнее, в главу пятьдесят третью этого произведения под названием «Места моего детства»... Кругом расстилалась спокойная речная гладь. Мы поднимались на одном из быстроходных пароходов вверх — против течения великой и коварной реки, держа курс на город Ганнибал. Пользуюсь случаем отметить,

что достоуважаемый Марк Твен родился в небольшой деревушке под громким названием Флорида в тысяча восемьсот тридцать пятом году, а детство свое провел именно в Ганнибале. Меня всегда удивляло также, что сын почтенного судьи был наборщиком, солдатом, репортером, старателем... и целых четыре года лоцманским учеником, а затем и лоцманом. А ведь лоцман на Миссисипи — это большой человек, фигурально выражаясь, великан, и, как утверждает сам писатель, ему принадлежит в этих водах большая власть, чем людям, носящим пышное звание капитана.

Мне также пришло на память, что достойнейший Марк Твен обрел это литературное имя после плавания на Миссисипи. Именно здесь Сэмюэл Ленгхорн Клеменс стал писать под своим известным всему миру псевдонимом. Сам писатель утверждал, что «Марк Твен — это псевдоним капитана Айсаяи Селлерса. Он умер в тысяча восемьсот шестьдесят третьем году, и так как эта подпись ему не была больше нужна, я захватил ее, не спрашивая разрешения у останков владельца». Однако исследование старых комплектов газет, выходивших в Новом Орлеане, установило, что этим псевдонимом до Твена не пользовался ни Селлерс, ни кто-либо другой. Очевидно, его придумал сам Сэмюэл Клеменс.

Не могу не напомнить, что многие писатели неоднократно пользовались псевдонимами. Аркадий Голиков, которому мы уже воздавали должное сегодня, вошел в литературу как Гайдар (это татарское слово переводится как «всадник, скачущий впереди»). Кто не знает, что Антон Павлович Чехов подписывал свои ранние юмористические рассказы — Антоша Чехонте. Алексей Максимович Пешков прославился под псев-

донимом Максим Горький. А в молодости свои фельетоны в газетах он печатал под шуточным именем — Иегудиил Хламида. Но если псевдонимы Чехова и Горького сами по себе не имели особого значения, этого нельзя сказать об их американском коллеге. Марк Твен — это вовсе не имя и не фамилия, а выражение, означающее «отмерь два». Оно применяется на Миссисипи для обозначения глубины фарватера в две морские сажени. Это глубина, которая обеспечивает безопасное прохождение самых крупных судов. Сколько раз лоцман Клеменс слышал эту речную команду!..

Но вернемся к необычным событиям нашего ночного путешествия... Мы столпились на юте, любуясь игрой лунного света на легкой ряби волн. Сейчас Миссисипи была удивительна и прекрасна!.. Только пятнадцатилетний капитан не оказался во власти общего лирического настроения. Пользуясь своим правом председателя, он деловито сообщил, что, считая вместе с Миссури, ее главным притоком, это самая длинная река в мире — четыре тысячи триста миль. Можно с уверенностью сказать, что это самая извилистая река в мире. Он вспомнил также, что бассейн Миссисипи занимает пространство большее, чем вся Европа без России, Норвегии и Швеции. В нем уместилось бы пять Испаний, шесть Франций и десяток Британских островов или Италий. Любезный Дик не скрыл от нас, что река ежегодно приносит в Мексиканский залив четыре-ста шесть миллионов тонн ила... Недаром же капитан Марриэт назвал ее Великой Клоакой.

Мы стали засыпать нашего юного председателя вопросами, желая выяснить некоторые интересующие нас подробности... Верно ли, что река постоянно меняет свое руло?.. Правда ли, что, в отличие от

многих других, она становится уже и глубже к устью?.. Продолжает ли делать Миссисипи громадные прыжки, выпрямляя и укорачивая свой путь?.. Доказано ли, что она несет в двадцать пять раз больше воды, чем Рейн?..

— Не знаю, как насчет Рейна, но я берусь доказать, что вы обыкновенные безбилетные пассажиры, — грозно произнес, подходя к нам, усатый человек в морской фуражке. — Семь долларов штрафа, джентльмены, а остальное — смотря куда вы держите курс.

— Порт назначения — Ганнибал, — спокойно ответил Артур Грэй.

Усатый моряк достал из кобуры тяжелый кольт:

— Еще семь долларов, уважаемые господа. Иначе вы поедете до конца рейса в трюме.

Во избежание дальнейших неприятностей, а возможно, и громкого скандала я с трудом вынул из кармана камзола золотое колечко из Страны Великанов, подаренное мне на память моей любезной покровительницей. По нашим понятиям оно было не слишком мало — размером с чайное блюдце.

Строгий контролер попробовал колечко на зуб и дружески похлопал меня по плечу, к огорчению помяв кружевной воротничок моего редингота.

— Очевидно, вы обтяпали неплохое дельце, ребятки... Но я не вмешиваюсь в чужие дела. Никаких лишних вопросов.

И он спрятал свой кольт, а заодно и золотое колечко.

С капитанского мостика донеслась команда:

— Ганнибал!.. Швартуемся через пять минут...

Вахтенный козырнул нам и побежал к борту. Вдруг он обернулся, пристально посмотрел на Немо и снова достал оружие.

— А кто этот черномазый в чалме? Может, вы прихватили на юге чужого раба на продажу?

Оскорбленный Немо вынул из-за пояса электрический пистолет.

Я думаю, любому юному другу нашего клуба понятно, какие нежелательные, а возможно, и катастрофические последствия могли бы наступить, если бы началась перестрелка на борту рейсового парохода в момент швартовки у пристани — цели нашего ночного путешествия.

Но из трудного положения нас вывел милейший Карл Фридрих Иероним. Эффектно опершись на эфес своей шпаги, выкованной, по его утверждению, из обломка земной оси, он снял треуголку и церемонно поклонился по всем придворным правилам восемнадцатого столетия.

— Не буду скрывать от вас истину. Это его высочество принц Дакар, лицо весьма уважаемое! В Индии! Мы имеем честь сопровождать его особу в этом приятном путешествии. Честное слово барона Мюнхгаузена!

Придирчивый контролер весело рассмеялся:

— Принц и барон!.. Какая встреча, ваша светлость или сиятельство, не знаю уж, как полагается величать...

И тут же прозвучал громкий пароходный гудок. Вблизи мерцали тусклые огни на пристани Ганнибала.

Стоянка заняла всего несколько минут. Мы быстро сошли на берег, провожаемые учтивым поклоном усамого моряка. Едва мы отошли немного в сторону, к трапу приблизились двое бродяг. Они пытались подняться на борт, но строгий контролер два раза выстрелил из своего кольта.

Бродяги мгновенно скрылись за штабелями бочек. Раздался прощальный гудок, и пароход отва-

лил от пристани, оставляя за кормой пенистые буруны.

Мы направились к выходу в город... Но у лестницы нас уже поджидали оба оборванца, очевидно презиравшие такую пошлую операцию, как покупка билетов на пароход. За несколько мелких монет они показали нам дорогу к дому Марка Твена.

Мы двинулись в путь по ночному Ганнибалу. Окна всех домов были закрыты ставнями или спущенными деревянными шторами. Исключение составляли

только ярко освещенные входы ночных клубов и баров, откуда доносилась завывающая и не слишком мелодичная музыка.

Тартарен обратил наше внимание на странное обстоятельство — редкие пешеходы шли не по тротуару, а посередине улицы, вглядываясь в каждую под-

воротню, которую им приходилось миновать. Кого или чего они опасались?.. Дик Сэнд был настолько любезен, что дал исчерпывающие пояснения. Оказывается, гангстеры поджидают свои жертвы, притаив-

шись в подворотнях, — схватить хорошо одетого человека и утащить в темноту гораздо проще, чем гоняться за ним по улицам. Мы стали присматриваться и действительно увидели в нескольких местах огоньки сигарет, которые неизвестные нам лица раскуривали в темноте ворот.

Нас никто не пытался остановить. Может быть, благодаря тому, что нас было много, а кастрюли любимца Тараскона грозно позвякивали в его саквояже. Это нисколько не напоминало звон золотых монет, а скорее грохот возможного сражения.

Мы шли вдоль высокого дощатого забора, поразительно напоминавшего тот, который велела побелить Тому Соьеру тетушка Полли. Как все, конечно, знают, Том не растерялся и продал право поработать малярной кистью одному за другим целой ораве мальчишек, получив взамен множество ценных вещей, начиная от совсем нового бумажного змея и вплоть до собачьего ошейника — без собаки.

Шествие замыкала «тяжелая артиллерия» в лице Тартарена. А немного сбоку по мостовой шагал Робинзон Крузо, как бы невзначай держа палец на курке мушкета.

Через несколько минут мы оказались возле музея Марка Твена. В доме было темно, ставни закрыты наглухо, на двери висел большой замок. Казалось, что наше знакомство с музейными сокровищами ограничится обзрением фасада. Но Тартарен вынул из своего саквояжа большую связку ключей — от всех дверей своего дома в Тарасконе, столь красочно описанного Альфонсом Доде.

Капитан Немо выразил сомнение, удобно ли нам таким образом проникнуть в дом. Но гроза львов его успокоил, сообщив, что замок вешают лишь для того, чтобы в помещение не забрел поспать какой-нибудь пьянчуга. Кто же будет красть зонтик Марка Твена или его старый сюртук в городе, где писатель провел свою юность?.. Тем более что все вещи и книги имеют инвентарные номера и попытка их реализации может очень дорого обойтись.

Сняв шляпы, мы вошли в музей.

Раздался шелест страниц, и с полок прыгнули два мальчика — мы сразу узнали, что это Принц и Нищий. Но они были так удивительно похожи, что даже их стародавние соседи по книжным полкам не могли разобрать, кто из них повелитель Англии, а кто Том Кенти. Не могу не добавить, что и голоса их звучали совершенно одинаково.

Но в данном случае речь шла не об издании законов или наказании преступников. Мальчики вышли из переплета своего романа, чтобы показать нам музей. Личные вещи и рукописи великого писателя, его портреты и фотографии, издания его книг на многих языках мира с рисунками талантливых художников. Нельзя было без душевного волнения рассматривать все эти реликвии.

Тем временем, оказывается, со страниц «Приключений Тома Сойера» тихонько спустилась Бэки Тэчер, которую Том поначалу называл «Обожаемая Незнакомка». Как известно теперь мальчикам и девочкам всего света, это было прелестное голубоглазое создание с золотистыми волосами, заплетенными в две длинные косы, в белом летнем платье и вышитых панталончиках. Бэки проскользнула за нашими спинами и вышла на улицу. Ей представился счастливый случай побывать у памятника своим друзьям-мальчишкам. Вы, конечно, помните, что эта девочка была мечтою Тома Сойера. Он впервые в классе написал ей на маленькой доске: «Я Вас люблю!» И она ему шепнула то же самое однажды в опустевшей школе... Я уже не говорю, какое мужество проявил герой книги, когда они заблудились в подземной пещере... Ведь он спас девочку от неминуемой гибели. Полагаю, что никто не будет сомневаться

в том, что Бэкки не терпелось полюбоваться памятником...

Узнав о цели нашего прибытия в Ганнибал, девочка умоляла проводить ее к памятнику, а затем, если возможно, обратно в музей. Все это было очень мило и даже трогательно, но никто из нас не знал, как найти искомый памятник — Тому Сойеру и Гекльберри Финну. Но его величество случай был к нам в эту ночь весьма благосклонен, хотя протягивал руку помощи с некоторым опозданием.

Я с особым удовольствием занес на страницы вахтенного журнала нашу неожиданную встречу с другом Гека — беглым негром Джимом (а точнее, с бывшим рабом девицы Уотсон) и его спутником — дядюшкой Томом, героем романа «Хижина дяди Тома». Пользуясь случаем заметить, что этот роман, опубликованный в середине прошлого века, принадлежит перу американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу. Эта смелая женщина изобразила в своем талантливом произведении ужасы рабства в Соединенных Штатах Америки. И кто из ребят не уронил слезу, читая эту книгу?.. Да, Бичер-Стоу внесла свою лепту в борьбу за отмену рабства. Такова сила художественного слова!

Эти записи я делал по дороге к главной цели нашего ночного визита в Ганнибал. Как оказалось, Джим и дядюшка Том отлично знали дорогу к памятнику и много раз сходили со страниц, чтобы положить к постаменту букеты скромных полевых цветов.

Наш достоуважаемый председатель Дик Сэнд развлекал нас в пути, рассказывая о своих приключениях в лагере африканских торговцев «черным деревом», как называли в те времена невольников. Он с благодарностью вспоминал своего друга — негра по имени Ганнибал, которому он обязан своей жизнью.

Капитан Тартарен весьма оживился и высказал маловероятное предположение, что город, в котором мы находимся, получил свое название в честь одного из главных персонажей романа «Пятнадцатилетний капитан».

Эта мысль привела буквально в бешенство Карла Фридриха Иеронима. Поборник истины заявил, что Тартарен просто лжет. Он не мог поверить, чтобы город в Южных Штатах Америки был бы назван негритянским именем!..

В воздухе пахло скандалом, а точнее, небольшой дуэлью. Но капитан Немо увел разговор совершенно в новое направление. Он высказал соображение, что, быть может, город назван в честь прадеда Александра Сергеевича Пушкина — военного инженера, генерал-аншефа Абрама Петровича Ганнибала, выходца из Эфиопии. Он был известен также как Арап Петра Великого.

Мне это показалось неубедительным. Белые поселенцы на Миссисипи и Арап Петра Великого?.. Не совсем подходящая компания. И я позволил себе заметить, что наиболее вероятно, что город назван в честь командующего карфагенской армией Ганнибала, который в двести шестнадцатом году до нашей эры разгромил римлян в сражении при Каннах. Этот выдающийся африканский полководец дошел до ворот гордого Рима.

Тартарен из Тараскона обратил внимание, что история города Ганнибал мало интересует наших черных гидов. И он с очаровательной, по его мнению, улыбкой обратился к младшему из них:

— Ах, мсье Джим! Я так рад, что могу прогуливаться по городу, где вас придумал или сочинил сам Марк Твен. Ах, как мы все зачитывались историей

вашего бегства из рабства — от старой карги мадемуазель Уотсон.

Старый Том тревожно оглянулся по сторонам:

— Не надо ругать белую леди, господа. Это никогда не приводит к добру.

Джим одобрительно похлопал старика по плечу и взял его под руку:

— Смотря где и с кем!.. Да вы не бойтесь, дядюшка Том. Неужели вы не узнали знаменитых капитанов?

— Что удивительного, дорогой Джим? — сказал Немо. — Мы так редко встречаемся в библиотеке.

На морщинистом лице старика промелькнула добрая улыбка.

— Да, да, конечно, масса Немо. Мы все подолгу гостим у наших читателей. А тем книгам, которые хранятся в здешнем музее, конечно, очень повезло. Только никому не рассказывайте. Черные часто навешают Тома Сойера и Гека Финна... Днем лучше этого не делать. Здесь, в Ганнибале, не стоит дразнить молодчиков из ку-клукс-клана.

— Мы у памятника!.. — воскликнул порывистый Дик Сэнд.

И действительно, перед нами стояли на постаменте бронзовый Том и бронзовый Гек, первые литературные герои, которым был поставлен памятник.

А на плече Гека была увековечена в бронзе и кошка.

— Вы говорили о молодчиках из ку-клукс-клана, дядюшка Том. А вот Марк Твен не боялся их дразнить, когда выпустил в свет приключения Тома и приключения Гека. Их не боялись и те люди, которые воздвигли памятник двум мальчишкам в городе детства и юности писателя.

— Клянусь бронзовой кошкой на плече Гека, что в Америке нашлось немало врагов Марка Твена и его героев!.. — сумрачно перебил Робинзон Крузо. — К примеру, совет публичной библиотеки города Конкорда, штат Массачусетс, изъяс «Гека» из своей библиотеки как «никчемную книжонку, пригодную только для трущоб».

Все присутствующие рассмеялись. Звонче всех хотала Бэкки Тэчер. Мне показалось, что Том и Гек тоже усмехнулись на своем постаменте... Впрочем, гораздо более вероятно, что неверный отсвет луны слегка посеребрил их лица. Кто не знает, сколь коварна вековая спутница Земли, особенно во время полнолуния, когда она протягивает лучи помощи мечтателям, поэтам, влюбленным, а также мореплавателям?..

Один Дик Сэнд не разделял общего веселого настроения. Напротив, он был возмущен не на шутку.

— А я слыхал, капитаны, что правление Бруклинской библиотеки запретило выдавать детям «Тома Сойера» и «Гекльберри Финна», как безнравственные книги. И это в Бруклине! Огромном районе Нью-Йорка!..

— Ужасно! Ужасно... — взрываясь, подхватил Тартарен. — Но правда... После этой скандальной истории Тома на некоторое время оставили в покое. А вот Гека выкинули из публичной библиотеки в Денвере. Главном городе штата Колорадо!..

Раздался звон оружия — это Карл Фридрих Иероним вынул из ножен свою уникальную шпагу. Взмахнув ею в воздухе, он громко воскликнул:

— Я вызываю этих господ на дуэль!..

И как бы в ответ раздалась равномерная стрельба из автоматического оружия. Можно было подумать, что в Ганнибале началось восстание или нечто в этом

роде, потому что очереди выстрелов звучали со всех сторон...

Бэки Тэчер в испуге ухватила рукой за бронзовую руку Тома Сойера. Но рука, естественно, была холодной. Девочка отпрянула и стала сползать на постамент, очевидно в обморочном состоянии. Пришлось доставать из внутреннего кармана спасительный флакончик с нюхательной солью...

Мы заняли круговую оборону вокруг памятника. Но на нас никто не нападал. А перестрелка продолжалась с безупречной точностью и почти без интервалов...

— Как я люблю эти жаркие схватки!.. — скрывая испуг, пробормотал милейший Тартарен. — Но не лучше ли нам, так сказать, отойти? Занять командные высоты! Хотя бы в этих кустах...

И он указал рукой на живую изгородь возле ближайшего здания.

Не дожидаясь ответа ни от кого из присутствующих, любимец Тараскона стал лихорадочно собирать свой багаж путешественника, который был сложен на одном из углов пьедестала.

Внезапно стрельба затихла, а затем снова возобновилась, но на сей раз в сопровождении джазового оркестра.

Джим подошел к Тартарену, который, широко раскрыв глаза, озирался по сторонам.

— Пардон, медам и месье!.. — сказал любимец Тараскона в изумлении. — Я теряюсь в догадках... Что же они — стреляют или танцуют?.. Или танцуют и стреляют?.. А может быть, это воинственный индейский танец?.. Но его танцуют с томагавками, из которых, как известно всем нашим юным друзьям, стрелять невозможно. Увы...

Теперь перестрелка возобновилась уже без музыки, но зато под громкий собачий лай.

— Служебные собаки. Вероятно, овчарки или сенбернары... Они напали на наш след, — прошептал губернатор острова Порт-Тараскон, теряя последние остатки своего величия.

— Не бойтесь, масса Тартарен, — утешил его Джим. — Это реклама новой автоматической винтовки «Ганнибал». С оптическим прицелом! Сто двадцать выстрелов в минуту! А собаки — тоже рекламные. На пленку записаны самые породистые и голосистые... «С такой винтовкой и собачкой можно спокойно гулять по нашему городу!» — так уверяет фирма.

Дядюшка Том снял соломенную шляпу и склонился перед членами клуба в глубоком поклоне:

— Послушайте старого негра, господка капитаны. Пора прятаться в переплеты, а то здесь, в Ганнибале, иногда не поймешь — где реклама и где настоящая жизнь.

Джим был с ним совершенно согласен. Он только попросил задержаться на минутку, чтобы положить к подножию памятника свой скромный букет.

Артур Грэй достал из-под плаща два веночка из незабудок, очевидно собранных Ассоль в Каперне (деревушка в четырех верстах от порта Лисс, описанная высокочтимым Александром Грином на страницах феерии «Алые паруса»). Этими веночками Дик Сэнд, от нашего общего имени, украсил бронзовые головы Тома и Гека. Но особенно отличились Принц и Нищий. Оказывается, мальчики прихватили с собой большую корзину орхидей из тронного зала, где им обоим приходилось бывать по воле их автора, мистера Марка Твена.

Бэки Тэчер, покраснев и слегка заикаясь от смущения, попросила всех нас отвернуться... Мы, разумеется, поспешили исполнить ее просьбу. Но ваш Лемюэль Гулливер, исключительно в интересах абсолютной точности всех записей в вахтенном журнале, позволил себе открыть походную табакерку с внутренним зеркалом на крышке... Это дало мне возможность установить, что девочка нежно поцеловала Тома и повязала ему на шею голубую ленточку из своей косички. Не считаю возможным скрыть, что, прощаясь, прелестная мисс Бэки подарила мне на память ленточку из второй косички. После некоторых колебаний я приклеил эту ленточку на соответствующую страницу журнала, считая ее неоспоримым доказательством описания нашей встречи с героями Марка Твена в городе его юности.

Естественно, что мы хотели проводить мисс Тэчер до музея. Но Принц и Нищий с юношеской пылкостью стали возражать. Они напомнили нам, что при дворе преподавались уроки фехтования, а Том Кенти был не последний человек в уличных драках мальчишек его возраста...

Оба негра также считали излишним вторичное появление столь пышной процессии на улицах Ганнибала в самый разгар вечерней рекламы автоматической винтовки.

В конце концов мы договорились о разумном компромиссе — благополучно достигнув музея, Джим должен был подать сигнал криком ночной совы. Правда, дядюшка Том усомнился, что Джим умеет кричать совой, но это вызвало возражения Бэки. Она напомнила по данному случаю любимое выражение Тома Сойера: «Это так же просто, как не учить уроки».

В ожидании сигнала о счастливом возвращении на базу мы стали собираться к новому дальнему вояжу. Ведь мы должны были спешить в южную Францию, в город Ош. На свидание с самим д'Артаньяном!.. Робинзон Крузо прежде всего напомнил, что нас когда-нибудь догонит дружище капитан корвета «Коршун» и надо оставить ему записку с командой «Прошу следовать за мной».

Но Мюнхгаузен заявил, что записка уже готова, и на наши недоуменные вопросы — где же она? и что в ней сказано? — чванливо ответил:

— Любуйтесь! Она в зубах у бронзовой кошки!.. Если капитан корвета попадет в Ганнибал и сюда к памятнику, он непременно обратит внимание на эту оригинальную особенность памятника. Я лично не встречал ни одного монумента, где в композиции участвовал бы тигр или хотя бы кошка. А дорогу в Ош найти нетрудно... Ее покажет любой мальчишка или даже девчонка, читавшая «Три мушкетера». Да, я сделал все, решительно все для успеха вашего плавания!..

Продолжая запись в вахтенном журнале, я остановил гусиное перо на словах «вашего плавания» и с изумлением спросил Карла Фридриха Иеронима: что это значит?.. В ответ последовал целый монолог весьма пылком и, я бы даже сказал, воинственном стиле:

— Увы! Не могу. Не имею возможности. ЧП!.. Или, короче, — чрезвычайное происшествие! В моем родном городе Боденвёрдере появился самозванец и авантюрист, объявивший себя Мюнхгаузеном! Ну, я ему покажу Карла! Пропишу Фридриха! И докажу, кто из нас Иероним! Признаться, я уверен, что дело дойдет до дуэли. Мне просто не терпится пустить в

дело оружие, холодное, горячее или теплое, смотря по решению секундантов. Для меня это вопрос чести и защиты истины. Я сейчас, извините, больше не буду задерживаться и задерживать вас. До новых встреч в Боденвёрдере! Приглашаю всю кают-компанию на торжественный ужин в моем фамильном замке по случаю победы на дуэли, одной или нескольких — это для меня не имеет значения.

Затем поборник истины пронзительно засвистел, воспользовавшись перерывом в рекламе автоматической винтовки «Ганнибал». Нам был издавна знаком этот сигнал барона, адресованный непосредственно в аэропорт «Мюнхгаузен». Буквально через несколько мгновений раздался гусиный гогот... Возле памятника Тому Сойеру и Гекльберри Финну приземлилась запряжка скоростных гусей из романа Эриха Распе. И наш старинный друг и сосед по книжным полкам взмыл к облакам, слегка посеребренным лучами полной луны.

— Пора и нам выбирать якоря и отдавать концы... — сказал Немо.

Его немедленно поддержал любимец Тараскона:

— Браво, браво! Я всегда ценил ваше слово, командир легендарного «Наутилуса». Вы правы, как никогда, тем более что мы опаздываем на свидание с капитаном королевских мушкетеров и моим соотечественником — мсье д'Артаньяном! Где же мой саквояж?..

Этот вопрос был абсолютно праздным, так как герой трех романов Альфонса Доде давно сидел именно на саквояже. На это важное обстоятельство ему с улыбкой указал наш любезный председатель Дик Сэнд.

Тартарен благодарил, а точнее говоря, повторял свое неизменное «гран мерси»... и предложил всей

кают-компания кланяться ему в болотные сапоги. При этом он торжественно извлек из саквояжа роман «Порт-Тараскон»...

В это время по неведомым нам причинам рекламная пальба подозрительно усилилась... К собачьему лаю прибавились завывания автомобильных гудков и звон разбитых стекол... Как говорил почтеннейший дядюшка Том, все это больше смахивало не на рекламу, а на жизнь. Если только такие ночные развлечения можно считать настоящей жизнью.

Мы все понимали, что не можем тронуться с места, пока не будем уверены в безопасности наших друзей, проделавших вместе с нами далеко не безопасную прогулку от музея Марка Твена до памятника Тому и Геку. И как мы были рады, я бы даже сказал, счастливы, когда в короткий перерыв между автоматическими очередями и шумом грандиозного скандала прозвучал протяжный крик ночной совы...

Надо ли говорить, с каким облегчением мы приняли галантное предложение капитана Тартарена проследовать на борт его флагманского корабля «Тютю-панпан». По всем законам морского гостеприимства он предложил нам двинуться в любом желательном направлении — на камбуз, в кают-компанию или на капитанский мостик. Но наш юный председатель полюбопытствовал: нет ли на «Тютю-панпане» библиотеки?

Как великолепен был в этот момент любимец Тараскона, как он был одновременно величествен и скромен!

— Пожалуйста... К вашим услугам... Сию минуту... Спускаемся в мой салон... Взгляните на полки... Личная походная библиотека губернатора... Она будет первой на острове Порт-Тараскон!..

— Достоуважаемый коллега, — перебил я этот поток красноречия. — А вам ведомо, когда появились первые в мире библиотеки?

— Я это знал, капитан Гулливер, но, признаться, забыл... — ответил он без всякой тени смущения.

Что ж, пришлось ему кое-что напомнить:

— Первые библиотеки, известные современной науке, — это собрания глиняных плиток, на которых клинописью были начертаны письма. Писцы острой палочкой наносили знаки на плитки из мягкой глины, а потом «страницы» этих плит обжигались... Остатки глиняных библиотек были найдены при раскопках в Ассирии, Вавилонии, Шумере и Урарту... Урарту — это на территории нынешней Армении...

Меня поспешил дополнить достойнейший Немо, широкая ученость которого не вызывает ни у кого ни малейших сомнений:

— Но люди в глубокой древности писали не только на глиняных плитках. К их услугам были также камень, кость, дерево, пальмовые листья, листы металла, египетский папирус... Свитки папируса достигали до сорока пяти метров длины. Писали на них тростниковой палочкой, черной и красной красками, а позднее чернилами.

Тут в разговор вступил капитан Робинзон Крузо:

— Дружище Немо, вы забыли о пергаменте из телячьих кож... Иногда уничтожалось целое стадо, чтобы выпустить один том пергаментной книги.

— А в Древней Руси были в ходу берестяные грамоты. Самые ранние письма на бересте относятся к одиннадцатому веку. Их обнаружили при раскопках в Новгороде, — добавил капитан Артур Грэй.

Любимец Тараскона не очень заинтересовался сообщениями о книгах глубокой древности.

— Ах, медам и месье! Ну что за удовольствие, лежа на диване, перебирать глиняные плитки или же раскатывать свитки папируса. Я предпочитаю книги, напечатанные на бумаге.

— Бумагу разных сортов изобрели давно. Но подлинный расцвет книги связан с именем немецкого изобретателя Иоганна Гутенберга, — пояснил пятнадцатилетний капитан. — Я об этом узнал в морском колледже, куда попал в конце своего романа. В тысяча четыреста сороковом году Гутенберг создал способ книгопечатания подвижными литерами...

Тут мне пришлось напомнить, что украсивший сегодня наш вахтенный журнал Иван Федоров вошел в историю, имея почетное звание «первопечатник» и в России, и на Украине...

Раздался пароходный гудок и вслед за ним стук председательского молотка. Любезный Дик Сэнд сообщил нам, что «Тютю-панпан» подплывает к берегам Франции, где нас ожидает встреча с шевалье д'Артаньяном. Но нашего юного председателя смущали некоторые обстоятельства этого единственного в своем роде рейса. Он допускал, что мы можем незаметно пришвартоваться где-нибудь в устье Роны, вблизи от города Марселя — столицы солнечного Прованса. Но его, как и всех нас, смущала мысль, как мы оттуда доберемся до Нижних Пиренеев! Ведь, судя по карте, там находится старинный город Ош — ближайшая цель нашего ночного путешествия.

И снова в этом затруднительном положении нам протянул руку помощи милейший Тартарен. Подкрутив усы, он сообщил во всеуслышание, что старый

лев Тараскона продумал все. Решительно все!.. Снова щелкнул замок его неразлучного саквояжа, и на столе появился роман Александра Дюма «Три мушкетера».

Старейший из капитанов (нетрудно догадаться, что я имею в виду Робинзона Крузо) вынул изо рта самодельную трубку и пробурчал с явным неудовольствием:

— Опять шелест страниц? Снова путешествие по главам романа?.. Я немного устал от всего этого, скитаясь по книжным полкам с тысяча семьсот девятнадцатого года. Кстати, д'Артаньян, которому уже воздвигнут памятник, появился в библиотечном обществе только в тысяча восемьсот сорок четвертом году, когда вышли в свет «Три мушкетера». Разница в сто двадцать три года в мою пользу!.. О, не подумайте, я не завидую и не ревную... Я охотно пожму бронзовую руку самого популярного героя господина Дюма-старшего. Но придумайте что-нибудь новенькое, дружище Тартарен, вместо утомительного лазания внутри чужого переплета.

— С большим удовольствием! Сию минуту! Немного терпения!.. Посторонитесь, Робинзон, — затараторил толстяк, лихорадочно роясь в книге...

Наконец он выбрал какую-то иллюстрацию и громко скомандовал:

— Эй, на королевской конюшне! Подать шестерку арабских скакунов с богатыми седлами!..

Придворные конюхи быстро вывели вороных жеребцов с белыми отметинами на лбу. Застоявшиеся кони громко ржали и нетерпеливо стучали передними копытами.

Любезному Дику Сэнду осталось подать подходящую к случаю команду: «По коням!»

Скакуны с места пошли крупной рысью. Перекрывая конский топот, Тартарен лихо запел нашу песенку, впрочем, в несколько измененном по данному случаю виде:

...Все мы капитаны,
Каждый — мушкетер!..

Мы мчались по прекрасной стране, приближаясь к центру Гасконии... Наши кони стали уставать (очевидно, они привыкли к спокойным дворцовым выездам, а не к ночным скачкам). Пришлось сделать небольшой привал под сенью огромного дуба, по всей вероятности, свидетеля приключений из жизни старинного рода д'Артаньянов. Естественно, что сам собой возник разговор о том, кто создал этой фамилии бессмертную славу. Я имею в виду достоуважаемого Александра Дюма-старшего, которого не следует смешивать с его сыном — Александром Дюма-младшим (также писателем, хотя и не столь знаменитым, как его отец, которого в литературной среде полушутя называли Александром Великим).

Я поделился с друзьями собственными впечатлениями от встреч с господином Дюма. Неподалеку от Парижа у него был замок, названный «Монте-Кристо» — напоминание о романе, который принес автору громадную славу и соответственные денежные суммы. Я имел удовольствие состоять в личной библиотеке писателя, расположенной в главном здании, окруженном волшебным садом. В нем шумели искусственные водопады. Тут и там виднелись маленькие озера с карликовыми островами. И на одном из них, как дом вашего Гулливера в стране лилипутов, возвышался восьмиугольный павильон из массивных

камней. На каждом из них было высечено название одной из книг или пьес Дюма. А на арке главного входа в замок «Монте-Кристо» была начертана надпись — «Я люблю тех, кто любит меня».

А его любили и, надо полагать, любят сегодня многие миллионы читателей. Правда, я не мог не отметить, что у него было немало противников и завистников. Мне довелось, находясь в личном кабинете хозяина замка, присутствовать при его разговоре с сыном. Слегка приоткрыв переплет «Путешествий Гулливера», я услышал, как Дюма-младший рассказывал отцу, что того обвиняют в создании «фабрики романов»... И в том, что он искажает историю. В ответ раздался громкий хохот отца. «Возможно... Но история для меня — только гвоздь, на который я вешаю свою картину», — сказал он, хлопывая сына по плечу.

Мне также запомнилась первая встреча с Дюма молодого начинающего литератора Жюль Верна. Его привез в замок «Монте-Кристо» один знакомый кавалер. Александр Великий принял нежданного гостя с исключительным радушием, и краткий визит затянулся на несколько дней...

Меня перебил милейший Тартарен, которому давно хотелось поделиться с друзьями всем, что он знал о «Трех мушкетерах». Оказывается, капитан королевских мушкетеров Шарль де Бас д'Артаньян имел придворное звание смотрителя королевского птичника. Ему был обещан маршальский жезл, но получить его д'Артаньян не смог, так как был убит при штурме голландской крепости Маастрихт на Мозеле.

На письменном столе Дюма долгое время лежала книга «Мемуары д'Артаньяна». Но их написал вовсе

не герой «Трех мушкетеров», а один его знакомый — Куртиль де Сандрас. Из этой книги писатель заимствовал историю путешествия д'Артаньяна в Париж, историю миледи и ряд приключений мушкетеров, а также имена Атоса, Портоса и Арамиса. Впоследствии было доказано, что все трое — исторические лица и подлинные друзья своего капитана.

Мы уже садились на коней, когда достойнейший Артур Грэй сообщил, что первым переводчиком Дюма на русский язык был Виссарион Белинский, а одним из первых читателей — Александр Герцен. Максим Горький вспоминал, как в дни своей юности он зачитывался романами Дюма.

Отдохнувшие скакуны быстро домчали нас к старинным воротам. Любимец Тараскона осадил коня и торжественно приподнял свою малиновую феску:

— Тпру!.. Капитаны, снимите шляпы, береты и фуражки... Вот!.. Именно отсюда однажды выехал семнадцатилетний гасконец на жалкой лошади апельсинового цвета. Он держал путь в Париж и мечтал о славе...

После минутного молчания пятнадцатилетний капитан въехал в открытые ворота и попросил нас следовать за ним.

Через весьма короткое время наша кавалькада очутилась на пустынной площади... Милейший Тартарен не без труда слез, а точнее, свалился на землю, несколько не потеряв при этом присутствия духа. Как он был великолепен, когда заговорил в этот торжественный момент:

— Медам и месье!.. Всего менее пятидесяти лет назад д'Артаньян вернулся в родной Ош, чтобы навечно застыть в бронзе на пьедестале. Взгляните на это чудесное творение!..

— Клянусь подзорной трубой, я не вижу капитана мушкетеров. По-моему, на пьедестале стоит какая-то женщина!.. — с удивлением произнес капитан Крузо.

И действительно, при свете выглянувшей из-за облаков луны мы все убедились, что он прав. Памятник был поставлен какой-то незнакомке в роскошной кружевной мантилье, но было очень странно, что лунные лучи заставили сверкать крупные бриллиантовые серьги и ожерелье на ее шее. Еще более нас удивило, что памятник стал двигаться... Да нет, это был вовсе не памятник, а очень красивая дама с золотистыми волосами, падавшими ей на плечи. И уже нас не удивило, когда она звонко расхохоталась и обратилась к нам с вызывающей речью:

— Вы ошиблись, ваше превосходительство, губернатор необитаемого острова... Ах, бедный Робинзон! Перед вами не какая-то женщина, а миледи из романа Александра Дюма «Три мушкетера». Впрочем, я известна также как Шарлотта Баксон, графиня де ла Фер, леди Винтер и баронесса Шеффильд!

Эта тирада сильно разгневала знаменитого отшельника. Стукнув прикладом мушкета о пьедестал, он громко вскрикнул:

— Клянусь шпагой д'Артаньяна, вы более известны нашим читателям как отравительница с каторжным клеймом.

— Три королевские лилии выжжены у вас на плече. Так во Франции при королях клеймили опасных преступников! — с негодованием произнес Артур Грэй.

И снова раздался чарующий серебристый смех миледи:

— Я этим горжусь, мои отважные соседи по книжным полкам.

Обычная невозмутимость на сей раз покинула капитана Немо.

— Мы вам не соседи! Ваша компания — джентльмены удачи из пиратских романов, вдова Скорбит, хозяйка «Пушечного клуба», коварные лилипуты во главе со своим императором...

Этот перечень продолжал оскорбленный до глубины души Тартарен:

— Да, мадам!.. Необходимо припомнить вашего друга — авантюриста князя Черногорского из моего романа. Я уже не говорю о кардинале Ришелье из «Трех мушкетеров»!

Миледи нисколько не была смущена и как ни в чем не бывало обмахивалась веером из страусовых перьев.

— Да-а, джентльмены, императоры, князья и кардиналы... и вдова Скорбит с ее миллиардами — достойное общество для такой титулованной особы, как я!

Дик Сэнд подошел вплотную к пьедесталу с обрывком веревки в руке:

— Я нашел в канаве бронзового д'Артаньяна, обвязанного веревками. Это по вашему приказу, госпожа отравительница, сброшен туда знаменитый капитан мушкетеров?

— Хотя бы и так, — холодно процедила миледи. — Я имею больше права красоваться на пьедестале в назидание читателям Александра Дюма.

И тут я позволил себе также сделать замечание. Я спросил эту не слишком уважаемую даму, в чем заключаются ее права. Она смерила меня взглядом с ног до головы и дерзко ответила, что не будь ее, чем бы прославились Атос, Портос и Арамис?.. А также и сам д'Артаньян?.. И, считая разговор

оконченным, она достала из-под мантильи лютню и запела свою песенку.

В достаточной степени владея старинным искусством скорописи, я успел записать ее слова.

Когда бы не было миледи,
То рухнул сразу бы роман:
За кем бы гнался,
С кем сражался,
Кого б так часто опасался
Ваш знаменитый д'Артаньян?!

Я никогда не видел, чтобы наш молодой председатель был так взбешен. Обычно в самые опасные и даже трагические моменты ему удавалось сохранять хотя бы относительное спокойствие. Но, пока над площадью звучала песенка миледи, он постепенно наливался гневом у нас на глазах. На его обветренном лице сквозь привычный морской загар стали проступать красные пятна. Однако пятнадцатилетний капитан взял себя в руки и официальным тоном произнес слова команды:

— Эй, на пьедестале!.. Немедленно очистить мостик!..

В ответ раздался иронический смех авантюристки, столь красочно описанной господином Александром Дюма-старшим.

Любимец Тараскона решил пустить в ход все свое влияние на особу прекрасного пола во избежание ненужного скандала. Ведь он всегда утверждал, что является знатоком женской психологии.

— Беспрекословно повинуйтесь, сударыня. И без лишних споров! Иначе я боюсь, что нам придется пустить в ход если не оружие, то, возможно, самые примитивные веревки. Одна минута на размышление, исключительно из уважения к даме.

Но прошло значительно меньше одной минуты, и раздались медные голоса боевых труб.

С четырех сторон на площадь вступили колонны гвардейцев кардинала Ришелье. Как они были грозны и великолепны в своих одеждах, украшенных большими крестами на груди и на спине, в шляпах с плюмажами и ботфортах с раструбами (по последней моде середины семнадцатого века)!

Миледи стояла на пьедестале, подбоченьясь и играя веером. В этот ответственный момент каторжные привычки взяли в ней верх над великосветскими.

— Сдавайтесь, знаменитые капитаны! — торжественно произнесла она. — Вы окружены со всех сторон! К вашему сведению, моя песенка была не более чем сигнал. Коварство так коварство!

И, повернувшись в сторону больших ворот, авантюристка громко распорядилась:

— Вызвать со страниц романа «Три мушкетера» палача с его повозкой.

Распахнулись ворота, и на площадь, громокая колесами, въехала закрытая повозка, на которой преступников в те времена доставляли к месту казни.

Гвардейцы всесильного кардинала де Ришелье окружили постамент памятника плотным строем четырехугольника, а точнее, каре.

Вперед вышел человек, команде которого они слепо подчинялись. На его мрачном лице промелькнуло какое-то подобие торжествующей улыбки. Я, как, впрочем, и все мои коллеги, сразу узнал конюшего его высокопреосвященства, кавалера де Рошфора — постоянного противника нашего любезного д'Артаньяна. Даже в эпилоге романа, на семьсот четвертой странице, гасконец три раза дрался на дуэли с Рошфором и три раза его ранил.

Доверенный кардинала галантно поклонился и предъявил нам ультиматум:

— Ваши шпаги, а также все другое оружие, капитаны! Соппротивление бесполезно! Вас шестеро, а нас — сотня.

Артур Грэй в свою очередь не менее вежливо приподнял шляпу:

— Мы принимаем бой, сударь.

И он пришпорил своего черного скакуна. Следом за ним помчались мы все... Гвардейцы выхватили шпаги, но не успели ничего сделать, если не считать ран, нанесенных коням, что их только больше разгорячило... Вzbешенные жеребцы смяли переднюю шеренгу. Стоявшие поблизости отбежали в сторону. Сквозь образовавшийся коридор мчалась наша шестерка к въезду с площади... На скаку коллега Робинзон Крузо бил подвернувшихся гвардейцев по головам прикладом мушкета, а милейший Тартарен то стрелял из пистолетов в воздух (для устрашения противников), то ловко орудовал кривым малайским кинжалом — крисом.

У самого въезда нам пришлось остановиться, да так круто, что скакуны взвились на дыбы... Нас здесь поджидал пренеприятнейший сюрприз — баррикада из каких-то кованых сундуков. Сквозь амбразуры выглядывали дула пушек. Возле них сустились люди с факелами, готовые поджечь фитили. А гвардейцы кардинала перестроили свои ряды и наступали на нас шеренгами в три ряда, далеко вытянув вперед обнаженные шпаги. Они были уверены, что кони не могут прорвать такой строй...

Ваш Лемюэль Гулливер на страницах своего романа попадал в обстоятельства, когда надежд на спасение не было. Но по воле моего автора Джонатана Свифта все кончалось благополучно.

Однако в данном случае и он не мог прийти нам на помощь, хотя бы потому, что покинул этот свет в тысяча семьсот сорок пятом году.

Но, как оказалось и на сей раз, безвыходных положений для знаменитых капитанов не бывает. Пушкари почему-то стали разбегаться, бросая свои фитили. Какие-то сильные люди быстро растащили баррикаду из сундуков, и на площадь вступила... колонна матросов с корвета «Коршун» во главе со своим прославленным капитаном.

Как полагается в походном строю, песельники завели песню, которую подхватил дружный хор:

Ветер! Жду тебя издалека,
Встречу где-нибудь...
Ветер, друг и спутник моряка,
Вот тебе моя рука —
Вместе держим путь!

Надо ли говорить, что эта песня прозвучала как наилучшая на свете. Ведь она несла нам спасение от коварных интриг миледи и острых шпаг кардинальской гвардии.

Значительно меньше она, как мне кажется, понравилась нашим противникам, тем более что матросы не только пели, но и держали на изготовку свои карабины с примкнутыми штыками.

Не дожидаясь приказа де Рошфора, гвардейцы хлынули к открытым воротам, которые, очевидно, вели во дворец.

Миледи в ужасе соскочила с пьедестала и крикнула вдогонку бегущим:

— Подождите! Подождите! Где моя карета?

Здесь я позволил себе сообщить этой даме, что ей придется вернуться на страницы романа в повозке палача и свести счета с жизнью по воле Александра Дюма.

Известная отравительница взяла себя в руки и спокойно ответила, что не найдется палача, который поднял бы на нее руку. Она даже улыбнулась мне самой очаровательной из своих улыбок.

Но миледи окаменела от ужаса, когда повозка подъехала к постаменту. Из нее вышел человек в красном плаще. Как описано в главе тридцать шестой романа «Три мушкетера» под заголовком «Казнь», его бледное лицо, обрамленное черными волосами и бакенбардами, хранило бесстрастное, ледяное спокойствие. В руке он держал широкий меч. Это был палач города Лилля, брата которого она погубила, как, впрочем, и многих других.

Не теряя времени, он сообщил приговоренной к казни, что лошади поданы и палач всецело к ее услугам.

Оцепеневшая миледи закрыла лицо своей кружевной мантилей и покорно села в повозку. Раздалось хлопанье бича, и мы расстались с этой авантюристкой, по крайней мере на сегодняшнюю ночь.

Члены клуба обступили подошедшего капитана корвета «Коршун», обнимали его, жали руки, а порывистый Тартарен наградил нашего спасителя сочным тарасконским поцелуем. Дик Сэнд предложил записать в вахтенном журнале благодарность всей команде «Коршуна»!

— Рады стараться, знаменитые капитаны!.. — зычным хором ответили матросы.

Робинзон Крузо попросил дюжих молодцов с корвета помочь поставить на законное место бронзового д'Артаньяна. И под звуки духового оркестра «Коршуна» герой романа Александра Дюма очутился на пьедестале с тем, чтобы, как мы будем надеяться, никогда его больше не покидать.

Достопочтенный капитан корвета «Коршун» приказал своему старшему помощнику проложить обратный курс на страницы повести Станюковича. Лихо запела боцманская дудка, и моряки стройными рядами покинули площадь... Когда топот марширующей колонны затих вдали, Дик Сэнд постучал председательским молотком о постамент памятника мушкетеру.

— А известно ли вам, капитаны, что д'Артаньян единственный книжный герой, которому поставлены два памятника? Я слышал в читальне разговор двух школьников... Оказывается, в городе Маастрихт, в Голландии, поставлен памятник капитану д'Артаньяну, павшему смертью храбрых при осаде этого города примерно двести пятьдесят лет назад. Не отправиться ли нам в Маастрихт?

Но мы все стали возражать, и вовсе не из-за недостатка уважения к неустрашимому гасконцу. Дело в том, что новый памятник поставлен вовсе не герою романа Александра Дюма, а боевому офицеру. Живому, а не книжному герою. А у нас на сегодня еще множество дел...

Тогда наш юный председатель внес новое предложение — отправиться в Копенгаген, чтобы возложить цветы к памятнику «Русалочке» из сказки Андерсена.

Тартарен был категорически против. Его влекло в Мадрид, на площадь Испании, где возвышается памятник Сервантесу. А перед памятником, как он утверждал, на отдельном постаменте увековечены Дон-Кихот из Ламанчи со своим преданным оруженосцем Санчо Панса.

Любезный Артур Грэй со своей стороны рекомендовал двинуться в окрестности итальянского города Пистойя. Там, в маленьком селении Каллоди, постав-

лен памятник деревянному мальчишке Пиноккио. Наши юные друзья знают его как Буратино. Кто не помнит маленького героя из книги Алексея Толстого «Золотой ключик»!

А мне лично пришла в голову мысль пригласить все общество в туманный Лондон. Там, на улице Бейкер-стрит, по утверждению самого Конан Дойла, жил Шерлок Холмс. Правда, этот непревзойденный детектив не более чем плод фантазии писателя. А предприимчивый хозяин ресторана «Шерлок Холмс» даже оборудовал в своем заведении «кабинет» знаменитого сыщика. Через стеклянную дверь можно видеть, как он работает за своим письменным столом.

Но меня, признаться, поднял на смех капитан корвета «Коршун». Он пояснил, что это просто восковая фигура. Существуют целые музеи восковых фигур, в том же Лондоне, в Париже, в Гамбурге... Но кто же их считает за коллекции памятников?.. Мне пришлось с этим согласиться и в интересах точности и достоверности сделать соответствующую запись в вахтенном журнале.

Хранивший долгое молчание Немо с большим волнением вступил в разговор, что ему, как известно, было мало свойственно. Он предложил немедленно отправиться в Западную Германию, в городок Боденвёрдер.

Капитан корвета «Коршун» стал возражать. Он никогда не слышал, чтобы в Нижней Саксонии был какой-нибудь памятник книжному герою. Но его с горячностью перебил Робинзон Крузо. Перестав пыхтеть своей трубкой, он напомнил, что в Боденвёрдере сейчас Мюнхгаузен. И еще какой-то самозванец!.. Дело пахло дуэлью. Сердце подсказывает, что наш друг в беде.

И нас всех охватило беспокойство за судьбу Карла Фридриха Иеронима. Ведь он действительно до сих пор не вернулся в Ош, хотя вылетел на запряжке скоростных гусей. Когда об этом сообщили капитану корвета «Коршун» (ведь он был не в курсе дела, прибыв в Ош совсем недавно), герой Станюковича стал настаивать на быстрейшем выезде в Боденвёрдер. Но он не знал, на чем, собственно, мы можем отправиться в этот дальний вояж...

Дик Сэнд спросил милейшего Тартарена, нет ли у него в саквояже «Приключений Мюнхгаузена». Любимец Тараскона гордо ответил, что он достаточно обременен славой своих собственных приключений. Зачем же ему таскать в багаже описания чужих?.. Но он тут же нашел выход и предложил нашему вниманию «Записки Пиквикского клуба», извлеченные им со дна своего неразлучного саквояжа. Перелистав несколько страниц, мы обнаружили почтовый дилижанс, стоявший у таверны «Погреб белого коня»... Мистер Пиквик, эсквайр, был потревожен во время обеда, затянувшегося до ужина, или, возможно, ужина, переходящего в завтрак... Во всяком случае, он был не склонен к длительным переговорам и произнес одну из своих самых коротких речей:

— О да!.. Джентльмены... Счастливого пути!..

Через несколько минут мы мчались на почтовом дилижансе по широкой безлюдной дороге. На козлах сидели Дик Сэнд, как председатель, и наш лучший навигатор Артур Грэй.

И как всегда, путешествуя в дилижансе, мы запели нашу дорожную песенку:

Ночной заставы огонек
Метнулся и погас...
Друзья! Наш путь еще далек
В глухой тревожный час...

Дорога до Боденвёрдера заняла немалое время. А между тем там происходили необычайные и, я бы даже позволил себе заметить, почти невероятные события... Обо всем этом мы узнали впоследствии из рассказов самого барона. К счастью, он сделал некоторые беглые записи на своих крахмальных манжетах, которые любезно предоставил мне для занесения в вахтенный журнал. Насколько это удалось, пусть судят другие. Во всяком случае, всю ответственность за точное описание фактов и событий я перелагаю на Карла Фридриха Иеронима...

Предоставим слово самому поборнику истины...

...Я приземлился на знакомой мне с детства главной площади Боденвёрдера и с удовольствием услышал бой башенных часов, исполнявших при этом старинный гавот. Отпустив гусей на базу, я прошелся по площади и вдруг остановился в полном изумлении... Все-таки удивительно приятно полюбоваться на свой собственный памятник... Да, да!.. В центре площади стоит памятник, который я увидел впервые в жизни. Мои скитания от полюса до полюса, путешествия на Луну, в Россию и Турцию настолько всем известны с юного возраста, что даже любой двѣчник по географии и арифметике может сообразить, что у меня просто не было времени побывать в родном городе за последние два столетия. Могу дать честное слово Мюнхгаузена, что скульптор очень удачно выбрал одну из моих правдивейших историй — про полконя!.. И действительно, мой бронзовый двойник, совсем как я, гордо сидит в седле. Его скакун пьет воду из огромной чаши. Я на постаменте оглядываюсь и вижу, что второй половины у коня нет!.. Но зато из туловища хлещет вода... И не бронзовая, а настоящая. Я тут же за-

черпнул горстью холодную влагу и определил, что вода в фонтане отменного вкуса. Да, да!.. Памятник — одновременно и свидетельство о моих необыкновенных путешествиях и подвигах, и роскошный фонтан непрерывного действия.

Но каково было мое изумление, когда из-за памятника вышел человек в треуголке, расшитом камзоле и лакированных ботфортах со шпорами. Я заметил также напудренную косичку, усы и бородку. Стало ясно, что передо мной самозванец, пытающийся присвоить мои лавры. Опираясь на эфес шпаги, я с вызовом спросил:

— Кто вы такой, сударь?..

Незнакомец также положил руку на эфес шпаги и с гордостью заявил явно простуженным голосом:

— Позвольте отрекомендоваться... Карл Фридрих Иероним Мюнхгаузен из книги Готфрида Августа Бюргера. Но что вам здесь нужно, возле моего памятника?.. Кстати, известно ли вам, что на празднествах по случаю двухсотпятидесятилетия со дня моего рождения из полкона лилось пиво, которым угощали всех гостей?! Это было недавно... В тысяча девятьсот семидесятом году.

Я знал, что я именно я, но мало ли чудес случается на свете — и близнецы, двойники, и просто очень похожие люди не такая уж редкость, как думают некоторые наши юные и даже взрослые друзья. Я должен был выяснить истину, если не путем поединка на шпагах, то хотя бы хитроумно поставленным вопросом:

— А в каком году вы вышли в свет, если не секрет?..

В ответ снова раздался простуженный голос самозванца:

— Странный вопрос... Каждый немец знает, что моя книга вышла в тысяча семьсот восемьдесят шестом году.

И тогда я расхохотался на всю площадь:

— Один — ноль в мою пользу! Роман моего автора Рудольфа Эриха Распе появился в Лондоне на год раньше! Так что попрошу удалиться от чужого изваяния.

Внезапно из-за бронзового полконя, несколько вымокнув в водяной струе, появился еще один кавалер в традиционном костюме Мюнхгаузена. Он заговорил грозным басом, очевидно считая себя хозяином положения:

— О чем вы спорите у памятника, который поставлен лично мне?

Я был возмущен и разгневан. Но, сдержавшись, медленно вынул из ножен шпагу, как известно, выкованную из обломка земной оси.

— Ну, знаете, это уже слишком... Пусть наш спор решат клинки!..

Но простуженный Мюнхгаузен под кодовым названием «второй» явно имел намерение уклониться от поединка чести.

— Мне это не нравится. Какая может быть дуэль, когда и так все ясно!.. Книга Бюргера, если уж на то пошло, называется с исчерпывающей ясностью:

Удивительные путешествия, походы и веселые приключения

БАРОНА ФОН МЮНХГАУЗЕНА

*на воде и на суше, о которых он обычно рассказывал
за бутылкой вина в кругу своих друзей.*

А сам Максим Горький назвал моего автора в числе выдающихся писателей. Какой же может быть

турнир претендентов?.. — пожав плечами, добавил «второй».

Но вся эта тирада нисколько не смутила Мюнхгаузена-третьего. Скорее, она его не на шутку рассердила.

— Турнира не будет, если я сделаю представление по всей форме, — вновь загудел на площади его рокочущий бас. — Перед вами Карл Фридрих Иероним барон фон Мюнхгаузен ауф Боденвёрдер! Из романа Карла Иммермана «История с арабесками»! Оба тома были закончены в тысяча восемьсот тридцать восьмом году и обеспечили моему автору мировую известность.

Тут я решил, что настало время поставить на место моего двойника под кодовым названием «третий».

— Мальчишка! — насмешливо процедил я сквозь зубы. — Я появился на книжных полках за полвека до вас!

Но «третий» был, очевидно, не робкого десятка.

— Такие оскорбления смываются только кровью! — прогудел он.

Через мгновение наши шпаги со звоном скрестились... Снова и снова...

Нас остановил жалобный тенор нового персонажа, который оказался Мюнхгаузен-четвертым:

— Остановитесь, несчастные... Шпагой вы ничего не решите... Тем более что памятник поставлен мне! Перед вами Мюнхгаузен из книги Альверслебена «Царь лжи»!

Мы в изумлении опустили оружие. И тут же между нами встал Мюнхгаузен-пятый. Он явно хотел нас примирить, не без выгоды для себя.

— К чему эти споры, страсти, волнения и даже дуэли?.. Настоящий Карл Фридрих Иероним это я!..

Я сошел со страниц книги Шнорра «Продолжение приключений Мюнхгаузена»...

Но пятого претендента тут же оттащил за фалды камзола шестой. Он имел горестный вид и говорил трагическим, почти неслышным шепотом, хотя при этом весьма решительно:

— Кого вы слушаете? Взгляните... Перед вами трагический Мюнхгаузен из книги Лингардта...

Но шестого, в свою очередь, отпихнул в сторону подбежавший седьмой. Он слегка заикался, очевидно от волнения, вызванного появлением такой толпы претендентов...

— Прочь с дороги! Я Мюнхгаузен из книги Эйленберга. И этот памятник...

Дальше уже ничего нельзя было расслышать, кроме звона шпаг и отдельных выкриков: «Авантюрист!», «Самозванец!», «Много вас таких найдется!».

А с разных сторон подбегали все новые поборники истины из разных других романов о похождениях барона, названия которых я забыл... Всего в сражении уже участвовало с десятков моих конкурентов.

И вдруг мы все опешили... Памятник повернулся в седле и заговорил бронзовым голосом, похожим на бой большого колокола:

— Прекратите! А то я остужу ваш пыл водой из фонтана!..

Признаться, я, как и все прочие претенденты, побоялся, что мой вышитый камзол может утратить свой блеск, а напудренная косичка совсем разовьется. Что тогда подумают о нас юные друзья и седые поклонники? И, вырвав инициативу у всех претендентов, я отдал салют шпагой и скомандовал:

— Смирно! Равнение направо! Слушайте, что говорит памятник!..

И в наступившей тишине, которую нарушало только легкое журчание фонтана, прозвучали величественные слова:

— Карлы... Фридрихи... Иеронимы!.. Из двенадцати романов!.. Каждый из вас внес свою долю в мою славу. Но больше всех я доволен Мюнхгаузеном из книги Эриха Распе. Она не только высмеивает ложь, но и будит у читателей драгоценное чувство фантазии.

Я с удовлетворением вложил шпагу в ножны и попросил все общество проследовать за мной церемониальным маршем вокруг памятника, пока спит Боденвёрдер...

Я был в ударе и исполнил свою песенку как никогда торжественно и звонко. Стоит ли говорить, что мои одиннадцать двойников, как могли, подпевали мне на разные голоса:

Много редкостной отваги
Проявить мне довелось.
Для своей блестящей шпаги
Я сломал земную ось!

Увлекаться я могу,
Забываться я могу,
Но ни другу, ни врагу
Ни полслова не солгу.

И как раз когда хор Мюнхгаузенцов повторил последние строки припева, на площади прозвучал почтовый рожок и раздался грохот нашего дилижанса...

Простуженный Мюнхгаузен из романа Бюргера под кодовым названием «второй» принял на себя команду:

— Тревога! Отступаем в полном порядке в городскую ратушу!..

Ну а Мюнхгаузен-первый, старинный член кают-компании клуба, принял нас в свои объятия...

Я заметил посреди площади памятник нашему другу и, разумеется, не скрыл от своих коллег это заслуживающее особого внимания обстоятельство.

Робинзон Крузо обошел памятник со всех сторон и опустил руки под струю фонтана.

— Клянусь всеми памятниками литературным героям — этот поставлен главному персонажу книги Эриха Распе!..

— Мсье Робинзон!.. — со смехом перебил Тартарен. — Это видно невооруженным глазом. Ведь он сидит на полозине коня!..

Но губернатор необитаемого острова продолжал:

— Дружище Тартарен, есть еще и другая сторона дела. Мюнхгаузен не только литературный персонаж, но и подлинная личность. Карл Фридрих Иероним родился в тысяча семьсот двадцатом году. Родители устроили его на придворную должность пажа к большой особе — герцогу Брауншвейгскому. Его высочество увез юного Иеронима в Санкт-Петербург. Там наш друг поступил корнетом в кирасирский полк. Затем он продолжал военную службу в русской кавалерии в Риге и вышел в отставку в чине ротмистра.

Барон поднял руку и в запальчивости перебил:

— Почему вы, капитан Крузо, умалчиваете о моих военных подвигах?..

— Потому, что их, вероятно, не было, — с улыбкой заметил капитан корвета «Коршун». — Ведь сохранилось только одно ваше послание из полка. Вы просите маму срочно прислать нижнее белье, так как старое износилось...

— Это было шифрованное письмо! — высокомерно ответил Мюнхгаузен.

Но наш юный председатель выразил общее мнение кают-компаний:

— Шифрованное письмо к маме? Ну кто в это поверит?..

Карл Фридрих Иероним не сдавался. С большим достоинством он пригласил нас следовать за ним в городскую ратушу. Ведь это бывший фамильный замок Мюнхгаузенов, где он и родился. Там имеется музейная комната, где хранятся его личные вещи. Он обещал показать нам турецкую саблю и почтовую марку с изображением памятника на площади. Но мы не пожелали рассматривать марку, когда перед нами был оригинал.

А барон сед на ступени у входа в свой бывший фамильный замок и предался воспоминаниям:

— Как сейчас вспоминаю, меня на руках носил весь Боденвёрдер, все тысяча сто жителей!.. Вернувшись из России, я был нарасхват. И за пуншем рассказывал массу правдивейших историй, которые, как вы знаете, вошли, как минимум, в двенадцать романов!.. Вот, например, мой рассказ «Конь на колокольне»... До сих пор им зачитываются историки литературы и ученики младших классов...

Его излишняя прервал бой старинных курантов. И снова над площадью прозвучала мелодия старинного гавота.

Капитан корвета «Коршун» посмотрел на предрасветное небо и с присущей ему убедительностью произнес:

— Нам пора спешить с возвращением в Москву, друзья-капитаны. Ночь на исходе, и если мы сейчас же не тронемся в путь, то не успеем побывать у памятника литературным героям, воздвигнутого на Миусской площади возле районного Дворца пионеров.

Мы с большим вниманием выслушали героя книги Константина Станюковича «Вокруг света на «Коршуне» — достойнейшего Василия Федоровича.

Наш юный председатель постучал председательским молотком по каменной чаше фонтана, ввиду отсутствия на площади чего-либо другого, хоть сколь-нибудь схожего с круглым столом заседаний нашего клуба. Затем любезный Дик взволнованно произнес:

— Как мы перенесемся на Миусскую площадь?.. Кони чертовски устали на трудном переходе из Оша в Боденвёрдер. Да и давно пора возвращать почтовый дилижанс мистеру Пиквику, эсквайру. Безвыходное положение.

Но любимец Тараскона уже открывал свой выдавший всевозможные виды саквояж.

— Вам чертовски повезло, медам и месье, примерно сто лет назад, в день первой встречи с Тартареном на книжных полках... Для меня безвыходных положений не было, нет и не будет!..

И он достал из саквояжа книгу Жюль Верна «Пять недель на воздушном шаре».

Пока капитан Немо листал страницы книги в поисках главы одиннадцатой, где, если я не ошибаюсь, описывается старт воздушного шара с берега острова Занзибар, я быстро занес на страницы вахтенного журнала некоторые ценные сведения, удержавшиеся в моей памяти. Это был первый роман Жюль Верна, который принес ему сразу большую известность. Роман был закончен в тысяча восемьсот шестьдесят третьем году, когда автору исполнилось тридцать пять лет. С тех пор он ежегодно выпускал в свет роман за романом. «У меня потребность работы, — говорил он. — Работа — это моя жизненная функция. Когда я не работаю, то не ощущая в себе никакой жизни».

У писателя постепенно слабело зрение, наконец он ослеп. Но продолжал писать... Его внушки читали ему вслух письма, газеты и книги. Великий творец научно-фантастических романов скончался в тысяча девятьсот пятом году, оставив человечеству в наследство свыше ста томов своих замечательных книг.

Мои размышления были прерваны восторженными возгласами Тартарена. Была найдена необходимая нам одиннадцатая глава, а точнее, сто третья страница, где на островке Кумбени восточный ветер слегка покачивал воздушный шар. Его удерживали обыкновенные мешки с землей. Надо ли говорить, с какой поспешностью мы отправились на эту сто третью страницу и быстро забрались в корзину «Виктории» (это название было присвоено шару и в точном переводе означает — «Победа»).

Мы приготовились отвязать мешки с балластом, но нам помешал это сделать Самуэль Фергюссон, главный герой первого романа Жюль Верна, изобретатель шара и командор перелета над джунглями Африки. Как утверждал высокочтимый Жюль Верн: «Это был мужчина лет сорока, среднего роста и обыкновенного сложения. Лицо у него было бесстрастное, с правильными чертами, румяное... Крупный нос, напоминавший нос корабля, — какой должен быть у человека, рожденного делать открытия...» Достоуважаемый доктор сразу узнал Робинзона Крузо, который был любимым героем как его лично, так и самого Жюль Верна, а затем познакомился и с другими знаменитыми капитанами. Узнав о нашем затруднительном положении, он выразил горячее желание нам помочь, но при одном условии — к шести утра его шар должен быть на месте.

По команде столь опытного воздухоплавателя мы отвязали мешки с землей, и «Виктория» унеслась за облака. А далее наш командор привел в действие свой аппарат, регулирующий высоту полета. Мы спускались и поднимались несколько раз, пока доктор нашел добрый попутный ветер, державший курс на Москву...

Бросив якорь на Миусской площади примерно за час до рассвета, мы вместе с мистером Фергюссоном подошли к памятнику замечательному советскому писателю Александру Фадееву.

Он застыл в бронзе без шапки, в коротком пальто, с книгой в правой руке.

У подножия лежали цветы, много цветов. Но казалось, Фадеев не замечал их. Его взор был устремлен куда-то далеко... в Будущее!.. Может быть, он думал о ребятах, все новых поколениях ребят, посещающих дворцы пионеров?.. А быть может, он мысленно перелистывал страницы своих книг?.. Ведь перед памятником, справа и слева, застыли две скульптурные группы.

Артур Грэй пояснил нам, что справа увековечены герои романа «Разгром», из эпохи гражданской войны в Приморье... Спокойно и уверенно глядит вперед командир красного отряда Левинсон, с полевым биноклем на груди поверх кожанки, в фуражке с красной звездочкой. И конь под ним не шелохнется. А рядом бесстрашный партизан Метелица. Он поднял коня на дыбы, в правой руке держит обнаженную саблю — скорее бы ринуться в бой!..

Затем мы подошли к скульптурной группе слева... Это были пятеро комсомольцев из романа «Молодая гвардия», отдавшие свои жизни за победу над фашистами, захватившими их родной город Краснодон.

Мы изредка встречались на книжных полках с молодогвардейцами — они почти всегда были на руках у читателей. А сейчас мы увидели их в предсмертный час, перед казнью... Босых и непреклонных... С краю стоит девушка. Вероятно, это Уля Громова. Ее руку сжимает комсомолец, очень похожий на Ваню Земнухова. А в центре группы вожак, несомненно, Олег Кошевой. Далее четвертый, лицо которого неузнаваемо... Видно, что он перенес страшные пытки и не может сам стоять на ногах... Его поддерживает, вероятно, Сережа Тюленин, последний в этой скульптурной симфонии бесстрашия.

Доктор Фергюссон извинился, что не может более находиться в нашем обществе — ведь до старта трансафриканского перелета оставалось менее часа. Мы помогли отважному воздухоплателю занять свое место в корзине и выбрать якоря. «Виктория» стремительно понеслась к облакам, осыпав нас на прощанье струйками желтого песка, выпущенного из мешочков с балластом.

Но необычайные приключения этой ночи на этом далеко не закончились... На Миусскую площадь медленно въехала знакомая нам милицейская машина желтого цвета с синей полосой и четырьмя пятерками на номере. Нам оставалось быстро завернуть в первый попавшийся переулок и скрыться там в ожидании дальнейшего развития событий.

Милиция остановилась буквально в нескольких шагах от нашего не слишком надежного убежища. Старшина-водитель с жаром доказывал плечистому лейтенанту:

— Я ж вам докладывал, что это нарушители. Слона увели, возможно даже из Госцирка или зоосада, а сами улетели на воздушном шаре, который, между

прочим, тоже позаимствовали в каком-нибудь институте. Ну, где изучают высшие слои атмосферы и тому подобное...

Начальник патруля на мгновение задумался, а затем весело улыбнулся:

— Начитался ты, я вижу, Конан Дойла, Федотов, и чудится тебе повсюду Баскервилльская собака. Но не здесь собака зарыта, дружок. Скажи, как могут восемь человек улететь на воздушном шаре, да еще чисто научного назначения. Туда лишний килограмм груза не положишь. Приборы, автоматика... Ну и вообще, не нашего это с тобой ума дело. Тут даже высшего образования недостаточно. Нет, не выйдет из тебя Шерлок Холмс, Федотов, прямо скажем, не получится.

— А все-таки разрешите осмотреть вот эти перелучки... Товарищ лейтенант...

— Осмотреть?.. Почему не осмотреть. Только запри машину. Если эта шайка угоняет слонов и воздушные шары, то для них увести «Волгу» — пара пустяков.

Нам нужно было отступать в глубь переулка. По пути попались открытые ворота, и мы зашли в какой-то глухой двор. Возле раскрытых дверей каменного гаража стоял небольшой закрытый автобус. Парень лет девятнадцати с длинными белокурыми волосами тщательно протирает мокрую машину куском замши, доводя свой микроавтобус до немыслимого голубого цвета.

Увидев нас, парень очень обрадовался:

— А, знаменитые капитаны... Какая приятная встреча! И все налицо. Мой привет вам, Робинзон Крузо, салют, Лемюэль Гулливер, любовь и дружба, Артур Грэй, и благодарность за веселые минуты вам обоим, Тартарен и Мюнхгаузен...

Карл Фридрих Иероним слегка обиделся:

— Не слишком ли фамильярно, сударь? И собственно, из какого романа вы сами?..

Молодой человек широко раскрыл глаза от удивления:

— А я вовсе не из романа. Я Шура Терентьев, только недавно закончил школу. А слушаю вас по радио с третьего класса... Шесть раз участвовал в ваших конкурсах. Помнится, были такие — «Каракумы сегодня», «Южный крест», «Мой любимый мореплаватель»... Все писал — и ни в жилу. Только мне вместе с тысячами других объявляли благодарность за участие. А вот по конкурсу «В глубинах моря» вы меня наградили. Рад случаю лично поблагодарить за нагрудный знак «Алый вымпел» и звание члена-корреспондента Клуба знаменитых капитанов.

Наш юный председатель в этот опасный момент оказался на высоте положения. Он крепко пожал Шурины руки и попросил его срочно доставить всех членов кают-компании в безопасное место. Возражений не последовало, потому что молодой водитель уже подготовил машину к рейсу, а подавать ее должен был только к восьми утра.

Мы быстро погрузились в автобус, и вовремя!.. Милицейский патруль уже подходил к воротам... Голубой микроавтобус медленно проехал мимо посторонившихся милиционеров. Дик Сэнд не удержался (все-таки заговорили его пятнадцать лет) и победоносно показал им большой нос из двух растопыренных ладоней...

Мы мчались по ночной Москве... Капитан корвета «Коршун» предложил по пути сделать маленькую остановку возле памятника первопечатнику Ивану Федорову. Это всем понравилось — ведь мы все сошли со страниц наших книг, напечатанных на рус-

ском языке, и не могли не испытывать чувства благодарности к достойнейшему первопечатнику.

Капитан Артур Грэй напомнил нам, что не столь давно, а точнее, в марте тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года исполнилось четыреста лет со дня выхода первой русской печатной книги — «Апостола» в московской типографии Ивана Федорова и Петра Тимофеева. Книга была издана в количестве четырехсот экземпляров. Это был громадный тираж для первой книги на Руси, да, пожалуй, и для шестнадцатого века вообще... А через десять лет первопечатник издал во Львове первый букварь русского языка. Экземпляры этого букваря были найдены совсем недавно.

Мне пришлось прервать запись, чтобы очинить гусиное перо. При этом я приподнял занавеску над задним стеклом и увидел не слишком приятное зрелище. За нами шла, соблюдая небольшую дистанцию, желтая милицейская «Волга» с четырьмя пятерками на номере. Я поспешил поделиться с дорогими коллегами моими соображениями на этот счет. Они, конечно, могли давно нас обогнать, перегородить нам путь, вызвать на подмогу мотоциклистов, да мало ли у милиции сил и средств для поисков лиц, которых она считает преступниками или хотя бы подозревает в чем-либо противозаконном. Почему же они едут по нашему маршруту?.. Очевидно, они хотят узнать, где скупают краденых слонов или дают напрокат воздушные шары. Словом, мы имели минимальные шансы уйти от милицейского патруля. Стоит нам прибавить ход — они сделают то же самое, свернуть в сторону — они засекут куда.

Спасительный план предложил наш невольный спутник Шура Терентьев, который, очевидно, вовсе

не случайно был удостоен звания члена-корреспондента нашего клуба. Возле гостиницы «Метрополь» он свернул направо в проулок и посоветовал нам скрыться в магазине «Книжная находка», по счастливой воле судьбы построенного у остатков стены Китай-города, буквально в нескольких шагах от памятника достоуважаемому Ивану Федорову.

А сам Шура тем временем достал домкрат и приступил к смене крыши, что не вызывалось никакой необходимостью, кроме выигрыша времени на разговор с милицией.

Мы подбежали к магазину «Книжная находка» в тот момент, когда «Волга» с четырьмя пятерками остановилась возле голубого микроавтобуса. Но как проникнуть ночью в запертый магазин?! Однако ветер удачи надувал в эту памятную ночь наши паруса. Одно из окон было распахнуто настежь... Как известно, курить в книжных магазинах строго воспрещается. По этой весьма уважительной причине старшина водолазов Скворешня из романа Григория Адамова «Тайна двух океанов» курил у открытого окна, выпуская дым на улицу. Рядом с ним, опершись локтями на подоконник, стоял юнга Павлик Буняк, который частенько появлялся в нашей кают-компании.

Дальше все произошло как в захватывающем детективном кинофильме... Друзья поняли, что мы спасаемся от опасности. Скворешня поднял своими могучими руками Тартарена со всем багажом и втащил его в магазин. При этом сильно звякнули кастрюли и ружья, но все это уже не имело никакого значения. Члены Клуба знаменитых капитанов в полном составе через несколько мгновений очутились в «Книжной находке». О, сколько раз мы здесь расставались со старыми читателями и приобретали все новых и новых!..

Старшина водолазов, мастер на все руки, быстро поставил на место огромное наружное стекло и закрыл на шпингалеты створки внутреннего окна.

Пока милиция осторожно подкрадывалась к магазину, мы уже сидели в салоне командира подводной лодки «Пионер» капитана Воронцова и угощались крепким морским чайком... Обрадованные нашим, хотя и не слишком добровольным визитом, баянисты и песельники «Пионера» завели свою песню «Глубина! Глубина!»:

Здесь морская волна
никому не страшна,
тайны моря никем не разведаны...
Глубина! Глубина!
Здесь царишь ты одна,
и тебе сердца наши преданы!..

В салон вошел главный акустик и передал капитану Воронцову запись шумов и звучаний, зафиксированных в районе «Книжной находки». Я позволил себе в точности воспроизвести эту запись в вахтенном журнале.

1. Стук сапог в непосредственной близости. Идут двое. Один весом килограммов на восемьдесят, другой — не более семидесяти. Шаги остановились у двери магазина. Легкий стук по металлу. Очевидно, проверка закрытого замка.

2. Щелканье двух электрических фонарей.

3. Голос баритонального оттенка, с иронией: «Да, не вышел из тебя Шерлок Холмс, Федотов. Может, тебе скрипочку подарить?.. Ведь непревзойденный сыщик в трудных случаях думал, думал, думал и на подмогу себе играл на скрипке. А мы только бензин жгли...»

4. Голос высокого тенора, с большой уверенностью: «Там будет видно, товарищ лейтенант!.. Сдается

мне, что нарушители, а возможно, и опасные преступники уже у нас в руках!..»

5. Резкий сигнал машины «Скорой помощи», проносящейся мимо...

6. Голос баритонального оттенка: «Какое там в руках!.. Высвечиваем в два фонаря окна, а там никого...»

7. Голос высокого тенора, с надеждой: «А может, они нырнули в подвал, в главное книгохранилище!.. Ведь бывает и такое, что в нем вполне возможно даже слона спрятать!.. А книг там, наверно, — море разлитое».

8. Топот ног в легких летних туфлях. Две дамы и двое мужчин говорят между собой по-английски. Тема разговора — красота ночной Москвы. Сравнивают с Лондоном и Римом. Очевидно, иностранные туристы вышли на прогулку из гостиницы «Метрополь».

9. Голос баритонального оттенка, тоном приказа: «Заруби себе на носу, Федотов! В нашем деле нужны только факты, а не разные иллюзии. Слышал поговорку — «его величество факт»?.. А что у тебя? Одна игра воображения... Восемь ряженных, пропавший слон, шаровидное тело в атмосфере... А факт был только один — у микроавтобуса лопнула крышка. Таких фактов в Москве бывает не менее тысячи в сутки. Ну что, признаешь, Федотов?»

10. Голос высокого тенора, очевидно глотая слезы: «Все признаю... Фактов не было, хотя слон, шар и автобус были. Вы сами наблюдали, товарищ лейтенант... А что вы на это скажете?.. Вот нашел возле мусорной урны...»

11. Голос баритонального оттенка, скептически: «А что особенного?.. Обыкновенный томагавк, потемневший от долгой охоты на бизонов и какая-то круглая пуговица... Это даже не воздушный шар!..»

12. Голос высокого тенора: «Ну откуда здесь взялся томагавк?.. И пуговица — позолоченная и даже импортная».

13. Голос баритонального оттенка, после паузы: «Очевидно, потерял какой-то покупатель... Здесь ведь много бывает путешественников, пионервожатых и даже капитанов дальнего плавания. Каждому нужна «Книжная находка»...»

14. Голос высокого тенора, неуверенно: «Товарищ лейтенант, а может, это обростили интуристы? Вон они на той стороне садятся в такси...»

15. Шум тронувшейся с места легковой машины.

16. Голос баритонального оттенка, энергично: «Скорее, Федотов! Догнать и вернуть вещи!»

Милейший Тартарен очень сокрушался, что его любимый томагавк исчез в совершенно неизвестном направлении. А любезный Артур Грэй пережил разлуку с пуговицей более чем хладнокровно. Очевидно, он надеялся, что Ассоль найдет такую же точно, чтобы пришить к его парадному камзолу.

Посоветовавшись с капитаном Воронцовым, мы решили несколько выждать на борту подводной лодки «Пионер», чтобы более не привлекать внимание милицейского патруля. Да и нам было очень приятно побыть подольше в этом уголке библиотечного мира, где каждая книга — это корабль, плывущий к своему Читателю...

Поскольку мы находились в букинистическом магазине «Книжная находка», я счел вполне уместным сообщить моим коллегам об одной находке, сделанной при раскопках Помпеи... Как ведомо любому из юных друзей клуба, этот античный город двадцать четвертого августа семьдесят девятого года нашей эры погиб при извержении Везувия. Город был засыпан

толстым слоем вулканических пород и пепла. При раскопках под пеплом были обнаружены остатки форумов, рынка, амфитеатра, театров, городских стен, мощенных камнем улиц с тротуарами. Почти полностью сохранился ряд жилых домов со стенными росписями и мозаичными полами. Но для нас представляет особый интерес обнаруженная под пеплом книжная лавка. Это подтвердило мнение историков, что первые книжные лавки появились в Риме в первом веке нашей эры.

Капитан корвета «Коршун» счел необходимым упомянуть, что первая большая библиотека на Руси была собрана Ярославом Мудрым в одиннадцатом веке.

В свою очередь Артур Грэй привел вопрос из анкеты, предложенной дочерями Карла Маркса своему отцу. Вопрос гласил: «Ваше любимое занятие?» «Рыться в книгах», — ответил великий мыслитель и революционер. К этому капитан галиота «Секрет» добавил, что русский писатель и революционер Александр Герцен писал: «Библиотека — это открытый стол идей, за который приглашен каждый». А любимец детей Лев Кассиль был рыцарем и поэтом книжного дела. Он писал: «...Шуршат страницы в тишине библиотек, это самый замечательный звук из всех, которые я слышал...»

Капитан Воронцов поставил на проигрыватель мягкую пластинку и со вздохом сказал:

— Но у книг бывают не только поэты и рыцари. Послушайте, что об этом думает сама книга... Вот — «Убедительные просьбы книги к своим читателям»...

Раздалось легкое шипение... И затем грудной женский голос зазвучал в салоне подводной лодки «Пионер»:

«Пожалуйста, не трогайте меня грязными руками: мне будет стыдно, если меня возьмут другие читатели. Не ставьте на меня локтей, когда читаете, не кладите меня раскрытой на стол лицом вниз... Вам самим не понравилось бы, если бы с вами так обращались. Не исчеркивайте меня пером и карандашом — это так некрасиво. Помогите мне остаться свежей и чистой, а я помогу вам быть счастливыми».

— Замечательно сказано! — выразил наше общее мнение капитан корвета «Коршун». — И мне лично это напомнило один старинный плакат двадцатых годов. «В чем счастье? — Счастье в победе. — В чем победа? — Победа в знаниях. — Где знания? — Знания в книгах».

Тартарен даже подпрыгнул в кресле от восторга. И тут же начал было длинную речь, из которой я успел уловить, что библиотеки и книжные лавки — это кладовые счастья!..

Наша в высшей степени интересная беседа была прервана, когда вернулся посланный в разведку юнга Павел Буняк, пересекший на борту «Пионера» два океана и хорошо известный всем нашим юным друзьям. Павлик доложил, что на улице полный штиль, фарватер свободен и только Шура Терентьев еще возится возле голубого микроавтобуса, сменив новую крышку на такую же точно, взятую из багажника.

В предрассветном сумраке мы выбрались через окно из гостеприимной «Книжной находки». Нас провожала команда подводной лодки во главе с капитаном Воронцовым. У памятника первопечатнику Ивану Федорову был выставлен почетный караул. И все восемь знаменитых капитанов отстояли там свою вахту.

От нас не отстал и любезный Шура Терентьев — ведь как-никак он был членом-корреспондентом клуба и кавалером нагрудного знака «Алый вымпел».

В самый разгар церемонии мы снова увидели милицейскую «Волгу» с четырьмя пятерками. Она медленно затормозила возле «Книжной находки» в тот момент, когда мимо памятника проходила церемониальным маршем команда подводной лодки «Пионер».

— Ну, что вы теперь скажете, товарищ лейтенант? — оторопело прохрипел бедный Федотов.

Его начальник спокойно шелкнул зажигалкой и раскурил сигарету.

— Скажу, что это обыкновенная репетиция парада. Поехали!

Через минуту и мы тронулись в путь. Баянисты «Пионера» провожали нас торжественным маршем...

Мы мчались по безлюдным улицам и проспектам Москвы, особенно прекрасным в этот предутренний час. И никого не интересовал голубой микроавтобус со спущенными занавесками, за рулем которого сидел обыкновенный водитель Шура Терентьев, с нормальным путевым листом и прочими верительными грамотами, которыми должен обладать путешественник на автомобильных дорогах.

«О любезный Джонатан Свифт! Не пора ли созданному твоим высоким воображением Лемюэлю Гулливеру закрыть походную чернильницу и спрятать гусиное перо в футляр? На сегодня новых приключений не предвидится», — произнес я про себя.

Но, очевидно, даже книжному герою невозможно заглянуть в будущее...

Когда мы подъехали к библиотеке, все было в порядке, если считать порядком, что окно второго этажа

было раскрыто настежь и оттуда свешивалась веревочная лестница. Где-то раздалось пение первых петухов, и мы начали быстро подниматься в нашу старинную кают-компанию...

Тартарен со всем своим гремящим багажом карабкался последним при помощи Робинзона Крузо и Артура Грэя. Только Мюнхгаузен оставался внизу, картинно опираясь на эфес своей шпаги, которую, по его утверждению, он выковал на Северном полюсе. Так это или не так, судить не мне. Но зато я мог иметь суждение о появлении желтой «Волги» с четырьмя пятерками. Завидев эту опасную машину, Мюнхгаузен мгновенно поднялся по лестнице. Мы с ним вдвоем прикрыли окно и опустили штору. Должен признаться, что я оставил достаточную щелку, чтобы послушать, что будет дальше...

— Опять они, товарищ начальник, — заикаясь, сказал старшина. — Теперь будут грабить школу...

— Меньше надо ходить в кино, Федотов, — устало произнес плечистый лейтенант. — «Фантомаса» и то всего три серии, а ты нагородил их сколько?.. От слона до школьной библиотеки. И тебе не стыдно?..

Милицейский патруль свернул за угол. Все мои друзья уже поднялись на книжные полки и входили в переплеты своих книг...

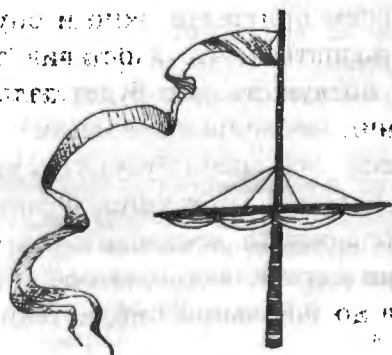
Где-то вблизи задорно и весело кричали петухи. Я явно опаздывал. Но и на сей раз мне улыбнулась судьба. Кто-то с летучего острова Лапута бросил спасательный якорь. Я удобно уселся на него, и меня буквально втащили в переплет, когда первый солнечный луч пробился в нашу кают-компанию...

Как я уже имел честь докладывать, мой роман не стоял на полке, а находился в корзине для бумаг,

куда его уронила моя легкомысленная приятельница.

Легкий запах одеколона «Мечта» снова меня слегка одурманил... Но стоит ли говорить, что я с присущим мне самообладанием все же позаботился о том, чтобы бережно спрятать в кармане камзола вахтенный журнал с описанием всех удивительных приключений этой тревожной ночи.

И естественно, я не забыл мысленно передать нашим юным друзьям глубокий поклон от их покорнейшего слуги Лемюзеля Гулливера...

Уважаемая Серафима Александровна!

Я не писала вам уже целых две недели, но сегодня какая-то неведомая сила заставила меня снова взяться за перо. Может быть, потому, что за окнами такая пасмурная погода с внезапными, почти сказочными отблесками солнца, как была в тот день, когда вы разгадали тайну «Инспекции чистого воздуха». Ну, помните эту организацию молодых парней, которые ходили по квартирам, выдавая себя за контролеров службы защиты воздуха. Они просили у хозяев пустые бутылки, по числу комнат, дули в них и закрывали резиновыми пробками. А затем удалялись навсегда, в совершенно неизвестном направлении, прихватив с собой «липовые» пробы воздушной массы. Эти ловкачи были в сговоре с приемщиками стеклянной тары и сдавали в хороший день до двух тысяч единиц порожняка. «Инспекция чистого воздуха» процветала, расширяла свои обороты, начала открывать филиалы в других городах... И тут на ее пути оказалась Серафима Александровна... Только вы могли все это распутать!.. Но мы с вами вовсе не нуждаемся в похвалах и торжественных одах, как, впрочем, и всякий профессиональный криминалист.

А быть может, в вашей неисчерпаемой памяти всплыли листы нашумевшего дела «Компании Бубновых валетов», этих карточных шулеров, несколько лет подвизавшихся в поездках дальнего следования. Бубновые валеты были неуловимы, потому что никогда не попадались с поличным... Но вот за дело взялась моя дорогая Серафима Александровна. Я никогда не перестану удивляться, как вам удалось установить, что вся выручка плюс крапленые колоды карт отправлялись на глухих станциях со встречными поездами. При обыске у валетов не было ни денег, ни карт. Ни разу они не попадались с поличным! Ни одного вещественного доказательства.

Но теперь мы с вами ломаем голову над более сложным делом... Давайте разберемся по порядку. В нашем распоряжении уже шесть клеенчатых тетрадей Клуба знаменитых капитанов, а выражаясь профессиональным языком — шесть эпизодов.

Кто же написал все эти вахтенные журналы?.. С какой целью?.. Какие выгоды или блага мог приобрести этот неизвестный?.. Писал ли он один или в компании?..

На все это пока нет никаких, даже приблизительных соображений. Но попробуем проанализировать некоторые варианты, как это мы всегда делаем на первой стадии исследования.

1. Все это сочинил Сережа Березов. Эта мысль отпадает сразу. Я читала его письма к вашему племяннику. Ничего общего — ни по стилю, ни по содержанию, ни по почерку. И хотя он староста географического кружка «Алый выпел», я не могу поверить в то, что он обладает столь обширными познаниями, как члены Клуба знаменитых капитанов. Иначе его, несмотря на молодость, несомненно, приняли бы, как минимум, в члены Всесоюзного географического общества.

Отметаю.

2. Ваш племянник Вася — он же Василий Васильевич Новиков. Конечно, это мальчик необыкновенных, я бы сказала, исключительных способностей. Ученик шестого класса конструирует планетоходы, и его первая модель даже прошла несколько метров по пляжу в Петродворце. Не у каждого ученого так хорошо все начиналось!.. Вася изобретатель и поклонник точных наук. Мы с вами хотели бы его видеть будущим криминалистом, но, увы, он и слышать об этом не желает. А если бы он согласился переписать для кого-нибудь клеенчатую тетрадь по дружбе, из любезности или по принуждению?.. Нет, почерк даже отдаленно не похож на его закорючки.

Отметаю.

3. Девочки Наташа и Маруся. Они обе были так поражены, когда в их руках оказались вахтенные тетради клуба, что мы с вами вполне поверили в их искренность. Но может быть, это великие актрисы — такие, как Вера Комиссаржевская или Мария Ермолова?..

Отметаю.

4. Учитель географии Афанасий Петрович. Начну с конца. Мы познакомились с классными ведомостями и установили, что почерк совершенно не похож. Это ясно и без графической экспертизы. Кроме того, невозможно найти мотивы. Ну зачем педагогу, которого так любят дети, да еще увлекшему их в интересные путешествия по Подмосковию, обременять себя таким нелегким сочинительством?..

К тому же он не моряк, а человек вполне сухопутный.

Отметаю.

Кто же тогда мог быть заинтересован в подобных таинственных публикациях с прямым выходом на географический кружок «Алый вымпел»? Кто?.. Исключается также, что это писал какой-нибудь шутник или группа шутников. Таких капитальных шуток на сотни страниц я никогда не встречала в своей практике и не слыхала о чем-либо подобном в кругах работников юстиции. Остается предположить, что это писал какой-нибудь энтузиаст, одержимый навязчивой идеей особого рода. Возможно, его преследуют галлюцинации и он видит знаменитых капитанов, якобы сходящих со страниц своих романов. Однако вахтенные журналы клуба написаны по всем законам логического мышления. Мы с вами ни разу не заметили какие-либо элементы болезненного воображения.

Отметаю.

К сожалению, я должна сказать, что на нашу любимую Бульку тоже нельзя возлагать больших надежд. Увы, годы есть годы. Ведь мы с вами знаем, что бывшей грозе преступного мира уже стукнуло двенадцать лет и что она почти лишилась чутья. Очень грустно сознавать, что ищейка, взявшая неуловимого бандита по кличке Роберт-Электрон, поймавшая с поличным старейшую скупщицу краденого Ляльку-Баронессу и многих других завсегдатаев воровских малин, теперь уже вышла на пенсию.

С вашей стороны, Серафима Александровна, очень благородно, что вы взяли ее к себе домой, кормите витаминами и делаете ей специальные уколы. Вам даже подчас кажется, что нюх восстанавливается...

Вы, дорогая Серафима Александровна, уже тоже на пенсии и можете взять «дело» о Клубе знаменитых капитанов не по службе, а исключительно по своему призванию... Но в вашем распоряжении только один месяц! Пока родители Васи проводят свой отпуск на берегу Черного моря, вам придется присмотреть за племянником, а затем вернуться домой — в Ленинград! Я понимаю, не хотелось бы возвращаться на берега Невы с пустыми руками...

Итак, подведем первые итоги. Все наши размышления пока не дают никакой нити для расследования деятельности Клуба знаменитых капитанов и раскрытия тайны появления вахтенных журналов. Ну, не будем опускать руки и приходить в уныние. Лучше вспомним дело ресторана

«Жар-птица». Мы вели его ровно четыре месяца и закончили с успехом! Примите мои пожелания быть в отличной спортивной форме, как бегунья перед стартом.

Как всегда, ваша лучшая подруга

Сима.

ЗАМЕТКИ К ПИСЬМУ С.

Могу я себе позволить иметь какие-то странности, а возможно, и чудачества!.. Ну что особенного в том, что я пишу письма самой себе? Ведь я действительно своя лучшая подруга и только себе могу поверять сокровенные мысли и ближайшие намерения. Но я обязана, еще раз обязана продумать письмо С. в свете совершенно новых и неожиданных событий. Я пишу эти строки на садовой скамейке в тенистом дворе Васиного дома, осыпанная пухом цветущих тополей. У ног моих лежит Булька и виновато поглядывает на меня... Не могу же я на нее сердиться за то, что она выпустила раскрытие тайны из лап, а вернее, из клыков. Дело в том, что «городские воробьи» во главе с Афанасием Петровичем при обязательном участии Сережи и ВВН ходили сегодня в Ботанический сад. Бульку я отпустила с ребятами, так как собаке необходим моцион. Итак, я сижу на скамейке и провожу домашний анализ нашей с С. отложенной партии. Вдруг во двор стремглав влетает Булька в таком великолепном темпе, как в ее лучшие годы (витамины и еще раз витамины!)... А в зубах она держит какой-то рулон... За собакой бегут все «городские воробьи» из кружка «Алый выпел», а за ними с трудом поспевает Афанасий Петрович.

Булька кладет свою добычу ко мне на колени, я разворачиваю рулон... Сомнений нет! У меня в руках две клеенчатые тетради Клуба знаменитых капитанов!.. И я торжественно сообщаю подросшим ребятам: «Встреча шестьдесят четвертая под кодовым названием «Коварное соседство» и сто шестая — «Маяк на полуострове Дюко»...»

Из сбивчивых рассказов свидетелей происшествия я с некоторым трудом восстановила всю картину... Экскурсия на обратном пути проходила мимо подъезда своей школы. Сережа заметил на ступенях рыженькую девушку-почтальо-

на, которая держала в руках большую бандероль, очевидно проверяя адрес.

Вдруг Булька ошетибилась, сделала стойку и одним прыжком (уколы и еще раз уколы!) очутилась возле ото-ропевшей работницы связи. Не подлежит сомнению, что ищейка слышала (наконец-то!) запах клеенчатой обложки. Наташа Васильева видела, как Булька вырвала рулон из рук почтальона и помчалась по направлению к дому родителей ВВН...

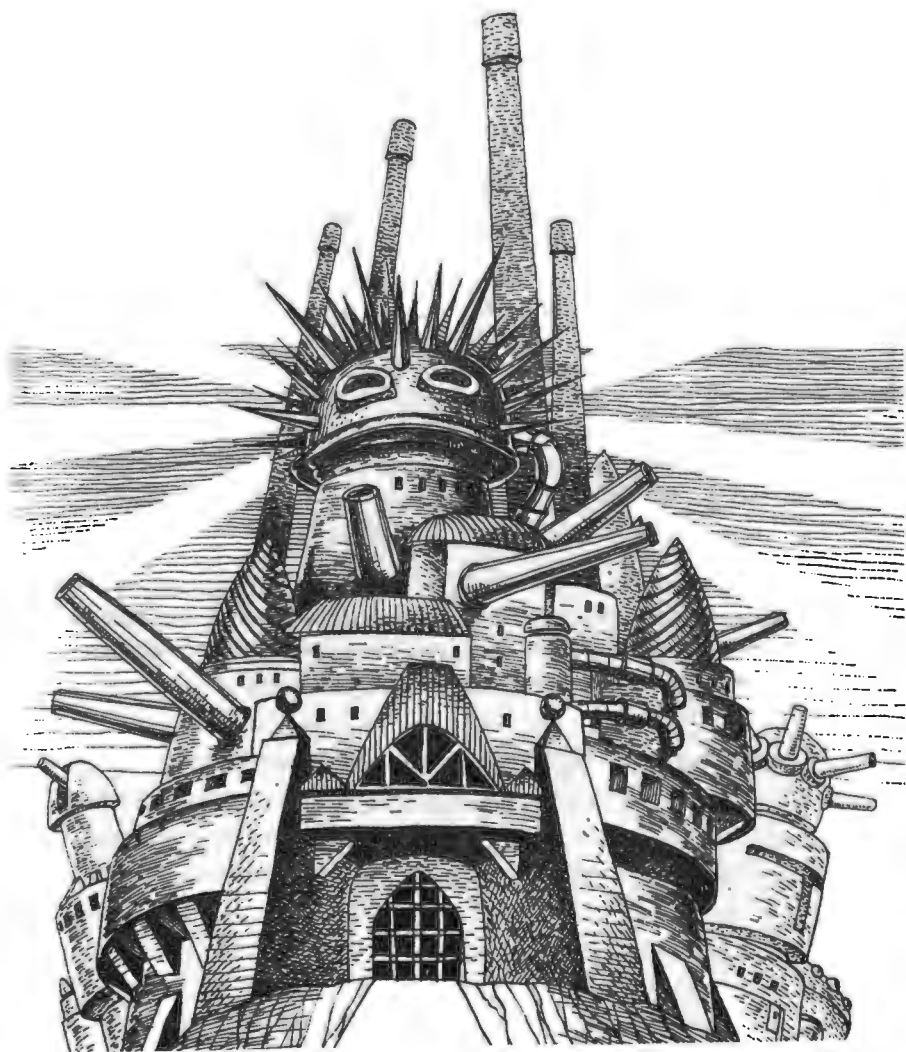
Грубая ошибка! Надо было брать почтальона с поличным, а не волочить тетради ко мне... Как я и предполагала, впоследствии удалось установить, что в ближайшем отделении связи девушки-почтальона рыжей или хотя бы рыжеватой не было и нет!.. Никаких отпечатков пальцев на обложке и на листах рукописи обнаружить также не удалось. Видимо, сочинитель клеенчатых тетрадей или переписчики, а также почтальон и другие возможные соучастники работали в перчатках, что свидетельствует об их опыте в подобных более чем сомнительных операциях.

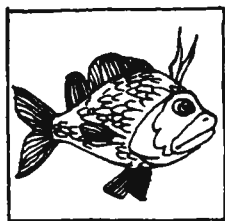
Всеми этими соображениями я поделилась с учителем географии Афанасием Петровичем. В его прозрачных глазах я прочитала полное согласие с моими заключениями и душевное спокойствие. Нет, он тут был ни при чем!.. Хотя я невольно припомнила, что такие же ясные глаза украшали лицо Евтихия Голубя — главы «Компании Бубновых валетов».

Но я отбросила эти видения прошлого и с большой охотой приняла предложение шефа «городских воробьев» сегодня же вечером созвать экстренное заседание кружка «Алый выпел». Кстати, на этом настаивали все мальчики и даже девочки, хотя у Наташи и Маруси были взяты билеты в кино...

КОВАРНОЕ СОСЕДСТВО

Шестьдесят четвертая клеенчатая
тетрадь

В этот навсегда врезавшийся в нашу память вечер вовсе не предполагалось отправиться в какое-либо дальнее плавание или путешествие. Мы хотели просто собраться в нашей уютной кают-компании, чтобы поздравить капитана Немо со столетием выхода в свет романа «Таинственный остров». Как, вероятно, помнят все наши юные друзья, создатель подводного корабля «Наутилус» обрел вторую жизнь в романе «Таинственный остров». Это случилось через пять лет после окончания двухтомного романа «Восемьдесят тысяч километров под водой», принесшего Жюлю Верну мировую славу.

По случаю столь редкостного юбилея мы решили поднести отважному мореплавателю и борцу за свободу Индии почетный адрес. Для участия в торжестве предполагалось пригласить детей капитана Гранта, профессора Паганеля, капитана Гаттераса и некоторых других лиц из полного собрания сочинений Жюль Верна. Естественно, во главе делегации мы хотели бы видеть пятнадцатилетнего капитана, хотя он появился на книжных полках через восемь лет после «Детей капитана Гранта» и через пять лет после Немо. Но зато он — знаменитый капитан, хотя и пятнадцатилетний!

Члены клуба уже приоткрыли переплеты своих романов, чтобы без всякого промедления занять кресла в кают-компании, как только уйдут наши библиотечарши — старая и молодая... Но мы не потеряли времени даром, потому что они говорили о выставке, посвященной Жюлю Верну, которую как раз оформляли.

Мария Петровна попросила Катюшу повесить в центре портрет выдающегося французского писате-

ля. А под ним положить роман «Таинственный остров» по случаю столетнего юбилея этого произведения. А сама тем временем поставила на видное место гравюру с изображением Тургенева.

Катюша с удивлением спросила: при чем тут Тургенев?..

Главная хозяйка нашей библиотеки поправила съехавшие набок очки и назидательно ответила:

— Ах, Катюша, вам бы следовало знать. Тургенев был близко знаком с Жюлем Верном. Их дружеские встречи в Париже вошли в историю литературы. Да, книги Жюля покорили не только Тургенева... Салтыков-Щедрин, Лесков, Горький много о нем писали. Его любили и ученые, например академики Менделеев и Обручев.

— Я слышала, что Лев Николаевич Толстой читал вслух своим детям «Путешествие вокруг света в восемьдесят дней», — добавила Катюша.

— Да, Жюля очень любили в Ясной Поляне, — ответила ее начальница. — Взгляните... Вот... В папке семнадцать рисунков Льва Николаевича к этому роману... Он рисовал пером и выбирал в первую очередь забавные эпизоды...

Молодая девица вынула из футляра большую карту и повесила ее на видном месте, потом с торжествующим видом обратилась к Марии Петровне:

— Вот карта обратной стороны Луны, сфотографированная советской космической ракетой... Я тоже вас сейчас удивлю!.. Взгляните на этот кратер на невидимой стороне Луны. Ему присвоено имя Жюля Верна... Кстати, когда космонавт номер один Юрий Гагарин вернулся на родную землю, он в первом же интервью работникам прессы назвал Жюля Верна среди своих любимых писателей.

Мария Петровна долго разглядывала кратер, носящий имя знаменитого фантаста, затем достала свой блокнот и вырвала из него два листочка.

— Вот что, Катюша, завтра с утра закажите еще два плаката — теперь они будут как раз кстати. Первый: «Все, что в мире создано великого, порождено творческой мечтой». И второй, еще интереснее... «Что бы я ни сочинял, что бы я ни выдумывал, — все это будет уступать истине, ибо настанет время, когда достижения науки превзойдут силу воображения». Вот что говорил Жюль Верн!..

Катюша взяла листки, перечитала их и достала из сумочки свою записную книжку.

— А можно заказать еще третий плакат? Вот такой — «Стремление к космическим путешествиям заложено во мне известным фантазером Жюлем Верном. Он пробудил работу мозга в этом направлении. Явились желания. За желаниями возникла деятельность ума».

— Кому, собственно, принадлежат эти слова? — спросила с удивлением Мария Петровна.

— Самому Константину Эдуардовичу Циолковскому!.. Надеюсь, можно заказать?

— Необходимо! Вот мы завтра порадуем ребят... Кстати, где мой зонтик?

Катюша так привыкла к рассеянности своей начальницы, что ответила ей без смешка или улыбки, самым деловым тоном:

— Он там... между «Детьми капитана Гранта» и «Таинственным островом»...

Мария Петровна подняла со стола упавшие очки, взяла с витрины свой зонтик и направилась к выходу.

— Мерси! О-о, уже семь часов! Закрывайте нашу дверь — врата библиотечного рая...

Затем в шестьдесят четвертый раз мы слышали стук двери, поворот ключа и мерный бой часов в футляре из красного дерева. После седьмого удара часов мы стали выходить из переплетов, напевая песенку, знакомую всем нашим юным друзьям, а также их папам и мамам и даже дедушкам и бабушкам:

...Мы, морские волки,
бросив якоря,
с нашей книжной полки
к вам спешим, друзья!

Знаменитые капитаны стали рассаживаться по своим привычным креслам. Только капитан корвета «Коршун» стоя застегнул мундир на все пуговицы. Очевидно, Василий Федорович хотел подчеркнуть важность сообщения, которое он собирался сделать.

— Друзья! Сегодня знаменательный день!.. Кто из вас помнит, что случилось в такое же число и в таком же месяце тысяча восемьсот семьдесят пятого года?

— Мсье, капитан корвета, где именно случилось это нечто? — сгорая от любопытства, спросил Тартарен из Тараскона.

— В Париже, именно в Париже, а не в Тарасконе, хотя, впрочем, это нечто вскоре облетело весь цивилизованный мир, — ответил герой повести Константин Станюковича.

Тут в разговор вступил Лемюэль Гулливер. Он официально заверил своих коллег по кают-компании, что, находясь в твердом уме и здоровой памяти, может засвидетельствовать: роман «Таинственный остров» был опубликован в Париже именно в указанный достопочтенным Василием Федоровичем год. Вскоре книга была издана и на русском языке.

Поздравляя юбиляра от имени кают-компании, Гулливер припомнил также, что написал достоува-

жаемый Жюль Верн, начиная публикацию необыкновенных приключений любезного Немо: «Читатели поймут, почему, начиная печатать эту новую книгу, я должен прежде всего выразить им благодарность за то, что они составили мне такую хорошую, приятную, верную компанию в разных путешествиях...»

Удивительная память Гулливера, несомненно, позволила бы ему сообщить нам еще немало интересного о замыслах Жюля Верна, если бы его не перебил Мюнхгаузен. Возмущенный барон заявил, что он осмотрел выставку в библиотеке и оскорблен до глубины души. Там есть все, что угодно, кроме портрета Карла Фридриха Иеронима!..

Артур Грэй, посмеиваясь, пояснил поборнику истины, что он не имеет ни малейшего отношения ни к «Таинственному острову», ни вообще к Жюлю Верну. Его разделяет от них дистанция больше чем «Восемьдесят тысяч километров под водой».

Мюнхгаузен холодно и надменно ответил, что Грэй слишком молод, чтобы делать ему замечания. Ведь «Алые паруса» красуются на книжных полках всего каких-нибудь полсотни лет. Да и сегодняшний юбилей Немо разменял только первое столетие как любимый герой детской книги... А что касается самого Жюля Верна, он часто плыл в кильваторе за Эрихом Распе. Барон тут же припомнил оба свои путешествия на Луну, схватки с белыми медведями на Северном полюсе, путешествия под водой, полеты на ядре и множество других правдивых историй... Он буквально требовал, чтобы на выставке поместили его портрет.

Поддержать его требования было невыносимо, даже если принять на веру все, что он рассказывал. А любилец Тараскона сердито надвинул на брови свою мали-

новую феску с черной кисточкой, что всегда предвещало у него словесную бурю.

— Не будите во мне спящего льва, Мюнхгаузен! Ведь даже сам Тартарен не претендует в данном случае на свой портрет! Скромность, скромность и еще раз скромность! Это лучшее украшение знаменитого капитана!..

— Совершенно справедливо, — заметил Артур Грэй. — Но вернемся к Жюлю Верну. Николай Островский, автор романа «Как закалялась сталь», писал: «Какое место занимали в моей душе чудесные выдумки Жюля Верна! С каким трепетом читал я его объемистые книги, страдая от того, что чтение рано или поздно должно прийти к концу».

Но Тартарен и не думал сдаваться:

— Медам и месье! Я готов до первых петухов слушать эти интереснейшие высказывания. Но, увы, традиции клуба... Кто председатель сегодняшней встречи? — спрашиваю я. Полагаю, было бы наиболее уместно выбрать кого-либо из французов, соотечественников нашего Жюля... Ах, он так любил солнечный Прованс!.. Не остановить ли нам внимание на одном из почетных граждан Тараскона?..

И толстяк даже начал исполнять свою песенку, если это, по совести, можно было назвать пением:

Мой домик там,
среди белых стен,
где тихо плещет Рона...
Друзья! Пред вами Тартарен,
любимец Тараскона!..

Но тут его перебил Мюнхгаузен, категорически заявив, что в интересах истины и справедливости именно ему должно быть предоставлено одно из двух призовых мест: или портрет на выставке, или молоток.

Портрет, к сожалению, отпал, значит, остается председательский жезл!

Карл Фридрих Иероним успел даже завладеть старинным молотком из черного полированного дерева. Но все остальные капитаны заявили решительный протест. По общему мнению, сегодня по праву председателем должен быть капитан Немо, как юбиляр и самый прославленный из героев Жюль Верна.

Создатель «Наутилуса» поблагодарил за честь и взял из рук поборника истины выдавший виды молоток. Раздался знакомый нам на протяжении более тридцати лет дробный стук. Это был сигнал к началу шестьдесят четвертой встречи.

Первым взял слово Лемюэль Гулливер. Он был очень обеспокоен и взволнован. Как можно слушать истории, песенки, стук председательского молотка, когда два кресла в кают-компании пустуют?.. Где любезный Дик Сэнд?.. Почему не явился достоуважаемый Робинзон Крузо?

Его слова прозвучали почти как заклинание. Судите сами — буквально через мгновение раздался громкий стук сапог от прыжка с верхней полки, и, чуть не сбив стоячие часы, на капитанскую встречу прибыл Робинзон Крузо. Он был в полной боевой готовности, с мушкетом в руке и топором за поясом. Из карманов его мехового фрака торчали рукоятки пистолетов.

Знаменитый отшельник уселся в свое привычное кресло, немного отдышался и раскурил трубку, прежде чем объяснить причину своего опоздания:

— Совершенно невероятная история! Я собираюсь на заседание клуба, надеваю парадные шкуры, задаю корм попугаю, прощаюсь с Пятницей, выхожу из переплета, как вдруг... я не верю своим глазам...

Стряслось нечто страшное!.. Но, клянусь детьми капитана Гранта, я до сих пор не могу сообразить, что, собственно, случилось... Одно ясно: дело идет о судьбе Дика Сэнда. Я видел, как он сошел со страниц романа «Пятнадцатилетний капитан». И вместо того чтобы спуститься в библиотеку, нырнул обратно в восьмой том сочинений Жюль Верна. Почувствовав неладное, я быстро взял оружие, кинулся за юношей и очутился в разгаре событий романа «Пятьсот миллионов бегумы». Пошел по следу Дика... Как вдруг раздался оглушительный взрыв... такой, как если бы несколько десятков пушек самого крупного калибра грянуло разом. Через две-три секунды все кругом превратилось в груды развалин. Воздух содрогался от грохота обрушивающихся крыш, обвалившихся стен, падающих балок и далеко разносил звон бьющегося стекла... Я со своим мушкетом и топором ничего не мог поделать при разгуле этой огненной стихии. Оставалось поспешить в кают-компанию... Мы должны все отправиться на поиски Дика! Пятнадцатилетний капитан в крайней опасности!..

Немо отбросил в сторону председательский молоток. Раздался стук протяжный и тревожный...

Сын Индии призвал нас к оружию и сам надел через плечо электрическое ружье. Затем он приказал следовать за ним на страницы романа «Пятьсот миллионов бегумы».

Весь этот маневр был проделан почти молниеносно. Небольшая задержка вышла только с багажом Тартарена. Его саквояжи, пледы и коллекцию оружия, а также складную палатку и львиную шкуру пришлось прихватить капитану корвета «Коршун» и Артуру Грэю. Ведь они оба были налегке, только при кортиках и пистолетах.

Призывно зашелестели страницы, и мы очутились в главе третьей одного из лучших произведений Жюль Верна... Но наш сегодняшний председатель не имел точных координат маршрута Дика и открыл книгу наугад. По этой уважительной причине мы попали в Англию, в город Брайтон и прямехонько в здание, где заседал Международный научный конгресс. Наши костюмы не произвели особого впечатления на распорядителей, дежуривших в вестибюле, — ведь на конгрессе были представлены многие страны, где сюртуки, смокинги и фраки вовсе не считались признаками высокой учености. Так, перед нами мелькнули бурнусы арабских делегатов и экзотические одежды африканских специалистов.

Заседание уже началось, и нас хотели провести боковым коридором в первый ряд, где как раз имелись свободные места. Кстати, на этом очень настаивал Тартарен, который даже намекнул, что привык сидеть в президиуме. Однако Артур Грэй благоразумно заметил, что мы на страницах неведомого нам романа и нам лучше оставаться незамеченными. Это было настолько убедительно, что капитаны без дальнейших дебатов проследовали в боковую ложу.

Мы явились как раз в тот момент, когда почтенный председатель Международного гигиенического конгресса лорд Глендовер позвонил в колокольчик. Его надутая, чопорная фигура неподвижно застыла в нелепой натянутой позе. С необычайной любезностью он предоставил слово доктору Саразену для важного сообщения. Всем своим тоном лорд как бы подчеркивал, что это гораздо важнее, чем доклад Стивенсона из Глазго о воспитании малолетних кретинов, который был заслушан до перерыва.

Немо тихо прошептал, что доктор Саразен — герой романа «Пятьсот миллионов бегумы». Совершенно естественно, что мы впились взглядом в лицо Франсуа Саразена. Ясные живые глаза этого пятидесятилетнего человека серьезно и в то же время приветливо смотрели из-за очков в стальной оправе.

В зале наступила удивительная тишина. Участники конгресса, как и мы, ловили каждое слово доктора...

«Господа! Я оказался законным наследником огромного капитала... Но нужно ли мне говорить вам, что я в данном случае являюсь не чем иным, как душеприказчиком науки! Этот капитал принадлежит не мне — он принадлежит человечеству, прогрессу...»

В зале звучали одобрительные возгласы, дружные аплодисменты. Все встали. Не скроем, что мы тоже поддались общему восторгу и поднялись со своих кресел, хотя еще не могли понять, что имеет в виду этот удивительный оратор.

«Господа, мы наблюдаем вокруг много причин болезни, нищеты и смертности. Разве мы не могли бы объединить все силы нашего воображения, чтобы создать проект нового города в соответствии с самыми строгими требованиями науки. Этот город здоровья и благоденствия... может воплотиться в действительность и будет открыт для народов всех стран!...»

Члены конгресса, охваченные восторгом, кричали, пожимали друг другу руки, бросились к доктору, подняли его и торжественно пронесли по всему залу.

Тартарен отбил ладони, аплодируя своему симпатичнейшему земляку, и предложил всем нам ринуться в гущу событий. Он даже высказал предположение, что конгресс закончится грандиознейшим банкетом, где он мог бы играть руководящую роль.

Капитан корвета «Коршун» заметил, что пятнадцатилетнему капитану нечего делать на этом конгрессе. Но Немо в глубокой задумчивости покачал головой, украшенной белоснежной чалмой с пряжкой из крупных изумрудов. Он предложил не спешить с выводами — ведь множество благородных идей было встречено пушечными залпами!.. Эта мысль очень встревожила Робинзона Крузо.

— Клянусь всеми мечтаниями юности, Дик поспешил на те страницы романа, где этот чудесный город построен!.. — сказал он. — Да, да, юноша плывет туда на всех парусах или уже берет швартовы у причала Франсевилля. Могу еще поклясться попутным ветром!

Знаменитого отшельника перебил насмешливый голос Мюнхгаузена:

— Довольно клятв, Робинзон! Что-то вы уж слишком быстро воплотили в камне и мраморе мечту симпатичнейшего доктора Саразена. Bravo, bravo, bravissimo!.. Но хотя это совершенно в моем духе, но и я не взялся бы закончить такое строительство за пять минут. Даже мне никто бы не поверил!

Капитан Немо снова достал из кармана председательский молоток и тихонько постучал по двери ложи, где мы все еще находились... Между тем был объявлен перерыв в заседании конгресса, и зал быстро опустел.

Наш председатель не согласился с Карлом Фридрихом Иеронимом и, к общему удивлению, сообщил, что город Франсевилль уже построен. Чтобы убедиться в этом собственными глазами, достаточно проследовать в одиннадцатую главу романа «Пятьсот миллионов бегумы», на страницу шестьсот сорок восьмую... Быть может, пятнадцатилетний капитан действительно гуляет там возле пирса...

В шуршание страниц ворвался шум океанского прибоя, и мы очутились на одетой в мрамор набережной.

Артур Грэй облокотился на парапет, любуясь мягко набегающими волнами Тихого океана. Под аккомпанемент прибоя прозвучал его взволнованный голос:

— Смотрите!.. Насколько точно в романе описана эта воплощенная в действительность мечта доктора Саразена... Помните?.. «Утопая в зелени олеандров и тамариндовых деревьев, город живописно раскинулся... Приветливые белые особнячки, казалось, радушно улыбались; воздух был теплый, небо синело, и море сверкало из-за густой зелени широких бульваров... Путешественника, очутившегося в этом городе, вероятно, поразил бы необыкновенно цветущий вид жителей и какое-то праздничное оживление, царящее на улицах... Но никто не толкался, не раздражался, не слышно было никаких окриков. У всех были довольные, веселые, улыбающиеся лица...»

Мимо нас проходило много гуляющих, молодых и людей почтенного возраста, но больше всего было детей и подростков. Робинзон Крузо заявил, что его удивила прекрасная память капитана Грэя. Но еще больше он был поражен, увидев, что у всех прохожих действительно были довольные, веселые, улыбающиеся лица.

Сидя на своем саквояже, любимец Тараскона горестно вздохнул:

— Довольные?.. Веселые?.. Улыбающиеся?.. Да, да! У всех, кроме вашего Тартарена. Увы, медам и месье, мы до сих пор ничего не знаем о судьбе Дика!..

•

И толстяк смахнул цветным платком набежавшие слезы.

Внезапно с соседнего балкона прозвучала песенка пятнадцатилетнего капитана:

В старинных книжках капитан
Свегда суров, усат...

Мы не успели прийти в себя от неожиданности, как вдруг из глубины бульвара другой мальчишеский голос подхватил песенку:

...Он знает тайны дальних стран,
Сам черт ему не брат!..

Мы были в недоумении, потому что песенка звучала то из окон особнячков, то с прибрежной отмели.

Карл Фридрих Иероним, скрестив руки на груди, долго прислушивался к этому необыкновенному концерту, а затем с уверенностью заявил, что нас пытаются обмануть. Это поет вовсе не Дик Сэнд! Какие-то лжецы могли подслушать и похитить его песенку... Но одно ясно и вместе с тем неясно — откуда во Франсвилле знают позывные пятнадцатилетнего капитана? Он был здесь!.. Поборник истины даже предложил Тартарену держать пари и ставил свою шпагу против его львиной шкуры. Но любимец Тараскона уклонился от этого сомнительного предложения и вызвался идти в разведку. Старому следопыту повезло и на сей раз — с боковой аллеи вышли две симпатичные школьницы лет по пятнадцать. Они тихонько напевали все те же знакомые нам на протяжении стольких лет слова:

...А мне усов не надо брить,
Где сыщешь их следы?
А если правду говорить,
То нет и бороды!..

Тартарен галантно поклонился, снял феску и вложил в ножны выпавший кинжал.

— О мадемуазель! Не откажите в любезности удовлетворить любопытство бывалого путешественника, впервые посетившего ваш город... Откуда вы знаете эту старинную песенку?

Обе школьницы сделали глубокие реверансы и наперебой стали отвечать, что сегодня по этой набережной гулял морячок в зюйдвестке и синем берете с помпоном. Он спрашивал, где дом доктора Саразена, и напевал песенку, которую подхватили все гуляющие. Ведь Франсевиль очень музыкальный город.

Тартарен благодарил от всей души, без конца повторяя:

— О, мерси! Гран мерси! И еще раз мерси, мадемуазель!..

Высокая синеглазая девочка, застенчиво улыбаясь, спросила любимца Тараскона, умеет ли он сам петь.

Этот вопрос не на шутку обидел толстяка. Он перекинул плед через плечо и величественно про-скандировал:

Спро-сите о-бо мне у львов,
Ца-рей пу-стыни ди-кой!..

Услышав стук каблучков убегающих школьниц, Тартарен бросил им вдогонку:

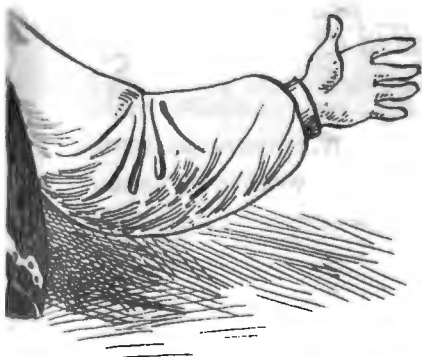
— Куда же вы, мадемуазель?

Издали раздались веселые голоса и смех убегающих девочек:

— В зоологический парк! Спросите у львов! Пардон, мсье!..

Робинзон Крузо дружески похлопал тарасконца по плечу и поблагодарил его за то, что он отвлек внимание девочек. Знаменитый отшельник даже поклялся подозрной трубой, что обнаружил тайный знак Дика Сэнда. И он указал на забор, увешанный афишами, где в углу была нарисована стрела и цифра «15».

Стало ясно, что стрела указывает путь, по которому шел Дик. Мы торопливо проследовали вдоль забора и вышли к дому на самом берегу Тихого океана... На дверях белоснежного особняка красовалась дощечка — «Доктор Саразен. Прием в любое время».

Из открытого окна второго этажа звучали взволнованные голоса, но было невозможно разобрать ни одного слова, так как морской прибой не умолкал ни на минуту. Однако вскоре все выяснилось, когда Тартарен увидел над мусорной урной еще одну маленькую стрелку с шифром нашего юного друга и извлек на поверхность вчетверо сложенный листок.

Мы уселись на скамейку у самой отмели, и толстяк прочитал нам вслух донесение Дика Сэнда за номером один:

«Совершенно секретно!»

КЛУБУ ЗНАМЕНИТЫХ КАПИТАНОВ

Проникнув на страницы романа «Пятьсот миллионов бегумы», я очутился в прекраснейшем городе Франсевилле. Таких городов я никогда не видел и не слышал ни о чем подобном. Я отправился в дом доктора Саразена, чтобы выразить ему свое восхищение. Но меня не пустили даже в подъезд. Я сразу понял, что случилось что-то в высшей степени тревожное и опасное. Остановился в растерянности возле забора, где расклеиваются свежие газеты. И вдруг увидел номер «Нью-Йорк геральд» от восьмого сентября... Все остальное узнаете из передовой статьи. Но нельзя терять ни минуты, и я решил сделать все возможное и даже невозможное, чтобы спасти этот чудо-город. Позволю себе напомнить вам девиз наших друзей-мушкетеров — «Один за всех, все за одного!». Надеюсь на скорую встречу у стен Стального города.

Пятнадцатилетний капитан».

Капитаны столпились у стенда и тут же решили занести в вахтенный журнал клуба самую суть передовой статьи.

«...Мы накануне злодейского покушения на права мирных граждан. Как сообщают из достоверных источников, Штальштадт, собрав мощное вооружение, готовится выступить против французского города Франсевилля, чтобы стереть его с лица земли. Считаем своим долгом довести до сведения всех порядочных и честных людей об этом чудовищном насилии. Жители Франсевилля, не теряя ни минуты, должны принять все меры к обороне».

Честно признаться, до нашего сознания как-то не доходило: кому и зачем понадобилось уничтожить этот прекрасный город?.. На наши вопросы мог ответить только один капитан Немо, и он это отлично понимал... Да, ему было что рассказать о сокровищах бегумы. Прежде всего, он сообщил, что бегума — это титул супруги индийского раджи. Создатель «Наутилуса» был близко знаком с бегумой Гокооль из Раджинара, в провинции Бенгали — вдовой раджи Лукмиссура. Немо часто встречался с этой семьей, когда нашего друга знали в Индии как принца Дакара.

После кончины мужа бегума вышла замуж за командующего армией раджи француза Жан-Жака Ланжеволя. После смерти их обоих все огромное состояние перешло к дальним наследникам. Этими счастливицами оказались Франсуа Саразен и доктор-профессор Шульце из Германии. Пятьсот двадцать семь миллионов франков золотом!.. Ну, двадцать семь миллионов ушли на нотариусов, посредников и прочих дельцов, примазавшихся к разделу наследства. Но по двести пятьдесят миллионов оба претендента получили полностью. Что сделал Саразен со своей половиной, было у нас перед глазами... Оставалось узнать, что сделал со своими капиталами герр Шульце...

Прежде всего мы с удивлением узнали, что этот профессор химии был гораздо более известен своими трудами о различии рас. Шульце выпускал книгу за книгой о германской расе, которая избрана поработить все другие. По его мнению, народы, которые не захотят слиться с потомками тевтонов, должны быть поголовно уничтожены.

По чертежам Шульце выстроен Стальной город — Штальштадт. Это крупнейшее в мире сталелитейное предприятие, на заводах которого главным образом отливают пушки новейших систем. Отсюда их поставляют во многие страны Нового и Старого Света, и прежде всего — в Германию. В Штальштадте работают тридцать тысяч рабочих высокой квалификации. Там царит военная организация и дисциплина. Малейшее нарушение правил и распоряжений влечет увольнение, а в серьезных случаях — бесследное исчезновение виновных или подозреваемых лиц. И эта чудовищная фабрика смерти собирается обрушить свое смертоносное оружие на мирный город Франсевилль!

Надо ли говорить, какое негодование охватило всех нас!.. И насколько увеличилось наше беспокойство за судьбу Дика! Первым со скамейки соскочил Тартарен, и с такой решительностью, что кастрюли и кинжалы грозно зазвенели в его саквояже.

— Мы должны выступить! И без всяких промедлений, медам и месье! Но куда, спрашиваю я. У старого льва есть еще клюв и когти! Где же находится цель, требую ответа я!

Немо сообщил, что, по свидетельству самого Жюля Верна, Штальштадт расположен на территории американского штата Орегон, всего в сорока километрах к зюйду от Франсевилля. Но эти сорок километров —

выжженная солнцем каменистая пустыня с малодоступными тропами.

К счастью, нам удалось нанять моторный бот, чтобы проделать большую часть путешествия морским путем. Мы быстро прошли вдоль побережья более тридцати километров и высадились на берегу скалистой бухты. Дальше владелец бота плыть не рискнул... Немо подарил ему на память жемчужное ожерелье для его дочери, что привело бедного моториста в крайнее изумление. Он был так поражен, что даже не мог благодарить... Моторист так и запомнился капитанам с полуоткрытым ртом и руками, цепко сжимавшими драгоценный подарок.

Один за другим члены клуба прыгнули в воду — ведь бот не мог подойти вплотную к зубчатым утесам. Правда, звезду Тараскона пришлось нести на его плече, так как он боялся промочить ноги, а насморк был его злейшим врагом, единственным, которого Тартарей боялся не на шутку. По крайней мере, толстяк так утверждал...

С высоты прибрежной скалы раздался крик Робинзона Крузо:

— Клянусь сокровищами бегумы, я опять напал на след нашего мальчишки! Вот его стрела и цифра «15», нацарапанные на камне ножом...

— Не шумите, капитан Крузо! — сухо оборвал его Немо. — Мы почти у предместья Стального города... Путешествие становится опасным!..

Робинзон Крузо предложил, не теряя времени, продолжить наше путешествие в Штальштадт, соблюдая при этом особую осторожность. И мы двинулись в путь индейским шагом, ступая след в след, друг за другом. Впереди шагал знаменитый отшельник, который прокладывал всем нам дорогу своими огромны-

ми сапогами из козьих шкур. Ни один самый опытный следопыт не смог бы установить, что по тропинке, прихотливо выющейся между скалистых холмов, прошел не один, а семь человек!

Менее чем через час впереди замелькали приветливые огоньки одного из пригородов Штальштадта. На улицах не было ни души, но они были ярко освещены. Только возле пивной толпилась группа молодых рабочих, но они так были заняты своими разговорами и соблюдением строгой очереди, что не обратили никакого внимания на идущих гуськом капитанов. Да и мало ли ежедневно прибывало в Стальной город новичков в надежде получить здесь работу в шахтах или в литейных цехах!

Под звуки оркестриона, исполнявшего бравурный марш, мы проследовали мимо пивного бара и очутились на окраине... Отсюда хорошо был виден Стальной город с его тройным кольцом крепостных стен, под защитой которых возвышалось зловещее здание Башни Быка...

Робинзон Крузо показал нам молча рукой на крошечную стрелку с цифрой «15», нарисованную угольной копотью на водосточной трубе крайнего домика предместья.

Не успели мы взять истинный курс по стрелке пятнадцатилетнего капитана, как вокруг нас началось подлинное столпотворение. Громко завывали сирены... Из домов выбегали люди, вынося свой скарб... По улице промчалось несколько экипажей, заваленных чемоданами и баулами важных господ, очевидно инженеров и мастеров Стального города. За ними бесконечным потоком потянулись тележки, детские коляски, грузовые платформы, в которые вместо лошадей были впряжены дюжие шахтеры и

литейщики. И все эти нехитрые транспортные средства были нагружены домашним скарбом жителей предместья, поспешно покидавших владения герра Шульце. Женщины несли на руках маленьких детей, а мужчины и ребята постарше сгибались под тяжестью ручной клади.

Мы остановили владельца кабачка, который катил перед собой большую пивную бочку на колесиках.

Карл Фридрих Иероним спросил его, что все это означает и правда ли, что люди отсюда бегут без оглядки.

— Да, ваша честь, это сущая правда, чтоб не сказать больше, — ответил кабатчик, вытирая рукавом потное одутловатое лицо. — Исчез герр Шульце, а без него никто не может отдать никаких распоряжений. Ведь у него в руках — все, все, что касается Штальштадта. А сейчас мы узнали, что на бирже в Сан-Франциско объявлено о банкротстве фирмы Шульце. Надо бежать отсюда, и чем скорее, тем лучше! Все заводы остановлены, работы нет и не предвидится. И даже некому будет промочить горло кружкой доброго баварского пива в моем заведении. Возвращайтесь обратно, господа. Вы здесь не найдете ни самого хозяина, ни кого-либо, кто мог бы дать вам сведения для ваших газет. Многие репортеры уже убрались ни с чем...

И, махнув нам на прощанье рукой, болтливый хозяин кабачка покатил дальше свою бочку.

Капитан Немо быстро оценил обстановку и отметил, что надо еще удостовериться, действительно ли исчез владыка Стального города или это уловка прожженного авантюриста. Не исключено, что все события связаны с появлением в Штальштадте Дика Сэнда. А возможно, что юноша погиб или, во всяком

случае, находится в крайней опасности. И капитаны поддержали предложение нашего председателя — во что бы то ни стало проникнуть в Стальной город!

Отбросив все предосторожности, члены клуба уже не шли индейским шагом, а бежали по дороге, ведущей из предместья к Штальштадту. Мюнхгаузен несколько вырвался вперед, но споткнулся о камень и чуть не свалился в пропасть. К счастью, его вовремя подхватила могучая рука Робинзона Крузо.

Вскоре перед нами предстало дьявольское создание Шульце. На беззвездном небе смутно вырисовывалась темная громада. Никаких признаков жизни. Безмолвие и мрак. Казалось, будто смерть витает над городом, а черные трубы торчат как обугленные скелеты.

Капитан корвета долго рассматривал Штальштадт в подозрную трубу и, пожимая плечами, сказал:

— Крепостные стены, рвы, укрепления, а за ними фабричные трубы... И нигде ни души...

— Весьма загадочная смесь средневековья и промышленной техники, — в раздумье добавил Артур Грэй. — Этот город-завод... или, если хотите, арсенал и крепость. Цитадель Смерти!

Робинзон Крузо стукнул прикладом мушкета по указателю с надписью «Штальштадт» с такой силой, что железный столб накренился вбок.

— Довольно рассуждений, капитаны! Ну, хорошо, согласен — цитадель Смерти... Клянусь хорошим абордажем, мы все равно должны туда проникнуть и спасти нашего Дика!

Тартарен в сомнении покачал головой, да так, что черная кисточка его фески долго не могла прийти в спокойное состояние.

— Увы, медам и месье, — со вздохом произнес любимец Тараскона. — Есть вещи, невозможные даже для

львов Атласа. Бойницы, решетки... и подъемный мост поднят. Кто его опустит для нас?

Его излияния прервал грохот опускающегося моста. Немо без колебаний первым вступил на мост. За ним, держа оружие наготове, тесной группой двинулись остальные капитаны. Распахнулись тяжелые дубовые ворота, окованные железом, и навстречу непрошеным гостям вышел краснорожий бородач в сером казакине. Он, насколько возможно, склонил свою бычью шею, прежде чем нас приветствовать:

— Высокие господа! Я — личный телохранитель его превосходительства доктора-профессора Шульце. Мое имя Сигимер. Второе доверенное лицо — Арминий погиб. Я здесь остался один. Готов выполнять приказы нового начальства.

— Вы слыхали что-нибудь о пятнадцатилетнем капитане?.. — взволнованно спросил его Артур Грэй.

Бородач в изумлении наморщил лоб:

— Никогда и ничего! И сомневаюсь, чтобы в таком возрасте можно было получить капитанский чин.

— Все бывает на свете, герр Сигимер, — с усмешкой заметил Лемюэль Гулливер. — Особенно в романах Жюль Верна.

Капитан Немо снял с плеча электрическое ружье и приказал великану проводить капитанов в кабинет Шульце. Телохранитель его превосходительства нажал кнопку, открылись стальные ворота, затем несколько массивных металлических дверей. Бородач с поклоном пригласил нас следовать за ним в Башню Быка.

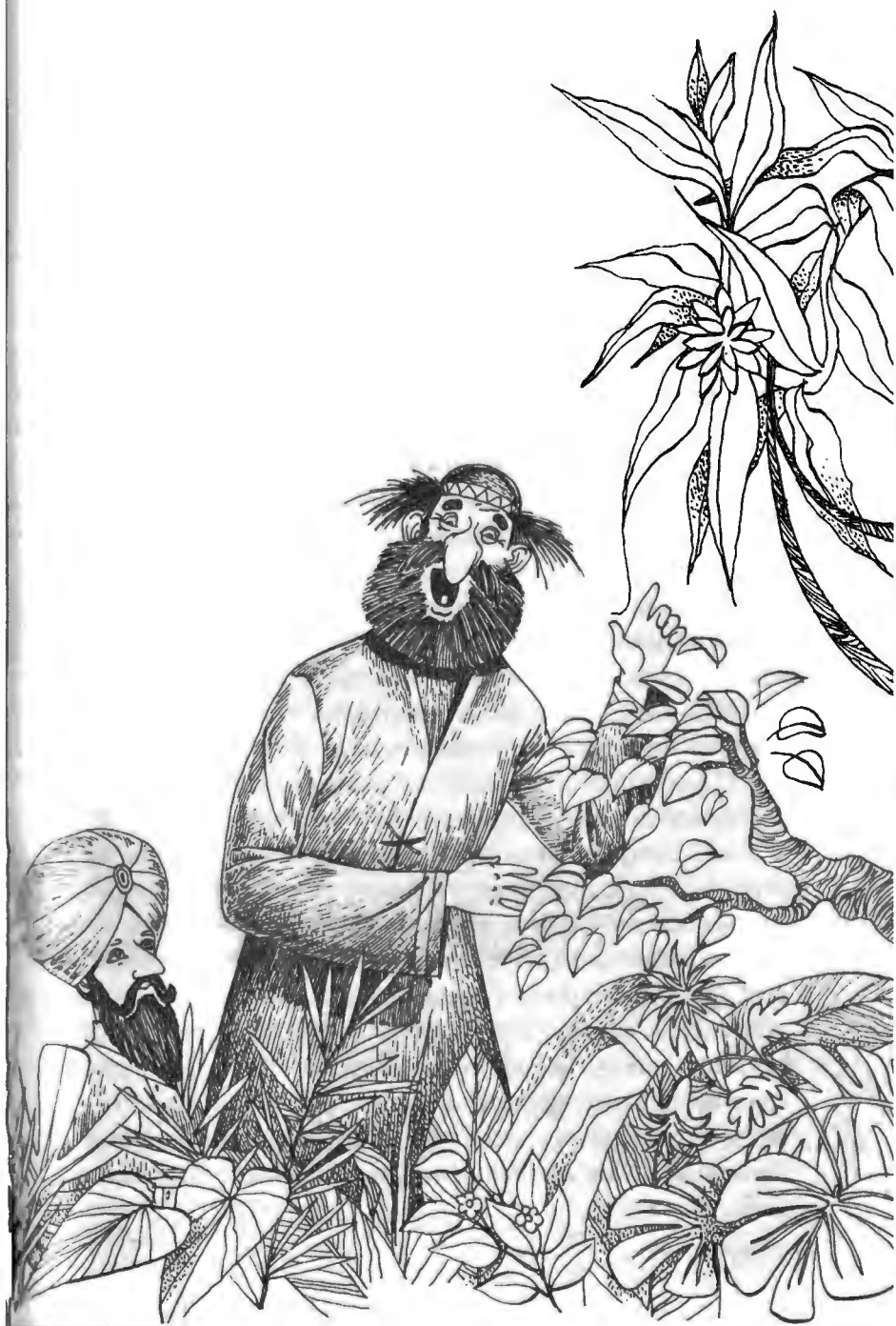
К своему громадному изумлению, мы внезапно попали в девственный тропический лес. Кругом со всех сторон поднималась зеленая чаша — стройные пальмы, широколиственные бананы, причудливой формы

кактусы, гибкие лианы, обвиваясь вокруг высоких эвкалиптов, ниспадали гирляндами или пышной, густой завесой.

Всюду пестрели прекрасные невиданные цветы. Сочные ананасы и гуавы зрели рядом с благоухающими апельсинами. Стаи колибри и райских птичек носились над головой, сверкая всеми красками своего роскошного оперения.

Мы спросили нашего провожатого, каким образом здесь, в каменистой пустыне штата Орегон, живут все эти обитатели тропиков... Сигимер, немного поколебавшись (очевидно, он боялся выдать какую-то из многочисленных тайн Штальштадта), все же ответил, что совсем близко находятся каменноугольные копи, где происходит постоянное горение. Да, трубы пока что согревают эти открытые оранжереи, хотя ни одно-

го рабочего в копиях не осталось. Они удрали, как крысы с тонущего корабля. Никакой истинно германской дисциплины! И как только они пронюхали о крахе фирмы герра Шульце?..

Мы спустились по усыпанной песком аллее к широкой мраморной лестнице с величественной колоннадой. За ней возвышалась тяжелая громада массивного квадратного здания, служившего как бы пьедесталом Башни Быка.

Вслед за Сигимером капитаны прошли в вестибюль, представляющий собой настоящий музей скульптуры. Но нам некогда было разглядывать эти памятники искусства — надо было спешить на свидание с доктором-профессором Шульце, во имя спасения нашего Дика Сэнда.

Мы быстро миновали громадный, обитый красным с золотом зал, затем второй — черный с золотом и, наконец, попали в зеленую с золотом гостиную. И тут перед нами предстало такое странное зрелище, что мы все попятились от удивления...

На столах, на креслах, на полу — всюду валялись нераспечатанные пакеты, письма, депеши, бандероли. Ноги тонули в них чуть не по колено.

Общее молчание прервал Карл Фридрих Иероним: — Ущипните меня... Мне кажется, что я сплю. На полу вместо ковра десятки тысяч каких-то посланий, и ни один конверт не вскрыт! А сколько тут валяется миллионов в ценных бумагах, в векселях, переводах!.. Нет, вы только взгляните, на всей корреспонденции красуется один только адресат — «Его превосходительство доктор-профессор Шульце». Где же скрывается этот банкрот?.. Кажется, придется лично мне взяться за всю эту переписку. Уж я наведу тут полный порядочек за какие-нибудь полчаса! Бывало, в

моем фамильном замке в Боденвёрдере входящие письма заваливали большой зал почти до потолка... Одни телеграммы турецкого султана забивали парадный вход, как снежные сугробы. Моя матушка не могла даже утром выходить на прогулку... Но я успевал за полчаса ответить всем своим бесчисленным корреспондентам!..

— У нас нет получаса и даже лишней минуты, любезный Мюнхгаузен, — со вздохом произнес Лемюэль Гулливер.

— Где ваш Шульце?.. — покраснев от гнева, вскричал Тартарен. — Даже у морских львов терпение отнюдь не безгранично, мсье Сигимер!

— Герр Сигимер, — сухо поправил его великан. — Прошу с уважением относиться к текущей переписке Стального города. Я и мой покойный друг Арминий имели честь доставлять ее в кабинет хозяина.

Робинзон Крузо взвел курок своего мушкета и приставил дуло к груди рыжебородого гиганта:

— Клянусь выстрелом без осечки, я начинаю уставать от ваших тайн, последний отшельник Штальштадта! Ведите нас к вашему губернатору, властелину, шефу, или как он еще там называется!..

Сигимер спокойно отвел мушкет в сторону. Даже могучие руки Робинзона не могли совладать с его лапищей.

— Неужели вы не догадались, что переписка герра Шульце валяется на полу за отсутствием адресата? Но вы можете сейчас увидеть его превосходительство. Прошу кого-нибудь из господ потянуть вниз эту золоченую подвеску от люстры.

Гулливер, самый высокий среди капитанов, встал на цыпочки и ухватился за массивную золоченую подвеску... Люстра медленно поехала вниз, барельеф

на потолке раздвинулся, и из щели беззвучно спустилась вниз легкая стальная лесенка.

— Я предупреждаю — это одно из двух: или ловушка, или западня, — прошептал Мюнхгаузен.

Но Немо зажег свой нагрудный фонарь и первым стал взбираться по лесенке. За ним последовали все остальные. Шествие замыкал Сигимер, услужливо захватив громоздкий багаж любимца Тараскона. Вскоре мы очутились в большом круглом зале без дверей и окон.

Карл Фридрих Иероним осмотрелся по сторонам, не скрывая своего удивления:

— Где мы?.. Мне это напоминает чрево одной гигантской рыбы, в котором я совершил одно из своих увлекательных путешествий. Там тоже не было окон и дверей... Как сейчас помню!..

Весьма вероятно, что мы услышали бы множество подробностей о чреве гигантской рыбы, если бы Мюнхгаузена не остановил саркастический голос любимца Тараскона:

— Мсье Мюнхгаузен, а там был на полу гигантский иллюминатор, откуда освещается этот зал?.. Молочным светом...

Сигимер поправил свой серый казакин и вытянулся во фронт, прежде чем сделать весьма торжественное заявление:

— Кто бы вы ни были, незнакомцы, но сейчас вы узнаете разгадку тайны. Взгляните вниз. Через это толстое стекло...

Мы подошли к смотровому иллюминатору, вделанному в дубовый пол, и, опустившись на колени, заглянули в светящийся диск. В ослепительном свете была ясно видна чудовищно увеличенная человеческая фигура, застывшая словно каменное изваяние.

Вокруг нее все было усеяно мелкими осколками снаряда.

Мертвую тишину прервал капитан галиота «Секрет» Артур Грэй:

— Ни в Лиссе, ни в Зурбагане я не видал ничего подобного... Внизу какая-то лаборатория... А за столом сидит подобие ледяного истукана.

— Смотрите... в лаборатории все замерзло... реактивы в банках... вода в сосудах... — прошептал Лемюэль Гулливер.

— Клянусь всеми айсбергами Атлантики, я не могу понять — кто этот обледеневший человек? — чересчур громко произнес Робинзон Крузо.

Последний из обитателей Стального города, личный телохранитель его владыки, снова вытянулся во фронт. Его голос звучал торжественно и скорбно:

— Честь имею представить — его превосходительство, доктор-профессор Шульце. Или, вернее, то, что от него сохранилось.

— Вы не знаете, как все это произошло, мсье Сигимер?... — спросил подавленный всем увиденным Тартарен.

Великан ответил после большой паузы, которая помогла ему справиться со своими чувствами:

— Не мсье, а герр Сигимер. При последнем испытании снаряда, который должен был уничтожить Франсевилль, шеф находился в своей секретной лаборатории. Снаряд от неизвестных мне причин взорвался. Немедленно образовался ядовитый газ, который все заморозил. Это случилось мгновенно. Его превосходительство, застигнутый внезапной смертью, превратился в ледяную статую. После взрыва Стальной город опустел — все разбежались. Позор для истинных германцев!

— А почему вы остались здесь? — испытующе спросил капитан Немо.

Рыжебородого гиганта нисколько не смутил этот вопрос.

— Об этом лучше спросить господина Жюля Верна. Друг ненавистного доктора Саразена Марсель Брукман, побывавший в Штальштадте после катастрофы, незадолго до вас... связал меня, а потом развязал и оставил в мертвом городе. На шестьсот девяносто пятой странице романа. Почему он проявил ко мне такую милость, мне лично неизвестно. Но разве может истинный германец проникнуть в тайники души какого-то эльзасца да еще разведчика, подосланного из Франсевилля!

Артур Грэй приткнулся к огромному глазу иллюминатора, поднялся на ноги и обратился к членам клуба совсем не присущим ему настойчивым тоном:

— Капитаны! Необходимо узнать, что именно писал Шульце в последние мгновения своей жизни. В его ледяной руке зажато громадное, словно копье, перо. Не писал ли он смертный приговор Дику?.. Отсюда мне не удалось разобрать ни одной строчки.

Любимец Тараскона громко чихнул и накинул на плечи свой полосатый плед.

— Увы, мсье Грэй, проникнуть в лабораторию — это безумие! Тут дело пахнет не насморком, а превращением в айсберг.

Но председатель нашей сегодняшней встречи тут же доказал, что проникать в лабораторию нет никакой надобности, и попросил капитана корвета «Коршун» привести подзорную трубу на письменный стол, за которым застыл навсегда доктор-профессор.

Василий Федорович буквально через минуту разглядел строчки, написанные огромным пером на

листке бумаги... Нам оставалось занести в вахтенный журнал самую суть последнего распоряжения повелителя Стального города.

«Распоряжение Б.К.Р.Ц. Операцию провести молниеносно, не отступая ни на йоту от моих указаний. Я хочу, чтобы по истечении пятнадцати дней Франсевилль был превращен в мертвый город и чтобы ни один из его жителей не остался в живых. Я хочу напомнить миру гибель Помпеи и заставить его содрогнуться от ужаса. Позаботьтесь доставить сюда трупы доктора Саразена и Марсея Брукмана. Я хочу их видеть и иметь перед своими глазами.

Шульц».

— Не Шульц, а Шульце! — с холодной настойчивостью добавил Сигимер.

Капитан корвета «Коршун» еще раз взглянул в подзорную трубу и высказал предположение, что герр Шульце просто не успел дописать последнюю букву и поставить росчерк. Ведь катастрофа в лаборатории произошла молниеносно.

Но эти подробности мало интересовали Артура Грэя. Он был поражен тем, какие ужасные мысли и планы запечатлело в последнюю минуту перо этого злодея. Да, он погиб в своей берлоге, как и многие тираны и деспоты, замышлявшие стереть с лица земли целые страны и народы.

Робинзон Крузо еще раз обвел глазами засыпанное битым стеклом помещение лаборатории и ее обледевшие стены.

— Капитаны, я все больше боюсь за Дика, — сказал он тревожно. — Не погиб ли юноша во время взрыва?..

Это предположение опроверг Лемюзель Гулливер. Ведь иначе через иллюминатор была бы видна вторая ледяная фигура.

Капитан Немо в глубоком раздумье заявил, что у нас есть единственный выход — дать задний ход по страницам романа, когда Шульце был еще в расцвете сил. Может быть, Дик остался в одной из начальных глав, пусть в каземате или темнице, но живой!..

Сигимер внезапно оживился, и на его тупом лице появилось какое-то подобие улыбки. Он молитвенно сложил руки и низко поклонился каждому по очереди:

— Господа! Возьмите меня с собой. Мне так хочется вернуться в те счастливые времена...

Но его тут же оборвал Карл Фридрих Иероним. С присущей ему категоричностью суждений он заявил, что нам бы не хотелось вступать в конфликт с автором романа и тем самым погрешить против истины. Он потребовал, чтобы рыжебородый великан напомнил, на какой странице с ним расстался Жюль Верн.

Личный телохранитель герра профессора был настолько вышколен, что не мог вступать в споры с начальством. А ведь ему, конечно, было известно, что Карл Фридрих Иероним имел титул барона. Поэтому он по-солдатски отпортовал, что автор покинул его на шестьсот девяносто пятой странице, как он уже имел честь докладывать господам офицерам.

Капитан Немо громко скомандовал:

— Н-але-е-во кругом! Ша-гом марш! В караулку Башни Быка!

Сигимер козырнул и, топая сапожищами, стал спускаться вниз по стальному трапу.

Наш председатель достал из нагрудного кармана своего подводного костюма небольшую книгу в ста-

ринном переплете и начал ее листать, приговаривая при этом:

— Я захватил из салона «Наутилуса» первое издание романа «Пятьсот миллионов бегумы». Внимание! Сейчас мы проложим курс в главу восьмую — «Пещера Дракона»... В логово живого Шульце!

Тартарен без малейшей тени поспешности стал собирать свой багаж и долго вздыхал, прежде чем высказать отношение к этому маршруту...

— Ах, медам и месье! Я буду с вами совершенно откровенен!.. Мне как-то не очень хочется встречаться с живым Шульце. В замороженном виде... он как-то привлекательнее, ну, насколько это возможно для такого персонажа. И признаюсь честно, мне не нравится название главы. Оно бы не понравилось никому в Тарасконе, особенно в клубе охотников за фуражками... «Пещера Дракона»!.. Бр-р-р... Не предвещает ничего хорошего.

Раздался шелест страниц... Немо широко раскрыл переплет, приглашая нас в главу восьмую... Но что бы нас там ни ожидало, необходимо было спешить на помощь Дику...

И мы дали полный назад по страницам романа...

Через несколько мгновений члены клуба очутились в большом зале нижнего этажа, где на полу стояли ряды продолговатых, цилиндрической формы предметов, которые издали можно было принять за снятые с лафетов пушки. Немо шепотом пояснил, что мы в зале снарядов. Раздался шум гидравлической подъемной машины, и председатель встречи приказал всем спрятаться за рядами огромных цилиндров.

В зал вошел человек лет сорока пяти, довольно грузный. Квадратные плечи свидетельствовали о его крепком телосложении. Редкие, цвета мочалки воло-

сы на висках и на затылке окаймляли широкую лысину, начинавшуюся от самого лба. Бледно-голубые глаза, лишенные всякого блеска, не выражали ни мысли, ни чувства, но этот тусклый, ничего не выражающий взгляд вызывал неприятное ощущение.

За своим патроном следовал молодой человек весьма привлекательной наружности. В нем чувствовалась большая физическая сила, а его глаза отражали твердость характера и незаурядные умственные способности. Не трудно было догадаться, что грузный человек был доктором-профессором Шульце, но кто был его спутник? Весь его облик как-то не вязался с жестокими обитателями Стального города, такими, как Арминий и Сигимер.

Повелитель Шталштадта был охвачен приступом совершенно несвойственной ему откровенности.

— Итак, вы сейчас узнаете главные тайны нашей фирмы, дорогой Шварц, — сказал он, дружески похлопав тяжелой рукой по плечу своего собеседника.

— Зовите меня просто — Иоганн, — отозвался молодой человек, явно польщенный грубоватой любезностью патрона.

— Итак, дорогой Иоганн, вы только что видели мою чудо-пушку весом в триста тысяч тонн — на Башне Быка. Незабываемое зрелище, не правда ли?.. Да, мой друг и конкурент герр Крупп фон Болен унд Гальбах не создал пока в своем Эссене ничего подобного. А ведь его фирма основана в тысяча восемьсот одиннадцатом году!..

Иоганн Шварц почтительно выслушал всю эту тираду, одновременно внимательно разглядывая огромные цилиндры.

Тартарен тихонько прошептал, с трудом дотянувшись до уха Гулливера:

— Пардон, мсье Лемюэль, я обращаюсь к вашей осведомленности, не говоря уже о глубочайших знаниях и памяти... Кто этот молодой убийца с симпатичным лицом? Он говорит с эльзасским акцентом, а имя и фамилия — Иоганн Шварц. Все это крайне подозрительно, чтобы не сказать больше.

Гулливер зажал рот любимца Тараскона кружевным носовым платком и молча вписал в вахтенный журнал следующие строки:

«Молчите, достопочтенный Тартарен! Больше ни звука. Мы в самой опасной зоне нашего путешествия! Теперь по существу волнующего как вас лично, так и всех ваших коллег вопроса: кто такой этот Иоганн Шварц? И Иоганн ли он, и Шварц ли он — в действительности? Если я не ошибаюсь — это друг доктора Саразена и жених его дочери Марсель Брукман! Можно с уверенностью высказать предположение, что он пробрался в Штальштадт под чужим именем и вошел в доверие к самому герру Шульце».

Мимо капитанов прошли в обнимку герр профессор и его молодой поверенный. Владелец концерна, очевидно, был рад случаю раскрыть все свои тайны молодому талантливому инженеру.

— Итак, милейший Иоганн, совершим маленькую прогулку по залу снарядов... Вот они, перед вами... Это снаряды — ракеты — из стекла, в дубовой обшивке, заряженные под давлением в семьдесят две атмосферы жидкой углекислотой. В результате разрыва снаряда температура в окружающей зоне понижается на сто градусов ниже нуля! Всякое живое существо должно неминуемо погибнуть от этой леденящей температуры и от удушья. И при этом раненых не бывает — одни трупы. Ну-с, вам теперь ясен принцип

моего изобретения? Искусственно созданный океан чистой углекислоты. Целый океан!.. Фирма Крупп до сих пор не смогла создать ничего подобного! Это мог сделать только доктор-профессор Шульце! Скоро я произведу один опыт, и тогда те, кто сомневается, смогут собственными руками ощупать сотни тысяч трупов, которые мой снаряд уложит на месте! Тринадцатого сентября в одиннадцать часов сорок пять минут вечера Франсевилль исчезнет с лица земли! Его постигнет участь Содома. Я низрину на него пламя с небес.

Молодой инженер был потрясен чудовишными планами стального короля, представшего перед ним во всей своей наготе и жестокости. Только после большой паузы он смог заговорить, причем голос его заметно дрожал:

— Но, ваше превосходительство, ведь жители Франсевилля не сделали вам ничего дурного!

Тонкие губы доктора-профессора раздвинулись, обнажив чудовишные зубы. В этот момент он упивался своей властью над жизнью и смертью сотен тысяч людей. Но ответил холодно и спокойно, как будто речь шла о самых обыкновенных вещах:

— Дорогой мой... Добро, зло, право — все это вещи относительные и весьма условные. В мире нет ничего абсолютного, за исключением великих законов природы. Один из этих законов — борьба за существование — столь же непреложный, как закон всемирного тяготения. Пытаться уклониться от него бессмысленно. Надо жить и действовать так, как он нам диктует. И вот потому-то я и уничтожу доктора Саразена. С помощью моей пушки пятьдесят тысяч германцев без труда отправят на тот свет сто тысяч

жалких мечтателей, ибо эта порода обречена на гибель.

Иоганн Шварц понял, что пытаться отговорить герра Шульце от его преступной затеи — дело бесполезное.

Они молча направились в столовую... Капитаны выскользнули из своего укрытия в зале снарядов и бесшумно последовали за ними. Там они нашли для себя новое убежище за огромным шкафом с посудой.

Не успели они занять эту выгодную для наблюдения позицию, как Шульце вернулся и запер дверь в зал снарядов секретным запором.

Он уселся в кресло, спокойно поднес к губам кружку пива и распорядился подать себе новую фарфоровую трубку. Затем он приказал лакею передать, чтобы его личная охрана никуда не уходила.

— Вы серьезно намереваетесь привести в исполнение то, что задумали? — прервал долгое молчание молодой человек, который был только что доверенным стального короля, а теперь почувствовал себя его пленником.

Шульце пристально посмотрел ему в лицо холодным, непроницаемым взглядом, в котором многое было сказано раньше, чем он заговорил:

— Вы, дорогой мой, по-видимому, абсолютно неспособны мыслить логически. Поэтому мне не так уж приходится жалеть, что смерть настигнет вас в таком юном возрасте. Вам хотелось проникнуть в мою тайну, Иоганн Шварц. Ну вот, ваше желание удовлетворено. А теперь вы должны умереть. Могу вам сказать теперь, что ваш предшественник Зоне погиб не от взрыва динамита, а оттого, что он проник в мою тайну. Цель, которую я ставлю перед

собой, столь грандиозна, что я не могу рисковать успехом дела из-за таких, можно сказать, ничтожных соображений, как жизнь одного человека — даже такого человека, как вы, чьи умственные способности я высоко ценю.

Шульце позвонил в висячий звонок и приказал появившейся в дверях страже взять Иоганна Шварца под строгий домашний арест.

— Клянусь мушкетом и топором, — тихо промолвил Робинзон Крузо, — нам пора вмешаться в это дело и освободить симпатичного Иоганна Шварца, или Марселя Брукмана, что, в общем, одно и то же...

— Не надо. Об этом позаботился автор романа. Марсель останется жив и невредим в отличие от герра профессора! — прошептал капитан Немо, выходя из-за посудного шкафа, служившего нам укрытием. За ним последовали все капитаны...

Услышав говор, шаги и звон оружия, владыка Штальштадта потянулся к звонку, но капитан корвета успел обрубить провод своим кортиком.

Вперед выскочил Мюнхгаузен и свысока кивнул перепуганному стальному королю:

— Учтите, Шульце, что перед вами собственной персоной барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен ауф Боденвёрдер! И лгать в моем присутствии бесполезно.

Тартарен величественно выпрямился, да так, что весь его походный арсенал многозначительно зазвенел:

— Разрешите представиться — губернатор колонии Порт-Тараскон, гроза львов и председатель клуба охотников за фуражками! Прошу иметь в виду, что я вас держу на прицеле двух охотничьих ружей крупного калибра и трех дуствольных пистолетов,

не говоря уже о малайском кинжале и турецком ятагане.

Лемюэль Гулливер вытянулся во весь рост. Старинная шляпа с загнутыми тульями делала его еще выше.

— Вовсе не уважаемый Шульце, вам придется иметь дело с нами... Заявляю со всей ответственностью, как главнокомандующий морскими силами его величества императора Лилипутии!

Василий Федорович взял под козырек и представился самым официальным образом:

— Мореплаватель, капитан корвета, совершивший по воле Константина Станюковича кругосветное плавание на моем «Коршуне».

Герой феерии Александра Грина «Алые паруса» уселся на резной дубовый стул напротив стального короля и небрежно бросил:

— Послушайте, герр Чудовище!.. Перед вами Артур Грэй, рыцарь мечты... И защитник всего прекрасного и живого!..

Немо заметил, что все наши звонкие титулы произвели ошеломляющее впечатление на стального короля, и решил окончательно его поразить...

— А я принц Дакар, добрый знакомый бегумы Гокооль и друг ее покойного мужа — раджи Лукмиссура. Весь Штальштадт построен на вашу половину пятисот миллионов бегумы!.. И раджа, и его супруга перевернулись бы в гробах, если бы их останки не были сожжены по индийскому обычаю!..

Не слишком гостеприимный хозяин понемногу начал приходить в себя. Во всяком случае, когда он обрел дар речи, его голос звучал ровно и спокойно:

— Весьма польщен таким приятным знакомством, господа... Особенно с его высочеством принцем Да-

каром. Я имею удовольствие быть главным персонажем романа «Пятьсот миллионов бегумы», и несмотря на то, что Жюль Верн отнюдь не германец, весьма ему благодарен. Он создал образ доктора-профессора Шульце, достойный удивления и подражания.

Обычное хладнокровие стало покидать командира «Наутилуса». Он с трудом сдержал приступ яростного гнева:

— Меня тоже создал Жюль Верн, меня, капитана Немо, но мы с вами непримиримые враги на всю книжную жизнь!

Стальной король проявил свою склонность к философским рассуждениям:

— И дружба и вражда проходят через всю историю человечества. Мне лично больше нравится вражда, как свойство истинно тевтонского духа. Но все же скажите, кто вы такие? Случайные соседи по библиотечным полкам?.. Путешественники без определенной цели?.. Или компаньоны по какому-нибудь прибыльному предприятию?.. А может, у меня сдают нервы и мне все это чудится?.. Что вам, собственно, угодно, если вы не видения этой беспокойной ночи?

Робинзон Крузо стукнул прикладом мушкета об пол с такой силой, что вся посуда в шкафу задрезжала, а несколько пивных кружек с грохотом падали на пол. Однако на это никто не обратил внимания, так как громовой голос знаменитого отшельника перекрыл звон стекла:

— Клянусь всеми сокровищами бегумы, мы не тени и не плод вашего безумия, Шульце! Мы члены Клуба знаменитых капитанов... Лично я имею также титул губернатора необитаемого острова, открытого в архипелаге Хуан-Фернандес. Этот остров теперь но-

сит мое имя, имя Робинзона Крузо. Мы требуем, чтобы вы не уклонялись от прямого курса, герр профессор! Где Дик Сэнд?

Владыка Штальштадта весело усмехнулся:

— А-а... этот очаровательный юноша... Несмотря на его дружбу с неграми, я отнесся к нему снисходительно, почти по-отечески... Ведь мы с ним стоим на библиотечных полках в одном переплете, а именно — в восьмом томе сочинений Жюль Верна.

Робинзон подошел вплотную к Шульце и поднял его за воротник сюртука из кресла.

— Клянусь внезапным кораблекрушением, если вы немедленно не скажете, где Дик...

Стальной король с трудом вырвался и, нисколько не обидевшись, примирительно произнес:

— О, эти нервы... Да не трясите мушкетом над моей головой!.. Я весь к вашим услугам. Прошу в лифт, господа...

Он достал из жилетного кармана связку маленьких фигурных ключей и открыл одним из них тайную дверь в стене. Мы с трудом поместились в гидравлическую подъемную машину, причем багаж Тартарена пришлось держать на весу, над нашими головами. Впрочем, эта теснота имела и свою положительную сторону — герр доктор-профессор был окружен таким плотным кольцом, что не мог и помышлять о бегстве.

Лифт остановился. Хозяин нажал каким-то особым, одному ему ведомым движением боковую стенку. Тихо открылась дверь, и мы, к своему удивлению, очутились в секретной лаборатории, которую имели случай наблюдать сверху через смотровой иллюминатор. Но на сей раз Шульце еще не был заморожен, хотя роковой стеклянный цилиндр в

дубовой обшивке уже стоял на испытательной установке. Герр профессор сел за свой письменный стол, достал из ящика какие-то бумаги и громадное, словно копье, перо. Робинзон Крузо осмотрелся кругом и, не заметив никаких следов пребывания пятнадцатилетнего капитана в лаборатории, холодно бросил:

— Дика здесь нет и не было!.. Что вы предпочитаете, Шульце?.. Удар прикладом по голове или топор, как у древних тевтонов?

Вместо ответа раздался слабый треск — очевидно, хозяин Штальштадта нажал ногой какую-то тайную пружинку. С потолка мгновенно спустился прозрачный экран, отделивший нас от письменного стола. Сомнений быть не могло — это была пуленепроницаемая завеса. Робинзон со страшной силой бил топором по экрану, но на нем не оставалось даже мелких зазубрин.

Мы были в западне. А Шульце злорадно смеялся:

— Берегите нервную систему, ваше превосходительство губернатор. Ведь с вас берут пример попугай, коза и Пятница. Не правда ли?.. Я попрошу всех господ капитанов поудобнее расположиться на этих диванах и набраться немного терпения. Сейчас многое тайное станет для вас явным...

Мы не тронулись с места и продолжали стоять тесной группой, держа наготове оружие, хотя знали, что бессильны что-либо предпринять.

Владыка Стального города закурил новую фарфоровую трубку. Он нисколько не торопился, видимо наслаждаясь тем, что знаменитые капитаны оказались его пленниками.

Робинзон Крузо, не выдержав, прервал долгое молчание герра профессора:

— Клянусь моим побегом из рабства, я не могу больше оставаться в неведении! Куда вы запрятали нашего друга? Жив он или нет?.. И вообще, долго ли вы намерены держать нас в этой стеклянной клетке?..

— Это зависит только от вас, вернее, от вашего благоразумия... — спокойно и почти любезно ответил стальной король, любуясь синеватыми кольцами табачного дыма. — Вход сюда строжайше запрещен, и все ключи хранятся в потайном кармане моего сюртука. Надеюсь, вы понимаете, какая честь оказана вам, господа, как моим постоянным соседям по книжным полкам?.. Ну-с, такое же внимание было проявлено и к пятнадцатилетнему капитану. Несмотря на его вызывающее поведение, я счел возможным признать это мальчишеской выходкой. Всем нам, господа, было когда-то по пятнадцать лет... Прекрасная пора юности, пора бесплодных надежд и несбыточных мечтаний. Кроме того, повторяю, я не мог сбросить со счетов, что мы с молодым мистером Сэндом стоим на библиотечных полках в одном переплете — в восьмом томе собрания сочинений Жюль Верна. Да, когда живешь в одном переплете, всегда возможны неожиданные встречи героев и какие-то повторения их приключений на страницах соседнего романа. Но поймите меня правильно, господа, я не имел ни малейшего намерения вступать в конфликт с Клубом знаменитых капитанов, столь известным в библиотечном мире.

Капитан Немо подошел вплотную к прозрачной завесе, отделявшей нас от письменного стола владыки Стального города.

— Если это так, герр Шульце, мы хотели бы знать, на каких условиях вы готовы освободить Дика Сэн-

да, если он действительно жив и невредим, и вернуть его в нашу кают-компанию?

Шульце поднялся из глубокого кресла, застегнул свой сюртук на все пуговицы и церемонно поклонился:

— Очень рад. Теперь я вижу возможность приступить к деловым переговорам. Однако прошу иметь в виду мудрую восточную пословицу: «Войти в дом — дело гостя, но выйти из него — дело хозяина». Я готов провести вас в уютное местечко, где отдыхает сейчас наш общий любимец... Эта наша фундаментальная библиотека. Мне хотелось показать Дику Стальной город во всем великолепии, но юношу увлекли книги. Да, верно говорил старик Цицерон: «Дом без книг — что тело без души!»

— Какие гарантии вы от нас потребуете, сударь? — испытующе спросил Артур Грэй.

Непроницаемое лицо герра профессора не отразило даже тени колебания.

— Гарантии?.. О, я не потребую от вас присылки парламентаров с белым флагом, как фельдмаршал Мольтке после битвы при Седане от императора Франции Наполеона Третьего. И даже расписки кровью, как полагалось у древних тевтонов. Для меня вполне достаточно вашего капитанского слова, что вы не причините никакого вреда ни самому Шульце, ни его детищу — Штальштадту.

Капитаны переглянулись. От общего имени выступил капитан корвета «Коршун», опершись на рукоятку кортика:

— Мы принимаем ваши условия, герр профессор. Вы отдаете нам пятнадцатилетнего капитана с тем условием, что члены клуба немедленно покидают ваши владения.

— Даем капитанское слово, что не будем вмешиваться в дела фирмы Шульце. Пусть о вашей судьбе позаботится почтенный автор романа «Пятьсот миллионов бегумы». Если я не ошибаюсь, он сумел достоверно рассказать о результатах ваших зловещих планов, — уклончиво добавил Лемюэль Гулливер.

Шульце добродушно кивнул в знак полного согласия с этими словами:

— Зловещие планы иногда самые достойные, как должно быть известно вашему превосходительству — главнокомандующему флотом его величества императора Лилипутии. А воля авторов — это непреложный закон для книжных героев. Пусть даже доктор-профессор Шульце погибнет, но у него найдутся единомышленники, продолжатели и наследники во многих странах мира. Ведь литература, как и наука, — это прежде всего великий дар предвидения. Но не будем тратить время на литературные споры. Сделка состоялась, и фирма Шульце приступает к выполнению своих обязательств.

Владыка Стального города снова нажал кнопку под столом. Слабо прозвенела пружинка, и прозрачный экран мгновенно поднялся, скрывшись среди стальных плит потолка.

У всех нас было громадное искушение схватить ненавистного Шульце, но капитанское слово — это верное слово.

Хозяин Штальштадта прикоснулся рукой к одной из плит задней стенки своего кабинета. Она раздвинулась, как театральный занавес. Перед нами открылась широкая стальная лестница, ведущая вниз. Она была ярко освещена электрическим светом, проникавшим через иллюминаторы из молочного стекла.

— Итак, прошу проследовать в нашу фундаментальную библиотеку, — гостеприимно произнес доктор-профессор.

Он первым начал спускаться по лестнице, на ходу нежно погладив высокий снаряд в дубовой обшивке, стоявший на испытательном стенде.

Мы без колебаний последовали за Шульце, на всякий случай незаметно держа его на прицеле своих пистолетов.

Через минуту перед нашими взорами предстало большое книгохранилище. Все его стены были уставлены книжными полками. Они были сплошь заполнены солидными томами в кожаных переплетах с золотым тиснением на корешках. Но главное было не в этом! Яркий молочный свет, струившийся из иллюминаторов в потолке (как и в секретной лаборатории Шульце), освещал продолговатый стол, заваленный газетами и журналами на самых различных языках. А в конце стола на круглом табурете сидел наш дорогой Дик, перелистывая какой-то объемистый атлас... Услышав шорох шагов по стальным ступеням, юноша поднял голову и бросился навстречу членам кают-компаний. Изумление, радость, надежда и, не будем скрывать, тревога за нас светились в его глазах.

Мы окружили нашего любимца, и он стал переходить из одних крепких капитанских объятий в другие... Непростительная беспечность со стороны старых морских волков! Ведь в эти радостные мгновения мы совершенно забыли о Шульце, о Стальном городе, а главное, о столь ценимом герром профессором тевтонском коварстве. И были за это жестоко наказаны.

Нас отрезвил уже знакомый нам легкий стук прозрачного экрана, который не могли пробить ни

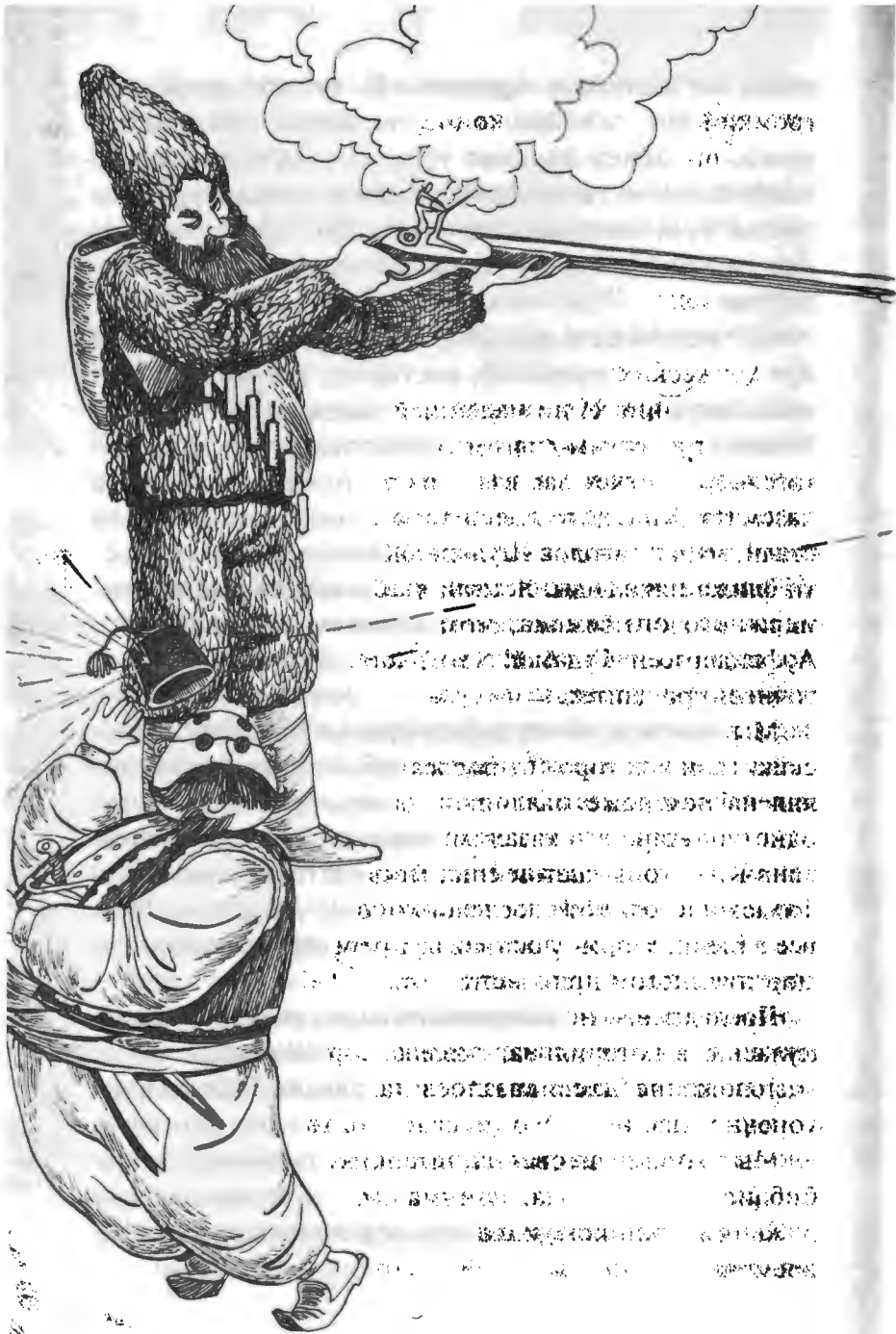
пули, ни холодное оружие... И тут мы услышали громкий смех хозяина концерна. Вдоволь нахохотавшись, он вытер толстые губы носовым платком с изображением гигантской пушки и торжествующим тоном произнес краткую речь. Его слова звучали как приговор, не подлежащий никакому обжалованию:

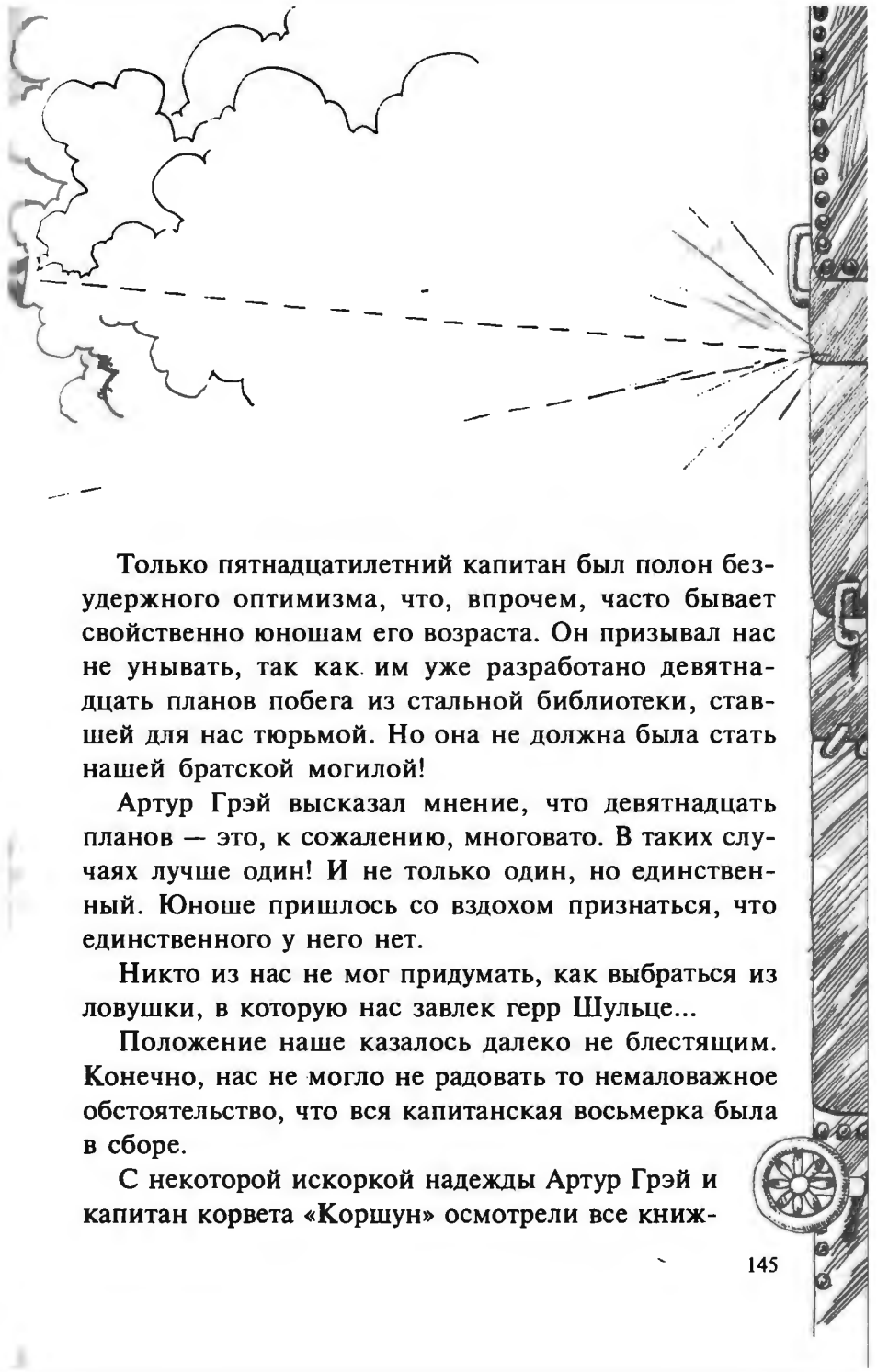
— Уважаемые господа! У вас будет масса времени для дружеских излияний, восторгов, размышлений и воспоминаний. И ни малейшей надежды на спасение! Считаю приятным долгом сообщить, что ни один читатель не сможет вас взять из этого бронированного каземата. Книжные полки также отлиты из отличной стали, марки заводов Шульце. Желаю приятно провести ближайшие годы. Я хочу, чтобы вы все хорошо поняли, в каком безвыходном положении находитесь... Ауфвидерзеен! Гуд бай! Адье! Чао!.. До свидания или, точнее, прощайте!..

Мы ответили на эту тираду градом пуль, но они отскакивали как горох от прозрачного экрана, не оставляя на нем даже малейшей царапины. Было только одно попадание — тяжелый заряд из мушкета Робинзона Крузо рикошетом сбил феску с головы любимца Тараскона, чем тот впоследствии очень гордился. Ведь все видели, что он участвовал в перестрелке и даже не моргнул глазом при свисте пуль.

Последнее, что мы увидели перед тем, как задвинулась стальная плита, скрывающая лестницу, — была удаляющаяся массивная спина владыки Стального города.

Мы заняли места на высоких табуретах вдоль библиотечного стола, понимая, что в нашем распоряжении слишком мало надежд и слишком много времени.

Только пятнадцатилетний капитан был полон безудержного оптимизма, что, впрочем, часто бывает свойственно юношам его возраста. Он призывал нас не унывать, так как им уже разработано девятнадцать планов побега из стальной библиотеки, ставшей для нас тюрьмой. Но она не должна была стать нашей братской могилой!

Артур Грэй высказал мнение, что девятнадцать планов — это, к сожалению, многовато. В таких случаях лучше один! И не только один, но единственный. Юноше пришлось со вздохом признаться, что единственного у него нет.

Никто из нас не мог придумать, как выбраться из ловушки, в которую нас завлек герр Шульце...

Положение наше казалось далеко не блестящим. Конечно, нас не могло не радовать то немаловажное обстоятельство, что вся капитанская восьмерка была в сборе.

С некоторой искоркой надежды Артур Грэй и капитан корвета «Коршун» осмотрели все книж-

ные полки в надежде найти какой-нибудь роман, герои которого были бы нам ведомы и могли сойти со страниц или, наоборот, пригласить нас в свои кожаные переплеты. Но, как назло, в библиотеке не было ни одного художественного произведения...

Полки были заставлены трудами по химии, высшей математике, сталелитейному делу и пушечному производству. Многотомная история походов Фридриха Барбароссы также не подавала никаких надежд на помощь или хотя бы на сочувствие нашему бедственному положению.

Раздался стук председательского молотка, и мы расположились за продолговатым читальным столом на свою, быть может, последнюю встречу.

Капитан Немо попросил всех высказываться кратко и откровенно. Ведь длинные речи тут мало чем могли помочь. Нужно было дорожить каждой минутой.

— Вряд ли можно долго продержаться в этой стальной пещере, где нет ничего съестного... — произнес Робинзон со вздохом.

Героя романа Даниеля Дефо с напускной веселостью перебил любимец Тараскона:

— Ах, медам и месье! К счастью, у меня в саквояже есть кое-какие запасы — шашлык из верблюжьего горба, индейка по-тарасконски, рагу из молодых осьминогов и еще какая-то мелочь, не то лосиная нога, не то спинка лосося...

Но Тартарена никто не поддержал. Нам было не до еды. А капитан Немо сделал попытку заглянуть в наше недалекое будущее:

— Нам вовсе не угрожает голодная смерть, дорогой Тартарен! Человек может прожить без еды десяти-другой дней. Это запросто доказывают йоги в

моей родной Индии. Труднее обойтись без воды. Но перед нами на столе стоят большие графины с водой. Будем надеяться, что она не отравлена по приказу герра Шульце. Главная опасность в другом. Штальштадт стал мертвым городом. Его гальванические батареи скоро иссякнут. Сначала погаснет свет, а потом начнет замерзать отопительная система. Мы можем погибнуть во мраке и холоде.

— Меня это никак не устраивает. То есть совершенно, — пробормотал опешивший толстяк. — Где мой плед? Ой, что это? У меня померкло в глазах...

К величайшему сожалению, это не было ошибкой или фантазией капитана Тартарена. Молочный свет, струившийся из иллюминаторов в потолок, стал заметно слабеть... В библиотеке стало полутемно, а табуретки, книжные шкафы, да и мы сами стали отбрасывать какие-то причудливые тени.

Только Карл Фридрих Иероним взирал на меркнувший свет совершенно равнодушно. Он медленно поправлял завитки своего напудренного парика, что у него всегда было вернейшим признаком глубокого раздумья. И когда он заговорил, его голос прозвучал в стальном каземате с присущей ему непринужденностью:

— Не будем уклоняться от истины, капитаны! Безвыходных положений не бывает, во всяком случае для моих читателей и поклонников. Пока вы тут готовились замерзнуть в темноте, у меня созрел план побега. Единственный!

— Что вы предлагаете, Мюнхгаузен? Подкоп?... Клянусь киркой и лопатой, на это уйдут годы... — уныло ответил Робинзон.

— Даже столетия не хватит! Все кругом зашито толстой броней, — невесело усмехнулся Артур Грэй.

— Вы говорите — столетия? Достаточно двух минут! Дайте дорогу полету фантазии, и я выведу вас на чистую воду. Ну, конечно, не в переносном смысле, а в самом прямом! Документальном! Фактическом! И даже научном!.. — все более распалялся поборник истины.

Между тем в библиотеке уже сгустилась тьма. Пришлось капитану Немо зажечь свой подводный фонарь.

— Что же вы все-таки предлагаете, Карл Фридрих Иероним?.. — в отчаянии спросил Тартарен. — Неужели ваша фантазия...

К сожалению, последние страницы этой клеенчатой тетради были размыты морской водой.

ПРОТОКОЛ

экстренного заседания географического кружка «Алый вымпел»

Слушали:

Шестьдесят четвертую клеенчатую тетрадь под кодовым названием «Коварное соседство».

Постановили:

Пункт 1 — Знаменитые капитаны не могли погибнуть. Особое мнение Маруси Кольцовой — Могли!

Пункт 2 — Поручить действительному члену кружка Василию Новикову попытаться расшифровать размытые страницы.

Староста Сережа Березов

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

конструктора планетоходов серии ВВН

При помощи некоторых химических реактивов и большой лупы мне удалось кое-что разобрать:

«Баллистика... страницы книги... пушки... полет на ядрах...» Очевидно, верхом, как в историях Эриха Распе. Возможно, что капитанам удалось спастись.

Василий Новиков

СПРАВКА

учителя географии и классного руководителя

Баллистика — от греческого слова «бросаю». Артиллерийская наука, исследующая законы движения снарядов, мин, ядер, ракет и т.д. Начало баллистики как науки связано с именами таких корифеев научной мысли, как Галилей и Ньютон.

Можно допустить, что капитаны воспользовались какими-то снарядами или ядрами для возвращения в кают-компанию клуба. Это так же вероятно и так же невероятно, как и все, что занесено в вахтенные журналы знаменитых капитанов.

Афанасий Петрович

МАЖНА ПОДВОСТРОВЕ АГОЖО

Сто шестая клеенчатая
тетрадь

В этот дождливый вечер в библиотеке никого не было, кроме Марии Петровны и Катюши. И вообще ни один школьник сегодня не посетил нашу старинную кают-компанию, где мы тайно собираемся уже более трех десятилетий.

Дело в том, что на двери висел небольшой плакат с надписью: «Библиотека закрыта на учет».

Взглянув на стоячие часы в футляре из красного дерева, Мария Петровна сказала своей молодой помощнице, что пора закрывать библиотеку.

Но Катюша, пропустив эти слова, с изумлением разглядывала какую-то книгу.

— Ну, чего вы стоите?.. О чем задумались? — строго спросила старая библиотекарьша.

Девушка вместо ответа положила на столик новенькую книгу в голубом переплете с золотым тиснением:

— Полюбуйтесь, Мария Петровна... Только что поступила к нам со склада... Два романа Жюль Верна в одном томе — «Пятьсот миллионов бегумы» и «Найденый с погибшей «Цинтии»... Вы только взгляните на титульный лист... Вот! Два автора! Жюль Верн и Андре Лори!..

Старая библиотекарьша была изумлена:

— Андре Лори?.. Первый раз слышу. Может быть, это опечатка?.. Екатерина Сергеевна, возьмите с полки тот самый том, где напечатан роман «Пятьсот миллионов бегумы»... из двенадцатитомного собрания сочинений Жюль Верна... Все-таки государственное издательство «Художественная литература»!

Катюша быстро поднялась по лесенке, и через минуту на столике рядом с удивительной новинкой лежал издававший виды восьмой том.

На титульном листе красовался один Жюль Верн...

Марья Петровна впала в глубокую задумчивость, решив, что это какая-то странная история, а возможно, даже тайна. И взяла загадочную книгу в голубом переплете домой, чтобы на досуге прочитать предисловие...

Как только захлопнулась входная дверь, часы мерно пробили семь ударов. Наступил капитанский час. И сразу же раздался тревожный бой судового колокола. Первым с книжной полки спрыгнул Лемюэль Гулливер и громко произнес:

— Достопочтенные коллеги!.. Я весьма удивлен. Кто поднял тревогу и бил в колокол громкого боя?

Дик Сэнд, лихо спускаясь по веревочной лестнице с верхней полки, заговорил на ходу:

— Это я, пятнадцатилетний капитан, бил в судовой колокол на своем бриге «Пилигрим». Вы должны понять мое волнение, дорогой Гулливер. Сколько лет я несу вахту в одном томе с романом «Пятьсот миллионов бегумы» и вдруг слышу, что это произведение написал не один Жюль Верн, а вместе с неведомым мне Андре Лори!

— Клянусь всеми сокровищами бегумы, за двести пятьдесят лет моих скитаний по книжным полкам я никогда не встречал этого имени, — задумчиво произнес Робинзон Крузо, усаживаясь в свое любимое кресло. — Как вы сказали, Дик... Андре Лори?

Со страшным грохотом, звеня оружием, походными кастрюлями и термосами, в кают-компанию появился Тартарен из Тараскона и, поставив на пол саквояж, весело воскликнул:

— Андре — это звучит!.. Прекрасное французское имя. Но — Лори?.. Позвольте вам сообщить по секрету, так называется один из лучших сортов армянского сыра. Пальчики оближешь!..

Но любимца Тараскона поднял на смех Артур Грэй, сказав, что армянский сыр здесь совершенно ни при чем. Скорее всего, можно предположить, что Андре Лори — это литературный псевдоним. И тут же капитан галиота «Секрет» напомнил членам кают-компании, что настоящая фамилия его автора не Грин, а Гриневский!..

Откуда же возник этот псевдоним — Грин? Так коротко окликали ребята Гриневского в школе. Впрочем, у создателя феерии «Алые паруса» были более серьезные причины печататься под вымышленным именем. Он был выслан царским правительством в 1906 году в Тобольскую губернию, бежал из ссылки и жил в Петербурге по чужому паспорту...

В кают-компании стало очень тихо. Наконец Немо высказал предположение, что, возможно, и Андре Лори имел подобную судьбу и вынужден был скрывать свою подлинную фамилию.

Эта мысль очень взволновала Робинзона Крузо. Ему показалось, что капитан «Наутилуса» о чем-то умалчивает. Он даже подумал, что у Немо есть ключ к разгадке тайны Андре Лори.

Но Немо вовсе не собирался скрывать свои мысли от знаменитых капитанов и, не обращая ни к кому в особенности, задумчиво произнес:

— Я не уверен. Но стоит рискнуть... Нам придется отправиться в далекое и опасное плавание...

Его перебил капитан корвета «Коршун»:

— Не томите своих стародавних друзей... Скажите — куда?

— В юго-западную часть Тихого океана. Координаты — двадцать три градуса южной широты и сто шестьдесят градусов западной долготы.

Лемюэль Гулливер быстро достал атлас и отметил на карте Тихого океана группу островов Новая Каледония с главным городом — Нумеа.

Но капитан Немо тут же сообщил, что цель путешествия вовсе не Нумеа, а полуостров Дюко, некогда прозванный «столицей мертвого царства». Там была каторга для самых опасных преступников. Ужасный климат, зной, лихорадка.

Единственный из капитанов, кто усомнился в необходимости этого рейса, был Тартарен.

— Да стоит ли игра свеч? — воскликнул председатель клуба охотников за фуражками. — Может быть, Андре Лори никогда не бывал на полуострове Дюко?!

— Вот именно это мы должны установить, — возразил Немо, доставая из кармана потрепанную книгу с надписью на обложке

НОВАЯ КАЛЕДОНИЯ

Географо-геологические очерки

Париж, 1869 год

Но любимец Тараскона еще раз попытался удержать капитанов в креслах нашей уютной кают-компании.

— Медам и месье!.. Я с удовольствием разделяю все опасности путешествия на полуостров Дюко. Но как можно отправляться в столь дальний вояж без нашего дорогого Карла Фридриха Иеронима Мюнхгаузена?!

— Ждать поборника истины! — усмехнулся Грэй. — Кто знает, какие утки увлекли его в новый полет?!

— Я знаю, — возразил пятнадцатилетний капитан. — Еще сегодня на рассвете капитан Мюнхгаузен постучал в переплет моего романа и попросил

занести в вахтенный журнал: «Отбываю в научную экспедицию. Стартую с Южного полюса на созвездие Южного Креста. Вернусь своевременно или несколько позже. Все зависит от состояния Млечного Пути, по которому я поеду обратно».

Все понимали, что ждать самого правдивого человека на свете не имело смысла.

Капитан Немо начал медленно перелистывать книгу о Новой Каледонии...

Услышав шелест, знаменитые капитаны, как они это делали множество раз на своих встречах, проследовали на страницы, открывавшие быстрейший путь на полуостров Дюко...

Мы все отметили, что, к чести Тартарена, отбросив все свои опасения, толстяк первый ворвался в раскрытую книгу, гремя своим походным снаряжением...

И вот над нами раскинулось небо Южного полушария со звездами, которых нельзя увидеть в Северном.

Создатель «Наутилуса» не раз проходил мимо Новой Каледонии во время своих бесконечных скитаний под водой. Он тут же поделился с нами сведениями, сохранившимися в его памяти об этом архипелаге... Его открыл в тысяча семьсот семьдесят четвертом году английский мореплаватель Джеймс Кук во время перехода через Коралловое море, в Меланезии, не слишком далеко от восточного побережья Австралии. Горный рельеф этих тропических островов напомнил ему шотландские пейзажи. Кук назвал острова древним именем Шотландии — Каледония. Так на морских картах появилась Новая Каледония, одна из отдаленных колоний Франции. Там в рудниках окончило свои дни не одно поколение каторжников.

Итак, мы бодро шагали по одной из песчаных кос Новой Каледонии. Правда, наши ноги увязали, особенно при подъеме на дюны, но это никого не смущало. Влажный морской ветерок ласково освежал усталые лица, а над головами сияло созвездие Южного Креста в полном своем великолепии. Мы брели по песчаным буграм в поисках какой-нибудь тропинки. От родной библиотеки нас отделяли тысячи миль. У нас не было никаких друзей или знакомых в Новой Каледонии, но настроение у всех было прекрасное.

Вдруг мы заметили какой-то блуждающий над морем луч. Он описывал плавные полукруги над бушующими волнами ночного моря... мигал... потом разгорался снова, освещая то пенные буруны, то отмели, заливаемые сердитым прибоем. Сомнения не было — это работал маяк старой постройки. Судя по силе луча, его питало не электричество, а скорее всего керосино-калильные лампы. Но это уже не имело для нас особого значения. На маяке должен быть смотритель, как обычно, из отставных моряков, теплая дежурка, а возможно, даже камин. Возникла надежда по крайней мере отогреться, а при удаче даже найти какие-нибудь плавающие средства для возвращения в библиотечную бухту. Ориентируясь на бегающий луч, мы двинулись к маяку под завывание приличного зюйд-веста, который нес на своих крыльях холодное дыхание антарктических морей. Мысль о том, что мы, по сути дела, в тропиках, никак не могла нас согреть или высушить промокшую одежду. Все дело было в том, что мы тащились по открытой косе, где не было ни скал, ни растительности. В таких местах днем немилосердно печет солнце, а после его захода справляют пиршества бесшабашные гуляки ветры.

Члены клуба выбрались на протоптанную дорожку гораздо быстрее, чем ожидали, но значительно медленнее, чем им этого хотелось... Дорожка привела к небольшому маяку, сложенному из огромных, потемневших от времени бревен. Раздался громкий собачий лай, и на ступеньках лестницы появился огромный пес новоголландской породы, темно-рыжий, с белесоватыми подпалинами на морде. Мы даже опешили от изумления — так он был похож на Динго, преданного друга путешественника Сэмюэля Вернона, а впоследствии Дика Сэнда.

Пятнадцатилетний капитан приветливо свистнул, но пес вовсе не успокоился, а перешел на злобное рычание. Раздался стук отодвинутого засова, и на пороге нижнего помещения маяка появился коренастый человек в потрепанном бушлате и форменной фуражке с якорем. Он поднял высоко ручной фонарь с оплившей стеариновой свечой, и мы смогли разглядеть его обветренное лицо, покрытое плотным слоем тропического загара. На вид ему было лет сорок, а быть может, пятьдесят — ведь тот, кто дружит с морем, долго не стареет или хотя бы выглядит молодо. Если существует эликсир молодости, то это, конечно, не зелья знахарей и не сокровища аптек. Нет, это неумолкающий шум прибоя, тугие паруса или отполированные ладонями рукоятки весел.

— Заходите, месье... Вы, наверно, устали и проголодались, а в моем камине горит огонь и на жаровне плавает в оливковом масле акулья печенка, — любезно произнес смотритель маяка.

Он посадил на цепь собаку и широким гостеприимным жестом распахнул дверь в нижний этаж бревенчатой башни.

Члены клуба вошли в просторную комнату, освещенную огнем двух керосиновых ламп, и с наслаждением расселись в самодельных креслах, обитых тюленьими шкурами.

А хозяин, переворачивая печенку на жаровне, так и сыпал словами:

— Я не задаю вам никаких вопросов, господа... У нас, в Новой Каледонии, это не принято. Иногда можно получить в ответ удар ножа в бок или пулю в голову. Каторга есть каторга, и не всем нравится срок, который им назначен высоким правосудием. Не подумайте, что я принял вас за беглых... Но кем бы вы ни были, можете рассчитывать на гостеприимный прием. Здесь нет ни телефона, ни телеграфа, а радиопередатчик сейчас в ремонте. Так что можете чувствовать себя в полной безопасности. Снимайте ваши камзолы и куртки, вешайте на эту веревку... А чтобы промочить горло, я сейчас сварю горячий грог. Знаете, когда живешь один на этой косе, рад поговорить со всяким, кто сюда забрел...

Смотритель маяка налил в медный чайник вино из большой бутылки, насыпал туда горсть сахарного песка, корицы, еще какие-то пряности и раздул угли в камине.

— Клянусь Коралловым морем, сдастся мне, дружище, что вы живете здесь почти как Робинзон. Ну, вместе козы у вас собака, но есть ли в команде Пятница и попугай? — с интересом спросил капитан Крузо.

А хозяин уже раскладывал на оловянные тарелки свой нехитрый ужин, стараясь никого не обделить. Это занятие несколько не мешало ему продолжать беседу:

— Какой же я Робинзон? У меня два сына, и оба учатся в Нумеа, в школе, а Жанетта мотается на

шлюпке взад и вперед — между нашей косой и столицей Новой Каледонии. Мы недавно даже приобрели бензиновый моторчик. Хотя Жанетта бывалая морячка и с веслами и парусом выросла с детства, но, знаете, годы идут... Иногда ее очень мучит одышка... Если вы останетесь здесь до утра, я вас познакомлю с моей супругой. Кстати, она привезет продукты и свежую почту. Если там будет извещение префекта о вашем... м-м... исчезновении, не беспокойтесь. Будем считать, что я его не читал, пока вы не покинете эти берега, даю вам слово Этьена Лябуша, охотника за акулами!.. Это у нас наследственное занятие еще со времен моего деда Анри...

Только сейчас Тартарену удалось вставить слово, воспользовавшись торжественной паузой:

— Пардон, мсье Лябуш. Мы вовсе не беглые каторжники... Хотя, в некотором смысле, сбежали... но не из рудников, а со страниц наших романов. Я буду краток. Перед вами — члены Клуба знаменитых капитанов. В полном составе! Мы попали сюда совершенно случайно, чтобы не сказать больше, и мечтаем до первых петухов подойти к причалу в Химках, поблизости от нашей родной библиотеки.

И толстяк церемонно представился как любимец Тараскона, затем назвал всех членов кают-компании клуба.

На охотника за акулами это произвело большое впечатление. Его руки дрожали, когда он разливал по кружкам горячий грог. Но промолчать он никак не смог:

— Какая честь, капитаны, для моряка из старинной семьи Лябуш! Мой отец и дед тоже плавали по рекам и морям, прежде чем бросили мертвый якорь на этой косе.

Он взял керосиновую лампу, повернул фитиль. В комнате стало значительно светлее. И тут мы смогли разглядеть на стене старинную фотографию — молодцеватый старик в морской тужурке, рядом с ним мужчина средних лет в таком же одеянии, а у их ног на табурете — кудрявый мальчик в матросском костюмчике.

— Взгляните сюда... На этом дагерротипе мы снялись в Нумеа втроем — мой дед Анри, мой отец Гюстав... А этот мальчишка — не кто иной, как я — Этьен Лябуш... Мы, Лябуши, особенно гордимся славой дедушки Анри!.. Я сейчас расскажу нечто удивительное, особенно для вас... Посмотрите теперь на ту стенку...

Он пересек комнату и осветил лампой большой портрет человека, который всем нам показался очень знакомым... Где-то мы видели этот высокий лоб, окаймленный седыми волосами, пышную бороду, также тронутую сединой, и черные усы... Устремленный вдаль взгляд зорких глаз... Лицо творца, искателя и провидца.

— Это сам Жюль Верн! Я узнал его по портрету на выставке в нашей библиотеке!.. — прервал общее молчание голос Дика Сэнда.

— Да, это он! Автор множества романов! Он создал и вас, пятнадцатилетний капитан, и меня, капитана Немо, и даже зловещий образ герра Шульце, с которым мы имели неудовольствие познакомиться однажды ночью...

Смотритель маяка тут же вступил в разговор, обнаружив при этом некоторую осведомленность в книжных делах, о которых даже мы не имели представления.

— Ну, насчет доктора-профессора из Стального города — это не совсем так... Но немного терпения, капитаны. Скоро вы узнаете тайну моего деда. По-

чему вы не спрашиваете, как попал сюда портрет Жюль Верна?.. Его подарил моему деду мсье Паскаль Груссе. Вам ничего не говорит это имя?..

И тут с волнением в голосе заговорил Лемюзель Гулливер:

— Любезные друзья! В дни Парижской коммуны тысяча восемьсот семьдесят первого года я находился в библиотеке парижской ратуши... И часто видел там члена Коммуны достоуважаемого Паскаля Груссе. Он занимал высокий пост делегата внешних сношений. Если не ошибаюсь, так именовался министр иностранных дел восставшего Парижа.

Мы все были поражены. Почему делегат Коммуны подарил портрет Жюль Верна какому-то Лябушу? И как и когда этот подарок попал в Новую Каледонию?..

Охотник за акулами налил нам еще по кружке грога и пригласил сесть за дощатый стол. Потом он извлек из окованного стальными полосами сундучка какие-то пожелтевшие от времени документы и, медленно перебирая их, стал отвечать на наши вопросы:

— Мой дед Анри, капитаны, был современником Второй империи во Франции. Как известно каждому французскому школьнику, племянник Наполеона Первого Луи Наполеон Бонапарт сначала добился своего избрания президентом Франции, а через четыре года, второго декабря тысяча восемьсот пятьдесят второго года, провозгласил себя императором. Однако республиканцы не сдавались и вели борьбу против новоиспеченного повелителя французов. Прицельный огонь не только против сановников, но и против самого императора вели парижская газета «Марсельеза» и корсиканская «Реванш». В обеих этих газетах писал громовые статьи Паскаль Груссе, став-

ший впоследствии другом лоцмана с реки Сены Анри Лябуша. Но надо вас познакомить с еще одним действующим лицом разыгравшейся драмы. Это — двоюродный брат Наполеона Третьего принц Пьер Бонапарт. Он организовал травлю на страницах правой печати как самого Паскаля Груссе, так и его единомышленников. Тогда Паскаль поручил своему молодому другу Виктору Нуару быть его секундантом на предстоящей дуэли. Двадцатилетний юноша явился к его высочеству принцу Пьеру и передал ему формальный вызов на дуэль. Оскорбленный принц не только отверг поединок, но и запросто застрелил секунданта. Он был возмущен вызовом «какого-то паршивого писаки»... Мой дед хорошо запомнил январский день тысяча восемьсот семидесятого года, когда на похороны Нуара собралась демонстрация трудового Парижа.

Тысячи полицейских и солдат еле сумели сдержать огромную лавину людей. А корабли на Сене отдавали траурный салют погибшему юноше протяжным голосом сирен и звоном судовых колоколов. Прошло немного времени, и императорское правосудие сказало свое слово — Верховный суд оправдал принца Луи. Это вызвало новую демонстрацию и новые расправы. Среди осужденных на ссылку в Новую Каледонию был лоцман с речного парохода «Жанна д'Арк» — Анри Лябуш. А Паскаль Груссе угодил в тюрьму «до особого распоряжения императора». Напоминаю вам, капитаны, что они даже не были знакомы и разделяли их не только тюремные стены, но и тысячи морских миль... Мой дед в кандалах прибыл в Нумеа, но тут начальству понадобился лоцман, который мог бы водить паровой катер по трудным фарватерам наших проливов. Ведь Новая Каледония —

это не один остров, а целый архипелаг... Никто лучше Анри не мог ходить по ветру и против ветра, экономно расходуя топливо и обходя самые коварные рифы. Вскоре ему еще раз повезло — он встретил Катрин, дочь главного надсмотрщика береговой линии. Они вскоре обвенчались, и на свадьбе была вся знать Нумеа — чиновники, купцы и контрабандисты, владельцы рудников и прочие важные господа... Надо ли удивляться, что моему деду поручили строительство маяка на песчаной косе, где мы сейчас греемся у камина, прихлебывая добрый грог.

Смотритель маяка снова наполнил наши кружки и тщательно расправил огрубелыми от весел руками какой-то отпечатанный в типографии документ.

— Вскоре началась франко-прусская война. Наполеон Третий вовсе не обладал военными талантами своего прославленного дяди, и при Седане французская армия была разбита. Часть ее сдалась в плен во главе с самим императором. До нас доходили отрывочные сведения о позоре капитуляции... А затем радостные вести о победе Парижской коммуны. Вот воззвание мэрии восемнадцатого округа...

«ГРАЖДАНЕ!..

Нам навязана беспримерная в истории война: нам она приносит честь, а врагам нашим — позор...

Вы должны победить, ибо ваша победа спасет не только вас, ваших жен и детей, но и дело Республики и всех народов!..

Те, кого пугал цвет нашего знамени, могут успокоиться: оно красно только от крови народной...

Наступит мир, и земледелец вернется к своему плугу, художник — к своей кисти, рабочий — к станку. Земля вновь станет плодородной, работа вновь за-

кипит. С наступлением мира мы повесим наши ружья и вернемся к труду и, счастливые сознанием исполненного долга, будем иметь право сказать:

я СОЛДАТ — ГРАЖДАНИН ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ».

Капитаны окружили зрителя маяка, стараясь через его плечо прочитать подписи... семь членов Коммуны и среди них Паскаль Груссе!

— Откуда к вам попал этот исторический документ Коммуны, любезный Этьен Лябуш? — не скрывая своего изумления, спросил Лемюэль Гулливер.

— И эта бумага, и другие ей подобные пересылались к нам тайно, через матросов кораблей, приходивших в Новую Каледонию. А у моего деда сохранились связи с товарищами по демонстрациям и тюрьмам... Все это попадало в наш маленький домик в Нумеа, и бабушка Катрин прятала прокламации в погребе. А по ночам их читали моряки и грузчики, а также погонщики вьючных мулов, которые имели связь с рудниками. К сожалению, все это доходило до Новой Каледонии с большим опозданием, как свет давно погасших звезд... — со вздохом ответил охотник за акулами.

Артур Грэй взял в руки другую тронутую временем прокламацию и попросил разрешения огласить ее главные мысли...

Дик Сэнд взял гусиное перо и успел записать следующие строки, которые мы прослушали затаив дыхание.

«ВОЗЗВАНИЕ КОММУНЫ К БОЛЬШИМ ГОРОДАМ ФРАНЦИИ.

После двух месяцев непрерывной борьбы Париж не устал, не пал духом.

Он продолжает бороться без отдыха и страха, неутомимый, героический, непобежденный.

Париж заключил договор со смертью. За его фортами имеются стены, за стенами — баррикады, за баррикадами — дома, которые пришлось бы брать один за другим приступом и которые он скорее согласится взорвать на воздух, чем отдать на милость победителям.

Большие города Франции! Неужели вы останетесь безмолвными и равнодушными зрителям этого поединка не на жизнь, а на смерть между будущим и прошлым...

Если Париж падет за свободу всего мира, история будет вправе сказать, что он был раздавлен потому, что вы допустили это.

Париж 15 мая 1871 г.

Делегат Коммуны по внешним сношениям
Паскаль Груссе».

— Когда это послание попало в Нумеа и что сделали друзья вашего деда, когда его получили?.. — спросил капитан корвета «Коршун», глядя на дгорающие угли в камине.

Этьен Лябуш бережно собрал бумаги и, прежде чем ответить, спрятал их в заветный сундучок.

— Когда дедушка Анри прочитал этот документ своим единомышленникам, в Париже все уже было кончено. Войска генерала Галифе справляли свой зловещий пир. Пал форт Шаброль — последний оплот коммунаров. Захваченных с оружием в руках бойцов, мужчин и женщин, без всякой комедии суда расстреливали у стены кладбища Пер-Лашез. С тех пор это место называется Стеной Коммунаров. Я тоже побывал там, будучи в гостях в Париже у родственников... И был возмущен до глубины души, капитаны, когда увидел, что на этом кладбище, неподалеку от стены, похоронен главный палач Коммуны —

кровавый карлик Тьер, глава версальского правительства. Я слышал даже, что в городе Нанси ему поставлен памятник. Бронзовый убийца — на пьедестале почета!.. И что же мог поделывать мой дед, когда губернатор Новой Каледонии получил от самого Тьера депешу о полной победе версальцев и беспощадной расправе над сторонниками Коммуны?

— И ваш дед никогда не видел Паскаля Груссе? — после долгой паузы спросил Артур Грэй. — Жаль, если это так. Однажды я оказался на соседней книжной полке с томом переписки Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом. Припоминаю, что в одном из писем Маркс назвал Груссе человеком очень дельным, твердым и смелым.

— Золотые слова!.. Именно таким запомнил его мой дед. Он еще часто вспоминал одно место из статьи Паскаля в газете «Освобождение». «День восемнадцатого марта навсегда останется в истории нашей страны как одна из самых прекрасных страниц. Впервые рабочий класс выступил на политическую арену...» Это было напечатано в медовый месяц Парижской коммуны.

— Значит, они встречались в Париже, достоуважаемый Этьен Лябуш? — высказал предположение Лемюэль Гулливер.

— Увы, нет! Они познакомились здесь, на полуострове Дюко. Вы сами видели, что это за место — мыс с трех сторон штурмуется морем, а от суши тогда был отрезан колючей проволокой. Сюда на военных кораблях привезли коммунаров, осужденных на вечное поселение в Новой Каледонии. Это были изнуренные люди, измученные пытками в тюрьмах... А многие умерли в корабельных трюмах, где их держали без глотка свежего воздуха.

Паскаль Груссе был среди уцелевших. После падения Коммуны он скрывался от преследований тайной полиции, меняя дома, погреба и хижины. Да, у него было много друзей в Париже, особенно в предместьях бедноты. Наконец он был схвачен, осужден военным судом и отправлен в это проклятое место, царство москитов и лихорадок.

Мой дед по приказу начальства завозил сюда на баркасах бревна и доски, но тогда еще не для строительства маяка... Заключенные должны были сами строить свои жалкие жилища, а лес им отпускал дедушка Анри. Вот так они и повстречались, в двадцати метрах от того места, где мы сейчас пьем грог...

Как рассказывал дедушка, бывший делегат внешних сношений родился на Корсике и с детских лет увлекался спортом. Заметьте, он любил плавать на большие дистанции... Так вот, вместе со своим другом Рошфором, бывшим редактором газеты «Марсельеза», Паскаль сколотил нехитрую постройку, похожую больше на сарай, чем на человеческое жилье. Но когда мой дед зашел к нему на новоселье с бутылкой пальмового вина и сушеной рыбой в корзинке, он был поражен — над койкой Груссе висел портрет... вы ни за что не догадаетесь чей!.. Мсье Жюль Верна!.. Кто во Франции, да и во многих других странах не знал этого замечательного писателя!..

Охотника за акулами с нетерпением перебил Робинзон Крузо:

— Дружище Этьен! Неужели в их деревянной пещере висел этот самый портрет?!

— Да, Паскаль подарил его на прощанье дедушке Анри. Ведь он ничего не мог захватить с собой, кроме акульего ножа. Но слушайте дальше... Среди сосланных коммунаров ходили по рукам томики рома-

нов Жюля Верна, в том числе и описание ваших подвигов, капитан Немо. При отправке в Новую Каледонию отбирают только оружие — ведь вечное поселение обычно продолжается всего несколько месяцев, а кто же обыскивает приговоренных к смерти? На глазах у Груссе и Рошфора каждый день умирали товарищи — полуостров Дюко делал свою работу. Единственное спасение было в бегстве... Но шансы на это почти равнялись нулю. К друзьям присоединился еще один коммунар — Журда. Все трое были молоды, пока сохранили силы и могли вплавь покрыть большое расстояние. Их план был смел до безумия, но выбора не было.

Дедушка Анри через торговцев в Нумеа договорился со шкипером австралийского угольщика... Он заплатил ему свое трехмесячное жалованье, а Катрин пришлось продать сережки — свадебный подарок ее матери. Денег хватило и на то, чтобы две недели кормить смельчаков жареным мясом и фруктами.

В назначенный день был изрядный шторм, но откладывать дело было невозможно. Нанятый шкипер должен был их ждать за соседним атоллom только до рассвета. Мой дед подарил каждому беглецу по акульему ножу и крепко обнял их на прощанье... Некоторое время их головы еще можно было разглядеть среди бушующих волн, потом они совсем исчезли из виду...

В нижнем помещении маяка стояла напряженная тишина, и когда Дик Сэнд случайно уронил оловянную кружку, ее стук прозвучал почти как удар грома.

Этьен Лябуш восторженно и посмотрел за окно на пенистые гребни волн, освещенные неярким лучом маяка.

— Извините, капитаны, я должен отлучиться, чтобы подлить керосин в баки. Луна закрыта облаками, а кругом столько опасных рифов...

Деревянная лестница жалобно заскрипела под тяжелыми шагами смотрителя маяка, и капитаны на несколько минут остались одни.

— Надеюсь, что distinguished Паскаль Груссе и его коллеги добрались до угольщика, — в раздумье произнес Лемюэль Гулливер.

Его решительно поддержал Артур Грэй:

— Еще бы! Такие опытные пловцы! И притом впереди их ожидала жизнь, а за спиной стояла смерть.

Но Тартарен был настроен не столь оптимистично:

— Ах, мсье Грэй! Смерть не стояла, а плыла рядом с ними... Вы забыли про акул! Ведь здешние воды кишмя кишат этими чудовищами... Спросите любого школьника! Ужасно! Ужасно!..

Капитан Немо тут же возразил любимцу Тараскона:

— Ваши сведения об акулах несколько устарели, капитан Тартарен. Статистики подсчитали, что за триста лет в Мировом океане было зарегистрировано семьсот девяносто нападений акул на людей, то есть два с половиной случая в год. Пожалуй, акулы не так опасны, как вы считаете.

— Смотря в каком районе! Мы же находимся на одном из самых акулоопасных побережий! — не сдавался толстяк.

— Вы думаете? А вот английский ученый Дэвид Дэвис писал: «У восточных берегов Южной Африки за двадцать четыре года было зафиксировано пятьдесят восемь нападений на купающихся людей». Кстати, французский океанолог Жан Кусто утверждает, что ему не известен ни один документально подтвержденный случай, чтобы аквалангисты без всяко-

го повода подвергались нападению акул, — добавил создатель «Наутилуса».

Настало время высказать свое мнение и самому юному из нас — пятнадцатилетнему капитану.

— А я слышал на научном диспуте в библиотеке Института океанологии, что один американский ученый установил: на всех пляжах Южной Калифорнии за восемь лет было зарегистрировано всего три случая нападения акул на купальщиков. За этот же срок там утонуло более тысячи человек.

— Если все это правда, в чем я сильно сомневаюсь, то акул надо не истреблять, а разводить в специальных питомниках или аквариумах, — ехидно вставил Тартарен.

— Вы не далеки от истины, дорогой друг, — отозвался Немо. — Неподалеку от Новой Каледонии, у берегов Австралии и Тасмании были почти полностью истреблены акулы. Зато стали размножаться осьминоги — пожиратели лангустов и крабов. А осьминоги — это лакомство для акул. И чтобы спасти промысел морских ракообразных, пришлось полностью запретить охоту на акул в этом районе.

Но капитан корвета «Коршун» вернул нас всех к опаснейшему плаванию трех смельчаков:

— Вы упустили из виду, капитаны, что дерзкий побег с острова Дюко был совершен более ста лет назад. Тогда в этих местах было очень мало купальщиков и множество акул. Я уже не говорю о том, что на море бушевал шторм, маяка не существовало и найти атолл, где их ждали, было так же легко, как добыть жемчужную раковину в илистом дне.

— Браво, браво, капитаны! — воскликнул Этьен Лябуш, который уже спустился вниз и внимательно слушал наш разговор. — Благодарю вас от имени

акул... Они и сегодня ночью резвятся у полуострова Дюко в изрядном количестве! А подсчеты за триста лет, наверно, касались только белых джентльменов. Кто бы стал сто или двести лет назад подсчитывать, сколько негров или меланезийцев разорвали акулы?.. Я с малых лет постоянно слышу траурный перезвон церковных колоколов в Нумеа, когда охотники за акулами не возвращаются со своего промысла...

Только не знаю, входят ли они в таблицы ученых-статистиков. Зато я хорошо знаю другое — Паскаль и его товарищи долго тренировались под началом моего деда. Вы, конечно, знаете, что акула плавает на брюхе, но когда ей надо напасть на свою жертву, переворачивается на спину. Иначе она не может раскрыть свою пасть. Все решают секунды... Бросок в воде, точный удар акульего ножа и... чудовище с распоротым брюхом уже корчится в предсмертных судорогах. На какое-то время вы в безопасности, потому что ее подруги и сородичи, привлеченные запахом свежей крови, тут же устраивают прощальный банкет, разрывая бедняжку на куски.

Возможно, что смотритель маяка поведал бы нам еще много интересного из жизни акул или других морских хищников, но его перебил порывистый Дик Сэнд:

— Прошу вас, скажите же, наконец, как закончился отчаянный побег трех коммунаров, мсье Этьен?!

— Не волнуйтесь, юноша. Конечно, главной опасностью для беглецов были не акулы, а штормовые волны. Бедняги уже совсем выбились из сил, когда их заметили со шлюпки. Шкипер с угольщика оказался очень порядочным человеком. Хотя это не входило в условия, он послал шлюпку с отборными гребцами навстречу смельчакам. Их втащили на борт, дали по

глотку рома и доставили на угольщик, который стоял на якоре за соседним коралловым рифом.

Обо всем этом шкипер рассказал дедушке Анри и в доказательство правдивости своих слов вручил ему акульий нож, тот самый, который дед подарил Паскалю Груссе.

Смотритель маяка снял со стены потемневший от времени клинок.

Робинзон Крузо осветил фонарем нацарапанную на нем надпись: «Благодарим за все. П.Г.»

— Клянусь хорошим штормом, мне тоже пришлось добираться до прибрежных скал вплавь, борясь с высокой волной. Но я угодил на необитаемый остров... А куда же попали трое беглецов из Новой Каледонии?.. — раскуривая самодельную трубку, спросил знаменитый отшельник.

Охотник за акулами порылся в разложенных на столе бумагах и отыскал визитную карточку, отпечатанную на английском языке.

— Долгое время в Нумеа об этом никто ничего не знал — ни тайная полиция, ни друзья моего деда. Но однажды бабушку Катрин, когда она была одна дома, навестил господин в форме капитана британского торгового флота. Он вручил ей эту визитную карточку на имя некоего Филиппа Дариля из Лондона. Кроме карточки неизвестный моряк оставил чек на сто фунтов стерлингов. Он сообщил также, что беглецы побывали в Мельбурне, Нью-Йорке и Лондоне, где Паскаль стал на якорь. Теперь он журналист и писатель. Литературный псевдоним его — Андре Лори. Так закончилась история побега коммунара Груссе, которая в нашей семье передается из поколения в поколение..

Капитан Немо поднялся с кресла и зашагал из угла в угол. Привычное спокойствие на сей раз его поки-

нуло. Затем, не спрашивая разрешения хозяина, он подбросил несколько сучьев в камин и стал говорить о вещах, о которых никто из нас не имел ни малейшего понятия:

— Андре Лори?.. Я стоял на книжных полках рядом с его романами «Капитан Трафальгар», «Наследник Робинзона» и многими другими. Помнится, в Петербурге было даже издано собрание его сочинений. Но я никогда не предполагал, что он был делегатом внешних сношений Парижской коммуны — Паскалем Груссе!.. Я должен сообщить нечто крайне важное не только для знаменитых капитанов, но и для всех наших юных друзей. Именно он был соавтором самого Жюль Верна!

Тартарен поправил феску на голове и сердито перебил капитана «Наутилуса»:

— Уж от кого-кого, а от вас, Немо, я не ожидал такого... гм... как бы это помягче выразиться... уклонения от истинного курса. Прошу вас взять обратно эти слова. Иначе — дуэль!.. Из уважения к вам решаю — выбирайте сами вид оружия. Пожалуйста!.. Шпаги, пистолеты, кортики, возможны акульи ножи... и правдивые истории!

Создатель «Наутилуса» не менее вежливо отвесил глубокий поклон:

— Я как раз перехожу к правдивой истории, хотя многим она еще недавно могла показаться маловероятной. Как известно, роман «Восемьдесят тысяч километров под водой» был повсеместно издан в тысяча восемьсот семидесятом году. С тех пор я прочно обосновался на почетном месте в книжном шкафу в кабинете известного издателя Этцеля. Кто не знает, что именно Этцель выпускал в свет все произведения Жюль Верна!.. И вот однажды к издате-

лю явился капитан британского торгового флота. Он приехал в Париж по поручению Филиппа Дариля, он же Андре Лори. В числе других творческих идей он предложил вниманию Этцеля небольшую рукопись «Наследство Ланжеволя»... Мы с вами побывали на страницах романа «Пятьсот миллионов бегумы», где речь идет как раз о наследстве Ланжеволя. Мы познакомились с доктором Саразеном, герром Шульце и с трудом выбрались из стальных капканов Штальштадта. Так вот, обо всем этом шла речь в рукописи Андре Лори.

— Я ничего не понимаю... Ведь в собрании сочинений нашего автора имя Андре Лори не упоминается, — в изумлении произнес Дик Сэнд.

— Совершенно верно. Но оно будет упоминаться во всех последующих изданиях романа. Дело в том, что несколько лет назад богатейший архив Этцеля стал достоянием Национальной библиотеки Франции. Одних только писем Жюль Верна там оказалось около восьмисот. Впервые эти письма изучила одна преподавательница Гренобльского университета и опубликовала материалы о соавторстве Жюль Верна и Андре Лори. Что касается меня, то я об этом узнал почти сто лет назад. Я сам слышал, как Этцель раскритиковал рукопись Лори, которая, по его мнению, требовала серьезной переработки. Однако он согласился откупить ее за полторы тысячи франков, если «неизвестный литератор» согласится, чтобы его рукопись была переделана опытным романистом, быть может, самим Жюлем Верном.

Паскаль Груссе тогда очень нуждался в средствах, а сумма для него была немалая. К тому же он преклонялся перед талантом Жюль Верна. Я полагаю также, что для «отчаянного коммунара» было прин-

ципиально важно на любых условиях опубликовать произведение, предупреждающее планы новых германских нашествий на соседние мирные страны.

Жюль Верн прочитал рукопись и составил план ее переработки. Слегка приоткрыв переплет романа «Восемьдесят тысяч километров под водой», я внимательно слушал и запоминал, что писал мой автор Этцелю по этому вопросу. Я даже успевал делать записи, так как секретарша читала их своему патрону очень размеренно и спокойно:

«Роману недостает действия. Интрига ослаблена и не может заставить читателя захотеть идти до конца... Контраст между городом благоденствия (Франсевилль) и немецким городом (Штальштадт) должен быть значительно усилен... Необходимо довести ситуацию до развязки...» Ну, это, очевидно, относится к гибели Шульце и краху всего его предприятия. В тысяча восемьсот семьдесят девятом году роман «Пятьсот миллионов бегумы» появился в книжных магазинах. С тех пор он выдержал сотни изданий во многих странах мира. Мастерство Жюль Верна превратило замысел Паскаля Груссе в книгу, которой зачитываются читатели уже нескольких поколений.

Как прозорливо заглянул в будущее делегат внешних сношений Парижской коммуны! Во время Первой мировой войны заводы Круппа в Руре выполняли роль нового Штальштадта. Даже гигантская пушка герра Шульце была действительно отлита и получила название «Большой Берты» по имени фрау Берты Крупп фон Болен унд Гальбах, одной из виднейших дам семейства пушечных королей. Из этой пушки, с дальнего расстояния, шел губительный обстрел Парижа. А идея о господстве германской расы

над всеми народами обошлась человечеству в десятки миллионов жизней во время Второй мировой войны. И сегодня этот роман призывает к борьбе с фабрикантами смерти во имя мира и счастья за земле.

— Надеюсь, теперь, когда опубликованы письма Жюль Верна Этцелю, авторские права достойнейшего Паскаля Груссе восстановлены в библиотечном мире. Этого требует сама справедливость!.. — с уверенностью произнес Лемюзель Гулливер.

— Ну разумеется, — успокоил его создатель «Наутилуса». — Во всех новых изданиях на титульном листе красуются два имени — Жюль Верн и Андре Лори. Как полагается — по алфавиту.

Мы засыпали Немо вопросами о дальнейшей судьбе Паскаля и узнали много интересного. Через год после триумфа романа «Пятьсот миллионов бегумы», а именно в тысяча восемьсот восьмидесятом году, была объявлена амнистия всем уцелевшим участникам Парижской коммуны. Груссе вернулся в Париж и вновь появился на политической арене. Вскоре он был избран в палату депутатов и оставался на этом посту семнадцать лет, до своей смерти, которая последовала в тысяча девятьсот девятом году. Паскаль пережил своего великого соавтора на четыре года. Он вошел в историю как один из крупных деятелей Парижской коммуны, а книги писателя Андре Лори давно преданы забвению, кроме тех, над которыми ему посчастливилось работать с Жюлем Верном.

Смотритель маяка слушал весь этот разговор с большим вниманием. И не то чтобы он был большим знатоком и любителем литературы. Нет! Но все, что было связано с побегом коммунаров с полуострова Дюко,

было его фамильной тайной и гордостью. А теперь он мог рассказать много нового о Паскале Груссе своей Жанетте и сыновьям. Не каждый день, не каждый год и даже не каждое десятилетие можно услышать на одиноким маяке такое...

Но время шло, и охотник за акулами начал беспокоиться о наших судьбах, что стало ясно из его деликатных высказываний:

— Я вижу, господа, что вы большие поклонники мсье Жюля Верна и, вероятно, ваши отцы или деды были друзьями Паскаля... Верю, что вы капитаны, может быть, даже знаменитые... Но впервые слышу, чтобы кто-либо мог сходить со страниц романа или хотя бы небольших рассказов. Но я не люблю задавать лишних вопросов людям, которые попали в беду. Все равно на маяке нет ни одной книги — я уже говорил, что мои дети учатся в Нумеа, и все, что может им пригодиться, находится там, в нашем домике неподалеку от костела. Я могу вас спрятать в погребе до утра, пока Жанетта не пригонит лодку с бочками керосина и провизией. А потом будем искать для вас какой-нибудь парусник или угольщик. Если у вас нет денег, я выложу свои сбережения. До лучших времен! Когда-нибудь сочтемся...

Но должен огорчить почтенных капитанов — если большой колокол в Нумеа подаст сигнал тревоги, по звуку набата все полицейские катера выйдут в море, а патрули начнут прочесывать прежде всего полуостров Дюко. Так всегда бывает, когда побег... г-м... да... Вы можете отстреливаться здесь, на маяке, и даже взять мое ружье и патронташ. Но поймите — я отец семейства. Попрошу связать меня и запереть в погребе. Уж вы простите, но это не трусость, а необходимая предосторожность.

Мы не стали спорить с гостеприимным хозяином, хотя отлично понимали, что положение наше не из легких. Правда, у Немо в нагрудном кармане был экземпляр романа «Пятьсот миллионов бегумы», но, путешествуя по его страницам, мы могли попасть во Франсевилль или в Штальштадт, а в лучшем случае в Лондон на заседание гигиенического конгресса. Ночь близилась к концу, и опасность, что мы не успеем до рассвета вернуться в московский порт Химки, становилась все более угрожающей. А если мы не успеем попасть в нашу библиотеку до первых петухов? Что тогда?.. Об этом было даже страшно подумать!..

Немного посоветовавшись, мы решили покинуть маяк и встретить грудью опасность на мокром песке, заливаемом бесконечными атаками прибоя. Сколько раз море подвергало нас опасным испытаниям и сколько раз спасало каждого из капитанов от неминуемой гибели! Недаром моряки говорят: «Не отдавай концы, пока ты можешь плыть!..» Но все попытки разглядеть какой-либо корабль или хотя бы шлюпку в мареве предутреннего тумана были напрасны...

Зато, к нашему огорчению, порывы ветра донесли до прибрежной отмели удары колокола.

— Нет, это не церковный колокол в Нумеа, — успокоительно произнес смотритель маяка. — Скорее всего это сигнал с какого-то судна, возможно, даже с вашего, уважаемые...

— Сдается, это бьют склянки на каком-то русском корабле... Знакомое звучание... Но только это голос не моего «Коршуна», — с уверенностью сказал капитан корвета.

Бой судового колокола прозвучал ближе... И все-таки как-то неожиданно из белесой пелены показал-

ся небольшой, но стройный и красивый, со своими тремя чуть-чуть подавшимися назад высокими мачтами, сверху донизу покрытыми парусами, быстроходный корабль. Сомнений не было! Это был русский паровой клипер «Забияка» из морских рассказов Константина Станюковича.

Нас, очевидно, заметил впередсмотрящий матрос с наблюдательного поста. Колокол умолк, но зато раздалось громкое «ура!». Мы ответили на это дружеское приветствие залпом из ружей и пистолетов и стали с нетерпением наблюдать за эволюциями судна, считавшегося одним из лучшим на кронштадтском рейде. «Забияка» лег в дрейф, все паруса были убраны с поразительной быстротой. Неумолчный шум морского прибоя прорезал лязг якорных цепей.

Не успел клипер отдать якоря, как на воду был спущен большой баркас. На руле сидел юный мичман, которого, как мы вскоре узнали, все звали Петенькой. А на носу стоял наш старый друг, черный юнга из рассказа Станюковича «Максимка».

Нос баркаса мягко врезался в песок. Первым выбежал на берег мальчишка и исполнил в нашу честь свою песенку, не раз звучавшую в кают-компании клуба...

Негритенок пел и пританцовывал под гармонь, лихо звучавшую в искусных руках его «дядьки», формарсового Ивана Лучкина.

Дик Сэнд особенно любил эту песенку и знал слова наизусть, почему для нас не составило никакого труда занести ее на страницы вахтенного журнала...

ЧЕРТЕНОК ЮНГА

Кто гордо носит свой наряд —
Продутый ветрами бушлат?
Кто в час, когда и ветер спит,
Матросов пляскою смешит?

Кто за кораллами нырнет
В зеленый омут сонных вод —
И виноват ли он, что тут
Кораллы вовсе не растут?!
Чертенюк юнга!..
Он слушает — в который раз —
Седого боцмана рассказ.
И первый с мачты корабля
Кричит товарищам: «Земля!»
Немало видел разных стран
Отважный старый капитан,
Но повторять всегда любил:
— И я когда-то юнгой был!
Чертенюк юнга!

Настало время прощания с нашим новым другом — зрителем маяка. Он с растерянным видом пожимал наши руки, а затем отвел в сторону капитана Немо и тихонько пробормотал:

— Мне кажется, что все это сон... или приступ тропической лихорадки... Вы главный в своей команде — сын Индии в чалме, а за вашими ребятами русский царь присылает военный корабль... А на борту почему-то маленький негр... он даже поет и пляшет... У вас нет при себе немного хинина? Он мне всегда помогает во время приступов.

— Хинин вам сегодня не понадобится. И русский царь тут совершенно ни при чем, тем более что его давно свергли. А команда клипера «Забияка» и черныш мальчуган — это наши близкие друзья и соседи по книжным полкам... Скоро светает, вам пора гасить маяк и ложиться спать. И не беспокойтесь — набата из Нумеа сегодня не будет. Никто из каторжников не бежал с рудников, — ответил с улыбкой создатель «Наутилуса».

Он подарил на память достойному внуку Анри Лябуша экземпляр старинного издания романа «Пятьсот миллионов бегумы». Правда, на титульном листе не было упомянуто имя Андре Лори, но Этьен, ве-

роятно, был первым человеком в Новой Каледонии, узнавшим конец необыкновенной истории Паскаля Груссе.

Через минуту мы уже заняли места на кормовых скамьях баркаса, неподалеку от юного мичмана Пентеньки... Естественно, что Максимка был засыпан целым градом вопросов — всех нас интересовало, как он узнал о нашем бедственном положении и успел в такой короткий срок организовать спасательную экспедицию.

Оказалось, что наш юный африканский дружок во время сборов членов кают-компании клуба в Новую Каледонию, на полуостров Дюко, выглянул со страниц морских рассказов Константина Станюковича и слышал разговор о предстоящем дальнем плавании... И когда часы в библиотеке пробили полночь, Максимка решил действовать...

Общий любимец команды, воспитанник корабля упросил командира клипера «Забияка», коренастого и крепкого bruneta преклонных лет, поспешить на помощь знаменитым капитанам.

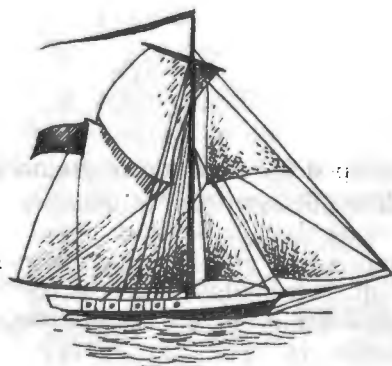
Командир это сделал тем более охотно потому, что, возможно, терпел бедствие его однокашник, капитан корвета «Коршун», с которым он учился в Морском корпусе.

Когда баркас подошел к борту клипера, нам подали парадный трап и оркестр сыграл торжественную встречу. Почетного караула не было, потому что матросы лихо ставили паруса сразу на трех мачтах быстроходного судна. Все на борту знали, что пора возвращаться в библиотечную бухту, и как можно скорее. Вряд ли был в Балтийском флоте моряк, который по первому году службы не запомнил известное изречение Петра Первого, основателя не только

города Санкт-Петербурга, но и крепости Кронштадт:
«Промедление — смерти подобно!»

Когда якоря были подняты и заняли положенные места в клюзах, клипер точно сорвало с места добрым свежим ветром...

На прощанье маяк на полуострове Дюко промигал нам своим лучом семафора по азбуке Морзе — «Счастливого плавания»...

ПРИМЕЧАНИЕ

Мы прочитали вахтенный журнал Клуба знаменитых капитанов за номером «65» — «Тайна полуострова Дюко» — два раза по просьбе Наташи Васильевой и Маруси Кольцовой, которые опоздали по уважительной причине. (Волянка со сдачей билетов в кассу кинотеатра.)

По общему желанию надо продолжать поиски других клеенчатых тетрадей, пока не пропало лето и не кончились каникулы.

Староста географического кружка «Алый вымпел»
Сергея Березов

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

Действительного члена кружка В.В. Новикова

Все очень здорово! Я только сегодня понял, какая борьба и какие страсти бушуют в мире книг за спокойными фасадами переплетов. Только одно мне кажется невероятным: как это в двенадцатитомном собрании сочинений Жюль Верна не указано, что роман «Пятьсот миллионов бегумы» написан им не в одиночку, а вместе с Андре Лори (он же Паскаль Груссе).

Конструктор планетоходов серии ВВН
Василий Новиков

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

учителя географии и классного руководителя

Теперь истина восстановлена. А кроме того, ребята, вам будет интересно узнать, что Жюль Верн и Андре Лори написали совместно еще два романа — «Найденыйш с погибшей «Цинтии» и «Черная звезда». И это не случайно! Ведь Жюль Верн мечтал о светлом будущем человечества, и коммунар Паскаль Груссе был близок ему по духу.

Афанасий Петрович

**ЛИЧНЫЙ ВАХТЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО КРУЖКА
«АЛЫЙ ВЫМПЕЛ»,
КОНСТРУКТОРА ПЛАНЕТОХОДОВ СЕРИИ ВВН
ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА НОВИКОВА**

Как всегда, перед сном привожу в порядок свои путевые заметки. Это дисциплинирует память и подводит итог каждому интересному дню моей жизни.

8.00. Встал, сделал утреннюю зарядку, принял душ, убрал комнату. До завтрака еще осталось время решить две геометрические задачи. Хотя каникулы еще не кончились, но надо тренировать математическое мышление.

9.00. Завтракал с тетей Симой и Булькой. Вдруг звонок в дверь. Я побежал открывать и получил телеграмму — папа и мама выезжают завтра в Москву. Кстати, телеграмму принесла рыженькая девушка-почтальон. Я сразу сообразил, что именно ее искала тетя Сима для каких-то своих криминалистических ребусов. Поговорил с девушкой. Оказывается, ее зовут Клава и она просто заменяет свою сестру, темноволосую Дусю, и ходит к нам иногда. А Дуся учится заочно в техникуме связи, и у нее сейчас сессия. Тетя Сима очень обрадовалась, что мои родители возвращаются на базу, а узнав про двух сестричек (Клава и Дуся), насупилась. Наверно, у нее этот ребус с рыженькой и черненькой не получается.

10.00. Мы троим (я, мамина сестра и Булька) подошли к нашей школе, куда уже слетелись все «городские воробы». Теперь и я в их числе, поскольку конец лета привожу в Москве.

Учитель географии Афанасий Петрович опоздал на пять минут по уважительной причине — он порезал палец на правой руке, и пришлось зайти в поликлинику, чтобы сделать перевязку.

Я не мог не обратить внимания на лицо тети Симы. Она даже побледнела, а ее похожие на горячие угольки глаза неожиданно сузились. Это она называет «прятать взгляд». Но от меня ей ничего прятать не удастся. Я сразу заметил, что она почему-то разглядывает марлевую повязку на правой руке нашего классного руководителя. Почему ее так заинтересовал какой-то случайный порез? Я бы еще понял,

если бы к этому проявила интерес мама (ведь она медицинская сестра), но при чем тут юридические науки?

10.15. Подошел заказной автобус, и мы поехали в необычайную экскурсию по местам, где были найдены московские клады. Оказывается, в Москве и Подмосковье в разные времена было найдено более трехсот тайных хранилищ, где были запрятаны старинные монеты, золотые и серебряные предметы, чудеса ювелирного искусства. Сначала мы поехали на Третий Переведеновский переулок, неподалеку от метро «Бауманская». Там во дворе детского сада при земляных работах было найдено сто шесть серебряных русских рублей, отчеканенных начиная с эпохи Петра Первого и до времен Александра Первого.

Потом мы поехали на Тверской бульвар. Здесь, в старом особняке, где до революции был хозяином банкир, жильцы при ремонте полов обнаружили три тяжелых слитка, весом в семь с половиной килограммов. Сначала слитками прижимали крышки кастрюль, выпрямляли на них гвозди и вообще пустили для хозяйственных надобностей, а потом оказалось, что это чистое золото, и клад был тут же сдан государству.

Следующий рейс мы сделали на Марксистскую улицу. Здесь находку сделали ребята, и какую! Порывшись на месте снесенного дома, наши братья школьники раскопали коричневую бутылку. А внутри бутылки оказалось ожерелье со ста тридцатью одним бриллиантом, брошь, серьги, кольца из золота и платины, усыпанные драгоценными камнями.

А уж в Министерстве финансов СССР определили, что самым древним из этих сокровищ была брошь с рубинами и алмазами. Ее сделали ювелиры конца восемнадцатого века!

Мой лучший друг Сережа Березов даже вздохнул и сказал, что вот бы ему найти такой клад и вместе со всеми членами кружка «Алый выпел» отнести в Госбанк... Но я лично не собираюсь искать клады, пусть даже самые драгоценные. Меня ничто не может отвлечь от планетохода ВВН-3. Правда, он еще не в чертежах, а только в задумке.

12.00. Мы опять в автобусе. Теперь перед нами главная цель сегодняшнего путешествия — Московский Кремль.

Все ребята настроены как-то торжественно, ведь никто из нас там еще не был... То есть, конечно, много раз видели снаружи, любовались башнями и золотыми куполами церквей... но это, конечно, не то.

12.30. Проходим через Боровицкие ворота. Между прочим, это самая старинная постройка в Кремле. Здесь у подножия Боровицкого холма была выстроена башня с таким же названием. Это было еще при Юрии Долгоруком, в 1490 году.

Сейчас я порылся в папиных книгах... Известный всему миру натуралист А. Гумбольдт писал: «Кремль полон бесконечного интереса, характер московской архитектуры непостижим. Громкие слова — византийский, готический — совсем его не определяют... В Москве имеются башни наподобие ступенчатых пирамид, как в Индии и на Яве». Насчет Индии и Явы — это прямо относится именно к Боровицкой башне.

Пройдя ворота, мы без остановок прошли на Соборную площадь. Осмотрели самый большой собор — Успенский, затем Благовещенский и Архангельский. Особенно всем понравились стенописи кисти Феодосия (это начало шестнадцатого века). Большое впечатление также от работ пятнадцатого века. Я имею в виду иконы таких выдающихся мастеров, как Андрей Рублев, Феофан Грек, Прохор с Городца. Все «городские воробы» восхищались, а наши девочки Наташа и Маруся прямо ахали от восторга.

Лично я сохранял обычное спокойствие. Разумеется, было очень интересно посмотреть все это большое искусство в натуре. Но ведь я много раз вместе с папой рассматривал цветные репродукции из его кремлевской коллекции.

Мое внимание больше привлекла восьмигранная колокольня Ивана Великого. Ее высота восемьдесят один метр! До революции в Москве это было самое высокое здание. Колокольня была главным дозорным и сигнальным постом — с нее просматривались дальние дороги, ведущие к столице. Ведь тогда не было радиолокаторов, и вечный караул на вышке был просто необходим. «Иван Великий» был закончен в 1600 году в царствование Бориса Годунова.

А на первом этаже звонницы — выставка оружия эпохи Отечественной войны 1812 года. Тут же висят портреты Кутузова, Барклая де Толли, Багратиона, Давыдова...

На меня лично наибольшее впечатление произвели другие три картины. На первой показан наполеоновский переход через Неман — начало вторжения в Россию. Вторая картина — «Пожар в Москве в 1812 году». На ее фоне, как привидение, стоит мраморная скульптура Наполеона в рим-

ской тоге, с венком на голове. Ее везли на лошадях от Парижа до Москвы, чтобы поставить в Кремле или на одной из главных площадей Москвы.

Но забыли или бросили при поспешном отступлении.

А на третьей картине показан победоносный итог войны — лагерь русских казаков в столице Франции.

Мы осмотрели также сокровища Оружейной палаты, Грановитую палату и Теремной дворец. Всюду красота и богатство неслыханное. Не понравилась мне только кровать московских царей, одиноко стоящая в тереме посреди спальни. По-моему, диван-кровать, на котором я сплю и отдыхаю, гораздо удобнее, но ни в какой музей он не попадет, если, конечно, я не изобрету универсальный планетород.

На обратном пути по моей просьбе «городские воробыи» снова остановились у колокольни Ивана Великого.

У меня не выходило из головы одно — как могли почти четыре века назад поднимать на такую высоту камни, колокола и все прочее. Все-таки восемьдесят один метр! Не могу постигнуть — вручную, гидравлическим способом или еще каким-либо старинным. Но на этот вопрос в точности не могли ответить ни экскурсовод, ни Афанасий Петрович. Зато он рассказал про пирамиду Хеопса — фараона, который правил в Египте в третьем тысячелетии до нашей эры. Грандиозная пирамида-усыпальница по-древнеегипетскому называлась — «Горизонт Хуфу». Она имеет высоту в сто сорок пять с половиной метров и как ни в чем не бывало стоит до сих пор. Предполагается, что на подъеме огромных каменных плит работало множество рабов и бесчисленное количество быков.

Тут я не удержался и дал справку, что сейчас самое высокое здание в Москве перекрыло Хеопса более чем в три с половиной раза. Это — Останкинская башня телевидения, высотой в пятьсот тридцать семь метров! Внутри башни даже есть ресторан «Седьмое небо», где я лично с папой и мамой ел мороженое крем-брюле.

15.30. Расположились на отдых возле царь-колокола и царь-пушки. Я сделал заметки об этих двух великанах...

Царь-колокол — самый большой в мире, высота его — 6,14 метра, диаметр — 6,6 метра, вес — около 200 тонн. Его отлили еще в восемнадцатом веке русские мастера Иван

Моторин и его сын Михаил. В мае тысяча семьсот тридцать седьмого года в Кремле был пожар, и, чтобы сохранить литейного царя, его поливали водой. В результате колокол дал трещины, и от него отвалился кусок весом 11,5 тонны (рисунок колокола и отдельного куска прилагаю).

А звонить в колокол ни разу не звонили.

Теперь царь-пушка. Мортира шестнадцатого века. Вес ее — 40 тонн, калибр — 890 миллиметров, длина ствола — 5,34 метра. Отлита из бронзы мастером Андреем Чоховым на Пушечном дворе в Москве. На месте этого двора сейчас находится универсальный магазин «Детский мир», где мы все не раз бывали и не знали ничего про Пушечный двор.

Царь-пушка когда-то стояла в Китай-городе, чтобы защищать москворецкую переправу и Спасские ворота Кремля, но не сделала ни одного выстрела.

Возле царь-пушки мы сфотографировались на память. Снимок сделал староста географического кружка «Алый вымпел» Сергей Березов. Я нарочно стал рядом с Наташей Васильевой, чтоб его позлить. Ведь он считает себя ее рыцарем, а по правде говоря, у меня есть две другие прекрасные дамы — Математика и Физика!

(Рисунок царь-пушки не прилагаю, так как она будет видна на фотографии.)

Теперь перехожу к самому главному. Чтобы закончить это необыкновенное путешествие по Кремлю, Афанасий Петрович поведал нам одну кремлевскую тайну. По свидетельству современников, у Ивана Грозного была замечательная библиотека, в которой хранились редчайшие рукописные и старопечатные книги на церковнославянском, русском, греческом, латинском и многих других языках. Ведь он был одним из просвещенных людей своего времени и автором ряда сочинений. Так вот, оказывается, библиотека русского царя исчезла бесследно... Ее искали сразу после его смерти, а потом на протяжении нескольких веков и даже в советское время. Искали в Кремле, в пригородных слободах, посадах и монастырях, где она могла быть спрятана. Но никому еще не удалось найти нити к раскрытию тайны ее исчезновения. А ценность этой библиотеки... ну, сами понимаете...

И вдруг Наташа поднялась на каменный парапет и с волнением в голосе произнесла:

— А мне пришла в голову одна мысль! Что, если план того места, где замуровано это книжное сокровище, за-
прятан в дуле царь-пушки?.. Давайте заглянем туда, ребята!
Ведь из пушки никогда не стреляли!..

(Несмотря на явную нелепость этого предложения, я
запомнил его почти дословно.)

Никто не стал спорить, хотя все весело заулыбались.
Мы сделали спортивную пирамиду и подняли Наташу с
таким расчетом, чтобы ее глаза оказались на уровне дула.
Она заглянула внутрь, вскрикнула и вытащила наружу
продолговатую, потемневшую от времени берестяную ко-
робку. Тут уже было не до смеха. Все «городские воробьи»
замерли от изумления. Но больше всех был поражен Афа-
насий Петрович.

Когда Наташу спустили на землю, берестяной коробкой
тут же завладела тетя Сима, она же Серафима Александров-
на, научный сотрудник — криминалист.

Мамина сестра взяла Сережин фотоаппарат, сфотогра-
фировала коробку в разных положениях, затем надела спе-
циальные перчатки.

И вот перед нашими изумленными взорами предстали
вовсе не какие-нибудь таинственные планы, а знакомые
общие тетради в коричневых клеенчатых обложках. Сомне-
ний не было! Это были вахтенные журналы Клуба знаме-
нитых капитанов!..

Тетя Сима торжественно вручила их Наташе Васильевой.
Через минуту мы узнали, что в распоряжение географичес-
кого кружка «Алый вымпел» поступили вахтенные журна-
лы за номерами девять и десять, которые мы считали
безнадежно утраченными. Жаль только, что в берестяной
коробке не оказалось пятого, шестого и седьмого...

И вообще никак не возьму в толк — почему клеенчатые
тетради попадают к нам в руки в таком беспорядке?.. Сна-
чала двадцать первая — «Прошу следовать за мной», потом
шестьдесят четвертая — «Коварное соседство», затем сразу
сто шестая — «Маяк на полуострове Дюко»...

И вдруг — полный назад!.. Девятая и десятая!..

Полное нарушение математической логики... Хотя, впро-
чем, это случайные находки. Но если поразмыслить, то ког-
да-нибудь могут быть найдены и все остальные вахтенные
журналы Клуба знаменитых капитанов.

Вот, например, Периодическая система элементов великого русского ученого Менделеева... Сначала в таблицу им были внесены всего шестьдесят три элемента, но он оставил немало пустых клеток, предсказав неизбежное открытие новых элементов!..

Надо будет и мне попробовать составить таблицу на сто шестьдесят клеенчатых тетрадей, с указанием времени и места находки.

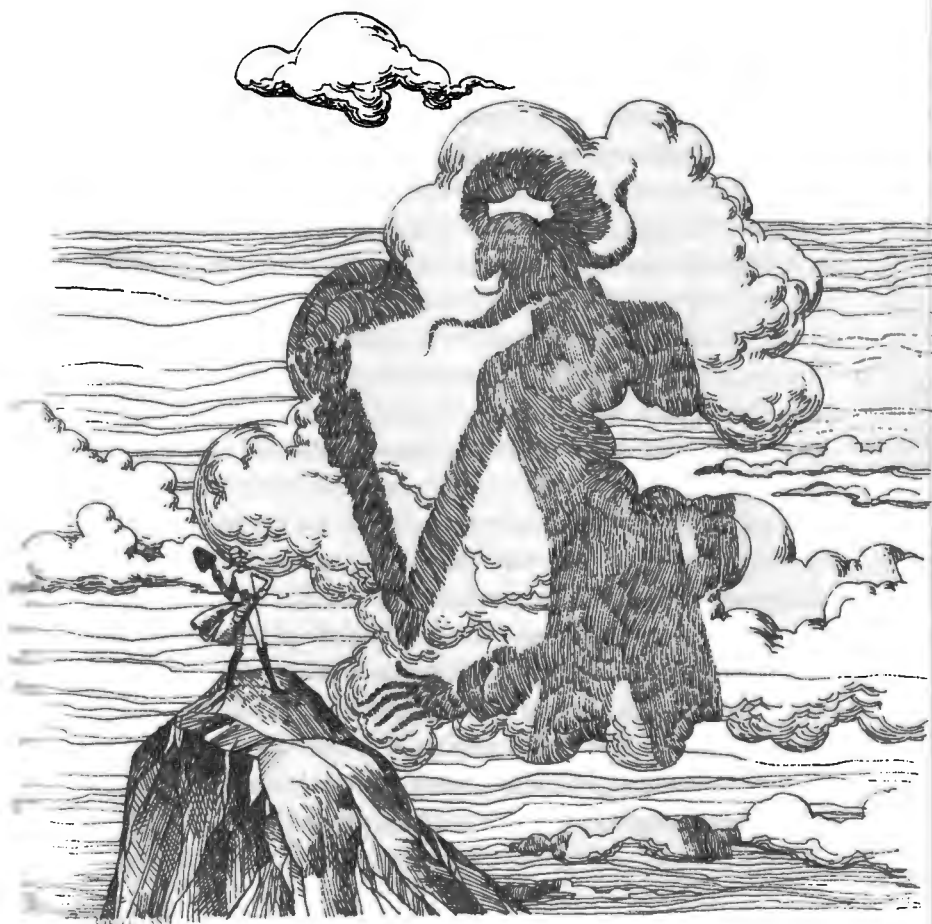
Правда, я сильно сомневаюсь в существовании этого клуба, но мы же нашли 10 (десять) вахтенных журналов!..

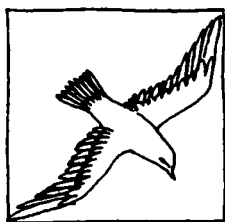
Однако кто их вел — пока не знает даже тетя Сима.

23.00. Давно пора ложиться спать. Завтра нелегкий день. В 8.00 встречаю папу и маму. А в 14.00 экстренное заседание географического кружка «Алый вымпел».

В ПОТОКЕ
ЗА «СМЕЛЫЙ ПЕРЕКРЕСТ»

Девятая клеенчатая
тетрадь

...В эту ночь в вахтенном журнале Клуба знаменитых капитанов было записано: «Борт галиота «Секрет». 23°30' северной широты, 85°15' западной долготы. Вахту принял Дик Сэнд. Мексиканский залив. Дует встречный норд-вест. 3 балла. На горизонте прошел смерч».

В салоне галиота за дубовым столом, наглухо привинченным к полу, уютно расположились знаменитые капитаны.

Из огромной трубы старинного граммофона бурно вырывались звуки скрипок, гобоев, виолончелей, фаготов и контрабасов. Грохотал турецкий барабан, и неистово звенели музыкальные тарелки, как будто бы гром и молния яростно ринулись с небес на землю. Всю эту беспокойную симфонию перекрывал могучий голос певца, в котором чувствовалась бесконечная скорбь и отчаяние.

Нельзя сказать, что все капитаны с одинаковым интересом слушали музыку и пение. Тартарен с завидным аппетитом похрустывал ванильными сухариками, запивая их черным кофе, иногда вздрагивая от неожиданного удара в барабан.

Робинзон Крузо, вооружившись иглой и суровыми нитками, ставил заплату на свой кафтан из козьей шкуры. Лемюэль Гулливер склонился над географической картой. Мюнхгаузен с недовольным лицом раскладывал карточный пасьянс под кодовым названием «Могила Наполеона». Этот пасьянс вошел в моду после сокрушительного поражения Бонапарта в битве при Ватерлоо.

Артур Грэй стоял у иллюминатора, задумчиво поглядывая на Мексиканский залив. И пожалуй, только один капитан Немо, закрыв глаза, с наслаждением слушал симфонический оркестр и чудесного певца.

В салон вошел капитан корвета «Коршун». Видимо, он продрог, так как сразу же приложил ладони к кофейнику, то ли согреть руки, то ли проверить — горячий ли кофе?..

— Что это вы слушаете, друзья? — спросил он, бросив взгляд на граммофон.

— Оперу Рихарда Вагнера «Летучий голландец», — ответил Артур Грэй и, подойдя к граммофону, аккуратно снял мембрану, так как уже прозвучали финальные аккорды и раздалось шипение.

Капитан Немо открыл глаза и в глубоком раздумье тихо сказал:

— «Летучий голландец»?.. Корабль-призрак?.. Плавающая легенда...

Какой моряк не задумывался об этом загадочном судне! Существовало ли оно? Видел ли его кто-нибудь? Когда? Где? В туманах ли Лабрадорского течения, огибающего остров Ньюфаундленд, в высоких широтах Атлантики? То ли у зловещего мыса Бурь на южной оконечности Африки — у кладбища кораблей, как бы в насмешку нареченного королем Португалии — Жуаном Первым — мысом Доброй Надежды? То ли внезапно мелькнувший среди айсбергов, подобно обледеневшему призраку с мерцающим огоньком на клотике грот-мачты? То ли его видели в Саргассовом море, где «Летучий голландец» был похож на чудовище, обросшее морскими водорослями. Корабль годами бесцельно кружил по замкнутому течению, пока ураган не вырывал его из объятий этого гигантского водоворота...

Раздумья капитанов были прерваны возгласом Робинзона Крузо:

— А что все-таки известно об этом корабле, кроме легенды?

— О нем написано немало книг. Могу вам напомнить, — задумчиво протянул Артур Грэй. — «Летучий голландец» Альберта Эмиля Брахфогеля, «Призрачный корабль» Фредерика Марриэта, «История о корабле-призраке» Гауффа, «Сказки придорожного кабачка» Лонгфелло, «Голландский корабль» Расселя, «Баллада семи морей» Киплинга...

— Но это же все плоды фантазии писателей и поэтов, — поморщился Немо. — А есть ли какие-нибудь... Ну, хотя бы в какой-то мере достоверные сведения?

— Достопочтенные капитаны, я могу вам дать справку, — сказал Лемюэль Гулливер. — Одно из самых уважаемых пароходных страховых обществ в Англии «Ллойд», да не только в Англии, но и во всем мире, зарегистрировало 1828 официальных рапортов о встрече с «Летучим голландцем»!

— Неужели? — удивился Тартарен. — Не может быть!..

— За какой же срок? — деловито справился Робинзон Крузо.

— Всего за два года. С 1891 года по 1893 год!

— Это корабли-призраки, брошенные капитаном и матросами по самым разным причинам на произвол судьбы, а точнее — на волю ветров, течений, туманов и штормов, — улыбаясь, сказал Артур Грэй, наливая себе кофе. — Но это еще не встречи с «Летучим голландцем»!

— Вы так говорите, как будто что-то знаете, — заносчиво произнес Мюнхгаузен. — Таинственные усмешки... Глаза как у египетского сфинкса... Я, ко-

нечно, понимаю, мы на борту вашего галиота «Секрёт», но вряд ли это должно означать, что вы...

— Если вам что-то известно, говорите! — перебил Тартарен. — Я настаиваю. Здесь, в кают-компании, только друзья!

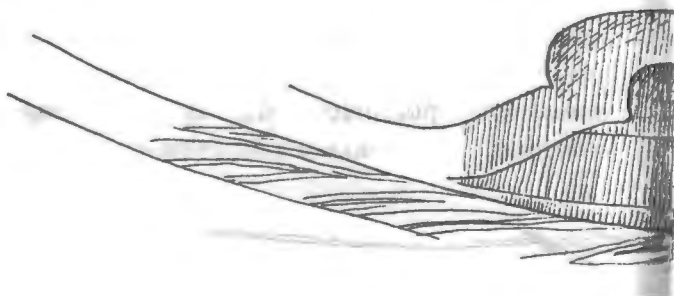
— Должен вас разочаровать... О «Летучем голландце» я знаю столько же... сколько и вы. Может быть, немножечко больше.

— Не стоит спорить, мои уважаемые коллеги, — добродушно протянул Лемюэль Гулливер. — Давайте-ка заглянем в морской словарь...

— Ну, вряд ли там мы найдем сведения о «Летучем голландце», — скептически перебил Артур Грэй. — Другое дело... такие слова, как бриг, шхуна, подводная лодка, якорь, такелаж, батискаф...

— Есть! — громко воскликнул Гулливер, держа в руках объемистую книгу. — Вот... слушайте... «Летучий голландец» — старинная легенда, согласно которой капитан голландского судна Ван Страатен был осужден за смертные грехи на вечное скитание по морям, никогда не приставая к берегу. В костюме семнадцатого века Летучий Голландец, прислонясь к мачте своего судна, носится по морям, причем встреча с ним предвещает гибель морякам». Все! — добавил Гулливер и аккуратно поставил морской словарь в книжный шкаф.

— Немного, конечно, — с усмешкой заметил капитан корвета «Коршун». — Не говоря уже о том, что все это... не более как предрассудки и суеверия.

Человечество за несколько тысяч лет накопило их в большом количестве.

— Действительно, их такое множество, — вмешался в разговор Мюнхгаузен, — что они еле-еле уместились в энциклопедию предрассудков!

Тартарен недоверчиво насторожился. Робинзон Крузо и Лемюэль Гулливер обменялись красноречивыми улыбками. Капитан корвета «Коршун» смущенно опустил глаза — он всегда ощущал стыд, если кто-нибудь рассказывал небылицы или привирал в его присутствии. Пожалуй, единственный из капитанов, кто отнесся серьезно к сенсационному сообщению Мюнхгаузена, был Артур Грэй.

— Неужели есть энциклопедия предрассудков? — спросил он, глядя прямо в глаза Карла Фридриха Иеронима.

— Представьте себе — имеется! — не моргнув, выпалил поборник истины. — В десяти томах! Можете приобрести в книжных магазинах Мюнхена.

— Откуда вам это известно? — допытывался Артур Грэй.

— Я читал заметку об этом в журнале «Новое время» на немецком языке. Это мой родной язык, хотя я блестяще владею русским... Я изучил его, путешествуя по России. Свободно говорю по-французски, читаю по-испански, пишу по-арабски, пою по-итальянски, изъясняюсь на языке хинди, знаю латынь, немножко по-гречески... К примеру говоря, возьмем такое слово, как Антарктида... В переводе с греческого оно означает — напротив севера!.. Но я, кажется, несколько уклонился от курса? О чем у нас шел разговор?

— О предрассудках и суевериях, — напомнил капитан Немо. — Кто же в наше время верит в это?!

— Представьте себе, есть еще такие люди, и их немало на нашей планете, — заметил Артур Грэй. — В Италии, неподалеку от города Авеллино, в горной пещере, под охраной сторожевых псов, собрались на конференцию знаменитые итальянские ведьмы и колдуны. Президент итальянского союза ведьм Антонио Баттиста должен был утвердить программу действий на будущее. Об этом было напечатано в газете. А совсем недавно в одном солидном журнале была помещена такая заметка: «Некто Алекс — король нечистой силы на Британских островах, заявил, что в Англии проживает около сорока тысяч ведьм и колдунов. По его словам, один или два колдуна заседают даже в парламенте».

Это сообщение капитана галиота «Секрет» вызвало веселое оживление в салоне.

— И это не только в Англии, друзья, — продолжил Артур Грэй. — В штате Флорида находится штаб-квартира национальной ассоциации спиритов Соединенных Штатов.

— Чем же они занимаются? — удивился Лемюэль Гулливер.

— Престарелые ясновидцы, за деньги конечно, устраивают своим клиентам встречи с духами умерших родных и знакомых. А за более высокую плату вы можете «поговорить» с Нероном, Генрихом Гейне, с Бисмарком... Одним словом, с кем вам будет угодно. И все это — на пороге двадцать первого века.

— Такие встречи весьма сомнительны, — заметил Тартарен. — Но некоторые факты все-таки меня смущают... Хотя я человек не суеверный, но позвольте рассказать вам одну прелюбопытнейшую историю...

С этими словами гроза берберийских львов и покоритель Альп даже поднялся с кресла, хотя он не

любил этого делать, особенно если кресло было мягкое...

— Хотите вы этого или не хотите, но случилось так, что строительство одного корабля на ливерпульской верфи началось в пятницу. Бутылка шампанского — по традиции — была разбита в день спуска корабля со стапелей. Это было тоже в пятницу! Фамилия капитана была Фрайди, в переводе с английского означает — пятница. И корабль ушел в плавание — в пятницу!

— Ну и что? — усмехнулся Артур Грэй.

— Что? А вот что: это судно вместе с экипажем бесследно исчезло в море!

Полюбовавшись эффектом, который произвел его рассказ, Тартарен, чувствуя себя победителем в споре, с подчеркнутой любезностью обратился к капитану галиота «Секрет»:

— Налейте мне, пожалуйста, чашечку кофе. Вы ближе к кофейнику... Вас не затруднит? — улыбнулся тарасконец, придвигая к себе плетеную сухарницу с ванильными сухарями.

Артур Грэй молча налил кофе. Тартарен, безмятежно похрустывая сухариками, так и не дождавшись внятного ответа на свое сообщение о «черной пятнице», не выдержал:

— Что же вы молчите, капитан? Ведь я вам рассказал не легенду и не сказку. Тартарен оперирует фактами. И только фактами!..

— По-моему, это случайное совпадение. Не больше. Вам не повредят сухарики?.. — с улыбкой заметил капитан корвета «Коршун».

— Не беспокойтесь, — сухо произнес тарасконец. — Я тоже скептически отношусь ко всякого рода суевериям и предрассудкам, но совершенно согласен с

Шекспиром. Вы, конечно, помните слова самого Гамлета из великой трагедии о принце Датском: «Есть многое на свете, друг Гораций, что и не снилось нашим мудрецам!»

— Глубокая мысль... — задумчиво добавил капитан Немо.

Артур Грэй подошел к любимцу Тараскона и подружески обнял неугомонного толстяка:

— Я питаю надежду, дорогой Тартарен, что наш спор может решить только океан.

— В каком смысле?

— Встречи с кораблями-призраками, а возможно... и с самим «Летучим голландцем»!

— Вы надеетесь, капитан Грэй? — порывисто спросил охотник за фуражками. У него даже загорелись глаза.

— Не будем гадать, мой друг. Кто знает, что его ожидает в будущем? Какие встречи могут быть в пути? Особенно — в океане!

— Предвидеть трудно, конечно... Угадать невозможно!.. — задумчиво процедил Мюнхгаузен, тасуя карты, а затем вытащил одну из колоды — на счастье, бросил ее рубашкой на дубовый стол. — Тройка! — Еще одна карта полетела на стол. — Семерка!..

Последним лег туз.

— Это — судьба!.. — всплеснул руками изумленный капитан корвета. — Те самые три карты! Старая графиня из повести Пушкина назвала их Германну. На счастье в игре!..

— Мюнхгаузен, я вас поздравляю! — восторженно крикнул Тартарен. — Это неспроста. Капитаны, сегодня ночью нас ожидают удачи!

— А не поехать ли в Монте-Карло? Сыграть в рулетку?.. — азартно спросил барон, блеснув глазами.

— Вы с ума сошли. Там с вас снимут штаны, — зашипел на него тарасконец. — Камзол! Лакированные ботфорты с серебряными шпорами! Последнюю рубашку... Все! Все — до нитки!

Карл Фридрих Иероним лихо прищелкнул каблучками. Зазвенели шпоры. И седой фантазер азартно пропел первые слова знаменитой арии Германна из «Пиковой дамы»: «Что наша жизнь, игра!..»

— Вы еще поете, — раздраженно проворчал Тартарен. — Как вы можете? Я лично не желаю больше находиться в неведении!

Толстяк вскочил из-за стола и довольно резко обратился к капитану галиота «Секрет»:

— Мсье Артур Грэй! Будьте любезны... Я настаиваю... Вы скажете, наконец, зачем мы плывем в Торонто? Для чего? Какова цель? Я жду ответа. Надеюсь, что не только я! — закончил свою тираду гроза львов, сделав широкий жест в сторону своих друзей по кают-компании.

— На этот раз я полностью согласен с Тартареном, — горячо поддержал тарасконца Мюнхгаузен. — Действительно, что нас ожидает на берегу озера Онтарио? Уж не хотите ли вы показать нам Ниагарский водопад? Ну, это было бы просто смешно. Я категорически...

Артур Грэй оборвал его суровым возгласом:

— Вы мне не доверяете, капитаны?

— Это оскорбительный для нас всех вопрос! — воскликнул Тартарен с пылкостью истинного уроженца солнечного Прованса.

— В таком случае, друзья, я, капитан галиота «Секрет» из феерии «Алые паруса» Александра Грина, — торжественно сказал он, — могу сообщить только одно: на берегу озера Онтарио, в канадском порту Торонто вас ожидает...

— Что нас ожидает? — нетерпеливо перебил его поборник истины.

— Необычный сюрприз! Поверьте мне, капитаны, — добавил Артур Грэй с многообещающей улыбкой.

— Опять таинственная улыбка... — сердито пробурчал Мюнхгаузен и, нервно смешав карты, торопливо подошел к иллюминатору, мимолетно взглянул на море и довольно резко обратился к капитану галиота: — Вам должно быть хорошо известно, что я никогда не терял ни одной секунды. Я путешествовал, скитался, бродил, скакал, летал, плавал, нырял... И всегда знал цель! Куда? Зачем? Почему? И во имя чего я стремлюсь! Меня удивляет ваша позиция, капитан Грэй. Если нас в Канаде ожидает сюрприз, то скажите — какой?

— Я бы от вас не утаивал... Но в данном случае... еще не вполне уверен. А вдруг этот сюрприз — газетная утка? Мне не хотелось бы вас разочаровывать.

— А стоит ли тогда держать курс на порт Торонто? — благоразумно заметил Лемюэль Гулливер.

— Что я слышу?.. Разве в своих путешествиях вы надеялись приехать в страну лилипутов, великанов?.. Или же думали попасть на летучий остров Лапуту? Разве вы знали, что есть страна гуингнимов?.. Путешествия и дальние плаванья тем и замечательны, что таят в себе много неожиданностей и самых удивительных сюрпризов.

— Пожалуй, вы правы, капитан Грэй... — поддержал его Мюнхгаузен. — Я вспоминаю один рейс на моем бриге «Леденец». В тумане он был разрублен пополам каким-то мощным ледоколом... Ну, совсем как знаменитый конь из моей истории, описанной Эрихом Распе. И, представьте себе, нос отправился

на вест, а корма — на ост. К счастью, на бриге были две пушки. На баке и на юте. И я носился на ядрах взад и вперед, чтобы поднять дух у команды и управлять обеими частями разрубленного судна. Это был единственный случай в истории мореплавания!..

В салоне раздался смех.

— Вы напрасно смеетесь, друзья, — со всей серьезностью сказал капитан корвета. — В старом морском журнале описан случай с немецким парусником «Траве». Его разрезал пополам пассажирский лайнер. Однако нос и корма остались на плаву. Носовая часть дрефовала на норд. И моряки видели ее у северо-восточного побережья Америки. А кормовая часть была унесена течением на зюйд. Так что сегодня Мюнхгаузен сильно приблизился к истине.

— Как это сегодня? — возмутился Карл. — Да я за двести пятьдесят лет, если вы желаете знать, ни разу не уклонился от фактов. Меня можно упрекнуть только как фантазера. Пожалуйста... Но фантазия — это истина будущего!

— Великолепно сказано! — восхищенно воскликнул Робинзон Крузо. — Золотые слова!

С палубы донесся бой склянок. Лемюэль Гулливер сверил время, взглянув на свой брегет.

— Пора сменить Дика Сэнда на вахте, — сказал Артур Грэй. — Как будто ваша очередь, капитан корвета «Коршун»?

Василий Федорович кивнул и молча покинул кают-компанию.

Гулливер, положив брегет на карту, взял в руки карандаш.

— Где же мы сейчас, капитан Гулливер? — спросил Немо, придвигаясь поближе к огромной географической карте, занявшей добрую половину дубово-

го стола. Немо, Татарен и Мюнхгаузен склонились над ней.

— Уже позади Карибское море... Прошли в Мексиканском заливе географическую линию «Северный тропик», — говорил Гулливер, отмечая на карте курс галиота «Секрет». — Взгляните... Эта воображаемая линия точно расположена на северной широте в 23 градуса и 30 минут. Она пересекает пустыню Сахару... Нил... Красное море... Аравию... проходит севернее Калькутты... через остров Тайвань... Гавайские острова... Калифорнию в южной оконечности... Мексику... и снова смыкается в Мексиканском заливе, который мы оставили далеко за кормой...

— Сейчас мы в Саргассовом море, — заключил Артур Грэй. — Его еще называют Морем Водорослей.

В салон быстро вошел Дик Сэнд, поеживаясь и потирая руки:

— Не найдется ли кружечка горячего кофе?

— Садитесь, Дик, — приветливо встретил его Татарен, наливая кофе пятнадцатилетнему капитану.

Прихлебывая кофе, Дик весело заговорил:

— А я-то думал, по молодости лет, что вы здесь ведете научные споры, а оказывается... вы говорили о суевериях, предрассудках и о всяких сомнительных морских легендах...

— Откуда вам это известно, юноша? — удивился Робинзон Крузо. — Вы же стояли на вахте.

— Мне сказал капитан корвета. Могу вас заверить, друзья, во время моей вахты я видел играющих дельфинов, голубую акулу со свитой лоцманов, множество летучих рыб, за которыми гнались тупорылые тунцы, — и ни одного «Летучего голландца»! — звонко рассмеялся Дик.

Не обращая внимания на веселое оживление, которое внес Дик Сэнд в кают-компанию, Лемюэль Гулливер, склонившись над картой, прокладывал курс, аккуратно вычерчивая красным карандашом линию по голубому полю Саргассова моря...

...В этот час в вахтенном журнале Клуба знаменитых капитанов было отмечено:

«Борт галиота «Секрет». Саргассово море. Вахту принял капитан корвета «Коршун». Идем по Гольфстриму навстречу Лабрадорскому течению. Ветер — ост. 4 балла. Крен — 20°. Барометр падает. Крупная зыбь. Вспышки молнии. На горизонте шквальный ливень».

В салоне еще мало обращали внимания на усиливающуюся качку галиота. Надо сказать, что разговоры и споры о кораблях-призраках, и особенно о «Летучем голландце», взбудоражили головы знаменитых капитанов...

— А почему это легендарное судно назвали «Летучим голландцем»? — спросил Дик Сэнд.

— Видимо, потому, что моряки его видели не только в океане, но и парящим в небе среди облаков, — ответил Мюнхгаузен. — Если хотите знать, я сам видел этот корабль в облаках!

Тартарен, не скрывая ехидной усмешки, снисходительно похлопал пухлой ладонью по плечу Мюнхгаузена:

— Это, мой милый друг, ваш свежий правдивый рассказ? Или фантазия? А возможно — галлюцинация?..

— Напрасно вы смеетесь, Тартарен, — заметил капитан Немо. — На этот раз Мюнхгаузен сообщил нам правду. Парящий в небе «Летучий голландец» — не плод фантазии. На самом деле это не что иное, как мираж. Оптическое явление в атмосфере. У горизонта появляются мнимые изображения островов, кораблей. Они образуются вследствие отражения световых лучей на границах слоев воздуха различной плотности. При верхнем мираже могут стать видимыми предметы, скрытые за горизонтом...

— Ага! — воскликнул Дик. — Значит, где-то плывет парусник... и при верхнем мираже он становится видимым за много миль с другого судна... как бы летящим в небе...

— Зря вы хихикали, Тартарен, — весело сказал Мюнхгаузен.

— Пардон, мсье Мюнхгаузен.

— Вам бы надо подзаняться физикой, хотя бы в объеме средней школы, дорогой охотник за фуражками, — съязвил старый поборник истины и, воодушевленный своим успехом, поднялся с кресла. — Я еще кое-что видел в небе, капитаны!.. Есть такая гора в Германии — Брокен. По стародавним преданиям, на вершине Брокенской горы собирались ведьмы...

— В вашем присутствии? — спросил Тартарен, пытаясь скрыть улыбку.

— Могу вас успокоить, любимец Тараскона, мне не пришлось встречаться с ведьмами, хотя я пользуюсь мировой известностью. Так вот, друзья, поднявшись на вершину Брокенской горы, я стоял спиной к солнцу, как вдруг увидел в небе тень великана. Налетевший ветер сорвал с головы мою шляпу, но я успел ее поймать в воздухе... Тень великана повторила мое движение рукой... и подхватила огромную шляпу в небе.

Я остолбенел, но, взяв себя в руки, вытащил из кармана камзола носовой платок и, сняв с шеи шарф, начал семафорить ими, как флажками, как будто бы находясь на юте моего брига «Леденец»... «Кто вы такой?» — спросил я великана в небе со всей четкостью по морской семафорной азбуке. В ответ... великан повторил мою сигнализацию, размахивая в небе огромными черными тенями от носового платка и шарфа...

— Не знаю даже... верить вам или нет?! — осторожно заметил Тартарен.

— Можете верить, — подтвердил капитан Немо. — Это брокенское видение. О нем писал один немецкий профессор. Этот великан в небе был сам Карл Фридрих Иероним. Вернее — его тень, которая падала на поднимающиеся облака. А ее гигантские размеры объяснялись тем, что она проектировалась на туман, как на полотно, с большого расстояния. Если бы подул ветер, то великан бы исчез.

— В России крестьяне называли это явление маревом, — добавил Василий Федорович. — А в Италии — Фата Моргана...

— Это имя средневековой колдуньи. Ее сожгли на костре инквизиторы, — добавил Робинзон Крузо.

Тартарен с завистью посмотрел на Мюнхгаузена, блеснувшего на этот раз правдивым рассказом. Покоритель Монблана всегда очень ревниво относился к успехам барона, нелегко переживал его триумфы.

Мюнхгаузен, самодовольно потирая руки, быстро собрал рассыпанные по столу карты и ловким движением распустил их веером, а затем снова собрал в пачку, согнул и прищелкнул большим пальцем. На глазах изумленных капитанов карта за картой вылетала из колоды и, описав дугу над глобусом, падала на стол перед самым носом Тартарена.

— Фокусник! — процедил сквозь зубы тараско-нец. — Вам бы в цирке выступать...

— Ничего не имею против вашего лестного предложения, — с чувством превосходства ответил барон. — Тем более что я уже давал гастроли в одном из лунных цирков!

— Без зрителей! — язвительно заметил Тартарен.

— Оставляю вашу неуместную реплику без ответа, — с пафосом, но несколько визгливо воскликнул Мюнхгаузен.

— Друзья, — примирительно обратился к спорщикам Робинзон Крузо, — перестаньте пререкаться. Взглянем лучше на карту...

— Значит, так... Из Саргассова моря мы направляемся в залив Святого Лаврентия, затем по реке и каналу мимо Квебека... Монреалья в порт Торонто! — сказал Лемюэль Гулливер, бросив циркуль.

Неожиданно взорвался Мюнхгаузен, понервничавший в словесной дуэли с Тартареном:

— Капитан Грэй, но какой же все-таки нас ожидает... в этом самом Торонто сюрприз?..

— Именно вот этот самый вопрос я и хотел сейчас вам задать! — пылко поддержал Тартарен. — Он у меня вертелся на языке. Его у меня буквально вырвали изо рта.

— Немного терпения, капитаны, — улыбнулся Артур Грэй. — Это очень ценное качество, особенно для моряка.

— Нет, действительно любопытно, — заметил Дик Сэнд. — Какой же это может быть сюрприз?.. На берегу озера Онтарио в порту Торонто?.. Не могу себе представить.

— Я уже говорил: необычайный, — еще раз повторил капитан «Секрета».

Судно круто легло на борт. Со стола полетели кружки, чашки, кофейник, глобус... С треском раскрылись створки книжного шкафа... Книги посыпались с полок...

Робинзон Крузо, только что закончивший починку своего мехового кафтана, так и не успел его надеть и, потеряв равновесие, рухнул на пол...

Шумно распахнулась дверь. В салон ворвался шквальный ветер. Географическая карта, подхваченная сильной струей воздуха, сорвалась со стола и накрыла Тартарена... Под потолком на железном кольце билась лампа-фонарь, словно перепуганная птица, случайно залетевшая из голубого поднебесья в темный амбар.

Круглое пятно света от качающейся лампы металось с пола на стены. Брызги морской воды обдали упавшего у дверей Гулливера. С палубы доносилась тревожная трель боцманской дудки. Гудел корабельный колокол.

В кают-компанию вбежал капитан корвета «Коршун».

— Свистать всех наверх! — закричал он. — Нас настиг шторм!

— Памперо!.. — прошептал Тартарен.

Моряки знают этот коварный ветер, всегда так неожиданно возникающий на море. Памперо налетает на судно, как ягуар, внезапно бросившийся с дерева на пробегающую антилопу.

В вахтенном журнале было записано всего несколько скупых слов: «Борт галиота «Секрет». Саргассово море. Вахту принял капитан галиота «Секрет». Шторм. Ветер 10 баллов. Крен — 40°. Видимость — ноль».

Тьма поглотила галиот. Ослепительные вспышки молний озаряли алые паруса, вскипевшие серой пеной водяные валы и стремительно проносящиеся над красным огоньком сигнального фонаря черные водоросли, вырванные из пучин Саргассова моря.

Потоки воды низвергались на палубу «Секрета» с небес, заливая судно. На штурвал навалились три капитана — Робинзон Крузо, Немо и Тартарен, пытаясь удержать судно против ветра, чтобы оно не повернулось своим бортом к грохочущим волнам.

На юте сорвало привязанные канатом бочки и разнесло по палубе. Одна из бочек была вдребезги разбита, другая же, взлетев над бушпритом, исчезла за бортом.

— Убрать паруса!.. Убрать паруса! — кричал в рупор Артур Грэй.

Трудно сказать, слышали ли его команду друзья, так как в эти минуты небесная канонада усилилась и казалось, что армада стопушечных фрегатов одновременно палила по галиоту.

Шквальный ветер сорвал с грот-матчы грот-бомбрамсель и, разорвав его в клочья, унес в небеса. Сверкнула молния. Капитан «Секрета» увидел, как мелькнули в небе клочья алого паруса, словно языки пламени.

Раздался треск. С верхушки грот-матчы посыпались осколки стекла. Шквальный ветер разбил сигнальный фонарь. Красный огонек больше не мерцал на клотике.

— Капитаны!.. — хрипел в рупор Артур Грэй, надорвав голос. — Мы в судоходном районе... Здесь проходят маршрутные линии... Балтимор — Лондон — Гамбург... Нью-Йорк — Мурманск... Монреаль — Ленинград... Возможны столкновения... Необ-

ходимо повесить сигнальный фонарь на грот-мачте!.. Кто...

Но он не успел договорить, как его перебил Мюнхгаузен:

— Я, капитан! — С этими словами поборник истины бросился в камбуз.

Вдогонку Мюнхгаузену летел приказ Артура Грэя:

— Будьте осторожны!..

Мюнхгаузен ползком пробирался по стене камбуза, которая заняла положение пола, а потолок стал стеной. Кастрюли, миски, сковороды, неистово грохоча, смешались в кучу... Битая посуда затрещала под ботфортами Мюнхгаузена...

Из настенного шкафа, нависшего над головой промокшего до нитки Карла, посыпались банки, кофейная мельница, мясорубка, ножи, вилки, ложки, пакеты... К счастью, Мюнхгаузен поймал на лету фонарь, упавший с полки, задул его, опустил красное стекло и пополз из камбуза на палубу...

Немо заметил Мюнхгаузена с зажженным фонарем. Несколько бочек летели на юг...

— Полундра! — изо всей силы закричал капитан «Наутилуса».

Шквальный порыв ветра донес предостерегающий крик до Мюнхгаузена. Он успел броситься в сторону... Здоровенная бочка пронеслась над его головой и, как пушечное ядро, грохнулась в косую бизань. Тяжелая парусина выдержала этот удар. Но бочка взлетела до грот-марса и ринулась вниз, разбившись на палубе в щепки.

Раскаты грома смешались в сплошной грохот. Море стало совершенно белым от вскипевшей пены. Немо неистово кричал в рупор:

— Держитесь за леера!.. Ловите пробковый жилет!..

С капитанского мостика на палубу полетел спасательный жилет...

Чудовищный вал обрушился на галиот «Секрет». Судно затрещало. Потоки воды понеслись по палубе, ворвались в камбуз и тотчас хлынули обратно, унося с собой кастрюли, сковородки, банки, чайники, остатки разбитого кухонного шкафа — смывая в океан все.

— Где мы?.. — заорал Тартарен, повиснув на штурвальном колесе.

— В преисподней самого дьявола... — прохрипел Робинзон Крузо, пытаясь удержать штурвал. — Где Мюнхгаузен?.. Не смыло ли его с палубы?..

Над галиотом прокатились раскаты грома. Сверкнула молния, кинжальным ударом прорезав мрак.

— Если продержимся еще минут двадцать, то уцелеем, — процедил сквозь зубы капитан корвета «Коршун».

— Откуда вам это известно? — крикнул Тартарен, потеряв самообладание.

— По-моему, шторм стремительно сворачивает на зюйд... Вот он... Здесь!.. — неожиданно закричал Василий Федорович. — Здесь!

Тартарен испуганно взглянул на него:

— Кто?

— Мюнхгаузен!

В потоках ливня, мутной пены, рокочущей морской волны, заливавшей палубу галиота, медленно продвигался к носу корабля красный огонек сигнального фонаря. Он то исчезал, то снова мерцал, то неожиданно кидался в сторону.

Это Карл полз к грот-мачте. И вот уже огонек стал подниматься к небу... Ослепительная вспышка молнии осветила на мгновение Мюнхгаузена, взбираю-

щегося по вантам... Трещали мачты, скрипели снасти, грохотали водяные валы, обрушиваясь на судно...

Многое пришлось пережить Карлу Фридриху Иерониму в своей удивительной и неповторимой жизни, но, пожалуй, такой ночи у него еще не было.

Судорожно цепляясь за пеньковые тросы, он упрямо лез наверх, бросая вызов взбесившейся стихии. Вспышка молнии осветила его уже на грот-стенъ-вантах. Он полз еще выше с подветренной стороны, подбираясь к клотику на верхушке грот-мачты. Отважный фантазер, собрав остатки сил, пытался поставить сигнальный фонарь в гнездо...

Сквозь свистящий ветер победно прозвучал крик Мюнхгаузена:

— Все в порядке, капи... — Это были его последние слова, не увековеченные в книге Эриха Распе.

Судно дало сильный крен. Поборник истины повис над kloкочущей пучиной. Чудовищный вал сорвал Карла с грот-мачты вместе с сигнальным фонарем...

В штормовой мгле только блеснул красный огонек.

Сверкнула молния. Оцепеневшие капитаны увидели оголенную грот-мачту с сорванным алым парусом. На ней никого не было. На какую-то долю секунды был выпущен штурвал. Колесо бешено завертелось... Гулливер пытался удержать штурвал, схватившись за деревянную ручку... Но Лемюзля швырнуло с капитанского мостика, однако, к счастью, кинуло на фок-ванты. Он повис на канатах...

Галиот «Секрет», потерявший управление, развернуло бортом навстречу ураганному ветру... Казалось, что только чудо могло спасти корабль от грозного вала. Оставались считанные секунды.

Капитанам удалось усмирить штурвальное колесо и повернуть судно носом к ветру. Галион понесло

куда-то в небеса — к грозovým тучам... Он вознес-ся на вскипевший белой пеной гребень водяного вала, за которым зияла черная бездна... И в это мгновение могучая сила гигантской волны кинула судно назад, увлекла за собой, обрушившись на палубу...

Такой шторм, временами переходящий в ураган, пережил Христофор Колумб в 1503 году в своем последнем плавании в Новый Свет. «Никогда глаза мои, — писал он, — не видели валов столь высоких, грозных, увенчанных пенными гребнями... Никогда еще небо не выглядело таким зловещим: однажды весь день и всю ночь оно пылало, словно пламя горнила, а молнии низвергались с такой яростью, что всякий раз мне казалось, что мачты разбиты и паруса разорваны в клочья. Вспышки следовали одна за другой и были столь грозны и ужасны, что мы были уверены: корабли взлетят на воздух. И все это время с неба низвергались потоки воды. Это был не дождь, а сущий потоп».

Галиот «Секрет» бушпритом зарылся в бурлящий вал, как вдруг на мачтах, на нок-реяx и на конце бушприта, взметнувшего в небо, замерцали огни. Но особенно всех поразил Лемюзль Гулливер на вантах.

Его голова была окружена сиянием. Волосы поднялись дыбом и сверкали голубоватыми искорками. В воздухе запахло серой. Вскоре и голова Дика Сэнда с длинными волосами, поднявшимися вверх, сверкала бенгальскими вспышками...

— Мы сгорим!.. — в ужасе прошептал Тартарен.

— Это огни святого Эльма! — крикнул Артур Грэй в мегафон. — Если останемся живы, я вам о них... — и, не договорив, громовым голосом отдал команду: — Все на штурвал!.. Навались!..

«Только бы удержать судно против ветра... — лихорадочно думал Артур Грэй. — Только бы его не повернуло бортом навстречу шквальному ветру...»

«Секрет» шел под голым рангоутом — без парусов. Сокрушительный вал, кипевший белой пеной, с несмолкаемым шипением...

К сожалению, что произошло дальше, нельзя было прочесть. Несколько страниц было размыто морской водой, а может быть, чернила просто потускнели от времени. Кто знает, когда была написана эта клеенчатая тетрадь...

К счастью, остальные страницы тетради были в сохранности и проливали свет на события после этого ужасающего шторма и исчезновения в бурлящих волнах Карла Фридриха Иеронима Мюнхгаузена.

Следующую страницу вахтенного журнала можно было бы назвать черной. Вахту принял Лемюэль Гулливер и записал четким, но несколько витиеватым почерком: «Саргассово море. 48°7' северной широты, 57°11' западной долготы. Шторм отнес изрядно потрепанное судно от намеченного курса. Сегодня ночью во время бури смыв за борт капитан Мюнхгаузен. В районе бедствия удалось обнаружить только его шляпу».

Из коричневой трубы старинного граммофона неслись скорбные звуки органа. Звучала траурная месса Иоганна Себастьяна Баха. Неожиданно все умолкло.

Артур Грэй подкрутил ручку пружинного завода, и снова в салоне заиграл орган.

На стене висел большой портрет улыбающегося Мюнхгаузена с траурным бантом. А под ним, на высокой тумбе из красного дерева, на глобусе была водружена треугольная шляпа неугомимого путешественника по морям и океанам, под водой, в чреве кита, над землей, верхом на ядре, и парящего в облаках на запряжке из диких уток.

Большое зеркало, висевшее на переборке, было затянато черным тюлем.

Да, много всяких чудачеств было в его жизни!.. Невольно вспоминались фантастические приключения барона, шутки, мистификации, проказы... Но на этот раз все было не так...

Капитаны воочию видели, как Мюнхгаузен сорвался с грот-мачты в бушующую пучину в беспримерной по храбрости попытке заменить сигнальный фонарь во время урагана.

Когда умолк многоголосый орган, мы все вышли на палубу...

И перед тем, как отдать последний салют своему другу, Артур Грэй сказал несколько прощальных слов:

— Друзья!.. Карл Фридрих Иероним будет вечно жить на страницах книг Эриха Распе. Его необычайные приключения навсегда останутся в нашей памяти. А то, что не забывается и живет в людской памяти, никогда не умирает. «И тот не погиб, кто умирает доблестно!» — писал Плавт.

На пухлой щеке Тартарена блеснула скатившаяся слеза.

— Прощай, Карлуша... Да будет тебе земля... пардон, вода — пухом!.. — печально воскликнул толстяк.

Робинзон Крузо выстрелил из мушкета. Капитаны молча надели шляпы и фуражки.

Холодное Лабрадорское течение несло льды. Артур Грэй, бросив мимолетный взгляд на плывущие льдины, быстро поднялся по трапу на капитанский мостик и, взяв рупор, отдал команду:

— Лечь на правый галс!

— Есть лечь на правый галс!

Судно шло против ветра, и приходилось лавировать, поочередно ложась то на правый, то на левый галсы.

Римский драматург Тит Макций Плавт писал: «Неожиданное чаще случается в жизни, чем ожидаемое!»

Верхом на дельфине мчался Карл Фридрих Иероним. Нет, нет!.. Это был не мираж, не призрак, не бродячье видение, а наш дорогой Мюнхгаузен, живой и невредимый, — на огромном дельфине, который развил скорость свыше пятидесяти узлов.

К сведению скептиков необходимо заметить, что это было далеко не первое плавание подобного рода. В Британском музее хранятся две римские монеты, отчеканенные задолго до нашей эры... На одной изображен мальчик верхом на дельфине, а на другой, более древней, воин в боевом снаряжении.

Что же случилось после того, как он сорвался с грот-мачты, полетев в пучину взбунтовавшегося Моря Водорослей?

Казалось, что спасения нет и не может быть. Теряя сознание, захлебываясь соленой водой, Мюнхгаузен вдруг почувствовал сильный удар, как будто выныр-

нувшее бревно подбросило его, подцепило за пробковый жилет и вынесло на поверхность... Он успел только глотнуть воздух и почувствовал, что его тащат сквозь ливень и пену черт знает куда... Барон инстинктивно обхватил бревно, показавшееся ему живым существом, наделенным чудодейственной силой.

Вскоре шторм оказался позади. И только придя в себя, Мюнхгаузен понял, что он обхватил не бревно, а шею дельфина.

Взобравшись на спину своего спасителя, Карл заметил, что спина и бока дельфина украшены огромными буквами. Они, видимо, были написаны белой масляной краской и покрыты несмываемым нитролаком. Оказалось — это рекламный анонс.

СЕГОДНЯ И ЕЖЕДНЕВНО
ГАЛА-ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
С УЧАСТИЕМ ЗВЕЗДЫ ВОДЯНОГО МАНЕЖА
МИСТЕРА ТОМАСА
ФЛОРИДА ЦИРК «АТЛАНТОС»
МАКСА БЕННЕТА

Когда тучи покрыли луну и стало темно, буквы засветились. Живая реклама неслась по воде...

«А может быть, этот дельфин и есть мистер Томас?» — подумал Мюнхгаузен и, набрав побольше воздуха в легкие, изо всей силы крикнул, как заправский артист цирка:

— Алле, мистер Томас!.. Алле!..

И сразу же пожалел о своем легкомысленном поступке.

Томас, услышав знакомую команду, сбросил наездника со своей спины, затем последовал мощный удар хвостом...

Дельфин прыгнул в воздух чуть выше пяти метров, оставив далеко позади олимпийские рекорды, и, скрутив головокружительное арабское сальто с пируэтом, совершил круг почета по воде, ожидая оваций, триумфального туша циркового оркестра и, конечно, свежей рыбки в знак поощрения.

Но не было ни оваций, ни туша, ни любимой пятнистой скумбрии. В эту минуту Мюнхгаузену совсем не хотелось аплодировать и кричать: «Браво! Бис!» Бархатаясь в соленой воде Моря Водорослей, он с трудом взобрался на могучую спину мистера Томаса, успевшего бросить лукавый взгляд на своего незадачливого спутника, промокшего до нитки.

Выжимая воду из камзола, барон счел нужным представить себя звезде цирка «Атлантос»:

— Карл Фридрих Иероним Мюнхгаузен. Очень рад с вами познакомиться...

— О'кей!.. — благосклонно воскликнул Томас, блеснув умными глазами. Изумленный Мюнхгаузен подумал, что он ослышался, но кругом не было ни души. Никто, кроме дельфина, не мог ответить поборнику истины. Правда, произношение у Томаса было неважное и мало напоминало английское. Казалось, что это крикнул заезжий иностранец с сильным турецким акцентом.

Приближались огни какого-то города на южной оконечности полуострова Флорида. Возможно, что это был знаменитый курорт Майами.

Берег прожигателей жизни, берег всевозможных развлечений, известный всему миру по скандальной хронике, напоминал феерический калейдоскоп. Мирады мерцающих, вспыхивающих, бегущих, скачущих, крутящихся разноцветных огоньков неслись навстречу Мюнхгаузену и мистеру Томасу...

Особенно ослеплял безумный электрический водопад. Он внезапно угасал, уступая место сверкающей рекламе:

ЦИРК «АТЛАНТОС»... ЦИРК «АТЛАНТОС»...

Все громче доносились звуки циркового оркестра. Цветные снопы света били из прожекторов, освещая водяной манеж. Шло представление. Дрессированные дельфины звонили в колокол, плыли по кругу, прыгали друг через друга, играли в пушболл, перебрасывая огромный полосатый мяч...

Томас прибавил скорость, проплыв мимо шеренги униформисток в купальниках, появился посреди манежа со своим необыкновенным наездником в пестром камзоле восемнадцатого века.

Бурные аплодисменты смешались с восхищенными криками на трибунах: «Мистер Томас!.. Томас! Мистер Томас!»

— Макс! — пронзительно закричала полная дама с лапами на ногах. На глазах артистки были огромные круглые очки с зелеными стеклами. Прическу украшало страусовое перо. — Макс!.. Том вернулся!..

— Вижу!.. — восторженно откликнулся Макс Беннет, хозяин цирка, и торжественно объявил: — Леди и джентльмены! Заключительный аттракцион... — Голос его гремел над водяным манежем и над переполненными трибунами, словно раскаты майского грома в горах. — Сейчас вам покажет свое неподражаемое искусство звезда цирка «Атлантос».

Бросив взгляд на живописного наездника в старинном костюме, нисколько не смущаясь его неожиданным появлением, Беннет зычно прокричал могучим басом, примешав к нему порцию сладчайшей патоки:

— Мистер Томас со своим партнером!..

Аплодисменты, крики с трибун: «Имя?.. Имя?.. Кличка?..»

Барон не выдержал, вскочил во весь рост на спину дельфина и, раскланиваясь во все стороны, галантно заявил о себе:

— Имею честь представиться. Карл Фридрих Иероним Мюнхгаузен из всемирно известной книги Эриха Распе!.. Участник автомобильных гонок по кольцу Сатурна!.. Я летаю на пушечных ядрах... На утках... И прибыл только что из Саргассова моря, а проще говоря — Моря Водорослей, верхом на мистере Томасе!..

Только поборник истины произнес имя дельфина, как трибуны взорвались громом аплодисментов. Расстроженный до глубины души триумфальной встречей, он решил порадовать публику необыкновенным цирковым комплиментом — традиционным поклоном артиста в ответ на вызовы зрителей, но лакированный сапог скользнул по мокрой спине дельфина... Мюнхгаузен, уронив шпагу, потерял равновесие и плюхнулся в изумрудные воды манежа, подсвеченные со дна лампами.

Публика приняла его падение как трюк, наградив нашего героя дружным смехом. Дельфин нырнул и тотчас появился вновь на поверхности со шпагой в зубах.

Барон, с поклоном приняв шпагу, быстро взобрался на мистера Томаса. Макс Беннет выстрелил из пистолета в небо. В воздухе загорелся огромный обруч. Сразу же погасли прожектора. В оркестре музыканты выбивали тревожную дробь.

— Алле, мистер Томас!.. Алле!.. — визгливо крикнула артистка со страусовым пером в рыжих волосах.

Услыхав команду, любимец цирка «Атлантос» с Мюнхгаузеном на спине ударил хвостом и, вылетев с водяного манежа, совершил прыжок сквозь огненный круг...

Вспыхнули прожектора. Звуки циркового туша потонули в грохоте аплодисментов. В ответ на восторженный прием двухтысячной толпы зрителей дельфин встал во весь рост над водой, мощно двигая хвостом, и в таком положении совершил круг почета. Этот неожиданный трюк вызвал бурю оваций.

Томас подплыл к пушке на поплавке, а точнее говоря — подошел, стоя на крутящемся хвосте, схватил зубами тросик от запального замка, резко дернул его вниз... Раздался залп. Клубы дыма окутали водяной манеж. А из жерла орудия вылетело ядро и разорвалось над трибунами, осыпая публику конфетти и рекламными листовками.

ЦИРК «АТЛАНТОС»
СЕГОДНЯ И ЕЖЕДНЕВНО!
ЗВЕЗДА ВОДЯНОГО МАНЕЖА
ТОМАС!

Сразу же по окончании представления владелец цирка предложил Мюнхгаузену выгодный ангажемент на весь бархатный сезон. С бенефисом. Но Карл категорически отказался. Разве он мог остаться здесь?... В то время, когда его друзья, возможно, уже отслужили гражданскую панихиду по своему другу и, конечно, спешили к озеру Онтарио — в порт Торонто, где их ожидал необычайный сюрприз.

Так обещал капитан Артур Грэй. А ему можно было верить. Это — человек слова.

И видимо, не случайно сюрприз ожидал капитанов именно в Торонто.

На языке индейцев из племени ирокезов, исконных обитателей тех мест, Торонто обозначает — место встречи. Значит, предстояло с кем-то встретиться. «Но с кем?» — думал барон.

Несмотря на отказ Мюнхгаузена от выступлений в цирке, Макс Беннет все же решил его отблагодарить за столь неожиданную и блистательную гастроль. Откинув фалду синего фрака с блестящими пуговицами, он достал из заднего кармана брюк кожаный бумажник...

— Ни одного доллара, даже с портретом Георга Вашингтона! — замахал руками Карл.

— Может, вас больше волнуют фунты? — деловито спросил владелец цирка.

— Меня не волнуют ни фунты, ни франки, ни лиры, ни песеты. Уж если вы меня хотите поблагодарить, то в данных момент я вас прошу об одном — дайте мне соки! Соки!.. Лимонный, оранж, из ананасов! Я должен немедленно отправиться в путь. Отпустите на время мистера Томаса. Он меня подвезет... пятьдесят миль в час. Это все, что мне нужно в эту минуту. Догнать своих друзей. Они на борту галиота «Секрет», если не погибли!

Макс Беннет распорядился снабдить нашего друга большой корзиной, заваленной консервными банками с разными соками, шоколадом и лимонами.

Мюнхгаузен попросил еще одну корзину с пятинистой скумбрией для великого артиста и, торопливо попрощавшись, уселся верхом на дельфина, приветственно помахал рукой и нетерпеливо воскликнул:

— Полный вперед, мистер Томас!..

— О'кей! — заревел дельфин, ударил хвостом по воде, быстро выплыл из водяного манежа, стремительно набирая скорость...

Карл вскрыл ножом консервную банку с оранжевым апельсином на этикетке и, жадно выпив питательный сок до капли, выбросил пустую жестянку в море...

Зловещий плавник морской хищницы показался над водой. Затем мелькнуло брюхо акулы, и тупорылая морда, показав сотни острых зубов, проглотила консервную банку...

Мюнхгаузен, услышав плеск, обернулся, но акула уже исчезла в глубинах Саргассова моря...

Это была белая акула-людоед. Ее еще называли «белой смертью». Ничего не было удивительного в том, что она проглотила консервную банку. От голода, жадности и прожорливости акулы набрасывались на все, что попадалось в океане. В акульих желудках, по рассказам бывалых моряков, находили золотые часы, туземный барабан, барометр, Библию, ручную гранату, сапоги, пистолет, почтовые посылки, бутылку виски, чайник, детский мячик... Да всего не перечить, что могло взволновать воображение жуткими подробностями гибели кораблей в океане.

Берег курортного города на южной оконечности Флориды уже не был виден. Лишь где-то вдалеке тускло мерцали огоньки, но и они вскоре исчезли...

Снова над водой появился плавник белой акулы. Она преследовала мистера Томаса с Мюнхгаузенем на спине, пока еще держась на почтительном расстоянии. Морского разбойника, как всегда, сопровождала свита из юрких лоцманов, питающихся остатками с барского стола.

Рыбы-лоцманы (сериола зоната) — это глаза и уши акул. Они не только указывают акулам дорогу к жер-

тве, но и предупреждают их о грозящей опасности. Но сейчас ничто не угрожало акуле. Вряд ли ей пришлось по вкусу консервная банка! Вероятнее всего, «белая смерть» надеялась поживиться чем-нибудь покуснее...

Перевернув страницу вахтенного журнала, сразу можно было угадать автора этой записи. Строчки уклонялись от прямой линии, устремляясь куда-то вверх, видимо, к вершинам Альп, а быть может, и еще выше... Ясно было, что вахту принял Тартарен из Тараскона.

«Борт галиота «Секрет». Идем по каналу Святого Лаврентия. Прошли Квебек, Монреаль и Кингстон. Почему-то не было слышно пушечных салютов в нашу честь. Наконец-то мы на озере Онтарио. На траверзе — долгожданный порт Торонто».

В салоне галиота «Секрет» Дик Сэнд расспрашивал Артура Грэя:

— Вы так и не рассказали нам, что это были за огни на верхушках мачт, на нок-реях, бушприте... На волосах Гулливера... Я впервые за пятнадцать лет своей жизни видел это...

— Милейший Дик, но и мне не приходилось наблюдать ничего подобного, — заметил капитан Немо.

— Да, жуткое зрелище, особенно во время шторма, — подтвердил Робинзон Крузо.

— Это огни Эльма! Они названы по имени церкви Святого Эльма и были замечены на ее готических башнях, — пояснил Грэй. — Их видел Христофор Колумб, рыцарь Пигафетта, один из спутников Магеллана. О них писал римский философ Сенека: «...Звезды как бы нисходят с неба и садятся на мач-

ты кораблей». Это электрические разряды в форме светящихся кисточек. Они появляются во время грозы на острых предметах... на людях и животных... Тихие разряды атмосферного электричества. Ничего загадочного.

Стреском распахнулась дверь. В салон вбежал Тартарен с перекошенным лицом.

— Что с вами? — крикнул капитан Немо.

— «Летучий голландец»! — выпалил толстяк.

Это сообщение, как внезапный удар грома, поразило всех, кроме капитана галиота «Секрет».

— Где вы видели? — оторопело произнес Дик Сэнд.

— Там... там... — неопределенно махнул рукой Тартарен, тяжело опустившись в кресло. — Я, конечно, человек не суеверный... Но весь этот злополучный рейс... гибель Мюнхгаузена... Встреча с «Летучим голландцем»... Идемте... Я вам его покажу... Если он не исчез!..

Капитаны торопливо вышли на палубу.

— Ну, где же он? — сгорая от юношеского любопытства, крикнул Дик Сэнд.

— Вот... — прошептал Тартарен, указывая пухлым пальцем на легендарный корабль с четырехугольными парусами у причала, так странно выделявшийся среди современных лайнеров.

— Ясно вижу! — отрапортовал капитан Немо. — Надпись на корме — «Летучий голландец»!

— Это и есть мой сюрприз, друзья, — торжественно произнес Артур Грэй. — Я слышал об этом «Летучем голландце». Знал, что он на долгие годы отдал якорь в порту Торонто. Корабль-музей океанских катастроф и морских тайн. Но не только... Это еще и доходное место с баром, дансингом и кабаре.

В трюме оборудован кинотеатр, где крутят только морские фильмы!

— Стоило ли ради этого пускаться в такое тяжелое плавание? — скептически заметил капитан корвета «Коршун».

— Стоило, — убежденно сказал Грэй. — На борту «Летучего голландца», в музее мы поближе познакомимся с некоторыми зловещими тайнами, блуждающими без руля и ветрил в океане, и с такими, которые покоятся на дне, но вопиют о разгадке — во имя правды, справедливости и торжества человеческой совести. Вот цель нашего плавания, капитаны! — торжественно закончил капитан галиота «Секрет».

— Клянусь огнями Эльма, я не знаю более благородной задачи, чем эта!.. — горячо поддержал его Робинзон Крузо.

С борта «Летучего голландца» доносилась музыка. Правда, трудно было назвать музыкой неистовую игру на барабанах, саксофонах, тромбонах, трещотках, сопровождавших вопли какой-то певицы...

— А вдруг кабаре на «Летучем голландце» работает всю ночь? — задал вопрос капитан Немо. — До утренних петухов?!

— Не знаю. Возможно. Будем пока швартоваться, — распорядился Грэй.

Галиот медленно подошел к пристани...

Вскоре умолк оркестр. На легендарной шхуне погасли рекламные огни.

Члены кают-компаний клуба, немного подождав, пока шумная толпа ночных гуляк не покинула «Летучий голландец», двинулись гуськом по мокрому от дождя пирсу... Подойдя к сходням старинного судна, капитан корвета «Коршун» зычно окликнул:

— Эй, на «Летучем голландце»!..

— Есть на «Летучем голландце»! — отозвался сторож, уютно расположившийся в складном парусиновом кресле. — Что вам угодно, джентльмены, в столь поздний час?

— С кем имеем честь, сударь? — поинтересовался Гулливер, поднявшись по сходням.

— Отставной боцман Жан Клод Ригаль, к вашим услугам. Но, к сожалению, корабль-музей закрыт на ночь. Гид уволился на берег. Бар и кабаре закрыты. Просим пожаловать завтра в полдень.

— Но мы свободны только до рассвета, почтеннейший, — любезно заметил капитан корвета.

— Мсье Жан, мы с вами французы... Весьма рад!.. Позвольте представиться... Тартарен из Тараскона. Откуда вы родом, мой друг?.. — рассыпался в любезностях толстяк.

— Я-то родился в Канаде. А мой отец из Марсея.

— Пропустите нас на борт, пожалуйста... — вмешался в разговор Дик Сэнд. — Вот вам пять долларов на табак. Бумажка у меня завалялась в старой тужурке еще со времен плавания на «Пилигриме».

— Я предпочитаю звонкую монету, сэр.

Робинзон Крузо, порывшись в глубоком кармане, достал блестящую монету.

— О-о! Золотой дублон! — воскликнул сторож. — Прошу вас на борт, джентльмены. Что вас интересует?

— Музей морских катастроф! — заявил Артур Грэй. — Нам кое-что надо выяснить...

Сторож, спрятав дублон, закурил трубку и повел неожиданных гостей в один из самых удивительных музеев в мире...

Проходя по палубе, капитаны с нескрываемым любопытством осматривали четырехугольные паруса,

снасти, ванты. Капитан корвета «Коршун» заспорил с Лемюзлем Гулливером, утверждая, что канаты на вантах сплетены из волокон дикого манильского банана. Но Гулливер настаивал, что эти канаты, а точнее — сизальские тросы, сплетены из волокон агавы, говоря, что точно такие же были на судне «Ласточка», где он служил врачом до своего путешествия в страну лилипутов...

Горячий спор двух капитанов разрешил Немо. Тщательно осмотрев канаты, он заявил, что манильские и сизальские светлее, а это, бесспорно, самые настоящие кокосовые тросы из волокон пальмы.

Тартарена этот спор не интересовал. Взяв под руку отставного боцмана, толстяк пытался очаровать старика:

— Мсье Жан, скажите мне, как француз французу: каким образом «Летучий голландец» из морской легенды очутился у причала в Торонто?

— Видите ли, мсье, гид рассказывает туристам, но, правда, многие сомневаются, что этот корабль построен заново. Точная копия «Летучего голландца»! Таким его описали уцелевшие моряки, заметившие это судно в океане и даже в облаках за последние четыреста лет! А бар, кабаре «Тайфун» и все такое прочее создано туристической компанией для извлечения звонкой монеты из карманов. Бизнес!.. Заходите...

Отставной боцман открыл фигурным ключом дубовую дверь с накладными медными буквами: «Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах».

Старик вошел первым, включил свет. Загорелись старинные лампы, подвешенные на медных кольцах к потолку. Жилая палуба корабля была заставлена

моделями каравелл, галер, древнегреческих триер, бригов, шхун, бригантин, кораблей. На стенах были развешаны картины, гравюры, эстампы, офорты, акварели кораблей-призраков, «летучих голландцев», парусных судов и океанских лайнеров во время штормов, водяных смерчей, гроз, пожаров, взрывов, столкновений и всякого рода трагических катастроф на морях и океанах.

Здесь можно было увидеть на побуревших от времени старинных гравюрах гибель «непобедимой» испанской армады Филиппа Второго в 1588 году; катастрофу «Титаника» в Атлантическом океане и даже копию картины Айвазовского «Девятый вал». Моментальные снимки запечатлели объятый пламенем «Петр Зоранник», горящий танкер «Эссо Портсмут», гибнущий «Лафайет» и пропавший без вести углевоз «Циклоп».

Жутковато было смотреть на фотографии, снятые под водой у мыса Горн — кладбища кораблей...

Знаменитых капитанов особенно заинтересовала боковая перегородка этого музея, где висели картины и фотографии кораблей, пропавших без вести, так называемых кораблей-призраков, и коллекция «летучих голландцев», наводящих страх на суеверных моряков.

— «Мария Целеста»! — воскликнул Дик Сэнд. — Узнаете?..

Как же капитанам было не узнать знакомую шхуну, тайну которой удалось раскрыть на берегах Миссисипи!..

Особенно внимание привлекла одна картина, написанная масляными красками. Художник мастерски изобразил парусный корабль «Синяя птица», гибнущий во время шторма.

— Вы не помните, что рассказывал гид об этом паруснике? — спросил Артур Грэй у отставного боцмана.

— Не помню... Да вы почитайте... тут кое-что написано под картиной... — ответил старик.

В деревянной рамке под стеклом был помещен листок с текстом, напечатанным на машинке. Дик Сэнд прочитал его вслух:

— «Парусник «Синяя птица», приписанный к порту Касабланка, отплыл с ценным грузом в порт Понта-Делгада на Азорских островах и бесследно исчез в Атлантическом океане. Судно видели через много лет в районе острова Ньюфаундленд с океанского лайнера, следовавшего рейсом из Квебека в Рейкьявик».

— Вот еще одна морская тайна... — задумчиво произнес капитан корвета «Коршун».

— «Синяя птица»?.. — задумался капитан Немо. — Корабль-призрак?.. Где он сейчас? На дне океана? А возможно, его носит у берегов Гренландии или еще где-нибудь?.. Что стало с командой?.. С ценным грузом?..

— Взгляните... да тут целая армада кораблей-призраков! — воскликнул Тартарен. — Пожалуй, не хватит жизни, чтобы решить эти морские загадки!

— «Парусник «Фанни Э. Уолсон», — прочел надпись под пожелтевшей фотографией капитан корвета «Коршун». — «Потерпел катастрофу, а спустя некоторое время его видели вблизи мыса Гаттерас».

— Меня очень заинтересовала судьба «Синей птицы», — сказал Артур Грэй.

— Капитаны! — воскликнул Дик Сэнд. — Поглядите, какая записка!..

На стене в тоненькой рамочке из букового дерева, под стеклом был помещен оборванный листок бумаги с выцветшими буквами. Но все-таки, хотя с трудом, можно было разобрать текст:

«...января, 17... (Далее цифры были размыты, и год катастрофы остался неизвестным.) пошел семьдесят третий день... во льдах... Вчера погас... (Что погасло на корабле, прочесть невозможно.) Надежды на спасение нет. Прощайте...»

Капитаны молча глядели на этот пожелтевший листок с размытыми буквами, видимо написанный карандашом, еле державшимся в замерзших пальцах шкипера, а может быть, матроса... Кто знает?

Артур Грэй еще раз вернулся к картине, так поразившей его воображение. Перед его глазами погибал во время жестокого шторма парусный корабль «Синяя птица»... Он не замечал дорогой рамы, в которую была заключена работа талантливого художника-мариниста. Капитан галиота «Секрет» видел только ураган, сокрушающий парусник. Казалось даже, что герой феерии «Алые паруса» слышал треск мачт, грохот разбитых вдребезги шлюпок, пронзительный рев сирены, крики матросов.

Под картиной висел спасательный круг с обрывками сгнивших веревок... еле читалась растравленная морской водой надпись — «Синяя птица». На музейной табличке было написано: «Этот спасательный круг, занесенный Лабрадорским течением, выловлен рыбаками неподалеку от порта Галифакс, расположенного на побережье Канады».

Глядя на этот круг, Артур Грэй невольно задумался: «Кого поддерживал этот круг на воде?.. Был ли несчастный подобран моряками с проходящего судна?.. Или же его растерзали акулы?..»

Лемюэль Гулливер, достав из кармана камзола брегет, взглянул на циферблат:

— Достопочтенные друзья! Пора выходить в море.

— На чем? — спросил Дик. — «Секрет» после шторма нуждается в ремонте.

— Месье Жан! — улыбаясь, окликнул отставного боцмана Тартарен. — Не могли бы мы отправиться в рейс на «Летучем голландце»?

— Вы шутите... Это же корабль-музей!..

— Он в отличном состоянии, — заметил капитан Немо.

— Что вы, джентльмены!.. Я могу лишиться места на старости лет.

— Не беспокойтесь, старина. С первыми петухами корабль вернется на свою вечную стоянку. Даю вам честное слово капитана галиота «Секрет»!

— Вас устроит слово самого Тартарена из Тараскона?

— И мое... Дика Сэнда — пятнадцатилетнего капитана!

— И мое — Лемюэля Гулливера!

— И мое — капитана корвета «Коршун»!

— Не смею вам не верить... Но такой службы я больше не найду. Кому нужен старый боцман?.. — не без тревоги сказал Жан Клод.

Немо снял с пальца платиновый перстень с индийским изумрудом и протянул его сторожу:

— Возьмите на память мое кольцо...

Старик бережно взял драгоценный подарок, поглядел с восхищением на большой изумруд, заманчиво игравший огнями.

— Весьма благодарен, ваша честь... Весьма... Ну, теперь я ничего не вижу и не слышу. Жду вас, капитаны, на пристани с первыми петухами!.. Выходите из порта, не зажигая ходовых и топовых огней. Тихо. Не привлекая внимания.

— Ясно! — улыбнулся Грэй.

Отставной боцман торопливо сбежал по сходням на пирс. Он с тревогой в душе поглядывал, как «Летучий голландец» медленно отваливал от своего вечного причала. К счастью, луна закатилась за тучу, и судно без огней было едва видно...

Старик вытащил из кармана куртки перстень с индийским изумрудом, боязливо оглянулся по сторонам и взглянул на подарок капитана Немо. Свет от фонаря на пристани скользнул по изумруду. Драгоценный камень вспыхнул радужными искрами...

Боцман, очарованный волшебным блеском изумруда, размышлял о будущем... Старость Жана Клода Ригаля и его говорливой старухи была обеспечена этим чудесным подарком...

«Летучий голландец», оставив за кормой озеро Онтарио, вышел в канал Святого Лаврентия. Легкий туман окутывал судно. Красные, зеленые и белые огни мерцали на клотике фок-мачты.

В музее морских катастроф и кораблекрушений за круглым столом расположились знаменитые капитаны.

— В нашем распоряжении одна ночь, — сказал Робинзон Крузо, набивая трубку табаком. — И если мы успеем раскрыть тайну хотя бы только одного корабля-призрака, то можно будет считать, что эта ночь прошла успешно. Я бы устремился на поиски «Синей птицы».

— Будем надеяться на счастливый случай, медам и месье! — воскликнул любимец Тараскона.

— Не только на счастливый случай, — заметил капитан корвета «Коршун». — Некоторые фотографии, картины и документы на стенах этого музея могут нас привести на след...

— След в океане? — скептически протянул Робинзон Крузо. — Я бы сказал... это нечто вроде табачного дыма...

И, как бы в подтверждение своих слов, выпустил изо рта несколько дымных колец. Они, немного поплавав в воздухе, быстро рассеялись.

— И все-таки, друзья, кое-какие данные мы имеем, — вмешался в разговор Артур Грэй, до этого внимательно изучавший экспонаты необыкновенного и, пожалуй, единственного в мире музея.

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался капитан Немо.

— Где мы можем встретить пропавшие без вести суда, если только они не на дне океана?.. Прежде всего там, где имеются сильные течения. Как, например: Фолклендское у мыса Горн, Калифорнийское течение, Лабрадорское, Гольфстрим, Северное пассатное, огибающее Саргассово море с юга, Гвианское к Малым Антильским островам в Карибском море...

— Дорогой Грэй, — заметил капитан корвета «Коршун», оторвавшись от географической карты, — вы забыли еще о Перуанском течении в Тихом океане. Кроме того...

Но его перебил Тартарен решительным возгласом:

— Да нам не хватит и тысячи и одной ночи, чтобы обследовать все эти теплые и холодные течения в Мировом океане. Поэтому я предлагаю выбрать одно течение. Теплое. И только теплое, капитаны! А если возможно, то даже горячее.

Капитан Немо улыбнулся:

— Давайте обсудим... Присаживайтесь поближе, друзья... Определим курс «Летучего голландца» на эту ночь...

Заскрипели старинные кресла. Дик Сэнд развернул географическую карту Западного полушария. Поставил медные канделябры по углам карты, чтобы она не сворачивалась. Зажег свечи.

Лемюэль Гулливер поднялся с кресла и прочувственно сказал:

— Достопочтенные капитаны, посвятим этот рейс в неизвестное нашему незабвенному другу — Карлу Фридриху Иерониму!

Слова Гулливера были встречены одобрительными возгласами. Капитан корвета «Коршун» обратился к Дику:

— Запишите это в вахтенный журнал клуба.

Пятнадцатилетний капитан, обмакнув гусиное перо в бронзовую чернильницу, записал на страницы клеенчатой тетради знаменательное посвящение рейса памяти Мюнхгаузена.

Члены клуба склонились над огромным синим кругом Мирового океана, разделенного пополам линией экватора. Белые шапки Северного и Южного полюсов напоминали о Георгии Седове, Руале Амундсене, Роберте Скотте, о дрейфующих станциях, о беспримерном мужестве и героизме советских полярников. Над шестым материком — Антарктидой, расположенной в самых широких высотах южного полушария, проходила зимняя граница, граница плавучих льдов.

Названия мысов, островов, заливов будоражили воображение и память...

Мексиканский залив, остров Уединения, Бенгальский залив, Ямайка, Мадейра, Таити, порт Тикси, Новая Земля, залив Шелихова — «Коломба Российского», как его называл Ломоносов, Сингапур, остров Суворова, Принцессы острова...

Географическая карта!.. Океаны и моря на ней были прочерчены маршрутами легендарных плаваний Витуса Беринга, Семена Дежнева, Фаддея Беллинсгаузена и Михаила Лазарева, Ивана Крузенштерна, Васко да Гама, Христофора Колумба, Фернана Магеллана...

Географическая карта!.. Тот, кто не путешествовал по ней и не мечтал, рассматривая карту; кого не увлекало это занятие; кто не слышал при этом шум морского прибоя, крики чаек, свист ветра и не видел за картой китов, пускающих фонтаны, играющих дельфинов, летучих рыб, — не ждите от этого человека никаких открытий и чудес!..

Все быстрее скользит мое гусиное перо по страницам, не успевая за событиями этой ночи. За мной, юный читатель. Не обращай внимания на случайную кляксу. Смелей отправляйся в плавание! Возьми компас, подзорную трубу и географическую карту — это верные друзья моряка! Выбирай якорь! Отпусти рифы! Веселей отваливай от причала! И лети на всех парусах со знаменитыми капитанами!

Капитаны по карте ведут корабли,
Им дорога ясна и понятна...
Но иных увлекают на карте Земли
Неизвестные белые пятна...

Шхуна «Летучий голландец», оставив за кормой залив Святого Лаврентия, прошла пролив между островом Ньюфаундленд и полуостровом Лабрадор, миновав мыс Сент-Чарлз.

Судно шло в густом тумане и находилось в районе холодного Лабрадорского течения, где уже встречались плавучие льдины. Дул колючий норд-ост.

На капитанском мостике шхуны стоял прославленный охотник за фуражками. На круглой голове поко-

рителя Монблана на этот раз не было малиновой фески с кисточкой, которую он носил уже более ста лет со дня выхода в свет книги Альфонса Доде. Упитанную физиономию любимца Тараскона со жгучими усами и пунцовыми щеками украшала треугольная шляпа Карла Фридриха Иеронима, выловленная в Море Водорослей после шторма. Сентиментальный толстяк принял решение носить шляпу Мюнхгаузена до конца своих дней — в знак памяти о своем удивительном друге.

Тартарен снял треуголку неутомимого поборника истины, скорбно взглянул на нее, смахнул слезу со щеки и снова водрузил шляпу на голову.

Горделивое чувство охватило Тартарена. Думал ли он когда-нибудь, что будет стоять на капитанском мостике «Летучего голландца»?.. Мог ли мечтать тарасконец, отдыхая после обильного обеда на кушетке в своем белом домике на берегу чудесной Роны, что он будет у штурвала двойника легендарного корабля-призрака?.. В глазах любимца Тараскона, напоминавших две перезрелые сливы, вспыхнули огоньки... Толстяк, подняв руки, решительным движением повернул треуголку на 90 градусов — «а-ля Наполеон». Прищулив один глаз, он долго глядел в подзорную трубу, хотя вряд ли что-нибудь мог увидеть сквозь ползущий туман.

Сложив подзорную трубу, он задумался: «Да-а, медам и месье! Я на борту «Летучего голландца»!..»

Иногда, казалось бы, самые несбыточные мечты и фантазии возникают наяву, как действительность! А порой действительность напоминает удивительный сон!.. Так было и на этот раз...

Саргассово море. Верхом на дельфине мчался Карл Фридрих Иероним. После полетов на пушечных ядрах поездка на дельфине казалась ему более комфортабельной: можно было слегка вздремнуть, кое-что записать на манжете, так сказать, «на борту мистера Томаса», и особенно приятно было закусывать на широкой спине прославленной звезды цирка «Атлантос».

Этим сейчас усердно занимался Мюнхгаузен. Он пил соки, лакомился шоколадом, которым так щед-

ро его снабдил владелец цирка. Наш искатель приключений не забывал угостить дельфина свежей пятнистой скумбрией, доставая ее из прозрачного мешка с водой...

Если бы не Томас, плывущий со скоростью торпедного катера, Карл мог бы очутиться в брюхе морского хищника, подобно консервной банке.

А кто спас его в время шторма?!

Барону даже пригрезилось, что его морской друг принят в члены Клуба знаменитых капитанов и председательствует на очередной встрече...

На этот раз неистощимая фантазия Карла Фридриха Иеронима была не столь фантастична. Ведь наш наездник на дельфине не знал, что был Таффи!.. Он работал в морской биологической станции в Пойнт-Мэгу в Соединенных Штатах.

Дельфин Таффи был избран почетным членом Ассоциации почтовых работников. В его обязанности входила доставка почты в подводный дом на глубине 60 метров, охрана ученых-аквалангистов от акул, работа с автоматическими приборами на дне океана. Но вот однажды на страницах газеты в траурной рамке появился некролог: «После тяжелой и продолжительной болезни перестало биться сердце одного из наших товарищей. Он бескорыстно и верно служил науке, и даже своей смертью приоткрыл еще одну незнакомую страницу. Таффи погиб в расцвете творческих сил. Вскрытие показало, что он умер от инфекции, которая прежде не считалась опасной для дельфинов. Отныне все дельфины, участвующие в научных исследованиях, будут подвергаться вакцинации против этой инфекции».

Мюнхгаузен знал, что эти животные славятся своим дружелюбием и расположением к людям. Но он

не знал, что человек задумался о том, как бы приспособить дельфина к военной службе как живую подводную лодку, управляемую приборами акустического или радиолокационного наведения. Вряд ли в человеческом мозгу когда-либо рождалась более дьявольская и кощунственная идея. Эта работа ведется под руководством некоего джентльмена, не будем называть его имени, из военного ведомства одной заокеанской державы...

Французский исследователь Жан Кусто, узнав об этих экспериментах, был вне себя от негодования: «Не успеет человек открыть у кого-нибудь разум, как тут же пытается подчинить его собственной глупости!»

Раздумья наездника на дельфине были прерваны все более сгущавшимся туманом. Карл не на шутку встревожился, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в молочной мгле... Эта погода ничуть не обескуражила Томаса. Дельфин плыл, не снижая скорости, как будто кто-то ему указывал точный курс. Правда, Мюнхгаузен был уверен, что они сбились с намеченного маршрута.

Такой туман часто обволакивал океан в районе, где ледяное Лабрадорское течение встречается с теплым Гольфстримом. Холодный воздух, сталкиваясь с влажным тропическим, порождает постоянно действующую фабрику туманов, своеобразную «кухню ненастья» в северных широтах.

Неожиданно дельфин круто развернулся, чуть не сбросив пассажира со своей спины, и остановился. Из тумана вынырнул корпус какого-то корабля...

— Эй, на борту! — закричал Мюнхгаузен. Ответа не последовало. Тогда он воскликнул еще раз: — Эй, на борту!.. Есть кто-нибудь?..

Но никто не ответил на его крик. Стояла мертвая тишина. Полз густой туман.

Тогда барон, тепло попрощавшись с Томасом и пожелав ему счастливого плавания в цирк «Атлантос», уцепившись за веревочный штормтрап, стал взбираться на борт загадочного судна. Свежий ветер разорвал туман на клочья, и поборник истины успел прочитать в образовавшемся просвете над обрывком лязгающий якорной цепи название корабля — «Синяя птица»...

• На борту «Летучего голландца» в музее морских катастроф царило молчание. Экспонаты этого необыкновенного музея хранили навсегда погребенные тайны и загадки трагедий, разыгранных в океане на протяжении многих столетий.

Артур Грэй пристально глядел на картину «Гибель «Синей птицы», на порыжевший спасательный круг с тем же названием и еще раз перечитывал записку на клочке позеленевшей бумаги в рамке из красного дерева: «...января 17... пошел семьдесят третий день... во льдах... Вчера погас... Надежды на спасение нет. Прощайте...»

Казалось, что капитан галиота «Секрет» пытался проникнуть в тайну «Синей птицы»... «Картина неизвестного художника?.. Спасательный круг с обрывками гнилой веревки?.. Последняя записка?.. Что же случилось?..»

Грэй терялся в самых различных догадках. Ему приходили в голову самые невероятные истории, происшествия, случаи... Единственное, что ему не пришло на ум, — это появление Мюнхгаузена на борту самой «Синей птицы».

Как раз в этот момент в салон вбежал Тартарен с подзорной трубой в руке и в треугольной шляпе, надетой «а-ля Наполеон». Обычно пунцовые щеки толстяка на этот раз своей бледностью поразили знаменитых капитанов.

От быстрого бега толстяк так запыхался, что не мог произнести ни одного слова. Он был не то испуган, не то чем-то поражен.

— Что случилось?.. — спросил капитан Немо.

— Да говорите же, наконец!.. — нетерпеливо воскликнул Дик Сэнд.

— Я... я... не верю своим глазам, — невнятно пробормотал Тартарен. — Вы должны убедиться сами. Прошу вас! Сейчас же! Немедленно! На палубу! Скорее!.. — И бросился к дверям.

Дик Сэнд стремглав устремился за ним.

Любимец Тараскона и пятнадцатилетний капитан, столкнувшись в узком дверном проеме, застряли в нем. И если бы Робинзон Крузо силой не вытолкнул их на палубу, они бы еще долго препирались в дверях, обвиняя друг друга в неловкости.

Быстро простучали сапоги капитанов по трапу...

Вдогонку неслись нетерпеливые возгласы: «В чем дело?..», «Ну, что там?..», «Корабль-призрак?..».

— Хуже! — крикнул Тартарен, вбегая на капитанский мостик. — По правому борту... в десяти кабельтовых... Шхуна!.. Идет острым курсом бейдевинд левого галса!..

— Что же в этом особенного? — усмехнулся капитан Немо.

— Ничего особенного! — запальчиво воскликнул Тартарен. — Если бы это не был корабль знаменитого английского пирата сэра Фрэнсиса Дрейка!

— Не может быть! — изумился Дик Сэнд.

— Может! — взвизгнул Тартарен, сорвав голос. — Прошу убедиться! — И протянул подзорную трубу Лемюэлю Гулливеру. — К оружию, капитаны! Открыть пушечные порты! Приготовить абордажные топоры!..

Лемюэль Гулливер, поглядев в подзорную трубу, подтвердил мнение тарасконца:

— К сожалению, Тартарен прав. Было бы лучше, если бы мы встретились в океане с кораблем-призраком. По правому борту действительно «Золотая лань» — шхуна Фрэнсиса Дрейка! Пирата, водрузившего английский флаг «Юнион Джек» на побережье, в районе Сан-Франциско, и возведенного за эту заслугу в рыцарское звание королевой Англии Елизаветой Первой.

— Из пиратов в сэры! — улыбнулся капитан галиота «Секрет».

— Почему вы смеетесь, Артур Грэй? — взорвался Тартарен. — Может быть, вам кажется, что это корабль-призрак?

— Нисколько! Это судно... точная копия пиратской шхуны Фрэнсиса Дрейка «Золотая лань»!

— Копия?! — расхохотался тарасконец. — Ну, знаете ли...

— Да! Копия!.. И выстроена в Дортмуте для американских заказчиков за миллион долларов! Шхуна отвалила от берегов Англии и следует по тому же самому курсу, который в свое время держал пират ее величества королевы Елизаветы Английской!

— Откуда вам это известно, капитан Грэй?

— Из газет, дорогой Тартарен. Мы с вами сходим со страниц после закрытия библиотеки. А я еще выбираю время, чтобы заглянуть в читальный зал и просмотреть свежие газеты и журналы. Ваша тревога, Тартарен, была напрасной!

Капитаны молча провожали задумчивыми взглядами «Золотую лань». Вскоре судно исчезло в тумане.

Долгое молчание прервал Лемюзель Гулливер:

— Достопочтенные друзья, не думаете ли вы, что поиски кораблей-призраков в наши времена бессмысленны?.. Тем более что «летучим голландцам» и кораблям-призракам была объявлена беспощадная война. Дрейфующие пароходы, барки, шхуны без руля и ветрил представляют большую угрозу и нередко бывают причиной гибели кораблей. В океан были направлены броненосцы и крейсера. Началась международная охота за кораблями, блуждающими по морям без команды... Вряд ли мы встретим на нашем пути корабль-призрак.

— Что вы предлагаете? — спросил Немо. — Изменить курс? Вернуться в Торонто?..

— А затем, услышав крик петуха — «свистать всех наверх»? Объявить тревогу? И занять свои места на книжных полках?.. Так, что ли?.. И вернуться ни с чем?.. — довольно сердито высказал свое мнение Грэй.

— Итак, перед нами стоит вопрос: продолжать поиски «Синей птицы» или же круто изменить курс и возвратиться в библиотеку... Надо принять решение, капитаны!.. — твердо сказал капитан корвета «Коршун».

Капитан Немо в глубоком раздумье глядел в круглое стекло иллюминатора. Беспросветная молочная мгла окутала море.

Корабль-призрак «Синяя птица» вынырнул из тумана...

О нем в свое время английская страховая компания «Ллойд» скупой известила: пропал без вести.

Предварительно перед этим сообщением в главном зале один раз ударили в корабельный колокол. Это означало — скверные вести. Два удара в колокол — хорошие вести. Три раза били в колокол в том случае, когда было установлено, что судно погибло и компания будет выплачивать страховую премию.

Председатель общества восседал в резном кресле за массивным столом. Кресло и квадратный стол были изготовлены из дубового руля фрегата «Лютин» с тридцатью пушками на борту. Фрегат с грузом золота погиб во время жестокого шторма у залива Зюдерзее. Из-за неудачного поворота оверштаг судно было выброшено на мель, а затем разбито вдребезги северо-восточным ветром.

Под сводами огромного зала страховой компании «Ллойд» прозвучал один удар в корабельный колокол. Судовладельцы, агенты пароходных компаний, жены моряков с детьми замерли в ожидании... Какой же корабль постигла трагическая участь?... Глашатай в плаще скорбно объявил: «Синяя птица»!..»

Раздался женский вопль... В наступившей суматохе только писец, постаревший на этой службе, бесстрастно заносил название погибшего корабля в «Книгу кораблекрушений».

Судно было навечно записано в Красную книгу «Ллойда» в сафьяновом переплете пурпурного цвета. В эту книгу заносились названия судов, пропавших без вести.

Тайна окутывала этот парусник и на суше, и на море, как непроницаемый туман, так часто блуждающий в районе постоянных свиданий Лабрадорского течения с Гольфстримом.

Злополучное судно десятки лет бесцельно носилось по морям и океанам, подгоняемое ветрами, циклона-

ми, течениями... А в этот час «Синяя птица» то пропадала в тумане, то неожиданно возникала, как призрак, и казалась игрой воспаленного воображения...

Но не было ни видения, ни игры воображения, ни призрака. Бриг «Синяя птица» скрипел, скрежетал, трещал, стонал, гнил, но не сдавался океану — все терпел и продолжал свое плавание без всякой цели и смысла, напоминая старинную легенду о «Летучем голландце». Бриг пугал суеверных моряков, неожиданно появляясь из-за айсбергов, то проплывая среди ключев тумана, то мелькнув при вспышке молнии во время грозового шторма.

Правда, на капитанском мостике корабля нельзя было увидеть капитана Ван Страатена. Но у страха глаза велики, и Мюнхгаузена могли в тумане принять за зловещего голландца, обреченного на вечные скитания по морям.

Сейчас капитанский мостик пустовал. Штурвальное колесо медленно вертелось по часовой стрелке, затем бешено закрутилось в обратную сторону...

От резкого толчка Карл свалился на днище трюма. Как пригодился ему фонарь, найденный в кубрике!.. Желтоватый огонек тускло освещал трюм, оставляя в темноте угловые отсеки.

Тщательное обследование трюма «Синей птицы» ничего не прояснило. Барону удалось собрать немного зерен бобов какао в истлевшем мешке... К своему удивлению, он обнаружил под трапом ящик с фейерверками, неизвестно почему оказавшийся на «Синей птице». Это было все, что нашлось в трюме.

Поднявшись по деревянному трапу, Мюнхгаузен взглянул в «бычий глаз» — глухой, не открывающийся иллюминатор, вделанный в палубу, но ничего не увидел, кроме рваного марселя на обломанной мачте.

«Может быть, судно было нагружено мешками с бобами какао? — подумал он. — А возможно...» Десятки самых различных догадок возникали в его голове, но ответа на них не было.

Чем больше Мюнхгаузен обследовал корабль, тем загадочнее становилось его прошлое... Судьба команды... Груза...

Обыск камбуза кое-что принес поборнику истины. Он нашел несколько галет, консервную банку бобов, остатки рома в пузатой бутылке зеленого стекла. Кое-какие продукты еще остались в соломенной корзине — подарок директора цирка «Атлантос». Несколько дней можно было продержаться. А потом что?..

Барона очень обрадовал винчестер, найденный в каюте капитана. Заржавленное ружье можно было почистить, смазать... Хуже было другое — всего один и к тому же отсыревший патрон.

В каюте капитана стояла печка, сделанная из железной бочки. Труба была выведена в разбитый иллюминатор. Мюнхгаузен собрал обломки деревянной рубки, разбитой штормом, затопил печь, развесил на веревке промокший камзол, чулки, рубашку с кружевными манжетами, придвинул ботфорты поближе к печурке. А на железном листе уже подсушивались бобы какао и единственный патрон.

На медном кольце под потолком покачивалась лампа-фонарь.

Попытки прочесть вахтенный журнал «Синей птицы» не увенчались успехом. Мюнхгаузен подобрал его на заплесневевшем полу. Вероятно, морская вода, хлеставшая в разбитые иллюминаторы, развела чернила на истлевших страницах журнала.

Барон помешал бобы какао на железном листе и взял патрон, боясь оставлять его на раскаленной печке.

Мысли беспорядочно путались в его голове. Он думал не только о себе... Встревоженное воображение рисовало ему жуткую картину гибели галиота «Секрет» во время шторма. Поборник истины гнал прочь от себя эти мрачные мысли, но они не оставляли его и мучительно сверлили мозг...

«Неужели Клуб знаменитых капитанов пошел на дно океана?... А вдруг этой ночью была написана последняя страница, трагически заканчивающая его славную тридцатилетнюю историю?..»

В то же время Мюнхгаузен задавал себе другой вопрос: «Какой же все-таки сюрприз мог подготовить Артур Грэй в порту Торонто?..» Цирк «Атлантос»... мистер Томас... «Синяя птица» — все смешалось в какой-то беспорядочный клубок...

От камзола, чулок и рубашки с кружевными манжетами поднимался пар. Дрова разгорелись в железной печурке. Мысли о будущем все больше и больше овладевали одиноким путешественником. Но оно было более туманное и непроницаемое, чем молочная мгла, покрывавшая белым саваном корабль-призрак.

Барон беспокойно прислушивался к зловещим скрипам. Отовсюду доносилось хлопанье дверей. Лязгала о борт якорная цепь, а вернее — обрывок цепи без якоря, давно покоившегося на дне. Подозрительно трещали мачты. Скрежетала обшивка корабля. Временами судно сотрясалося от ударов плывущих льдин.

Подбросив щепок в печку, Мюнхгаузен разогрел замерзшие чернила в позеленевшей бронзовой чернильнице с альбатросом на крышке, очинил гусиное перо, достал из кармана камзола записную книжку, затем снял с медного кольца на потолке лампу-фонарь,

поставил ее на стол и расположился в кресле под красочной репродукцией с картины «Гибель Помпеи».

Наконец, отрешившись от мрачной картины, барон вырвал несколько чистых листков из записной книжки, решительно опустил перо в чернильницу и, нахмутив брови, задумался, глядя на огонек лампы-фонаря... Вскоре заскрипело гусиное перо: «Я пишу на борту корабля-призрака «Синяя птица», в ночь на 17 сентября... Где-то в северных широтах. Координаты неизвестны. Дует норд-ост. Плавучие льды. Айс-берги. Положение отчаянное. Спасения ждать не от кого. Остается уповать на чудо. Итак, в ожидании чуда я, нижеподписавшийся, Карл Фридрих Иероним Мюнхгаузен, находясь еще пока в здравом рассудке, принял решение тотчас приступить к своим правдивым запискам на борту «Синей птицы», не теряя времени. Я попытаюсь, ничего не утаивая, а также и ничего не прибавляя, увековечить все то, что произойдет со мною в последнем акте трагедии о бароне фон Мюнхгаузене ауф Боденвёрдер — под черный траурный занавес!

Побаиваясь, что рукопись, повествующая о последних днях, а возможно, и часах моей жизни, пойдет на дно вместе с «Синей птицей» или сгорит во время пожара от удара молнии, я буду отправлять листы моих новых мемуаров с бутылочной почтой моряков. Поэтому я обращаюсь ко всем людям земного шара! Тот, кто выловит в океане, в море или у берега пузатую бутылку из зеленого стекла от ямайского рома, запечатанную сургучом с оттиском моего фамильного герба, пусть вскрыет бутылку, а потом, где бы он ни находился, отправится в Москву, разыщет в районе порта Химки школьную библиотеку, где работает бодрая старушка под кодовым на-

званием «Мария Петровна» и ее помощница девица Катюша. И в этой библиотеке незаметно спрячет мои мемуары.

Я настоятельно прошу вас улучшить удобный момент, днем или ночью, подойти к глобусу, который стоит на круглом столе, найти на нем Карибское море, разыскать там остров Ямайку и нажать пальцем на эту географическую точку. Не удивляйтесь тому, что произойдет далее. Из глобуса донесутся позывные Клуба знаменитых капитанов — мелодия песенки: «В шорохе мышинном, в скрипе половиц медленно и чинно сходим во страниц». А затем точно по линии экватора глобус раскроется ровно настолько, чтобы можно было просунуть руку и положить туда мои мемуары, извлеченные из почтовой бутылки с сургучом.

Этот глобус — секретный сейф клуба. Я надеюсь, что вы никогда и никому не раскроете тайны глобуса из нашей кают-компании.

На этом я позволю себе закончить свое предуведомление».

Затем барон, почистив гусиное перо и взяв новый листок бумаги, написал заглавие крупными буквами с затейливыми завитушками:

*Мемуары Карла Фридриха Иеронима Мюнхгаузена,
начатые им в злополучную ночь на 17 сентября,
где-то в северных широтах,
на борту корабля-призрака «Синяя птица»*

С правой стороны листка неутомимый поборник истины приписал: «Я посвящаю эти записки почти с того света — Эриху Распе». И подписался своим полным титулом.

После чего он задумался, походил по каюте, остановился у треснувшего зеркала в деревянной раме и долго всматривался в свое изображение, увековеченное великим Густавом Доре. Сейчас, конечно, оно было не так красочно и нарядно, как всегда. Косичка была не припудрена, на ногах не красовались лакированные ботфорты с серебряными шпорами. А кружевная рубашка, камзол и чулки сушились на веревке. Лицо осунулось, но все же на Карла глядел вечно молодой старик, седой юноша!.. Но что там ни говори и как ни петушись, а двести пятьдесят лет — это возраст!

С этими мыслями барон уселся в кресло, обмакнул гусиное перо и продолжал начатые им записки.

«Всему на свете приходит свой конец. Кто знает, что со мной произойдет здесь завтра? Даже сегодня? Через час? А может быть, и через несколько минут?.. Итак, начинаю. Корабль, на который я попал...»

В музее «Летучего голландца» царило молчание.

Возвращаться или продолжать плавание в поисках кораблей-призраков?.. Так был поставлен вопрос Артуром Грэм. Знаменитые капитаны не привыкли бросать дело на полпути, но барометр падал, погода отнюдь не благоприятствовала поискам судов, пропавших без вести.

Конечно, если бы они знали, что совсем неподалеку находился Мюнхгаузен, по которому был дан погребальный салют, если бы даже капитаны могли предположить, что он сейчас пребывает на борту «Синей птицы», — о возвращении в библиотеку не могло быть речи.

На борту «Летучего голландца» били бы в судовой колокол, пронзительно выла бы сирена. А сигнальные ракеты беспрерывно разрывались в воздухе.

Но было тихо. Негромко переговаривались капитаны, вспоминая разные истории о кораблях-призраках, уклоняясь от главного вопроса... Правда, думая о нем, но еще не принимая ответственного решения...

— Можно считать, что нам не повезло в эту ночь, — безнадежно протянул Робинзон Крузо. — И вряд ли мы встретим какое-либо подходящее судно... Если бы знать, где они; эти корабли без команды...

— Слыхали ли вы о паруснике «Уайр Серджент»?.. — спросил Артур Грэй. — Это судно было замечено в Гибралтарском проливе. Без экипажа. Корабль-призрак за восемнадцать месяцев дрейфа прошел шесть тысяч миль.

— С дьяволом за штурвалом? — усмехнулся капитан Немо.

— Нет. Вместо дьявола тут поработали морские течения.

— Но это еще не рекорд, — вмешался в разговор капитан корвета «Коршун». — Американская шхуна «Уайт» была брошена командой в заливе Делавар. Потом ее видели у побережья Ирландии, в Атлантике. Через некоторое время ее заметили у Гебридских островов... Шхуна поставила новый рекорд дрейфа без экипажа — восемь тысяч миль за десять месяцев!

— А я слыхал от старых моряков о китобойном судне «Надежда», — вспомнил Лемюэль Гулливер. — Говорят, оно дрейфовало в Антарктиде семнадцать лет!

— Но бывали такие истории на морях, в которых не замешаны ни ветры, ни течения, ни штормы, — задумчиво сказал Артур Грэй, глядя на картину «Гибель «Синей птицы»...

В час, когда все сумерками скрыто,
Оживают в памяти моей
Призраки покинутых, забытых,
Призраки погибших кораблей!.. —

невольнo вспомнились капитану галиота «Секрет» слова старинной морской песни...

«Синяя птица» дрейфовала среди плавучих льдин. Течение погнало корабль-призрак в длинный коридор между айсбергами. Судно казалось не больше табачного киоска, приютившегося у высотного здания. Ледяные горы сдвигались все ближе и ближе... Коридор между ними становился уже... Еще мгновение — и «Синяя птица» была бы раздавлена и погребена вместе с Мюнхгаузенoм...

Но в последние секунды корабль чудом выскочил из ледяного саркофага. Айсберги сомкнулись, сокрушая друг друга с оглушительным грохотом. Из каюты выскочил испуганный поборник истины с пузатой бутылкой... Его не так встревожили айсберги, не угрожавшие сейчас «Синей птице», как мачты, реи, ванты, палуба и даже штурвальное колесо, покрытые льдом. Судно зарывалось носом в волну, вода шумно заливала палубу и, подмерзая, оставляла корочки льда.

Начиналось обледенение корабля, превращавшее его в плавучий гроб. Барон кинул за борт почтовую бутылку, запечатанную сургучом с оттиском своего фамильного герба. Очередная глава мемуаров отчалила в неизвестность...

Кто знает — выловит ли ее какой-нибудь моряк или случайно подберет на морском берегу озорной

мальчишка?.. А может быть, «почтовый голубь моряков» будет проглочен прожорливой акулой?.. А что, если пузатую бутылку от ямайского рома вдребезги разобьет прибой о прибрежные скалы?..

Но не это волновало Мюнхгаузена. Он думал о другом... Обледенение судна грозило скорой и неизбежной гибелью. Дорога была каждая минута. Карл Фридрих Иероним лихорадочно орудовал топором, скалывая лед с палубы... Но что может сделать один человек, когда команда — весь экипаж не может справиться с этими бедствиями в высоких широтах. Ледяные порывы норд-веста срывали серую пену с гребней длинных волн и несли водяную пыль, обмерзавшую на такелаже, на бортах и на палубе.

Изнемогая от усталости, поняв безнадежность своих усилий, барон бросил топор. «Бесполезно...» — подумал он и поплелся в каюту.

На плавучей льдине прогуливался белый медведь. Поборник истины заметил его и, боясь испугнуть, пополз по ледяной палубе за ружьем.

«Жир... шкура... мясо...» — все это беспорядочно теснилось в его голове, но когда он уже появился с винчестером, льдину с медведем отнесло настолько далеко, что стрелять было рискованно и... можно было лишиться последнего патрона. Нужно было выждать более благоприятный момент.

Мюнхгаузен занял позицию на баке, поеживаясь от холода, дул на ооченевшие пальцы и растирал их, чтобы вернее нажать на спуск.

В просвете между клочьями тумана показалось какое-то судно с четырехугольными парусами. Карл уже хотел было выстрелить, но на всякий случай вытащив из кармана камзола подзорную трубу, навел ее и обомлел...

На корме было выжжено название судна — «Летучий голландец».

Легендарная шхуна промелькнула и тотчас растаяла в мгlistом тумане... Хотя Мюнхгаузен и не был суеверным человеком, но в его трагическом положении любой моряк если бы не испугался, то во всяком случае, задумался.

«Летучий голландец»... Вряд ли барон при всей своей безудержной фантазии мог вообразить, что на этом корабле-призраке находились его друзья... Но мало того, на борту «Летучего голландца» шел жаркий спор: продолжать ли плавание и поиски судов, пропавших без вести?..

Решение этого вопроса могло благоприятно или же пагубно отразиться на судьбе поборника истины.

Артур Грэй, постучав председательским молотком из черного дерева, встал и обратился к своим друзьям:

— Капитаны! Ночь на исходе. К сожалению, наше плавание на этот раз было не столь успешно, как трагично. Мы потеряли во время шторма своего друга, Карла Фридриха Иеронима Мюнхгаузена. Нам не удалось встретить ни одного корабля-призрака! Мы в эту ночь не вырвали у океана ни одной тайны. Барометр падает. Туман сгущается. И скоро наступит рассвет. Мы дали слово старому боцману Жану Ригалю, сторожу музея, вернуть судно до первого крика петухов. И мы должны сдержать свое капитанское слово. Я предлагаю вернуться в порт Торонто и оттуда взять курс к причалу нашей библиотеки.

— Вернуться с пустыми руками? — пылко возразил Дик Сэнд.

— Дорогой Дик, стоит ли снова начинать спор? — учтиво произнес капитан Немо. — Давайте голосовать!..

— Кто за то, чтобы вернуться в Торонто и взять курс на книжные полки? — твердо и ясно поставил вопрос Артур Грэй. — Прошу поднять руки.

Все подняли руки, кроме Дика Сэнда.

— Один голос против шести... — подвел итог капитан галиота «Секрет».

И вскоре «Летучий голландец», так напугавший Мюнхгаузена, уходил под всеми парусами курсом крутой бейдевинд левого галса.

Последние щепки догорали в железной печурке. Карл Фридрих Иероним, обмакнув гусиное перо в чернильницу, писал: «Неужели легенда о «Летучем голландце» — не легенда?! Где я его встретил? Координаты неизвестны. Я не знаю ни широты, ни долготы, на которой дрейфует «Синяя птица» — корабль-призрак. Мне пока еще не удалось раскрыть его тайну. Но я думаю...»

Мюнхгаузен надолго задумался. Огонь в печке погас. Становилось холоднее. Из рта шел пар.

«Сентября 17-го числа... Огонь в печке погас. Судно обледенело. Надежды на спасение нет...»

Поборник истины не знал, что записка такого же содержания в деревянной рамке висела рядом со спасательным кругом с надписью «Синяя птица» в музее морских катастроф на борту «Летучего голландца».

Страшный удар потряс судно. Мюнхгаузен свалился с кресла. Чернильница полетела со стола, заливая фиолетовыми чернилами пол.

Подводная ледяная глыба айсберга пробила днище судна.

Барон выскочил из каюты, кинулся на палубу и, услышав шум в трюме, быстро спустился по трапу

вниз... Вода, хлынувшая в пробоину, заполняла трюм «Синей птицы»... «Конец!..» — подумал невольный пассажир корабля-призрака, поднимаясь на обледеневшую палубу... окинул взглядом опустевшие киль-блоки, на которых когда-то дожидались рокового часа спасательные шлюпки. И видимо, дождались!.. Но когда?.. Где?.. При каких обстоятельствах?.. Удалось ли кому-либо из экипажа «Синей птицы» спастись?..

Мюнхгаузен вернулся в каюту. Кенкет — масляная свеча на кронштейне с противовесом, привинченная к внутренней переборке, несмотря на качку, всегда оставалась в вертикальном положении благодаря шарниру. Догорало масло. Огонек синел.

Карл Фридрих Иероним поднял с пола чернильницу, заглянул в нее и бросил в сторону гусиное перо.

Пошарив по карманам камзола, он нашел огрызок карандаша, вырвал из записной книжки несколько чистых листков и начал писать, не обращая внимания на глухой рокот, доносившийся из трюма.

Пожалуй, таким мы его еще не видели. Он мужественно принимал последние удары судьбы. Сейчас перед нами сидел знаменитый капитан Мюнхгаузен, по праву занимавший свое место в кают-компании клуба — более трех десятилетий!..

Не теряя присутствия духа, он дописывал заключительные страницы своих мемуаров.

«Прощайте, друзья! Моя звезда гаснет, но тот, кто знаком с астрономией и физикой, знает, что свет померкнувшей звезды еще идет и идет сотни, а то и тысячи лет. Я хочу, чтобы мои коллеги по клубу знали, что последнее судно, которое я видел в океане, был «Летучий голландец»...»

В трюме «Синей птицы» шумела вода, хлынувшая в пробоину от удара айсберга.

Приписав еще несколько строчек, барон запечатал пузатую бутылку, торопясь вышел из каюты, бросил ее за борт и поднялся по трапу на капитанский мостик корабля-призрака с медными, позеленевшими от времени накладными буквами на корме — «Синяя птица».

Сейчас это судно медленно погружалось в воду...

Не долго думая, Мюнхгаузен кинулся в каюту. И снова его карандаш побегал по бумаге.

«Синяя птйца» шла на дно. Я не покидал своего места на капитанском мостике. Как вдруг небо над обледеневшим судном вспыхнуло всеми цветами радуги. В воздухе закрутились сотни огненных шаров. Взорвавшись, они рассыпались разноцветным дождем, мириадами искр, миллионами звездочек... И весь этот небывалый карнавальный салют из сотен фейерверков чудесно освещал вашего Карла Фридриха Иеронима у обледеневшего штурвала то синим, то оранжевым, то зеленым, то красным заревом.

Мачты, реи, ванты, покрытые льдом, сверкают в огнях. Судно идет на дно. Единственный свидетель моей гибели — белый медведь на плавучей льдине».

Еще один удар потряс корабль, налетевший на подводную глыбу айсберга. Мюнхгаузена вместе с креслом кинуло в угол каюты. Он дополз до стола, поднялся и стоя записал последние слова в своих мемуарах по-итальянски: «*Finita la commedia* (представление окончено)». Барон поспешно поставил свою подпись, свернул листки в трубочку, опустил их в третью бутылку от ямайского рома, а затем, растопив в печке на тлеющих угольках сургучную палочку, залил пробку и припечатал своим перстнем с фамильным гербом.

«Как будто все... — подумал он. — Теперь можно давать занавес в траурном обрамлении. И на нем — я! Вышит разноцветным шелком. Верхом на ядре!..»

Даже здесь, в гибельный час, Мюнхгаузен остался верен своей натуре. Этот генерал от фантазии ничуть не сомневался ни в одной строчке мемуаров. Так Карл Фридрих Иероним представлял себе последние мгновения своей удивительной жизни.

Именно таким, под треск и разрывы карнавальных огней на капитанском мостике обледеневшего судна, он хотел остаться в памяти друзей и миллионов юных поклонников.

Из трюма доносился зловещий рокот воды...

«Летучий голландец» шел курсом крутой бакштаг левого галса. В «вороньем гнезде» на марсе находился Дик Сэнд, зорко наблюдая за плавучими льдинами и жемчужно-сероватыми айсбергами.

— Курс восемьдесят градусов! — отдал команду Артур Грэй.

— Есть курс восемьдесят градусов! — отозвался Василий Федорович и, приведя судно на заданный курс, доложил: — На румбе восемьдесят градусов!

— Так держать!

— Есть так держать!

На подветренной стороне стояли Лемюэль Гулливер и Робинзон Крузо. Они смотрели, как Тартарен хлопотал вокруг пушки на вращающейся установке.

— Изумительно! — восторженно крикнул толстяк. — Я берусь с такой пушкой разделаться с любыми пиратами...

Но он не успел договорить, так как с марса раздался звонкий голос Дика:

— По правому борту... корабль-призрак!..

Тартарен с разинутым ртом, затаив дыхание, глядел, как из-за айсберга выплывала обледеневшая шхуна...

— «Синяя птица»... — прошептал Немо, глядя в подзорную трубу, и передал ее капитану галиота «Секрет».

— Не может быть! — воскликнул Грэй и, торопливо взяв трубу, приставил ее к глазу. — «Синяя птица», капитаны!.. Тайна плывет к нам в руки!..

Тартарен, Гулливер и Робинзон Крузо поспешно поднялись на капитанский мостик.

— Позвольте мне... — взволнованно потребовал Тартарен. — У меня самое острое зрение... Спросите любого тарасконца! Жителя Сахары!.. Обитателя Альп!..

Он выхватил трубу у Грэя и прищурил правый глаз.

— Ну, что там? — нетерпеливо спросил капитан корвета «Коршун».

— По обледеневшей палубе бродит белый медведь... С горящим факелом в лапе... — пробормотал Тартарен.

— Вы с ума сошли!.. У вас галлюцинация!.. — усомнился капитан «Секрета».

— Не верите? Убедитесь сами! — высокомерно ответил оскорбленный Тартарен, сердито сунув подзорную трубу в руки Грэя.

Из «вороньего гнезда» донесся крик Дика Сэнда:

— Капитаны!.. На палубе... белый медведь... с факелом в лапе!..

— Ну что — галлюцинация?! — воскликнул Тартарен.

— Лево руля!.. — отдал команду Артур Грэй.

— Есть лево руля!..

— Обойти айсберг на расстоянии шести кабельтов!..

— Есть обойти айсберг на расстоянии шести кабельтов! — отозвался Василий Федорович.

«Летучий голландец» начал свой маневр, чтобы не напороться на подводную часть ледяной горы, а затем, обогнув айсберг, пойти на сближение с «Синей птицей».

Корабль-призрак исчез из поля видимости...

Знаменитые капитаны терялись в догадках. Океан преподнес им еще одну тайну: белый медведь с факелом в лапе?..

«Летучий голландец» шел курсом острый фордевинд правым галсом, обходя айсберг левым бортом...

Ледяная гора высотой с тридцатизэтажный дом разделяла два судна, поблескивая лимонным цветом в свете луны, выкатившейся из-за темных облаков.

Белый медведь поднялся по трапу на задних лапах, вступил на капитанский мостик и сунул горящий факел в ящик с фейерверками...

А когда «Летучий голландец» оставил за кормой айсберг, то капитаны увидели, что белый медведь сбросил с себя шкуру, и перед остолбеневшими от крайнего изумления членами клуба около штурвального колеса появился Мюнхгаузен.

В этот момент огромный ящик, из которого доносилось шипение, как будто там находились тысячи змей, взорвался. С оглушительным треском взлетели в ночное небо бесчисленные фейерверки. Тысячи огоньков. Мириады искр. Множество синих, оранжевых, зеленых, красных звездочек крутились над «Синей птицей».. С пистолетными выстрелами лопались в воздухе вертящиеся шары, неожиданно брызнувшие разноцветным дождем.

В ослепительном свете, озаряемый радужными огнями, на капитанском мостике стоял Карл Фридрих Иероним в рваном камзоле, из рукавов торчали манжеты с кружевными обрывками. На ногах все еще сверкали лакированные ботфорты с серебряными шпорами.

Барон стоял на шкуре белого медведя, опираясь на эфес шпаги.

Обледеневший корабль медленно погружался в воду, хлынувшую уже сквозь бортовые шпигаты на палубу.

Только теперь стало ясно, что капитан брига «Леденец», описывая на последних страницах плавающих мемуаров свою гибель, не фантазировал. Все было им

так и задумано в назидание потомству на долгую память о себе.

Жизнь Карла Фридриха Иеронима поистине была феерическим представлением с фантастическими аттракционами.

Его друзья в эту минуту были так поражены неожиданным появлением самого Мюнхгаузена, да еще в такой необычной обстановке, что оцепенели. И опомнились от потрясения, когда Дик Сэнд неистово крикнул из «вороньего гнезда» на марсе:

— Ракету! Ракету!

— Сирену! — прошептал Тартарен.

— Бейте в колокол! — распорядился Немо.

— Шлюпку на воду! — отдал команду Грэй.

Гулливер выстрелил из ракетницы. Зеленая ракета разорвалась в воздухе. Капитан корвета «Коршун» ударил в судовой колокол. Завыла сирена...

Не прошло и десяти минут, как окоченевшего Мюнхгаузена спустили с борта тонущего корабля-призрака в шлюпку. Осипшим голосом он невнятно пробормотал:

— И как говорится в романах — продолжение следует...

Больше от него ничего не удалось услышать, так как он тут же потерял сознание.

«Синяя птица» скрылась навсегда в пучине, не оставив даже масляного пятна на воде.

В музее «Летучего голландца» на диване лежал Карл Фридрих Иероним. Его ноги были укутаны шотландским пледом Тартарена.

Любимец Тараскона, как замороженный, глядел на поборника истины, жадно уплетавшего яичницу

с ветчиной. На подносе кроме сковороды стояла бутылка ямайского рома и стакан горячего чая в старинном подстаканнике.

Толстяк, кое-как поместившийся на краю дивана, поддерживал поднос с едой, изредка смахивая слезинки.

— Чай, чай!.. — восторженно прошептал Мюнхгаузен, прихлебывая живительный напиток.

— Индийский, — с удовольствием заметил капитан Немо.

— Ну, дальше, дальше... Рассказывайте!.. — просил Тартарен, дрожа от нетерпения.

— Я устал, поймите... Я хочу спать!

— Еще один вопрос. Только один, дорогой Карлуша, — умоляюще произнес тарасконец. — Мне что-то не верится... Неужели это возможно?.. Дельфин, как вы его назвали — мистер Томас? — восклицает «о'кей!» — И покоритель Альп громко рассмеялся. — Все это... не умещается в моем сознании!..

— Ничего удивительного, Тартарен. Мозг дельфина, если хотите знать, по своим размерам и по сложности превосходит мозг человека. А что касается непосредственно моего морского друга — звезды цирка «Атлантос» мистера Томаса, могу вас заверить: его уму и таланту могли бы позавидовать некоторые мои знакомые, — не без сарказма закончил барон.

— Вы на что намекаете? — запальчиво произнес уязвленный любимец Тараскона.

— Я просто сообщаю о новейших научных изысканиях. Ваше здоровье!.. — Карл Фридрих Иероним, улыбаясь, поднял рюмку.

— Учитывая состояние вашего здоровья, Карл, не буду спорить. Готов со всем согласиться, но дельфин

говорил по-английски, а вы как раз этого языка и не знаете. Как же вы разговаривали? Не понимаю.

— У меня был переводчик!.. — не задумываясь, выпалил барон.

— В океане? Вы же были верхом на дельфине! Откуда взялся переводчик?

— Имя этого переводчика — моя дружба с дельфином!..

— Bravo, Мюнхгаузен!.. — весело сказал Дик Сэнд.

— Я еще не договорил... Мне приходилось много раз наблюдать, когда люди разговаривают на одном языке и не могут понять друг друга!..

— Достопочтенный коллега, — любезно начал Лемюэль Гулливер. — Вы, как мне кажется, еще далеко не все рассказали нам о своем пребывании на борту корабля-призрака. «Синяя птица» пошла на дно. Неужели же тайна этого парусника навсегда погребена в океане?.. Может быть, вы, находясь на борту...

— Собственно говоря, — перебил его Мюнхгаузен, — мне нечего вам больше рассказывать. Все изложено в моих мемуарах «С того света». В трех почтовых бутылках от ямайского рома. Вот... точно в таких, как эта... — указал он на пузатую бутылку зеленого стекла и, подняв ее с подноса, с удовольствием подлил себе в чай порцию рома.

— Да, но ваши мемуары плавают в океане, — возразил Артур Грэй.

— До поры до времени! — веско заявил барон. — Могу вам по дружбе сказать: в мои мемуары вкралась только одна ошибка. Я написал: «Единственным свидетелем моей гибели был белый медведь на плавучей льдине». В эти роковые минуты его не было. Медведь был замечен мною раньше... Первый раз он был далеко. Я не мог рискнуть своим единственным патро-

ном. Но во второй раз мне удалось сразить его метким выстрелом. И у меня возник такой план спасения: покинуть борт «Синей птицы», погружающейся в пучину, затем перебраться на попутную льдину, укрыться от холода в шкуре белого медведя и дрейфовать с надеждой встретить рыбацье судно. Но покинуть борт корабля-призрака я не смог. Вблизи не было льдины, а добраться до нее вплавь в ледяной воде не представлялось возможным. Оставалось одно: погибнуть так, как было описано мною на последней странице мемуаров. — И, сладко зевнув, добавил: — Ныне плавающих мемуаров вашего старинного друга... Карла... Фридриха... Иеронима...

Его слова звучали в музее «Летучего голландца» все тише и тише... И, не договорив своей фамилии, он уснул.

— Спит... — прошептал Тартарен, осторожно убрал поднос с пледа, прошелся на цыпочках по салону, поставил посуду на стол, не сводя глаз с пузатой бутылки зеленого стекла. — Подумать только... Мемуары Мюнхгаузена в трех бутылках от ямайского рома!.. Не пропадут ли они в океане?.. Что он там написал?..

— Вы его разбудите, — прошептал Немо. — Откровенно говоря, меня сейчас волнует другое...

— Что именно? — любопытствовал Василий Федорович.

Лемюэль Гулливер, сумрачно поглядев на порывевший спасательный круг с еле заметной надписью «Синяя птица», тихо сказал, чтобы не потревожить спящего барона:

— Этот корабль-призрак исчез навсегда в океане. Вряд ли когда-нибудь будет раскрыта его тайна. Вернее — никогда!..

В музей торопливо вошел Робинзон Крузо.

— На траверзе — порт Торонто, — сообщил он.

— Немедленно погасить ходовые и топовые огни, — сразу же распорядился Артур Грэй. — Подойти незаметно.

Дальше слова были размыты. Несколько страниц клеенчатой тетради пострадали от сырости. Но последние листы, к счастью, были в лучшем состоянии, и можно было, хотя и не без труда, прочитать конец тетради, неожиданно проливший свет...

К сожалению, несколько слов далее разобрать было невозможно. На что именно был пролит свет?.. Угадать трудно!.. Но можно было предположить, что вопрос шел о разгадке тайны парусника «Синяя птица», о корабле-призраке...

Вахтенный журнал. «Борт галиота «Секрет». Вахту принял капитан корвета «Коршун». Дует норд-ост. 5 баллов. Идем курсом крутой бакштаг левого галса. Порт назначения — Москва. Химки».

В салоне галиота за круглым столом расположились знаменитые капитаны в томительном ожидании.

— Не могу ничего себе представить, — развел руками Лемюэль Гулливер. — Чем нас может поразить достоуважаемый Артур Грэй? Каким сообщением? Не знаю... не знаю...

— А не пошутил ли он? — с улыбкой произнес Тартарен. — Я вспоминаю...

Что хотел вспомнить тарасконец, так никто и не узнал. В этот момент вошел капитан галиота «Секрет». Все внимание его друзей было привлечено небольшим ящиком. Грэй бережно нес его в руках, аккуратно поставил на стол, торжественно постучал черным пред-

седательским молотком и, не открывая таинственного ящика, начал свою речь довольно загадочно:

— Вы сейчас будете поражены...

Он открыл ящик и достал из него модель парусника, вырезанную из черного дерева. Но модель несколько не удивила капитанов. Ведь они видели в музее «Летучего голландца» и более замечательные модели кораблей. Правда, эта работа искусного мастера вызвала одобрение.

— Позвольте, — прервал общее молчание Мюнхгаузен. — Да ведь это модель «Синей птицы»! Корабль-призрака!

— Вы не ошиблись, — подтвердил улыбающийся Артур Грэй.

— Откуда она у вас? — вскочил с кресла Тартарен.

— Ее подарил нашему клубу на память Жан Клод Ригаль. Сторож шхуны-музея «Летучий голландец». В знак признательности!.. Эту игрушку он получил в наследство от отца, который плавал на «Синей птице»!..

— Не может быть! — воскликнул Дик Сэнд.

— А не подарил ли старый боцман в придачу и разгадку тайны этого корабля-призрака? — спросил капитан Немо, разглядывая модель.

— Клянусь «Летучим голландцем», это не что иное, как незаконная охота за страховой премией, — ядовито произнес Робинзон Крузо.

— На этот раз нет!.. — покачал головой капитан галиота. — Вы не угадали, Робинзон. «Синяя птица» не была застрахована. Более того, судно не имело приписки ни в одном порту. И даже имена судовладельцев остались неизвестны.

— Значит, все-таки корабль-призрак... — задумчиво произнес Гулливер.

— Призрак? — усмехнулся Артур Грэй. — С грузом контрабанды!.. Иногда это были бразильские алмазы, иногда жемчуг южных морей, а бывало и золото в слитках. Трап в секретный отсек трюма, где все это пряталось, был скрыт под койкой в каюте капитана. «Синяя птица» никогда не швартовалась к причалам какого-либо порта...

— А где же? — поинтересовался Дик Сэнд.

— Отец старого боцмана, плававший на злополучном паруснике, знал единственный проход между опасными рифами и вел судно к пустынному берегу... там его ждали фургоны, запряженные мулами. А весь драгоценный груз переправлялся на шлюпках. Команда получала свою долю и снова отбывала в неизвестном направлении. Сколько таких рейсов сделала «Синяя птица», не знает никто. В один прекрасный день, несмотря на ливень, контрабандисты заметили таможенный корабль. Дело пахло решеткой лет на двадцать, а то и больше. Не желая испытывать судьбу, команда покинула корабль на шлюпках, захватив спасательные круги. «Синяя птица» была брошена на волю океана.

— Да-а... — в раздумье протянул капитан Немо. — Над всеми этими кораблями-призраками витает дух желтого дьявола.

— Грязный бизнес на морях!.. — заключил свое сообщение Артур Грэй. — Попросту говоря — мошенничество! Преступление!.. Гибель судов, команды, пассажиров с детьми... Ничего святого. Только бы спрятать концы поглубже в воду и незаконно получить деньги, деньги, и только деньги!..

Ночь подходила к концу. И, как это бывает перед самым рассветом, стало чуть темнее... Круглые стекла иллюминаторов в салоне напоминали чернильные пят-

на. Как вдруг они стали светлеть и неожиданно засверкали. Через них брызнули первые солнечные лучи.

Алые паруса галиота «Секрет» проплывали мимо родных московских берегов. Надрывая горло, какой-то химкинский петух пропел свой гимн восходящему солнцу.

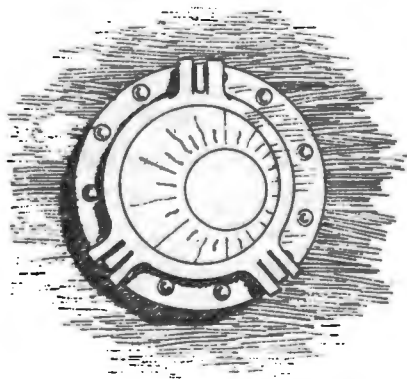
— Тревога!.. Свистать всех наверх!.. — отдал команду Грэй.

Сразу же прозвучала звонкая трель боцманской дудки.

— По книжным полкам, друзья! — лихо рявкнул Тартарен, несмотря на бурно проведенную ночь.

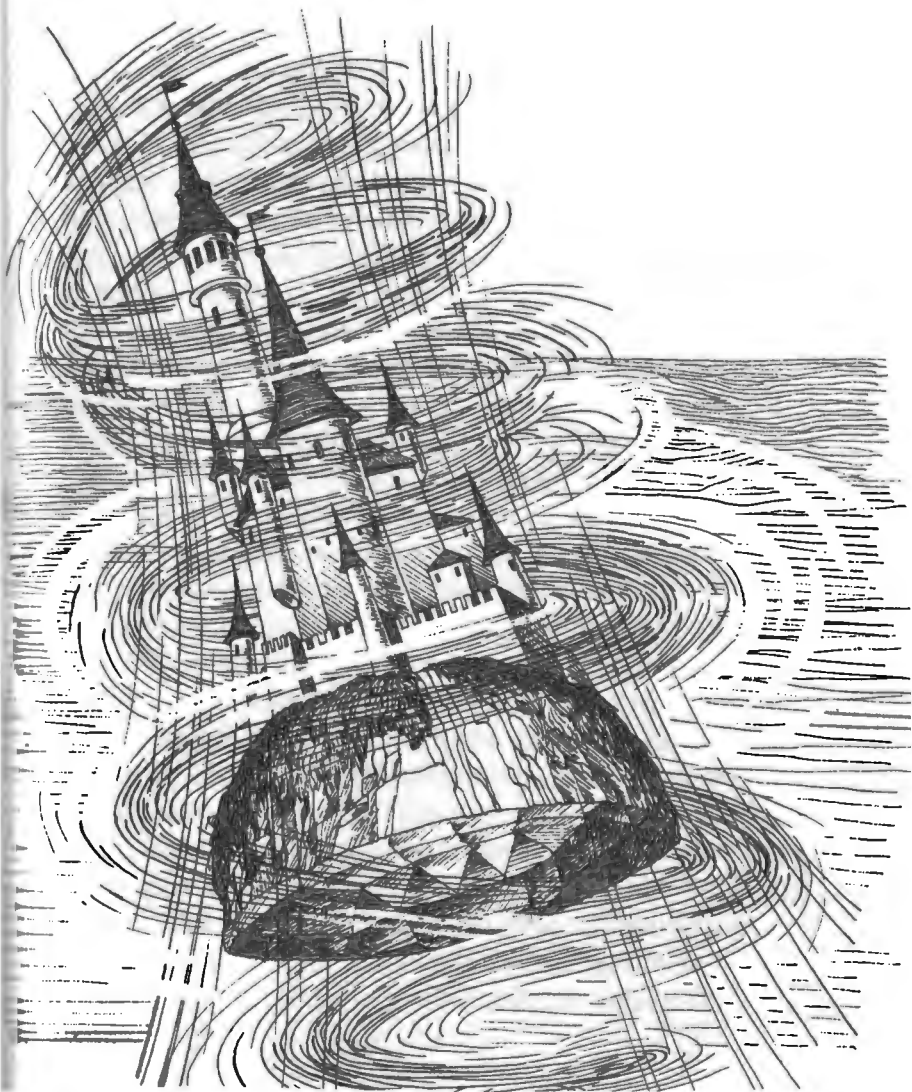
Дик Сэнд, подхватив вахтенный журнал, торопливо взобрался по веревочному трапу, брошенному капитаном Немо. Очутившись на верхней полке, где стояли книги Жюль Верна, всегда готовые уйти в плавание к своим читателям, юноша скрылся на страницах романа «Пятнадцатилетний капитан»...

Так окончилась еще одна капитанская встреча под кодовым названием «В погоне за «Синей птицей».

ПАРУСА СТАВИТЬ! С ЛЮБЯ СНИМАТЬСЯ!

Десятая клеенчатая
тетрадь

Над Москвой бушевала гроза. Раскаты грома доносились в кают-компанию Клуба знаменитых капитанов. Косой дождь, подхваченный колючим ветром, хлестал по оконным стеклам.

Как известно читателям вахтенных журналов клуба, уютное помещение школьной библиотеки неподалеку от московского порта пяти морей совершенно преобразалось после ухода Марии Петровны и Катюши.

Ровно в девятнадцать ноль-ноль, когда напольные часы, напоминавшие башню старинного замка, пробили семь раз, как будто шальной ветер ворвался на книжные полки...

Распахнулись красочные переплеты сочинений Жюль Верна, Александра Грина, Даниеля Дефо, Константина Станюковича, Джонатана Свифта, Эриха Распе и Альфонса Доде.

Словно морской прибой, быстро прошелестели сотни, а может быть, тысячи страниц...

Промелькнули захватывающие воображение картинки парусных фрегатов и бригов в океане... «Наутилуса» под водой... Мюнхгаузена в чреве кита... Артура Грэя у штурвального колеса галиота «Секрет»... подводного кладбища кораблей у мыса Бурь... корвета «Коршун» с Василием Федоровичем на капитанском мостике... парохода «Тютю-панпан» под командованием любимца Тараскона... парящего в небе острова Лапуты и Лемюэля Гулливера по колено в море, тянущего за собой эскадру империи Блефуску...

За окнами библиотеки неистово грохотал гром. Сверкала молния. А ливень казался гигантским водопадом, обрушившимся из черного поднебесья на город.

Со страниц книги Станюковича «Вокруг света на «Коршуне» донесся знакомый голос его капитана. Оценив обстановку, он тут же распорядился:

— Отдать штормтрап!

— Есть отдать штормтрап! — отозвался вахтенный начальник.

С книжной полки, расположенной под самым потолком, был выброшен веревочный штормтрап. Первым быстро спустился пятнадцатилетний капитан. За ним последовали Робинзон Крузо, затем Лемюэль Гулливер и Немо. Артур Грэй несколько задержался...

— Капитан Грэй! — крикнул сверху Василий Федорович. — Вы что там замешкались?

— Да вот... хочу по дороге захватить книгу Чарлза Дарвина «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль», — ответил капитан галиота «Секрет», вытаскивая с полки толстый том. — Я давно до нее добираюсь.

И как только он прыгнул с последней ступеньки штормтрапа, сразу же в кают-компанию спустился капитан корвета.

Мюнхгаузен уже сидел за круглым столом. Он в глубокой задумчивости созерцал глобус. Ничто вокруг не тревожило и не интересовало Карла Фридриха Иеронима. Ослепительные вспышки молнии вырывали его из полумрака кают-компания на какую-то долю секунды и снова оставляли наедине с глобусом при свете толстой свечи в медном старинном шандале.

— Обыкновенно вы опаздываете, дружище, а сегодня появились раньше всех! — удивился Робинзон Крузо. Но барон не только не ответил, но даже не обратил внимания на великого отшельника, прожившего на необитаемом острове около тридцати лет.

Знаменитые капитаны молча рассаживались в креслах, в недоумении поглядывая на Мюнхгаузена. Он очень редко бывал в таком меланхолическом настроении и поэтому вызвал немалое любопытство своих друзей.

Легким движением руки Карл повертел географическую модель земного шара с его морями, океанами и материками и наконец глухо изрек:

— Где же они могут быть?..

Этот загадочный вопрос, обращенный не то к самому себе, не то ко всем присутствующим, поверг друзей Мюнхгаузена в крайнее изумление. «О ком он говорил?.. Кого имел в виду?..» Капитаны переглянулись... Лемюэль Гулливер прервал затянувшееся молчание:

— Достопочтенный Карл Фридрих Иероним! Во-первых, позвольте вам сказать — добрый вечер!.. Н-да... А во-вторых, разрешите поинтересоваться — как ваше здоровье?.. Я, как вам должно быть известно, в прошлом корабельный врач... и мог бы вам помочь... В-третьих, чем вызвано такое молчание?.. Почему вы не сводите своих глаз с глобуса?.. В-четвертых, я позволю себе выразить интересы всех присутствующих в кают-компании... Во всяком случае, я надеюсь на это. Итак, в-четвертых: мы ждем от вас ответа на эти вопросы.

— Друзья мои, — прочувственно начал Мюнхгаузен, — во-первых, добрый вечер. Во-вторых, мое здоровье в отличном состоянии. Мне не нужен врач, даже такой, как Лемюэль Гулливер, тем более что вы хирург. А я не нуждаюсь в операции. В-третьих, почему я гляжу на глобус? О чем я думаю? Что меня волнует? Я вам скажу немного позднее. Начинайте встречу. От председательского молотка я отказываюсь. Не вообще, конечно... Но только на сегодня!

Закончив свою тираду, он, нахмутив брови над орлиным носом, снова уставился на глобус. Дик Сэнд попытался определить, куда же он смотрит. На какую географическую точку?.. Как будто бы он глядел на северные широты Атлантического океана, в Западном полушарии? Но почему?.. Что там его так заинтересовало?.. Пятнадцатилетний капитан не мог себе представить.

Артур Грэй понял, что сейчас, видимо, бесполезно тревожить Мюнхгаузена, и решил оставить его в покое, надеясь, что словоохотливый барон недолго сумеет хранить молчание и сам все расскажет своим друзьям.

Поэтому капитан галиота «Секрет» прервал попытки Василия Федоровича и Робинзона Крузо выудить чистосердечное признание у поборника истины и настойчиво предложил начать встречу выборами председателем.

Никакой предвыборной борьбы не было. Знаменитые капитаны-единомышленники не тратили много времени на эту процедуру. Артур Грэй был единодушно назван своими друзьями. Впрочем, если быть абсолютно точными, то не хватало только одного голоса.

Необычайное поведение Мюнхгаузена настолько отвлекало внимание капитанов, что они даже не заметили отсутствия Тартарена из Тараскона. Дик Сэнд, записав имена всех присутствующих в вахтенный журнал, еще раз оглядел своих друзей по клубу... Одно кресло пустовало, как раз то самое, где постоянно восседал бесстрашный охотник за фуражками.

Артур Грэй стукнул три раза по круглому столу председательским молотком из черного дерева.

— Капитаны! В такую грозу...

— Позвольте вас прервать, — перебил Дик Сэнд. — Вы начинаете встречу без любимца Тараскона?.. Может быть, нам все-таки подождать Тартарена?!

— Вряд ли он высунет нос из переплета в такую погоду, — заметил Робинзон Крузо, не скрывая усмешки. И как бы в подтверждение его слов, совсем близко, с каким-то ужасающим треском разразились удары грома. Молния осветила кают-компанию... Сплошные потоки воды стекали по оконным стеклам.

— Клянусь всеми необитаемыми островами в Мировом океане, — продолжал Робинзон Крузо, — что наш друг и не подумает в такую грозу сойти со страниц романа Альфонса Доде. И вероятнее всего, Тартарен в эти минуты возлежит на турецком диване с дымящейся трубкой, наслаждаясь покоем и тишиной в своем белом домике на берегу прекрасной Роны. Ждать его бесполезно!

— Да, не имеет смысла, — подтвердил капитан Немо.

— Любезнейший Робинзон Крузо прав, — кивнул Лемюэль Гулливер. — Не будем терять драгоценных часов, минут и секунд. Начнем, пожалуй!

Артур Грэй стоя обратился к своим коллегам:

— Капитаны! Не скрою от вас... В такую грозу, как сейчас, конечно, приятно посидеть в кают-компании и побеседовать за чашкой индийского чая. Но уж таковы традиции нашего клуба на протяжении нескольких десятков лет — выходить в море, несмотря на погоду. Я прошу вас поделиться сокровенными мыслями, мечтами, надеждами и планами путешествий... И надеюсь, такими, что могли бы прославить Клуб знаменитых капитанов!.. Прошу высказываться. Василий Федорович, ваше слово.

Грэй сел в кресло, а капитан корвета «Коршун» не замедлил с ответом:

— Я предлагаю пойти в дальнее плавание по историческому маршруту первого русского кругосветного путешествия капитан-лейтенанта Ивана Крузенштерна и Юрия Лисянского в 1803 году на судах «Надежда» и «Нева». Мне хотелось бы напомнить, друзья, как оценил Карамзин первое плавание русских вокруг света... Проницательные глаза историка Государства Российского глядели далеко вперед... Он писал: «Мы стоим на земле, и на земле русской, смотрим на свет не в очки систематиков, а своими природными глазами; нам нужно и развитие флота и промышленности, предприимчивость и дерзание». Любопытно, что в этом плавании на борту «Надежды» был молодой Фаддей Беллинсгаузен!..

Заскрипело гусиное перо. Дик Сэнд записал предложение капитана корвета в вахтенный журнал.

— Мне кажется более заманчивым проследовать по маршруту первой русской антарктической экспедиции в 1819 году — по курсу капитана Фаддея Беллинсгаузена и лейтенанта Михаила Лазарева на шлюпках «Мирный» и «Восток»!.. — увлеченно произнес пятнадцатилетний капитан. — В Южный Ледовитый океан! И взять на борт членов школьного географического кружка «Алый вымпел». Юнгами!

— Всех? — удивился Артур Грэй.

— Нет. Их там человек двадцать... Это много... — пояснил Дик Сэнд. — Я думал о тех, у кого особая любовь к географии.

— Ну что ж... интересное предложение, — заметил капитан галиота «Секрет». — Будем сразу обсуждать или же выслушаем всех? Что скажете, друзья?..

— Достоуважаемый капитан Грэй, мне думается, что лучше сперва ознакомиться со всеми проектами, а уж потом, основательно взвесив все «за» и «против»,

принять наиболее разумное решение, — рассудительно заявил Лемюэль Гулливер.

Артур Грэй одобрительно кивнул и с почтением обратился к капитану Немо:

— Ваше слово.

— Я предлагаю пойти на моем «Наутилусе» в Карибское море...

— Ясно! — улыбнулся Василий Федорович. — На дне Карибского моря покоятся драгоценности, затонувшие на пути в Испанию. Говорят, что их оценили в полтораста миллионов долларов!

— Да хотя бы триста миллионов, — сухо вато сказал Немо. — Меня волнует другое. Бесценные полотна Рембрандта! Нужно снарядить экспедицию по их спасению. Картины великого голландца необходимо вернуть человечеству. Всего двадцать один год назад, в 1956 году, вместе с кораблем «Андреа Дория» на глубину восемьдесят метров ушло несколько картин Рембрандта. Я питаю надежду, что соленая вода не успела их повредить. Если, конечно, полотна были тщательно упакованы.

— Об этом стоит серьезно подумать, — заявил Артур Грэй. — Теперь слушаем вас, уважаемый Лемюэль Гулливер.

— Как это вам ни покажется странным, distinguished colleagues, я предпочел бы отправиться в воздушное путешествие вокруг земного шара.

— Но мы же члены старого морского клуба!.. — перебил с юношеской пылкостью пятнадцатилетний капитан.

— На летучем острове Лапута, — продолжил Гулливер, не обратив внимания на замечание Дика Сэнда.

— С какой целью? — изумился капитан галиота «Секрет».

— С очень важной! Воздушная разведка с научной целью изучения сокрушительных ураганов над морями и океанами с чарующими именами: Джильда, Маргарита, Виктория, Олимпия, Ирина, Жанна, Джульетта... Такова была традиция — называть ураганы женскими именами, теперь она нарушается.

— Опасная экспедиция, — процедил сквозь зубы Робинзон Крузо.

— Да, риск огромный, — подтвердил Лемюзль. — Но есть возможность спасти и вместе с тем произвести необходимые наблюдения.

— Каким же образом? — поинтересовался Василий Федорович.

— Пожалуй, единственным. Надо смело идти на встречу и взять курс прямо в «глаз» урагана. Дело в том, что в центре бесноватого урагана воздушный колодец... Попадете в него — вам уже почти ничто не угрожает. Вместе с ураганом вы будете мчаться с бешеной скоростью и, находясь в сравнительной безопасности, сумеете вести наблюдения и регистрировать показания приборов. Ценность таких изысканий огромна.

— Несомненно, — заметил Робинзон Крузо. — Но только в том случае, если отважным охотникам за ураганами удастся остаться в живых.

— Дик, вы занесли в вахтенный журнал предложение капитана Гулливера? — спросил Артур Грэй.

— Сейчас занесу, — ответил юноша, обмакнув гусиное перо в походную чернильницу. — По правде говоря, я заслушался, размечтался... Мое воображение захватила охота за ураганами...

— Вполне понимаю вас, — улыбнулся Грэй. — За вами слово, дорогой Робинзон Крузо.

— Мне бы хотелось отправиться в длительное плавание по морям и океанам с целью нанести на карту все необитаемые острова на земном шаре.

— У меня более скромная идея... Двинуться на озеро Ильмень, — задумчиво сказал Грэй.

— На озеро? — изумился Дик Сэнд, несколько разочарованный предложением капитана галиота «Секрет».

— А, собственно говоря, зачем на озеро? Рыбу, что ли, ловить? — с усмешкой спросил Василий Федорович.

— Хотелось бы обследовать дно озера Ильмень...

— С какой целью? — задал вопрос капитана Немо.

— Я мечтаю найти затонувший корабль Господина Великого Новгорода. Такая находка обогатила бы любой музей. Итак, нам осталось выслушать только нашего уважаемого Карла Фридриха Иеронима... Надеюсь... вы окажете нам честь? И наконец нарушите свое долгое молчание.

— Да, да!.. Я терпеливо слушал всех, капитаны. И скажу вам со всей откровенностью, положив руку на сердце, — я утаил бы правду, если бы сказал, что мне не по душе охота за ураганами на летающем острове Лапута или же подводная экспедиция на «Наутилусе» за бесценными полотнами Рембрандта. Но есть и другие не менее ценные сокровища, которые плавают в океане...

— Что вы имеете в виду? — любопытно спросил капитан галиота «Секрет».

— Три пузатые бутылки зеленого стекла от ямайского рома!.. В них, как вам известно, запечатаны новейшие мемуары Карла Фридриха Иеронима Мюнхгаузена. Записки с того света!.. Брошенные мною в океан с борта корабля-призрака «Синяя птица»!.. Вот прибли-

зительно в этих туманных местах, — сказал он, указывая на глобусе северные широты Атлантики, вблизи острова Ньюфаундленд.

Дик Сэнд бросил гусиное перо на стол.

— Я был бы готов немедленно отплыть на поиски ваших мемуаров! — азартно воскликнул юноша. — Но попробуйте найти три почтовые бутылки в океане!..

— Это безнадежно, — покачал головой Немо. — Три бутылки!.. Если кто-нибудь, и притом совершенно случайно, выловит только одну из трех — это была бы исключительная удача. Позвольте вам напомнить один эпизод из истории бутылочной почты... В 1933 году с борта легендарного «Челюскина» был сброшен деревянный буй, внутри которого в стеклянной ампуле находилась почтовая открытка. И только через тридцать лет, в 1971 году, послание челюскинцев было обнаружено на берегу острова Врангеля в Чукотском море!.. Это еще хорошо!.. А сколько почтовых бутылок, запечатанных смолой, сургучом, пропало!.. Так что, дорогой Мюнхгаузен, ночная экспедиция в Атлантический океан за вашими бутылками обречена на неудачу. Я сам сгораю от любопытства... и бросил бы все, чтобы прочесть мемуары, написанные на борту корабля-призрака «Синяя птица»...

— Ну а если все-таки кому-то посчастливится найти хотя бы одну бутылку из трех — куда же он... — не успел договорить Робинзон Крузо, так как его перебил барон:

— Я это предусмотрел. И написал: «Прошу доставить мои мемуары в кают-компанию Клуба знаменитых капитанов». Дал, конечно, соответствующие координаты и просил спрятать в секретный сейф клуба.

— В глобус?! — переспросил Дик Сэнд.

— Вот именно! — сказал Мюнхгаузен и сразу же перешел на шепот: — Отпустите шторы. Закройте дверь на ключ, чтобы ни одна душа, ни один посторонний глаз не подглядывал бы!.. Дик, я очень волнуясь... Будьте любезны подойти к глобусу... Найдите Карибское море...

— Вот оно... — тихо произнес пятнадцатилетний капитан.

— Ищите остров Ямайку, — торопливо распорядился Мюнхгаузен.

— Нашел...

— Нажмите пальцем на эту географическую точку...

Дик указательным пальцем нажал на Ямайку. И сразу из глобуса донеслись позывные клуба, звучащие в эфире уже более тридцати лет. Знакомая мелодия песенки прозвенела в кают-компании. А затем точно по линии экватора, на нулевой широте, глобус разошелся на две половинки... Юноша протянул руку, пошарил внутри, восторженно закричал:

— Есть! Есть!.. — и радостно помахал в воздухе каким-то письмом...

Мюнхгаузен выхватил конверт, мельком взглянув на него, бросил на стол и огорченно произнес:

— Это не мои мемуары.

— А что это? — спросил капитан Немо.

— Сейчас узнаем, — ответил Грэй. Взяв конверт, он вскрыл его и вытащил письмо...

Неожиданное послание, да еще обнаруженное в секретном сейфе клуба, вызвало оживление, шум, нетерпеливое любопытство, вопросы... Капитан галюта, пользуясь своим правом председателя встречи, постучал деревянным молотком по круглому столу:

— Тише, друзья. Я буду читать это письмо медленно, чтобы Дик успел записать его в вахтенный журнал.

Но пятнадцатилетний капитан положил гусиное перо на стол.

— Нет, нет, — возразил юноша. — Читайте побыстрее... Я потом перепишу.

— «Знаменитые капитаны! — так начиналось письмо. — Когда вы получите мое чрезвычайное послание, я уже буду далеко от вас, в нескольких тысячах километров от библиотечной бухты. Там, где Нептун с трезубцем встречает мореплавателей. Здесь на каждом шагу меня будут подстерегать опасности. Мое пребывание в тропических широтах сопряжено с огромным риском для жизни. Но вряд ли что-либо может меня остановить! Ради науки я готов пожертвовать собой и навечно прославить клуб — или хотя бы до тех пор, пока Земля будет вертеться! Я верю — звезда Тараскона так просто не закатится, не померкнет, а засияет еще ярче Венеры на вечернем небосклоне».

Не понимаю... в чем дело?.. — пожал плечами капитан галиота «Секрет».

— Читайте, читайте дальше! — нетерпеливо крикнул Дик.

— Я сгораю от любопытства; — признался Мюнхгаузен.

Артур Грэй перевернул страницу письма Тартарена и стал читать быстрее:

— «Я прошу вас, медам и месье, немедленно ставить паруса, сниматься с якоря и прибыть на Галапагосский архипелаг, расположенный под экватором. Вам надлежит высадиться в северо-западной части острова Альбемарль. Координаты: 0 градусов западной широты, 91 градус и 45 секунд западной долготы. Три зеленые ракеты укажут вам точное местоположение. На берегу вас будет ожидать шлюпка. На

рейде вы увидите пароход «Тютю-панпан». На борту вы будете встречены моими доверенными лицами. Они вам вручат необходимые инструкции для проведения морской операции под кодовым названием «Черепеха». Но меня уже на борту парохода вы не застанете. Я твердо надеюсь, что моя последняя воля будет вами исполнена. Тартарен из Тараскона».

Артур Грэй в недоумении положил письмо на круглый стол.

— «Моя последняя воля»... — с тревогой прошептал Дик Сэнд. — Как это понять?

— Может быть, его уже нет в живых?! — задумчиво произнес Василий Федорович.

— Но тогда бы он не писал: «Мое пребывание в тропических широтах сопряжено с огромным риском для жизни», — возразил капитан Немо.

Загадочное послание прославленного охотника за фуражками и покорителя Альп не только озадачило капитанов, но и сильно их встревожило. Неясно было, где же находится любимец Тараскона? Какие опасности его подстерегают? Почему это в интересах науки? Зачем они должны прибыть на экватор? Какие инструкции им должны вручить его доверенные лица? Кто эти люди? Что это за морская операция под кодовым названием «Черепеха»? Чем, собственно говоря, можно навечно прославить клуб? И наконец, жив ли Тартарен? Почему он писал «моя последняя воля...»?

Никто из присутствующих в кают-компании не мог ответить ни на один вопрос. Это была серия неразрешимых загадок. Благоразумный Лемюэль Гулливер высказал предположение — не шутка ли Тартарена все это послание?.. Хотя никаких оснований делать такой вывод не было. Письмо носило весьма серьезный ха-

ракти. В кают-компании разгорелись жаркие споры — сниматься с якоря или нет? Наконец Артур Грэй убедительно заявил:

— Спорить можно до утренних петухов. Пора принять окончательное решение. Сомневаться можно всю жизнь, так и не совершив ни одного поступка. Что касается меня, то я готов немедленно сняться с якоря и взять курс на Галапагосские острова. Письмо нашего друга Тартарена на этот раз, несмотря на его загадочность, меня взволновало.

— Во всяком случае, оно меня сильно заинтриговало, — сказал капитан корвета «Коршун», с интересом перечитывая письмо. — Я принимаю предложение Тартарена.

— Я тоже, — решительно произнес Немо.

— Достопочтенные коллеги, хотя мне и непонятно, для какой цели... во имя чего я должен быть на экваторе, но я присоединяюсь к этой туманной экспедиции, затеянной неугомонным любимцем всего Тараскона, — задумчиво сказал Гулливер.

— Я готов, — коротко отрапортовал пятнадцатилетний капитан. — А вы, капитан Крузо?

— Мнение большинства для меня закон, тем более что, судя по письму, Тартарен в опасности!

— Что вы скажете, дорогой Мюнхгаузен? — спросил Артур Грэй.

— Что мне остается делать?.. Боюсь, что мои мемуары потеряны для потомства, — скорбно произнес барон, нажав указательным пальцем на остров Ямайку. Обе половинки глобуса плавно сошлись на линии экватора. — Я, пожалуй, откликнусь на призыв Тартарена. А вдруг мне посчастливится во время плаванья? Кто знает?.. Я готов отвалить от библиотечного пирса, друзья!

Не теряя времени, капитаны развернули географическую карту Западного полушария и определили координаты Галапагосского архипелага, состоящего из десяти главных островов, расположенных под экватором: остров Джемс, Нарборо, Чатэм, Чарлз, Джервис, Бэррингтон, Индефатигабль, Дункан, Худ и самый крупный из них — остров Альбемарль. Именно через этот остров и проходила линия экватора. Сверились с координатами, намеченными Тартареном как место свидания, — эта географическая точка находилась на пересечении нулевой широты и 91 градуса и 45 секунд западной долготы, в северо-западной части острова Альбемарль.

Ясно было теперь, куда взять курс, неясно было по-прежнему одно: почему Тартарен остановил свой выбор на Галапагосских островах?.. Галапагос по-гречески — черепаха. Черепаший остров?..

— Признаться, капитаны, я мало что знаю об этих отдаленных местах... — неуверенно произнес Дик Сэнд.

— Обратимся за помощью к Чарлзу Дарвину, — улыбнулся Артур Грэй.

Открыв толстый том, он быстро перелистал страницы в поисках нужного места.

— Вот!.. В примечаниях к его книге о своих путешествиях вокруг света... за номером двести четвертым... читаю: «Галапагосские острова были открыты в 1535 году испанским епископом Томасом де Ферлага, который, отправившись на корабле из Панама в Перу, попал в штиль; течением Гумбольдта корабль принесло к Галапагосским островам. Де Ферлага оставил первое описание галапагосских черепах... В конце XVIII века острова начинают усиленно посещать китоловы, главным образом в целях охоты на

гигантских черепах, служивших им пищей во время плавания...» Далее тут не очень существенные заметки... — сказал Артур Грэй, пробежав взглядом по странице. — А, вот!.. «В 30-х годах XIX века республика Эквадор объявила эти острова принадлежащими ей и начала ссылатъ сюда восставших солдат и других политических преступников, которых здесь в 1835 году, когда острова посетил Дарвин, было около 300 человек. В дальнейшем число их быстро уменьшалось, и все последующие попытки колонизовать эти острова оканчивались неудачно».

— Вряд ли после Чарлза Дарвина и ряда научных экспедиций Тартарен откроет нечто новое, что могло бы потрясти мир, — с усмешкой произнес Мюнхгаузен, всегда ревниво относившийся к славе любимца Тараскона. — На чем мы отправимся в путь к этим черепахам? На моем бриге «Леденец»?.. А не растает ли он на экваторе? В тропических широтах!.. — Но, не дождавшись ответа своих улыбающихся друзей на этот неожиданный вопрос, он тут же разразился потоком предложений: — Может быть, мы полетим на утках? Или на пушечном ядре? А что, если мы отправимся на дельфинах? Нет, лучше...

— Не достаточно ли, дорогой Мюнхгаузен? — остановил его Немо, прекрасно понимая, что неистощимая фантазия Карла Фридриха Иеронима могла бы бушевать до утренних петухов.

— Судя по письму, Тартарен нас ожидает на Галапагосских островах... — Артур Грэй, не договорив, задумался. — Даже трудно что-либо предположить... Надо беречь время и силы. Мало ли что?! Поэтому я предлагаю использовать корабль «Бигль». Капитан Роберт Фриц Рой славился своим гостеприимством... Поспешим на страницы книги Чарлза Дарвина «Пу-

тешествоие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль»! За мной, капитаны! В главу семнадцатую — «Галапагосский архипелаг»! Полный вперед!..

Шелест страниц... Свежий ветер ворвался в кают-компанию... С палубы донесся бой склянок и звонкий голос: «Крепить рифы! Ставить штормовую бизань!» — «Есть крепить рифы! Ставить штормовую бизань!» — отозвался чей-то басовитый голос.

Путешествия по географическим картам и по страницам романов совершались с такой скоростью, что ни гоночный автомобиль, ни судно на крыльях, ни сверхзвуковой воздушный лайнер, ни даже космическая ракета не сумели бы выдержать этого соревнования.

Такое путешествие быстротечно, как человеческая мысль, воображение, фантазия...

И вскоре пятнадцатилетний капитан записал в вахтенном журнале: «Галапагосский архипелаг. Мы высадились с триста восьмой страницы «Путешествий натуралиста вокруг света на корабле «Бигль» на остров Альбемарль, указанный в письме Тартарена. «Бигль» стал на якорь в бухте Бенкса, а мы направились к северо-западному берегу, подгоняемые не только любопытством, но и жадой познания...»

Ничто вокруг не радовало глаз. Большие пространства были покрыты черной базальтовой лавой, изборозженной трещинами. Множество вулканов виднелось со всех сторон. Из некоторых кратеров курился дым. Из других — вытекала лава. Кое-где пробивался низкорослый кустарник, издали казавшийся голым — без листьев. По дороге встречались высокие кактусы причудливой формы. Особенное внимание привлекали гигантские черепахи. Они ползли по широкой и

утоптанной тропе... В давние времена по черепашим дорогам шли испанцы, открывая источники пресной воды.

Множество черных ящериц, чуть более метра длинной, и особенно безобразные на вид, желтовато-бурые, вялые, сонные, неуклюже уползали в свои норы, напуганные нашим появлением. Сапоги увязали в горячем темно-коричневом песке...

— Мы идем по правильному курсу? Не уклоняемся ли в сторону? Что-то подозрительно долго не видно океана... — недовольно пробурчал капитан Немо.

Его успокоил Лемюэль Гулливер:

— Я внимательно слежу за стрелкой компаса. По моим расче...

Но он не успел договорить. Артур Грэй неожиданно и резко схватил его за рукав камзола:

— Осторожно! Здесь жидкая лава... Смотрите... она еще пузырится... Придется дать крюк.

Лава вздувалась объемистыми пузырями. Они лопались с треском... Шипели подземные газы, вырываясь наружу...

— Клянусь всеми вулканами земного шара, я бы не хотел здесь пробыть ни одного дня, — горячо произнес Робинзон Крузо. — Бесплодный край!.. Мой необитаемый остров по сравнению с этим — суший рай!

— А вы знаете, что мне пришло в голову?! — неожиданно заявил Мюнхгаузен.

Вряд ли, конечно, кому-нибудь удалось бы угадать, что взбрело на ум неугомонному фантазеру. Это было по силам только одному человеку на земле — Эриху Распе. И никому больше! Но автор «Приключений Мюнхгаузена» уже давно покоится на кладбище...

— Не нашел ли здесь Тартарен, — продолжал свою мысль поборник истины, — сокровища, награблен-

ные в Перу испанским капитаном Диего де Ривадейрой?.. В сороковых годах шестнадцатого века!.. А?.. Как вы думаете?

Догадки Мюнхгаузена вызвали веселое оживление.

— Ну, знаете ли, если бы Тартарен нашел сокровища, он бы не удержался, — улыбнулся Дик Сэнд. — О такой находке любимец Тараскона обязательно написал бы нам в своем письме.

— Вы уверены, а я — нет! — азартно возразил барон. — Держу пари!

— Стоит ли спорить, капитаны? — остановил его Василий Федорович, тоскливо оглядывая безотрадный вулканический пейзаж. — Странно, очень странно... Что же здесь все-таки могло поразить молодого Дарвина?.. Трудно понять и не менее трудно себе представить!

— Кое-что мне известно, — вступил в разговор Артур Грэй. — Чарлз Дарвин провел на Галапагосских островах тридцать четыре дня...

— Всего-то? Это из пятилетнего путешествия на корабле «Бигль»? — удивленно спросил Дик Сэнд.

— Да, всего тридцать четыре дня!.. — ответил капитан галиота «Секрет». — Но эти дни, дорогой Дик, стали золотыми страницами истории естествознания. Зоологи Британской ассоциации наук торжественно отметили столетие пребывания молодого Дарвина на Галапагосском архипелаге.

— А что же случилось на этих островах с Дарвином? — любопытно спросил Робинзон Крузо.

— Видите ли, Библия была настольной книгой в доме его родителей. Сотворение мира, растений и животных считалось Божьим делом. Неизменность видов никем не оспаривалась! Кошунственной могла показаться мысль о происхождении человека от обезьяны

или же появление живых существ, ранее не существовавших на земле. И вот здесь-то... на Галапагосском архипелаге Дарвина охватило необычайное волнение, более того, смятение... Рушилась Библия!.. Все представления о сотворении мира противоречили наблюдениям пытливого натуралиста... Все изменялось на земле... Факты подтверждали догадки молодого ученого и положили начало эволюционному учению об историческом происхождении видов животных и растений путем естественного отбора...

— Ракета!.. — закричал Дик Сэнд. — Зеленая ракета!

За первой ракетой взлетела вторая, затем третья...

— Сигнал Тартарена! — стараясь сохранить спокойствие, произнес Артур Грэй. — За мной!..

Пробежав метров триста, оставив позади потухший вулкан, капитаны вышли на берег, изобиловавший прибрежными скалистыми утесами, и замерли на месте в приятном изумлении. На рейде мерно покачивались четыре корабля. Флагманский пароход Тартарена «Тютю-панпан» из романа Альфонса Доде «Порт Тараскон». А по соседству с ним три парусных судна: бриг «Леденец», корвет «Коршун» и галиот «Секрет».

Нет! Нет! Это не были корабли-призраки. Ночь была ясная. Ярко сияла луна. И эскадра знаменитых капитанов была слишком близка от берега, чтобы принять ее за видение или за мираж. На фок-мачте брига Мюнхгаузена развевался вымпел с его фамильным гербом. На корме корвета «Коршун» был ясно виден русский андреевский флаг, а галиот «Секрет» легко было узнать по алым парусам.

Внимание капитанов было настолько захвачено неожиданной картиной, что они даже не заметили

пустую шлюпку на берегу с надписью на носу: «Тютю-панпан».

Первым пришел в себя капитан галиота.

— Довольно удивляться, друзья. Дадим знать о своем прибытии выстрелом из мушкета. Прошу вас, капитан Крузо.

Но Робинзон не успел даже вскинуть оружие, как Дик Сэнд его остановил:

— Шлюпка! Вот... справа... У прибрежного утеса...

— Достопочтенные коллеги!.. — почтительно обратился к своим друзьям Лемюэль Гулливер. — Пока все идет точно по письму. Три зеленые ракеты. Шлюпка на берегу. Осторожно, капитан Немо, здесь скользкие камни...

Через несколько минут шлюпка отвалила от берега. Дик баковым отпорным крюком сильно оттолкнул нос. Сразу же прозвучала команда Артура Грэя:

— Уключины вставить!.. Весла разобрать!.. Весла!..

Вслед за этим распоряжением весла были опущены в уключины.

— На воду!.. — скомандовал капитан галиота «Секрет».

Равняясь по закребному, капитаны налегли на весла...

— Нава-ли-ись! — гаркнул Артур Грэй, но и без этого приказа шлюпка стремительно неслась вперед, приближаясь к пароходу «Тютю-панпан»...

— Кранцы за борт! Правая табань! Левая на воду!.. — прозвучала новая команда.

С парохода был брошен ходовой конец. Его поймал Дик.

Капитаны перестали грести и поставили весла на траверзу.

Шлюпку подтянули за ходовой конец к трапу.

На палубе парохода знаменитых капитанов встретили два незнакомца. Один из них был в форме капитана дальнего плавания с золотыми нашивками. Странное впечатление оставляла кокарда на фуражке с золоченым вопросительным знаком.

Другой же, худощавый человек с суровым лицом, был в безукоризненно сшитом белом пиджаке с короткими рукавами. Вместо длинных брюк на нем были синие шорты. Из-под широкополой соломенной шляпы на капитанов глядели близко посаженные, серые сверкающие глазки. Щемящее чувство охватило наших друзей, когда они увидели широкие траурные повязки на рукавах незнакомых им людей.

— Джентльмены! — внушительно воскликнул худощавый. — Позвольте вас приветствовать на борту флагманского парохода «Тютю-панпан». Прошу пожаловать в салон.

— Благодарим... — почтительно кивнул Артур Грэй. — Но прежде чего... где капитан Тартарен?

— Почему у вас траурные повязки? Кто-нибудь умер? Погиб? — взволнованно спросил пятнадцатилетний капитан.

— Этого мы, к сожалению, сообщить вам не можем... Я выражаю надежду, что туман, окутавший этот вопрос, несомненно рассеется, когда мы услышим завешание...

— Завешание?... — прошептал потрясенный Робинзон Крузо.

— Кого? — нетерпеливо спросил Мюнхгаузен.

— Тартарена из Тараскона, — ответил незнакомец в тропическом костюме, поправляя черный креп на рукаве.

Капитаны оцепенели. Первым пришел в себя Лемюэль Гулливер:

— С кем мы имеем честь разговаривать?
— С его доверенными лицами.
— А точнее? — настоятельно произнес капитан Немо.

— Позвольте представиться — профессор Маракот, доктор географических наук, автор научных трудов

«Ложнокоралловые формации» и «Морфология пластинчатожаберных».

— Мы же встречались, достопочтенный профессор, — улыбнулся Гулливер. — Я вас сразу не узнал в этом костюме.

— Экватор, джентльмены. Тропики!

— А вы... кто такой, сударь? — подходя ближе, поинтересовался Артур Грэй, вглядываясь в лицо незнакомого моряка.

К удивлению капитанов, тот, слегка картавя, запел:

Ваш покорнейший слуга
Полюбил вопросы с детства:
Мне привычка дорога,
Это — все мое наследство!
Кто? Куда? Зачем? Кому?
Без вопросов век тоскую...
Сам не зная почему,
Но всегда их задаю я!

— Капитан Фиппс! — наперебой закричали капитаны. — Человек-вопрос!

— Могу засвидетельствовать — это он! — поручился Мюнхгаузен. — Из рассказа Эриха Распе «Среди белых медведей». Вторая часть моих приключений. Какими судьбами, старина?

— А если это была личная просьба самого охотника за фуражками?

— Вопросов больше нет. Кроме одного: какого рода инструкции вы должны вручить членам клуба как доверенные лица Тартарена из Тараскона? — спросил Немо.

— А не проследовать ли нам в салон? — любезно предложил капитан Фиппс.

Профессор Маракот приветливо открыл дверь со стеклянным верхом:

— Располагайтесь, джентльмены!..

— Не заглянете ли вы в эту старинную шкатулку из палисандрового дерева?.. С музыкальным замком?.. — улыбнулся Человек-вопрос.

— Вы очень торопитесь, капитан Фиппс, — сухо заметил профессор Маракот. — По распоряжению

Тартарена мы должны ее открыть только на рассвете, перед тем как запоют петухи!

— А что там... в этой шкатулке? — с любопытством поинтересовался Дик Сэнд.

— Об этом вы узнаете в свое время, — уклончиво ответил профессор Маракот. — А сейчас позвольте мне включить магнитофон.

— Не удобнее ли вам расположиться в креслах? — задал свой очередной вопрос Фиппс, строго придерживаясь своей манеры разговаривать.

С интересом поглядывая на тропический костюм профессора, с которым знаменитые капитаны встречались на дне океана в легендарной Атлантиде, все быстро расселись в удобных креслах. Маракот подошел к магнитофону «Спутник» и церемонно обратился к гостям:

— Внимание, господа... включаю кассету с завещанием действительного члена Клуба знаменитых капитанов Тартарена из Тараскона...

Профессор нажал кнопку. В салоне зазвучал знакомый голос. Любимец Тараскона на этот раз говорил не торопясь, очень серьезно и торжественно:

«Уважаемые друзья! Я, нижеподписавшийся, Тартарен из Тараскона, находясь в здравом уме, твердой памяти и ясной фантазии, выражаю свою последнюю волю. Прошу выслушать меня внимательно. Надеюсь, что вы благополучно прибыли на экватор. Вас, наверно, удивило, что на рейде северо-западной части крупнейшего острова Галапагосского архипелага — Альбемарль на якоре стояло три парусных корабля — бриг «Леденец» Карла Фридриха Иеронима, корвет «Коршун» Василия Федоровича и галиот «Секрет» Артура Грэя. Я их спустил со страниц романов без вашего ведома и согласия. На свой страх и риск. Но

думаю, что вы меня поймете и одобрите мои действия, когда узнаете цель этой операции под кодовым названием «Черепаха». Одну минуточку... Я только выпью воды, что-то пересохло в горле...»

Звякнула стеклянная пробка графина. Забулькала вода. А затем снова зазвучал в салоне парохода «Тютюпанпан» голос покорителя Альп:

«Видимо, «Черепаха» не совсем подходящее название для предстоящей вам морской экспедиции. Не спешите с выводами. Это совсем не по той причине, что я обожаю черепаший бульон, а потому, что отдаю должную дань своего восхищения исполинским черепахам Галапагосских островов, известных всему миру и обративших внимание великого Чарлза Дарвина в сентябре 1835 года; правда, в те годы он еще был молодым натуралистом. Позвольте перейти непосредственно к делу. Дик! Приготовьте гусиное перо и вахтенный журнал. Я буду говорить медленнее, чтобы вы успели записать...»

Дик Сэнд торопливо поставил на стол свою походную чернильницу, раскрыл вахтенный журнал, среди страниц которого было заложено гусиное перо.

Тартарен продолжал:

«Мы вступили в эру космических путешествий. И несмотря на это, море по-прежнему манит человека... Мировой океан бороздят комфортабельные лайнеры, вмещающие тысячи пассажиров, но кроме них, отчаянные смельчаки на плотках, парусных яхтах, в одиночку или же небольшой компанией в несколько человек совершают беспримерные плавания вокруг света, ведут борьбу со стихией, и не все остаются в живых. Задаю себе вопрос: ради чего это делается?.. А ради чего я покорял снежные вершины Альп?.. Что меня ожидало на Монблане? Утка с маслинами или

куропатки с фруктами?.. Мягкое кресло у камина?.. Чашечка кофе по-турецки и эльзасский торт? Нет же! Туман. Облака. Ледяной ветер... Вот что!.. А зачем я на верблюде пересек пустыню Сахару?.. Слыхали ли вы, друзья, о капитане Уиллисе?.. Уже в почтенном возрасте — в шестьдесят лет на плоту «Семь сестричек» и в семьдесят — на плоту «Возраст не помеха» — он в одиночестве пересек Тихий океан. Но не успокоился. И в семьдесят пять лет на шлюпке «Малышка» бросил перчатку Атлантическому океану. Из этого плавания капитан Уильям Уиллис не возвратился. Прошу почтить его память стоя и выслушать сокровенные мысли этого славного рыцаря голубых дорог...»

Все встали и, почтительно склонив головы, с волнением слушали Тартарена, читавшего путевой дневник Уиллиса:

«Далекий путь! Далекий путь! Но какова его цель? Для чего я построил этот плот и плыву все дальше и дальше в глубь Тихого океана, в тех просторах, где редко проходят корабли? Это не прихоть и не простое приключение. Я не хочу доказать какую-либо научную теорию или открыть новый путь. Сейчас я испытываю себя бесконечным трудом, отсутствием сна, скудной пищей; я отдаю себя на волю стихий, которые мне милы; далее я испытываю себя ужасным одиночеством и, как солдат в бою, непрестанной смертельной опасностью. Эта мысль вдохновляет меня: возможно, мой опыт когда-нибудь пригодится потерпевшим кораблекрушение. Газеты не раз уже меня похоронили. Но я живучий старик, и мне возраст — не помеха».

Тартарен откашлялся и продолжал:

«Прошу вас, друзья мои, сесть, а выходя в море, отдать салют в честь капитана Уиллиса. Я не буду утомлять ваше внимание исторической хроникой...»

В магнитофоне что-то шелкнуло. Голос любимца Тараскона умолк.

— Кассета закончилась, — заметил профессор Маракот. — Сейчас я заряджу другую — продолжение...

— Вы знаете, друзья, что меня поражает... — задумчиво произнес Артур Грэй. — Вот я слушаю нашего старого друга, краснощекого толстяка с веселыми глазами... Ну, что нам было известно о Тартарене?.. Любимец Тараскона, гроза львов, покоритель Монблана, охотник за фуражками... Любитель плотно закусить. Шумный, говорливый, острый на язык, суетливый, несмотря на свой вес, любящий прихвастнуть и даже приврать не всегда в меру. Правда, не из корысти. Нет! А вот только сегодня он мне открылся с другой стороны... Оказывается, он склонен к глубоким размышлениям и как будто не совсем такой, каким он нам казался, да и не только нам!..

— Как мы все-таки мало еще знаем друг друга, — задумчиво сказал Василий Федорович. — «Люди верят только славе и не понимают, что между ними может находиться какой-нибудь Бонапарт, не предводительствовавший ни одной ротою, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки...» — писал Пушкин.

— Поразительное наблюдение!.. — восхитился Лемюэль Гулливер. — Мы вот... стародавние соседи по книжным полкам... А в сущности говоря, мы все еще немного знаем друг друга. Я, например, глубоко уверен — если найдутся мемуары коллеги Мюнхгаузена, то и он откроется нам неожиданно и негаданно!

— Как луна с обратной стороны! — просиял Карл Фридрих Иероним.

— Bravo! — ударил в ладоши Дик Сэнд с юношеской пылкостью.

Профессор Маракот включил магнитофон. В салоне опять услышали голос Тартарена:

«Я не буду утомлять ваше внимание исторической хроникой, скупко повествующей на страницах газет и журналов о морях-одиночках, покоровших Атлантику и Тихий океан на плотах, утлых суденышках, яхтах, спасательных шлюпках... Я даже не буду вспоминать о плаваниях Тура Хейердала на плотах «Кон-Тики» и «Ра»... Это все — двадцатый век! Что уж говорить о девятнадцатом веке?! Особенно о его первой половине... О королевстве паруса на морях и океанах!.. Прошу внимания!.. Я пригласил вас, капитаны, на экватор, чтобы вы приняли участие в парусных гонках вокруг света на трех кораблях, стоящих на рейде в северо-западной части острова Альбемарль, точно на нулевой широте. Вы должны совершить кругосветное плавание примерно по экватору, сообразуясь с ветрами. В случае необходимости разрешаю огибать материки, острова и архипелаги. Старт и финиш — остров Альбемарль. Председателем жюри назначаю моего друга капитана Фиппса. Ученым секретарем — профессора Маракота. Лемюэлю Гулливеру надлежит вылететь со страниц своего романа на летучем острове Лапута для наблюдения и контроля с воздуха за участниками гонок во время парусной кругосветки, посвященной знаменитому русскому путешественнику Николаю Миклухо-Маклаю. Его имя увековечено на карте: берег Маклая в Новой Гвинее. Победителю будет оказана необыкновенная честь, а всех участников гонок будет ожидать сюрприз... такой сюрприз... Нет, нет! Узнаете на финише. Могу вам сказать только одно — этот сюрприз может стоить мне жизни. Но разве можно думать о смерти во время атаки! Желаю вам попутного ветра, семь футов под килем! Тартарен из Тараскона».

Профессор Маракот выключил магнитофон.

— Есть ли вопросы? — осведомился капитан Фиппс.

— Множество... — не задумываясь, ответил Василий Федорович. — Но решать их придется в океане. На плаву! У штурвала! На реях! В «вороньем гнезде» на марсе! За картой! На «ревуших широтах»! Во время штиля и шторма. За дело, капитаны. Будем готовиться к старту!

Профессор вручил Артуру Грэю, капитану корвета и Мюнхгаузену синие конверты с маршрутом кругосветных гонок за подписью капитана Тартарена. С этой минуты закончились все раздумья.

Члены клуба торопливо покинули салон парохода «Тютю-панпан», быстро спустились по трапу в вельбот... Не прошло и десяти минут, как на капитанском мостике «Коршуна» стоял Василий Федорович, рядом с ним был Робинзон Крузо. По палубе брига «Леденец» важно прохаживался Мюнхгаузен. Дик, взобравшись по вантам, пролез сквозь «собачью дыру» (так называют лаз для матросов), на фор-марс. Юноша проверил четырехугольный парус — грот-марсель, вызвавший некоторые опасения Карла Фридриха Иеронима.

А на борту «Секрета» Артур Грэй тщательно осматривал бегущий и стоящий такелаж корабля. От зоркого глаза капитана галиота вряд ли что-либо могло укрыться. Немо проверял рулевое управление.

Тихий океан, с лунной дорожкой до самого горизонта, как бы приглашал в далекое плавание три парусных корабля.

Если бы сейчас на поверхности океана показался морской царь Нептун и помахал морякам трезубцем, то это не удивило бы никого, настолько Великий океан был полон таинственным очарованием...

С берега доносился легкий, волнующий шум прибоя.

Прошелестели страницы романа Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера», и бесшумно поднялся в воздух летучий остров Лапута. Совершив круг над пароходом «Тютю-панпан», остров остановился в воздухе, не более ста метров над водой, как раз над бригом «Леденец», корветом «Коршун» и галиотом «Секрет», готовый сопровождать парусники в гонках вокруг света.

Лемюэль Гулливер расположился на смотровой площадке, вооружившись подзорной трубой, сигнальными флагами, ракетницей. Кроме Гулливера на площадке находились два ученых лапутянина с астрономическими и навигационными приборами.

На бриге, корвете и галиоте пробили склянки. Ветер наполнял паруса, готовый сорвать корабли с якорей.

Профессор Маракот и капитан Фиппс одновременно взглянули на часы.

— А не пора ли выстрелить из пушки? — сказал Человек-вопрос.

— Время, — подтвердил профессор. — Давайте сигнал к началу гонок.

Фиппс побежал к пушке...

Профессор Маракот скомандовал в мегафон:

— Внимание! На старт!

С парусных судов сразу же отозвались: «Есть внимание на старт!»

С борта парохода «Тютю-панпан» раздался оглушительный выстрел из пушки. Белый клуб дыма растаял над океаном.

Кругосветные гонки на парусных судах, посвященные памяти замечательного русского ученого и

путешественника Николая Миклухо-Маклая, начались!..

Корвет «Коршун», бриг «Леденец» и галиот «Секрет» легли на курс.

Знаете ли вы, что представляет собой корвет? В парусном военном флоте корвет — самое маленькое трехмачтовое судно с полным прямым вооружением.

Конечно, не все корветы были одинаковы. Мы хотим быть более точными и достоверными и поэтому заносим в наш вахтенный журнал описание корвета «Коршун» из книги Константина Станюковича: «Это было небольшое, стройное и изящное судно 240 футов длиной и 35 футов шириной в своей середине, с машиной в 450 сил, с красивыми линиями круглой подбористой кормы и острого водореза и с тремя высокими, чуть-чуть наклоненными назад мачтами, из которых две передние — фок- и грот-мачты — были с реями и могли носить громадную парусность, а задняя — бизань-мачта — была, как выражаются моряки, «голая», то есть без рей, и на ней могли ставить только косые паруса. Десять орудий, по пяти на каждом борту, большое бомбическое орудие на носу и две медные пушки на корме».

Таким был корвет «Коршун» с русским андреевским флагом на корме и с развевающимся выпелом Клуба знаменитых капитанов на грот-мачте. На капитанском мостике этого корвета Василий Федорович совершил плавание вокруг света.

Но что такое бриг? «Бриг — двухмачтовое судно с прямым вооружением на обеих мачтах. Во времена парусного военно-морского флота бригами назывались небольшие боевые корабли, несшие разведыва-

тельную, посыльную и крейсерскую службы. Их боевое вооружение состояло из 16—26 пушек.

Брик «Леденец» отвечал всем требованиям парусного судна этого типа, но резко отличался своей покраской. Издали он напоминал конфетку «Раковая шейка». Паруса его были полосатые и яркие, как матрацы. Грот-бом-брамсель украшен изображением стаи диких уток в полете. И два длинных вымпела развевались на мачтах. Один — Клуба знаменитых капитанов, а другой — с фамильным гербом Мюнхгаузена. Но не это было самое главное...

В портовых тавернах и кабаках Старого и Нового Света вокруг брига «Леденец» ходили странные и даже фантастические разговоры...

Если легенда о «Летучем голландце» была порождена суеверием прошлых столетий, то сплетни о брига «Леденец», видимо, были связаны не только с легкомысленным названием корабля и его причудливой окраской, а главным образом с именем его капитана.

Во всяком случае, наши юные друзья должны знать все о парусных судах, участвующих в кругосветных гонках.

По слухам, бриг «Леденец» был построен по специальному заказу Мюнхгаузена тремя фирмами: судостроительной верфью в Гамбурге, химическим комбинатом «Синтетикон» и фабрикой карамели имени баснописца Лафонтена.

Этот корабль был изготовлен из особой смеси патоки, крахмала, африканского ореха кока, яичного белка и какого-то химического вещества, сцементировавшего весь состав.

Возможно ли это?.. Вполне! Чудеса химии и синтетики. Двадцатый век! Кого сегодня могут удивить дома из прессованной бумаги? Быстроходные катера

из пластмассы? Синтетические алмазы? Зернистая икра из нефти? Теплое белье из стеклянного волокна? Да не только белье! На байдарке из того же стеклянного волокна в 1974 году учитель Питер Смит из Мельбурна отвалил от берегов Англии в Австралию!..

Но знаменитых капитанов несколько смутил вопрос Мюнхгаузена: «А не растает ли мой бриг на экваторе?.. В тропических широтах! А?..»

Быть может, это была очередная шутка Карла Фридриха Иеронима в кают-компании?..

Но на востоке есть старинная поговорка: «Да будет проклята та шутка, в которой нет половины правды».

Третьим парусным судном был галиот «Секрет». Это морское парусное судно с двумя мачтами. Александр Грин фантазировал, когда писал в своей феерии «Алые паруса» — «трехмачтовый галиот в 260 тонн». Галиот — это морское парусное судно с двумя мачтами!

Хотелось бы к этому добавить: «Секрет» капитана Артура Грэя отличался от всех других парусных судов этого типа, а также от бригов, корветов, шлюпов, барков, фрегатов и клиперов своими алыми парусами.

Долго смотрели вслед кораблям капитан Фиппс и профессор Маракот, пока суда не скрылись из виду. Еще некоторое время маячил в небе летучий остров Лапута, мигая огоньками, как воздушный лайнер.

«Успеха вам, успеха, знаменитые капитаны!» — про себя пожелал участникам гонок Маракот.

— О чем вы задумались, милейший Фиппс?

— Кто первый пересечет линию финиша? Кому достанется приз?

— Вероятнее всего, что победителем будет Василий Федорович на корвете «Коршун».

— А не думаете ли вы, профессор, что всех обгонит мой друг Мюнхгаузен на бриге «Леденец»? Хотите держать пари со старым Фиппсом?..

— Чем рискует проигравший? — улыбнулся Маракот.

— А не лучше ли нам взглянуть на карту? — задал свой очередной вопрос капитан Фиппс. — Какой все-таки им предстоит путь?..

Члены жюри спустились по металлическому трапу и свернули в салон. Там они достали из книжного шкафа тяжелый географический атлас, величиной с газетный лист, развернули его и склонились над картами полушарий — Западного и Восточного...

В это же время на борту корвета «Коршун», на бриге «Леденец» и на галиоте «Секрет» знаменитые капитаны распечатали большие синие конверты и, вытащив оттуда географические карты, начали знакомиться с маршрутом кругосветных гонок. Курс был проложен Тартареном. Но кое-что надо было уточнить и предвидеть... Ветры, их скорость, направления и характер. Волнения и течения... Многое можно было учесть, но нельзя было предвидеть смерчи, циклоны, штормы, ураганы и туманы... и даже встречи с китами или же с меч-рыбой, иногда оканчивающиеся гибелью судна.

Вооружившись остроотточенными карандашами и циркулями, командоры гонок углубились в изучение маршрута...

Взглянем и мы с тобой, юный друг клуба, на карты полушарий — Западного и Восточного. И попробуем проложить возможные пути парусных гонок вокруг света. А потом проверим: ошиблись ли мы или же наметили верный курс?

Поэтому не спешите перелистывать страницы клеенчатой тетради Клуба знаменитых капитанов! Не заглядывайте вперед! Разверните географическую карту... Снимайтесь с якоря! Ставьте паруса! И — полный вперед вокруг света вдоль экватора! Старт и финиш — Галапагосский архипелаг. Остров Альбемарль. Вот он. Как раз на экваторе расположено его северо-западное побережье...

Парусные суда могли взять курс на запад и на восток. Если бриг «Леденец», корвет «Коршун» и галиот «Секрет» пойдут вдоль экватора на запад, то они пересекут океан, потом будут бороздить воды Атлантики в Восточном полушарии, а затем, пройдя по экватору 2640 километров, на 130-м градусе восточной долготы повернут на юго-запад к Малым Зондским островам... Далее — мимо острова Явы... берегов Суматры — снова на экватор, держась строго курса на запад по Индийскому океану... до восточного берега Африки. Здесь участникам гонок придется сделать крюк. Двинуться к югу африканского материка и обогнуть его у мыса Доброй Надежды... Отметили? Так... Плыдем дальше, подгоняемые Бенгальским течением, почти до самого Гвинейского залива, опять достигаем экватора и следуем вдоль него из Восточного полушария в Западное почти до 50-го градуса западной долготы... Как раз здесь устье могучей Амазонки... Отсюда... держа курс на северо-запад к Малым Антильским островам... выйти в Карибское море и через Панамский канал в Тихий океан — на экватор и далее на всех парусах к финишу на Галапагосском архипелаге.

Но бриг «Леденец», корвет «Коршун» и галиот «Секрет» могли ведь пойти не на запад, а взять курс на Панамский канал и, обойдя африканский мате-

рик, проследовать вокруг света по намеченному нами курсу с обратной стороны...

Именно этот маршрут и был запечатан Тартареном в синем конверте.

Однако прервем наши размышления и вернемся на страницы клеенчатой тетради Клуба знаменитых капитанов, но географическую карту не будем сворачивать. Пусть она будет рядом — на столе. Нам еще придется в нее заглядывать...

...Тихий океан. Дул восточный ветер силой в три балла. По серебристой лунной дорожке, протянувшейся до горизонта, шли парусные корабли знаменитых капитанов. Пока еще ни одному из участников гонок не удалось вырваться вперед. Да сейчас это еще не имело бы решающего значения, так как впереди был длинный и необозримый путь — со многими неизвестными. Невозможно было предсказать, что их ожидало!..

«Леденец», «Коршун» и «Секрет» шли курсом бакштаг правого галса.

Остров Лапута, облитый лунным светом, летел над океаном вслед за участниками гонок. Он парил над парусными судами в трехстах метрах от голубой дороги.

На смотровой площадке летучего острова, оборудованный для наблюдения за небесными светилами, расположился Гулливер и двое ученых-лапутян. Лемюэль раскрыл толстую тетрадь, обмакнул гусиное перо в чернильницу, аккуратно написал крупными буквами: «Журнал кругосветных гонок вдоль экватора, организованных Тартареном из Тараскона и посвященных памяти замечательного русского ученого и путешественника Николая Миклухо-Маклая».

Лапутяне в длиннополых халатах, испещренных знаками Зодиака, небесными светилами, нотами, музыкальными инструментами и математическими формулами, налаживали телескопические трубы на раздвижных штативах.

— Достоуважаемые... — Далее Гулливер замялся, не зная имен ученых, приставленных к нему Академией прожекторов для всякого рода научных справок, необходимой консультации и помощи во время парения в воздухе. — Простите, не знаю... как вас величать.

Один из них, очень высокого роста и весь какой-то костлявый и угловатый, почтительно представился, склонив голову, увенчанную фиолетовым квадратом, служившим ему шляпой:

— Альфомбрас Джой Игрек Пи Квадрат.

Лемюэль, услышав такое имя, не мог скрыть своего удивления.

— Что вас смущает? — спросил угловатый лапутянин, причем его левый глаз глядел как-то внутрь себя, а правый был устремлен в зенит.

Его низенький коллега, толстый, даже более того, круглый, с лицом, на котором застыло вечное изумление, созерцал мир косыми глазами. Он запутал Гулливера своим взглядом, любезно расшаркался в сторону телескопа и, сняв с головы шляпу в форме шара, торжественно произнес:

— Альфа Омега Икс Инжектор к вашим услугам, сэр.

— Позвольте, — возразил Гулливер, — но если я не ошибаюсь, инжектор — это пароструйный насос для откачки воды из трюма.

— Не смею спорить. Но что вас так удивило? Я вам назову несколько тысяч фамилий, представляющих фауну и флору, минералы, названия городов, рек и озер и даже предметы кухонного быта...

— Вы правы, — согласился Лемюзль. — Например, Григорий Сковорода, украинский философ и поэт, Джек Лондон...

— По этому вопросу я написал трактат в двадцати четырех томах! Что же касается моей фамилии — Инжектор... По-моему, она ласкает слух.

Гулливер любезно улыбнулся:

— Глубокоуважаемые коллеги Альфомбрас Джой Игрек Пи Квадрат и Альфа Омега Икс Инжектор, не сообразовали ли вы сообщить мне результаты ваших наблюдений: где сейчас корабли Клуба знаменитых капитанов?

— Вы будете говорить, или я буду говорить? — спросил Пи Квадрат. — Если вы соизволите говорить, то я, несомненно, умолкну.

— Если вы умолкнете, то, по всей вероятности, буду говорить я, — ответил Инжектор. — Одно из двух без извлечения корня!

— А если с извлечением? — возразил Пи Квадрат.

— Тогда мы вынуждены будем... — начал Инжектор и вдруг запнулся.

Что он хотел сказать дальше, мы никогда не узнаем, так как Гулливер решительно перебил его:

— Достопочтенные академики, стоит ли вам заводить ученый диспут по этому вопросу? Весьма возможно, что его результаты обогатят науку, но мне сейчас необходимо занести в журнал сведения о местопребывании участников парусных гонок вокруг света.

Лапутяне прильнули в подзорным трубам...

— Бриг «Леденец»... корвет «Коршун» и галиот «Секрет» вошли в Панамский канал, — сообщил Пи Квадрат.

Гулливер занес это сообщение в журнал и на всякий случай взглянул в подзорную трубу. Корабли шли кильватерной колонной. Их разделяло расстояние не более одного кабельтова...

На борту корвета «Коршун» Василий Федорович и Робинзон, разложив карты, занимались математическими расчетами, пользуясь линейками, циркулем, карандашами...

— Клянусь Большим географическим атласом мира, Тартарен втянул нас в сумасшедшую гонку, — ворчливо произнес капитан Крузо, бросив циркуль на стол. — Сколько же километров нам придется оставить за кормой?

— Могу вам сообщить с точностью до одного метра. Длина экватора по измерению советского геодезиста Красовского составляет сорок миллионов семьдесят пять тысяч и шестьсот девяносто шесть метров! — ответил Василий Федорович, заглянув в записную книжку. — Могу напомнить: к северу и к югу от экватора отсчитываются географические широты. А на самой линии экватора царит нулевая широта. Любопытно, что на экваторе день всегда равен ночи. А солнце в зените бывает только дважды в году — в дни весеннего и осеннего равноденствия. Вас это удивляет?... Вы как будто встревожены...

— Есть над чем призадуматься, дружище! Ведь мы должны будем пройти гораздо большее расстояние, чем длина экватора. Нам придется огибать не только острова, но и материки...

— Не беда! Нашим соперникам тоже придется огибать архипелаги и континенты. Шансы равны!

Робинзон, подняв голову, с восхищением поглядел на летучий остров Лапуту.

— Да-а... — задумчиво протянул он. — В лучшем положении капитан Гулливер... Парит над нами, как альбатрос!

— Не завидуйте, — покачал головой капитан корвета «Коршун». — А туманы, циклоны, тайфу-

ны?! Кто может гарантировать летную погоду по всей линии экватора? В Тихом океане? В Атлантике? В Индийском океане?.. Мы еще, конечно, если успеем, сумеем укрыться в ближайшей бухте, а остров Лапута, как и всякий другой воздушный корабль, застигнутый ураганом, — куда он денется?

— Будем надеяться на лучшее... — проникновенно заметил знаменитый отшельник.

— Да, будущее туманно, капитан Крузо. Вы правы. Но лучше, пожалуй, не раздумывать о нем, а заняться настоящим. Вас не беспокоит, что алые паруса маячат впереди?

— Ну, нас отделяет всего несколько кабельтов. Пока это не имеет значения, Василий Федорович.

Капитан корвета «Коршун», оглядев паруса, командовал в мегафон:

— Отдать рифы!

— Есть отдать рифы! — отозвался вахтенный начальник. Боцман подхватил команду звонкой трелью своей дудки. Парусность увеличилась, и судно пошло быстрее, нагоняя галиот «Секрет».

Алые паруса проносились мимо берегов Панамского канала.

Бриг «Леденец» заметно отставал. На капитанском мостике Карл Фридрих Иероним сумрачно глядел на корвет «Коршун» и галиот «Секрет», опередившие его бриг...

— Идея, Дик! — неожиданно крикнул он. — У меня в крюйт-камере большой запас пороха.

— Зачем он нужен во время гонок? — удивился юноша.

— А вот для чего!.. — с загадочной многозначительностью произнес Мюнхгаузен. — В трюме лежат ме-

таллические трубы. Мы их закрепим на корме, соорудим нечто вроде ракетной батареи... Начиним порохом и... Понимаете, Дик?

— Не очень.

— Превратим бриг в ракетный корабль! — произнес барон, потирая руки. — И тогда я погляжу — кто кого обгонит!

— Если вы это сделаете, я немедленно покину борт вашего брига, — запальчиво ответил пятнадцатилетний капитан. — На шлюпке... вплавь, но я здесь не останусь. Мы участвуем в парусных гонках! Игра должна быть честной! Во всех отношениях.

— Поймите, дорогой Дик... Мне не хочется проигрывать... Вашу руку!.. Считайте, что этого разговора не было!

Но юноша угрюмо молчал.

— Я ведь только подумал, — продолжал оправдываться Мюнхгаузен. — Признаюсь, в моей голове иногда возникают сомнительные мысли. Я подчеркиваю: иногда!.. Очень редко! Но ведь это явление бывает не только у меня одного. Просто я увлекся идеей ракетного корабля. И могу вас торжественно заверить на борту моего брига «Леденец»... Я, Карл Фридрих Иероним, на протяжении двухсот пятидесяти лет моей жизни не был ни разу замечен в каком-либо предосудительном поступке. Я лучше бы взорвал самого себя в крюйт-камере, чем решил опозорить мою репутацию!

Дик сердечно пожал протянутую руку капитана «Леденца».

— Как только выскочим из Панамского канала в Карибское море, переменим тактику, — сказал пятнадцатилетний капитан.

— Что вы предлагаете? — насторожился барон.

— Ни в коем случае не идти за кильватерной струей. Возьмем более острый курс. Уйдем из поля видимости корвета «Коршун» и галиота «Секрет»! Скроемся из виду! Пусть поломают мозги, раздумывая о нашем местопребывании.

— Идея! — опять воскликнул Мюнхгаузен, не менее восторженно, чем в тот раз, когда ему пришла мысль о ракетах. — Спутаем карты! Вашу руку, капитан Сэнд.

Мюнхгаузен долго тряс руку своего спутника, пока тот не прервал горячие излияния громким возгласом:

— Мы выходим из Панамского канала в Карибское море. Пора действовать! Поворот влево — на два румба!

С капитанского мостика раздалась команда:

— Лево руля, на два румба!

И сразу же из рубки отрапортовал рулевой:

— Есть лево руля, на два румба!

Этот маневр был замечен на борту галиота «Секрет».

— Не могу понять — почему «Леденец» так круто уклонился от курса?.. — задал вопрос капитан Немо, провожая взглядом удаляющийся корабль...

Ветер теперь дул прямо в корму брига. «Леденец» быстро шел курсом фордевинд с парусами, полными ветра. Мерцали сигнальные огни на его бортах. А вскоре и они исчезли, несмотря на лунную ночь.

— Странно... — пожал плечами Грэй. — Я тоже не возьму в толк — зачем это понадобилось Мюнхгаузену?..

— Каждая лишняя миля во время гонок может оказаться роковой на финише, — складывая подозрную трубу, сказал Немо. — Ветер как будто нам благодетельствует. Вы чем-то озабочены, капитан Грэй?

— Да, озабочен... Что спрятано в палисандровой шкатулке Тартарена? По его распоряжению шкатулка должна быть вскрыта на рассвете... перед тем как запоют петухи. Кажется, так заявил профессор Маракот на старте? Любопытно все-таки, какой еще сюрприз нам заготовил любимец Тараскона?..

— Внимание! Нас обгоняет корвет.

— На гонках, как это ни грустно, всегда кто-то обгоняет, догоняет или отстает, — спокойно сказал Грэй, взглянув на полосатый колдунчик — флюгер из шелковой материи.

— Думаете выбирать на ветер?! — догадался Немо.

Капитан галиота «Секрет» ничего не ответил, а резко скомандовал:

— Взять круче к ветру! Под острым углом!

— Есть взять круче к ветру! Под острым углом! — крикнул вахтенный. Но с борта корвета «Коршун» сигнальщик отсемафорил флажками: «Не пересекайте моего курса».

— Отвечайте, — распорядился Артур Грэй. — «Держу правее».

— Хитер, Василий Федорович, — усмехнулся Немо. — Старый морской волк!

— Скорее морская лисица... Меня начинает беспокоить отсутствие брига Мюнхгаузена. Где он? Впереди нас? Позади? Или же сбился с курса?.. Хотя... это маловероятно. Наше положение внушает тревогу. Корвет «Коршун» ушел вперед. Местопребывание «Леденца» неизвестно...

Между тем немного времени спустя полосатые паруса с изображением стаи диких уток видели рыбаки Колумбии, затем бриг «Леденец», обогнув Венесуэлу, взял курс на Порт-оф-Спейн, где был замечен с борта океанского лайнера «Принц Гамлет», следо-

вавшего в Панаму из Буэнос-Айреса. Трудно сказать, знали ли пассажиры о кругосветных гонках, вернее всего — об этом событии им ничего не было известно. Но капитан лайнера, к удовольствию всех на борту, приветствовал живописный бриг праздничным фейерверком.

Зарево огней осветило барона на капитанском мостике. Он, быстро сбежав по трапу, лично выстрелил из пушки, отсалютовав «Принцу Гамлету», и самодовольно помахал треугольной шляпой.

— Как вы думаете, Дик, он меня узнали?

— Не сомневаюсь! Довольно красоваться, капитан Мюнхгаузен. Отдайте команду повернуть вправо на сорок пять градусов. В Атлантику. Курс — на экватор!

Поборник истины не заставил себя ждать. С капитанского мостика раздался его пронзительный голос:

— Право руля! На четыре румба! Курс — на экватор!

Рулевой привел корабль на заданный курс и доложил:

— На румбе сорок пять градусов!

— Так держать! — скомандовал Мюнхгаузен. — О чем вы размышлялись, капитан Сэнд?

— Я не мечтаю... — отозвался Дик с палубы. — Думаю... Где сейчас «Коршун» и «Секрет»?..

— Обратитесь с этим вопросом к Нептуну, как только прибудем на экватор! — рассмеялся барон.

Ветер дул в правый борт брига. «Леденец» шел на всех парусах курсом галфвинд правого галса.

Вопрос, над которым задумался пятнадцатилетний капитан, не в меньшей степени мучил Василия Федоровича и Робинзона Крузо на борту «Коршуна»: где сейчас «Секрет» и «Леденец»?

Призадумались также в салоне галиота Артур Грэй и капитан Немо: где «Коршун»? Куда исчез бриг Мюнхгаузена? Кто впереди?..

Ответить мог только Лемюэль Гулливер. С высоты ему было видней, тем более что для лучшей обсервации летучий остров Лапута поднялся над океаном на полторы тысячи метров. Ночь была светлая. Полная луна серебрила воды. Наблюдение велось в телескопические трубы двумя действительными членами Академии проектеров...

Альфомбрас Джой Игрек Пи Квадрат и его коллега Альфа Омега Икс Инжектор результаты своих изысканий немедленно сообщали Лемюэлю Гулливеру.

Поскрипывало гусиное перо. Уже несколько страниц журнала кругосветных гонок были заполнены Гулливером.

Страница восьмая: «...В настоящий момент впереди идет бриг «Леденец». По правому борту огни порта Кайенна, французской Гвианы, снискавшей всемирную славу своим жгучим перцем и печальную известность — каторгой. Ради справедливости отметим, что ей обязаны своим появлением на свет увлекательные приключенческие романы.

Вторым идет корвет «Коршун», оставляя позади Венесуэлу. Не считаю лишним напомнить: Венесуэла по-испански — маленькая Венеция. Так назвал будущую республику флорентиец Америго Веспуччи, участвовавший в плавании капитана Охеда в 1499 году. Селения в этой диковинной стране были построены на сваях и возвышались над водой. Это и напомнило путешественнику из Флоренции «светлейшую» Венецию.

Галиот «Секрет» шел последним. Алые паруса были засечены еще только на 14-м градусе северной широты и 70-м градусе западной долготы, на голубом маршруте Колон — Кейптаун, из Панамы в Южно-Африканскую республику».

Лемюэль Гулливер положил гусиное перо, взял со стола бронзовую песочницу, посыпал песком на страницу, чтобы просушить чернила, а затем, стряхнув песок, закрыл журнал.

— Достопочтенный Пи Квадрат, не соизволите ли вы познакомить меня со своими прогнозами?

— На погоду? — осведомился лапутянин.

— Нет, нет... Кто победит в кругосветных гонках? Какой корабль первым пересечет линию финиша?

— Это совсем не сложно. Мне приходилось решать более трудные задачи. Приготовьте все данные об этих судах: тоннаж, год постройки, из какого дерева, где оно росло? А также информацию о парусине, количестве гвоздей, винтов, смолы и пакли. Ну, одним словом, мне нужны все сведения. В том числе и о капитанах. Возраст, здоровье, в каком состоянии зубы, сердце, печень, селезенка и легкие. Не забудьте сообщить: какими видами спорта занимались капитаны? С какого возраста? Каковы были их успехи? Продолжают ли сейчас свои спортивные занятия?.. И еще один существенный вопрос: кто оптимист и кто склонен к пессимизму? Иначе говоря: кто из них глядит на мир сквозь розовые очки, а кто — сквозь черные? Обратите внимание на этот вопрос. Сие очень важно, мистер Гулливер! А я пока пойду за машиной ЭЛ-1727.

— Вам помочь? — спросил Альфа Омега Икс Инжектор.

— Не отвлекайтесь от телескопа, коллега.

И Пи Квадрат покинул наблюдательную площадку.

Гулливер был в затруднительном положении. Он не мог дать исчерпывающие ответы на заданные вопросы, но все, что ему было известно, добросовестно изложил на бумаге, за исключением состояния печени и селе-

зенки у капитана Немо, Артура Грэя, Робинзона Крузо, Василия Федоровича, Мюнхгаузена и Дика Сэнда.

Не более чем через десять минут Пи Квадрат вкатил на площадку металлический ящик на музыкальных колесиках. Из ящика торчали деревянные ручки, латунные вентили, медные блоки, загадочный раструб, напоминавший уличную урну для окурков. На одной из стенок был вмонтирован большой циферблат, но вместо римских цифр, обозначающих часы, было двенадцать знаков Зодиака. Низ этого таинственного аппарата украшала надпись: «Made in Laputa» (сделано в Лапуте). А на крышке красовалась эмблема — ЭЛ-1727.

Гулливер в недоумении рассматривал эту странную и несколько фантастическую машину...

Пи Квадрат собрал записки Лемюэля со всеми необходимыми сведениями об участниках парусных гонок вокруг света, а также об их кораблях, затем внимательно просмотрел все данные, призадумался и задал вопрос:

— Сэр! Здесь нет ничего о погоде. Вы понимаете вашу ошибку?

— Достопочтенный Пи Квадрат, я лишен возможности сообщить что-либо... Кто знает, какая погода их ожидает в пути?

В разговор вмешался Альфа Омега Икс Инжектор:

— Это может повлиять на решение нашей машины ЭЛ-1727. Предлагаю для уравнительного баланса заложить в машину хотя бы один ураган силой в 12 баллов!

— Прекрасная идея! — одобрил Пи Квадрат.

Не долго думая, он, быстро написав на листочке: «Ураган, 12 баллов», бросил все записочки в металлический раструб, закрыл крышку и начал вращать большую деревянную ручку.

Стрелки на циферблате, описав круг по знакам Зодиака, остановились на Весах. Внутри ящика что-то загудело, затем раздался страшный треск, как будто под самым ухом неистовый музыкант ударил изо всей силы в литавры.

Гулливер даже вздрогнул от неожиданности, но сразу все смолкло. Наступила тишина. Действительный член Академии прожекторов вытащил из ящика длинную ленту, пробежал по ней глазами...

— Ну? Кто же придет первым? Корвет «Коршун»? Бриг «Леденец»? Или же галиот «Секрет»? — нетерпеливо спросил герой романа Джонатана Свифта.

Ученый-лапутянин многозначительно произнес:

— Черепаха!

— Какая черепаха? Что вы говорите? — рассмеялся Гулливер.

Пи Квадрат с глубоким сожалением взглянул на героя романа Джонатана Свифта:

— Машина не ошибается, сэр. Возможны некоторые отклонения. Плюс-минус несколько секунд, как на вашем берегу.

— Довольно загадочный ответ. В гонках участвуют парусные суда, а придет... черепаха?!

Гулливер еще раз бросил взгляд на компьютер Академии прожекторов с эмблемой ЭЛ-1727. Он в такой же степени напоминал современные электронно-вычислительные машины, как старинная карета гоночный автомобиль.

Однако вспомним, что задолго до появления на свет кибернетических машин великий немецкий физик и математик Готфрид Вильгельм Лейбниц, еще до выхода в свет романа Джонатана Свифта, был не только озабочен идеей компьютера, но даже пытал-

ся сам соорудить нечто подобное. Стоит ли уж так смеяться над попытками лапутян?

В 1877 году американский астроном Холл открыл два спутника Марса — Деймос (Ужас) и Фобос (Страх). А лапутяне обнаружили их, правда не без участия Свифта, на полтора года раньше Холла! Ведь «Путешествия Гулливера» появились на книжных полках в 1727 году. Хотелось бы напомнить, что сама по себе идея летучего острова Лапута не так уж беспочвенна, какой она может показаться на первый взгляд. Пятиметровая магнитная стрела на алмазном основании круглого острова диаметром в 7837 ярдов, то есть около семи километров, является динамической силой, приводящей остров в движение, «...ибо по отношению к подвластной здешнему монарху части земной поверхности магнит обладает с одного конца притягательной силой, а с другого — отталкивательной...».

Земля представляет собой огромный магнит! Кто возьмет на себя смелость утверждать, что в будущем на смену ракетным кораблям не появятся магнитные?!

Те, в чьи руки, быть может, когда-либо попадет вахтенный журнал, который сегодня имеет честь вести ваш покорнейший слуга Лемюэль Гулливер, могут упрекнуть нас: не слишком ли мы доброжелательно относимся к лапутянам из Академии прожекторов?.. Ведь Джонатан Свифт высмеивает их с блистательной иронией, не жалея сатирических красок.

Это действительно так! Но знаменитые капитаны никогда не таили своих симпатий к чудакам, изобретателям, романтикам и фантазерам! Мы вместе с великим сатириком, конечно, посмеиваемся над учеными с летучего острова Лапута, но сквозь этот смех проступают наши раздумья в кают-компаниях о сим-

волической медали... На ее лицевой стороне выгравировано слово «*Наука*», а на обратной стороне медали — «*Лженаука*».

Но вернемся к событиям этой памятной ночи.

Пи Квадрат оторвал конец бумажной ленты с заключением машины ЭЛ-1727 и церемонно вручил его главному арбитру нашего необычайного соревнования.

На узенькой ленточке фиолетовыми буквами было напечатано: «*Черепаша*»... Гулливер улыбнулся и использовал ленточку как закладку на страницах журнала.

Летучий остров взял курс на экватор, вслед за участниками парусных гонок. И вскоре под Лапутой оказался широкий разлив устья реки Амазонки. В вахтенном журнале появилась запись: «...Экватор. 50 градусов западной долготы».

На этой географической точке надо было отметить прохождение парусных кораблей. Лапута остановилась в воздухе.

Корвет «Коршун» первым прошел контрольный пункт и взял курс на восток — строго по экватору.

Минут через двадцать показались алые паруса. Гулливер отметил в своем журнале время и осведомился у лапутян, наблюдавших в телескопические трубы, — не уклоняется ли от курса галиот «Секрет»?

Лапутяне подтвердили, что судно с астрономической точностью движется по линии экватора, отставая от корвета «Коршун» на двадцать семь минут и сорок секунд.

Через три часа Альфа Омега Икс Инжектор, не отрывая глаз от трубы, заметил:

— Ясно вижу. Стая диких уток!..

— На парусе грот-мачты, — уточнил Альфомбрас Джой Игрек Пи Квадрат.

— Это бриг «Леденец»... — сказал Гулливер, поскрипывая гусиным пером по страницам журнала.

На капитанском мостике своего корабля стоял приборчик истины. Сложив подзорную трубу, он недовольно проворчал:

— Куда сгинул «Секрет»?.. Где сейчас корвет «Коршун»? Мы сделали огромный крюк, чтобы скрыться из виду... Как бы эти полтора ста миль не лишили нас приза!

— Не будем отчаиваться, капитан Мюнхгаузен, — старался утешить его Дик Сэнд. — Еще все впереди!

Шквалистый ветер налетал на паруса, трепал их, и стая диких уток, украшавших грот-бом-брамсель, казалось, вот-вот сорвется и улетит в поднебесье.

Юноша с любопытством глядел на алмазный низ острова, парившего над океаном.

— Взгляните, — сказал пятнадцатилетний капитан. — Он напоминает «летающую тарелку», породившую столько фантастических слухов.

— Я видел «летающие тарелки»; милый Дик. Но меня больше поразил «летающий сервиз на двенадцать персон» над моим родным городом Боденвёрдером!

— Чайный или обеденный? — спросил Дик, стараясь скрыть улыбку.

— Он напоминал обеденный. Суповая миска, по моим расчетам, была водоизмещением в тысячу тонн. По ее бокам было расположено до сотни иллюминаторов. Возможно, это была роспись... Возможно!.. Я ровным счетом ничего не утверждаю и ничего не отрицаю.

— Вы полагаете, что это была космическая эскадрилья с неизвестной планеты?

— Все может быть в бесконечной Вселенной, — философски заметил барон. — Не бесконечен только маршрут гонок! С какой скоростью мы идем?

— Двенадцать узлов. Я недавно бросал лаг за борт.

— Эх... — вздохнул Мюнхгаузен. — Если бы гонки были на утках или на пушечных ядрах, не пришлось бы сомневаться... Мы были бы первыми на финише! Что скажете, Дик?

— Я бы посоветовал держаться круче к ветру. У нас бизань полощется без дела.

Мюнхгаузен, не долго думая, отдал команду. Бриг стал выбираться на ветер и заметно прибавил в скорости, оставляя за кормой пенистую струю.

Корвет «Коршун» под всеми парусами шел вдоль экватора, далеко уйдя от своих соперников. На 36 градусах и 30 секундах западной долготы корвет пересек маршрут мореплавателя Фернана Магеллана, открывшего наконец в 1520 году желанный проход из Атлантики в Тихий океан между Огненной Землей и Патагонией.

Когда флотилия Магеллана вышла в Южное море, оно было на редкость спокойное. Стояла такая чудесная погода, что Магеллан нанес на свою карту название — Тихий океан. Так он называется и поныне, но, к сожалению, далеко не всегда оправдывает свое название.

Корвет неумоимо рвался вперед, оставив за кормой Западное полушарие... В Атлантическом океане «Коршун», следуя строго по экватору, держал курс на восток, к Гвинейскому заливу. На 7 градусах и 30 секундах восточной долготы Василий Федорович приказал приспустить флаг и пушечным выстрелом отметить эту географическую точку.

— В честь кого вы отдали салют? — удивился Робинзон Крузо.

— Здесь прошли корабли Магеллана на обратном пути на родину, — ответил капитан корвета «Коршун». — Но на борту были только спутники великого мореплавателя. Генерал-капитан Фернан Магеллан был убит на берегу небольшого острова Матан Филиппинского архипелага во время карательной экспедиции против коренных обитателей острова. Жизнь его оборвалась на сорок первом году... Как тут не вспомнить нашего русского путешественника Миклухо-Маклая! Ученый явился к папуасам Новой Гвинеи без оружия, с миром!.. До сих пор благодарная память о нем живет в сердцах папуасов на берегу Маклая...

Василий Федорович не договорил. Его прервал отчаянный крик марсового матроса из «вороньего гнезда» на грот-мачте.

— Торпеда! По правому борту! Торпеда!

Оставляя на поверхности океана бурлящий след, стремительно мчалась торпеда, не оставляя никаких сомнений в ее цели — поразить «Коршун».

Для раздумий не оставалось времени.

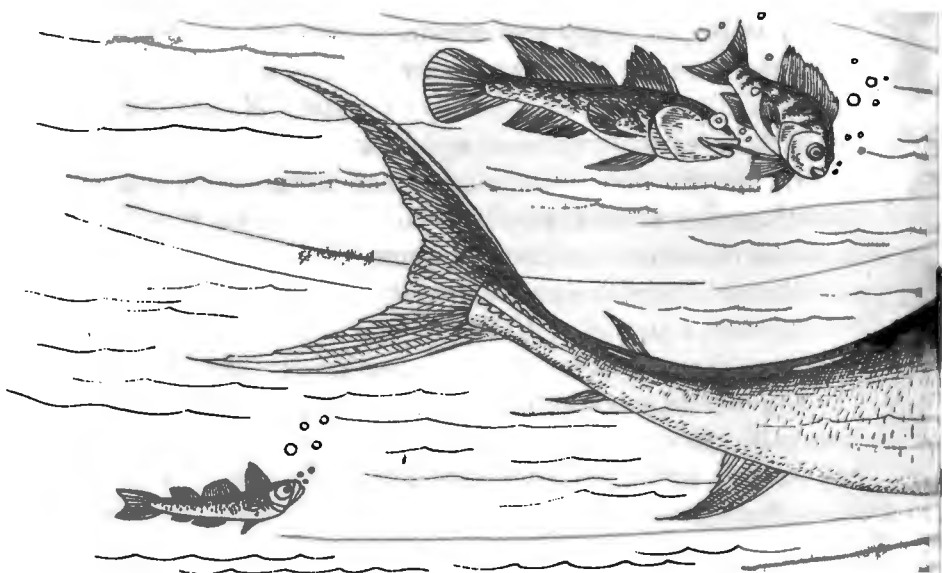
— Лево руля! Клади на борт! Круче! — надсадно скомандовал капитан корвета.

— Есть лево руля! Круче! — гаркнул в ответ рулевой. Но только судно успело произвести этот маневр, как торпеда, сделав крутой вираж, с бешеной скоростью устремилась за своей добычей.

— Это «живая торпеда»! — закричал Василий Федорович. — Меч-рыба! Нам от нее не увернуться... Она идет на таран... Пушки к бою!

Пронзительная трель боцманской дудки пронеслась над палубой. Раздался быстрый топот матросских сапог. Орудийная прислуга проворно открывала пушечные порты, но уже было поздно.

Страшный удар потряс корвет...

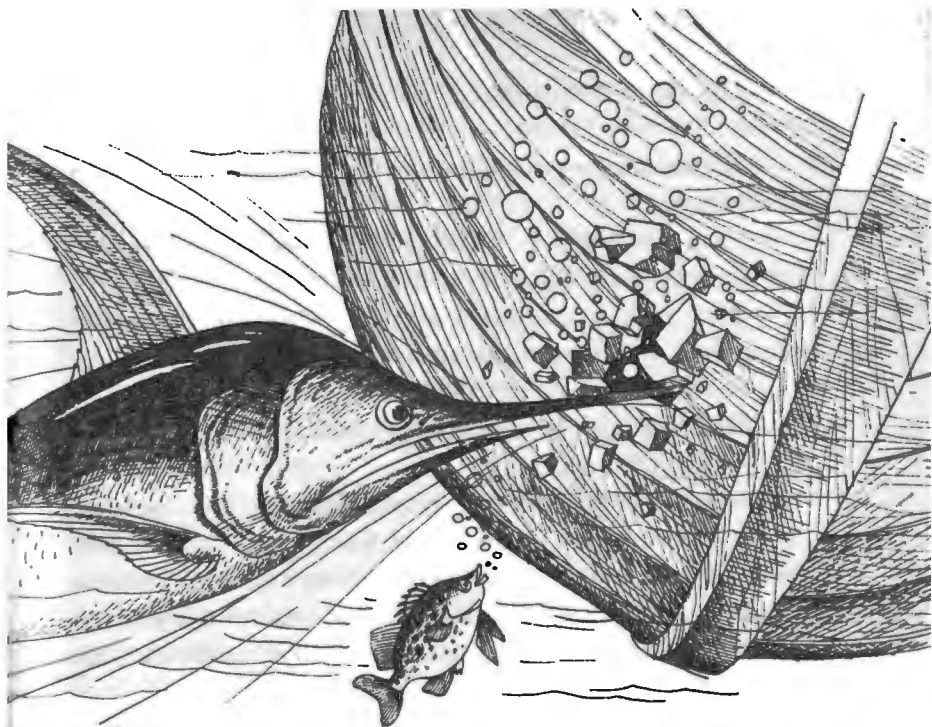

Нелишне напомнить, что в морском музее Англии есть целая коллекция шпангоутов и обшивок бортов до полуметра толщиной с торчащими в них остатками «мечей».

Несколько японских рыболовных шхун были потоплены меч-рыбой. «Живая торпеда» протаранила стальную обшивку танкера «Барбара», напала на военный корабль «Леопольд» у берегов Англии. Нередко в эфире звучал сигнал бедствия, посланный с кораблей, атакованных огромной меч-рыбой.

Нечто подобное случилось и с «Коршуном».

За первым ударом последовал второй, затем морской разбойник ушел у глубину, и казалось, что он оставил корвет в покое, но снова грозный «меч» показался над водой... Блеснули в лунном свете сви-

репые глаза как бы в поисках уязвимого места на борту...

— Батарея штирборта... Огонь! — хрипло скомандовал Василий Федорович.

Прогремели пушечные выстрелы. Белые клубы дыма окутали чугунные жерла орудий. Ядра летели в океан, взрывая воду вокруг «живой торпеды». Но это еще больше разъярило меч-рыбу. Хищник рванулся вперед и через несколько секунд сокрушительным ударом протаранил корвет. Обломок «меча» торчал из обшивки. Это была последняя атака в жизни морского разбойника.

— Осмотреть трюм! — приказал Василий Федорович. Из люка, ведущего в трюм, показался капитан Крузо.

— Пробоина!— крикнул он. — Чуть пониже ватер-линии! Против бизань-мачты! Хлещет вода...

— К помпам! — немедленно скомандовал Василий Федорович.

— Есть к помпам! — отозвался вахтенный начальник. На борту ударили в судовой колокол.

— Нас сильно заливает на ходу... — отрапортовал Робинзон. — Не лечь ли нам в дрейф?

— А гонки? — нахмурился капитан корвета.

— Выбора нет! — воскликнул знаменитый отшельник. — Ясно?..

Василий Федорович подумал и, конечно, понял, что Робинзон прав. Выбора не было. Надо было быстро убирать паруса, ложиться в дрейф, объявлять большой аврал, откачивать воду, клочотавшую в трюме, и ставить пластырь на обшивку. Сейчас уже было не до гонок!

— Зажечь аварийные огни! — прогремела команда.

— Есть зажечь аварийные огни!

Два красных огня зажглись на фок-мачте. Корвет «Коршун» сошел с голубой дорожки кругосветных гонок.

На горизонте замаячили алые паруса. На борту галиота «Секрет» царило радостное возбуждение.

Артур Грэй весело воскликнул:

— Мы нагоняем корвет! Наконец-то!.. Так держать, друзья!

Но почему-то капитан Немо даже не улыбнулся.

— Вас не удивляет голый рангоут? Почему-то паруса «Коршуна» взяты на горденя и гитовы... Довольно-таки странный вид у судна, принимающего участие в скоростных парусных гонках!

Грэй поднял подзорную трубу и стал тщательно разглядывать дрейфующий «Коршун». И как только капитан галиота заметил торчащий из обшивки обломок страшного «меча», он сразу же сообразил...

— Все ясно, капитан Немо. Взгляните в трубу... Меч-рыба... «Живая торпеда» протаранила корвет. Право руля!..

— Есть право руля!

Галиот «Секрет» быстро нагнал корвет, обогнул судно, терпящее бедствие. Капитан Грэй с мостика крикнул в мегафон:

— Готовы оказать помощь! Немедленно! Что нужно?

Василий Федорович, пробежав по палубе почти до самого бушприта, чтобы быть поближе к галиоту, громко ответил:

— Сердечно благодарю. Очень тронут! Благородно с вашей стороны... Во время гонок! Управимся сами! Следуйте своим курсом к финишу. Желаю успеха!..

«Чертova рыба!» — выругался он про себя... В эту минуту можно было понять капитана корвета. Выйти вперед, идти первым — и сойти с круга.

Галиот «Секрет» лег на курс и быстро уходил на восток вдоль экватора... Спортивное счастье улыбнулось алым парусам.

Лемюэль Гулливер записал в журнале: «Корабль Артура Грэя вырвался вперед. Бриг «Леденец» обошел дрейфующий корвет «Коршун» и прочно закрепился на втором месте. Суда пошли западными берегами Африки, навстречу холодному Бенгальскому течению. Ветер попутный. Оставив за кормой огни Кейптауна, благополучно обогнули мыс Доброй Надежды, ранее носивший название мыса Бурь. Его открыл в 1488 году Бартоломей Диас».

Галиот «Секрет» входил в Мозамбикский пролив... А бриг «Леденец» еще только встречал теплое течение мыса Игольного как раз там, где пересеклись легендарные маршруты Васко да Гама в плавании 1497/98 года и первого кругосветного путешествия русских мореплавателей Крузенштерна и Лисянского в 1803—1806 годах.

Бриг «Леденец» отставал от галиота «Секрет» на семьсот миль. Именно это обстоятельство совершенно неожиданно сыграло удивительную роль во время гонок. На море это бывает: вместо ожидаемого случается нечто совсем непредвиденное!

Так произошло и на этот раз.

Галиот «Секрет» взял курс строго на восток и под всеми парусами шел вдоль экватора, надеясь пересечь Индийский океан, затем обогнуть острова Суматру... Яву... выйти к северо-западным берегам Новой Гвинеи — на экватор и далее помчаться по прямой, к финишу кругосветных гонок.

Но это было еще только «плавание» по географической карте. В кают-компании. Плавание без парусов, как говорится, на крыльях фантазии. В мягком кресле. За чашкой цейлонского чая или кофе по-турецки!

А теперь отложим в сторону географическую карту, перевернем страницу вахтенного журнала...

В экваториальной зоне у Мальдивских островов на борту галиота «Секрет» отметили быстрое падение барометра. Это вызвало тревогу у Грэя и Немо.

Оба проницательно вглядывались в грозовые тучи, нависшие над Индийским океаном. Какое-то смутное и тяжелое предчувствие охватило обоих капитанов. То ли они задумались о надвигающемся шторме, то ли еще что-нибудь... трудно сказать... Единственно, что в некоторой степени успокаивало их, — это свер-

кающий огнями летучий остров Лапута. Словно воздушный замок или феерический город из сказки, мигая сигнальными огнями и двумя прожекторами, похожими на глаза крылатого дракона, остров набирал высоту и вскоре скрылся за тучами.

— Вам не кажется это странным, капитан Немо? — озабоченно произнес Грэй.

— О чем вы?.. — тревожно переспросил создатель «Наутилуса».

— Остров Лапута, видимо по настоянию Гулливера, все время держался довольно низко над океаном... Легче было наблюдать за участниками гонок. Что заставило ученых-лапутян так внезапно набрать высоту? Одна причина. Лапута уходит от надвигающегося шторма, а возможно — урагана!

— Я того же мнения, капитан Грэй.

Сквозь тучи мелькнули два оранжевых луча с летучего острова. Издали донеслись раскаты грома. Сверкнула молния. На какую-то долю секунды вспыхнуло алмазное основание Лапуты. И тотчас крошечная тьма поглотила небо и океан.

Летучий остров вылетел из грозовых туч. Над парящей Лапутой сияли звезды. Ярко светила луна.

Но эта умиротворяющая картина несколько не успокаивала Гулливера. Его тревожили облака, над которыми пролетал остров. Бурный океан облаков. Восточный ветер гнал их на запад.

Лемюэль развернул журнал на той странице, где был заложен обрывок узенькой ленточки со словом — «Черепаша» (нелепым решением машины ЭЛ-1727 по поводу победителя кругосветных гонок), задумался, повертел гусиное перо, затем записал: «Индийский океан. Экватор. 74 градуса восточной долготы. Район Мальдивских островов. Наблюдения

за участниками гонок временно прекращены из-за надвигающегося...»

На смотровую площадку торопливо вошел Альфомбрас Джой Игрек Пи Квадрат, а за ним семенил Альфа Омега Икс Инжектор.

— Что случилось? — спросил тревожно Гулливер. — Почему вас так долго не было ?

Пи Квадрат обратился к своему ученому коллеге:

— Будьте любезны огласить послание Академии прожекторов.

Альфа Омега торжественно поднял толстый бумажный рулон, скрепленный на конце большой сургучной печатью. Она также служила грузилом. Когда Инжектор распустил бумажный рулон, печать потянула его вниз, и послание распустилось более чем на сто метров, как хвост за летучим островом. Вероятно, краткость речи не ценилась лапутянами.

Инжектор нацепил очки на нос и начал читать, подкручивая лакированную ручку, наворачивающую бумажный рулон на металлический прут.

— «Действительному члену Клуба знаменитых капитанов, корабельному хирургу и капитану, путешественнику в страну лилипутов, великанов, гуингнимов, а также во второй раз посетившему Лапуту, — славному Лемюзлю Гулливеру».

Альфа Омега Икс, вместо того чтобы поклониться нашему другу, раскланялся перед телескопом из-за своего непомерного косоглазия. При этом он продолжал вертеть ручку, накручивая бумажное послание, церемонно читал:

— «Сэр! В органической связи с тем, что в экваториальной зоне зародился тропический циклон, которому присвоено женское имя «Аида», а также из научного интереса к этому беспощадному и разруши-

тельному явлению природы, которое с огромной скоростью движется в нашем направлении, возник ученый диспут об ураганах, цунами, тайфунах, бафио и вилли-вилли. Учеными Лапуты было высказано множество самых различных гипотез, проясняющих причины возникновения циклонов, но, к сожалению, диспут еще только затемнил вопрос, окутав его густым туманом. Поэтому Академия приняла решение произвести необходимые наблюдения и изыскания, проникнув внутрь урагана, где, по некоторым предположениям, есть безопасное воздушное пространство, сохраняющее относительный покой посреди взбесившейся стихии».

Гулливвер с тревогой вслушивался в текст послания, всецело отдавая себе отчет, чем это грозит!

— «Сэр! — продолжал Инжектор, подкручивая бумажный рулон, конец которого с большой сургучной печатью развевался за ажурной решеткой наблюдательной площадки — под звездным небом. — Мы глубоко сожалеем, что вам придется прервать свои наблюдения за парусными кораблями во время кругосветных гонок. Академия сомневается — удастся ли завершить гонки. Парусные суда будут застигнуты тропическим циклоном. Остров Лапута берет курс на «Аиду»! Встреча произойдет через семнадцать минут и сорок две секунды. За это время предстоит решить вопрос: как лучше проникнуть в центр урагана? Где, возможно, есть относительный покой, а может быть, и нет! Рискнуть пройти через «глаз» урагана или же пропустить его под собой, поднявшись еще выше, а затем, нагнав «Аиду» с хвоста, ринуться в центр. Смертельную опасность представляют вихревые ветры внутри урагана. Их скорость доходит до четырехсот километров в час. Итак, конец догадкам, прогно-

зам, предположениям! Вперед, к научным наблюдениям на месте — в сердце урагана...» Я позволю себе уклониться от чтения подписей... Это заняло бы не менее часа, а у нас всего несколько минут до решительного свидания с «Аидой».

— Н-да... рискованное предприятие... Охота за ураганами!.. — сказал Гулливер, взглянув на свой берегет.

— Сэр! — торжественно заявил Пи Квадрат. — Искусство требует аплодисментов, а наука, чтобы идти вперед, нуждается в жертвах! Могу напомнить: первым в истории воздухоплавания был Икар...

И это было последнее, что еще можно было услышать... Оглушительный гул, свист, грохот, раскаты грома смешались в неистовой симфонии обезумевшей стихии...

А далее на страницах вахтенного журнала ничего не было. Не потому, что записи размыла соленая вода. Нет. Страницы были белые, чистые... Их не касалось гусиное перо. Свидание с ураганом «Аида» силой в 12 баллов лишило Гулливера и капитанов других кораблей какой-либо возможности вести вахтенные журналы. Осталась только слабая надежда, что если кто-нибудь уцелеет в смертоносных объятиях «Аиды», то вахтенный журнал хотя бы впоследствии отразит необычайные события этой бурной ночи.

«Леденец», отстав от галиота «Секрет» на добрую тысячу миль, был в безопасности, но надежды на первое место в гонках вокруг света померкли.

«Аида» стремительно вышла из экваториальной зоны, круто свернув на юго-запад. Счастье и на этот раз улыбнулось алым парусам. «Секрет» шел восточнее и

не был застигнут сокрушительным ураганом. Но на борту галиота радость Грэя и Немо быстро сменилась тревожным настроением.

Исчез летучий остров с Лемюэлем Гулливером. Что же могло случиться?.. А вдруг Лапуту поразила молния?.. Но остров диаметром в семь километров слишком велик, чтобы его могла уничтожить или поджечь молния! Во всяком случае, зарево пожара увидел бы на борту «Секрета» марсовый матрос на грот-мачте.

Капитан Немо высказал другую мысль:

— Представьте себе, дорогой Артур, что ураган «Аида» вызван магнитной бурей?

— А чем это грозит?

— Катастрофой. Остров Лапута, как вам хорошо известно, летает при помощи гигантской магнитной стрелы. Во время магнитной бури остров может внезапно потерять аэродинамическую силу и рухнуть вниз... Все возможно. Может быть, Индийский океан уже стал могилой Лапуты, вместе с нашим старинным другом и соседом по книжной полке — капитаном Гулливером.

— Не хочу в это верить!.. Какие у вас основания так думать?

— Магнитная стрелка мечется как безумная из стороны в сторону. Если бы мы находились в Арктике, то сейчас там полыхали бы в небе полярные сияния.

— Капитан Немо, а вы твердо уверены, что ураган «Аида» вызван магнитной бурей?

— Не думаю. Точнее сказать, не знаю. Если Лапута не рухнула в океан, то ее в воздухе подхватили вихревые потоки и устремились с нашим дорогим Лемюэлем на борту черт знает куда... В самое пек-

ло! Или еще того хуже. Что же делать, капитан Грэй?

— Продолжать гонки вокруг света или же...

— Повернуть обратно!.. — твердо заявил Немо.

— Вы подхватили мою мысль, — решительно произнес капитан галиота «Секрет». — Да, да!.. Идти вдогонку... за ураганом! По его страшным следам... Не в традициях Клуба знаменитых капитанов оставлять своих друзей в беде!

Грэй быстро поднялся по трапу на капитанский мостик. За ним последовал Немо.

— Вам не обидно, дорогой Артур?.. Выйти вперед и, когда цель уже... Не хочется даже говорить. В такой момент сойти с голубой дорожки кругосветных гонок!

— Не обидно! В жизни бывают более высокие цели, чем хрустальный кубок! Или какой-нибудь другой приз... даже золотая медаль на шелковой ленте. — И капитан галиота звонким голосом отдал команду: — Курс на зюйд-вест! Вдогонку за ураганом!

Неужели можно догнать тропический циклон?

Тем более на парусном судне! Оказывается, можно. Циклон движется с «умеренной» скоростью... Но зато внутри циклона бушуют вихревые потоки. Они несутся в южном полушарии по часовой стрелке — до четырехсот километров в час! Царство ветров! Вернее, империя ветров, с титанической разрушительной силой, особенно если учесть размеры этого дракона...

Он достигает семисот километров в поперечнике. А «глаз» тропического страшилища — от семи до восьмидесяти километров в диаметре.

И вот это чудовище мчится по невообразимо причудливому курсу, порождая сокрушительные грозы, ливни, а точнее — небесные водопады и водяные

валы с десятиэтажный дом, сметая все живое на своем пути...

Никаких преград для него не существует. Предвидеть или угадать, куда оно повернет, невозможно. Вероятно, это известно только одному дьяволу.

Тропический циклон носится над океаном, как будто выбирая жертву... То он налетит на чудесный остров и в мгновение превратит его в необитаемый; то он кинется на лазурное побережье и, оставив после себя мертвую пустыню, в бешенстве бросится в сторону... догонит сверкающий огнями корабль, завертит его волчком и выкинет на прибрежные скалы, как разбитый бочонок рома.

Рулевой на борту галиота, навалившись на штурвал, отпортовал капитану:

— На румбе двести двадцать пять градусов!

Шквальный ветер налетал на корму. «Секрет» шел полным ветром под всеми парусами вдогонку за ураганом. Судно зарывалось носом в волну, пропадая из виду, затем взлетало на пенный гребень, давая значительный крен. Издали могло показаться, что над Индийским океаном летит огромный альбатрос с алыми крыльями, раненный шальной пулей.

Временами между клочьями облаков показывалась луна. В эти короткие мгновения Грэй, Немо и марсовый в «вороньем гнезде» с тревожным чувством, торопливо оглядывали океанский простор, боясь увидеть на поверхности масляное пятно от какого-нибудь погибшего судна, обломок реи, за который судорожно цеплялся несчастный с обезумевшим лицом, или же остатки Лапуты, всплывшие из пучины после трагической катастрофы.

К счастью, ничего не было видно, кроме пенящихся барашков и мелькнувшего над водой острого плавника белой акулы.

Луна скрылась за клубящейся тучей. Во мраке, окутавшем океан, прозвучали частые удары в судовой колокол и пронзительный вой сирены. Несколько ракет взлетели с борта галиота в небо. Грэй распорядился давать эти сигналы на всякий случай, если кто-нибудь терпел бедствие среди волн, встретившись с неистойой «Аидой».

Вдали полыхали молнии.

...Лапута летела на свидание с чудовищем экваториальной зоны. Ученые из Академии прожекторов после ожесточенных дебатов все-таки направили летучий остров прямо в «глаз» тропического циклона, надеясь через него проникнуть внутрь урагана для научных наблюдений, изысканий и изучения этого кошмарного явления природы.

Но прежде всего надо было избежать прямого столкновения Лапуты с «Аидой». Встречные потоки воздуха, умноженные на массу урагана и острова, уничтожили бы его в воздухе. Поэтому лапутяне, находясь уже на близком расстоянии от циклона, внезапно замедлили ход... На одно мгновение Лапута неподвижно повисла над океаном и сразу же полетела назад с точным расчетом скорости — чуть потише ураганной. Секунд через двадцать тропический циклон должен был подхватить остров на лету... Если внутри урагана существовала зона относительного спокойствия — рискованный эксперимент состоялся бы. Если же внутри «Аиды» царили только вихревые потоки, то от Лапуты ничего бы не оста-

лось. Ее останки стали бы добычей Индийского океана.

Гулливвер уже не думал о своем спасении. Предпринять что-либо было невозможно. Оставалось вспомнить, что все его путешествия в отдаленные страны были связаны с риском для жизни. Сколько раз подвергался он смертельной опасности в стране лилипутов!..

Единственно, о чем он сожалел в эти роковые секунды, это то, что никогда уже больше не услышит боя часов в уютной кают-компании Клуба знаменитых капитанов; не увидит веселого толстяка из Тараскона; не улыбнется, слушая «правдивые» рассказы Карла Фридриха Иеронима Мюнхгаузена; не увидит за штурвалом брига «Пилигрим» юного Дика Сэнда; не поговорит на капитанском мостике галиота «Секрет» с Артуром Грэем; не полюбуется в иллюминатор «Наутилуса» флорой и фауной подводных глубин, будучи гостем капитана Немо...

«А как бы хотелось...» — подумал Лемюэль. Но в чем именно состояло его последнее желание, так и осталось неизвестным. В этот момент летучий остров был поглощен свирепым «глазом» бури... Лапута исчезла в крошечном аде тропического циклона...

Лунная ночь. Серебряная дорожка искрилась до горизонта. Корвет «Коршун», залечив раны, нанесенные «живой торпедой», шел курсом бакштаг левого галса.

Василий Федорович и Робинзон Крузо должны были быть благодарны меч-рыбе. Если бы она не атаковала судно, кто бы поручился за судьбу корвета в Индийском океане во время урагана?! Вынуж-

денная задержка и долгий дрейф судна спасли его и весь экипаж от страшной опасности. Но шансов на победу в кругосветных соревнованиях не оставалось.

— Стоит ли продолжать гонки? — пробурчал Робинзон. — Вряд ли можно рассчитывать на призовое место.

— Вы меня удивили, капитан Крузо, — ответил Василий Федорович. — Не ожидал... Не в традициях Клуба знаменитых капитанов убирать паруса раньше времени. Что вы предлагаете? Взять курс к библиотечному пирсу? Вернуться на книжные полки?

— Конечно нет... Меня вдруг охватила минутная слабость... Будем продолжать гонки!

— Отдать рифы! — скомандовал капитан корвета.

— Есть отдать рифы!

Паруса теперь полностью набирали ветер. «Коршун» заметно прибавил в скорости, держась западных берегов Африки. Эта мера предосторожности была не случайно принята Василием Федоровичем. Ведь судно шло с пластырем на пробое. В случае аварии можно будет стать на якорь в какой-нибудь бухте или же в ближайшем порту.

Если бы капитан корвета «Коршун» знал, что галиот «Секрет» сошел с голубой дорожки кругосветных гонок и устремился по следам тропического циклона в поисках Лапуты, несомненно, корвет «Коршун» тотчас последовал бы за ним.

Никакие хрустальные кубки не изменили бы этого решения, продиктованного голосом чистой совести, долга и чести русских моряков.

Но капитан корвета не знал истинного курса галиота «Секрет», и только поэтому «Коршун» шел под всеми парусами к еще далекому финишу на Галапагосском архипелаге...

«Глаз» тропического циклона, наводящий беспредельный ужас на всех, кто только мог увидеть его, подхватил Лапуту... Но случилось не столь желаемое, а неожиданное! Здесь царило относительное безветрие. Зато вокруг бушевали мощные вихревые потоки. Гроздящиеся облака стояли стеной — до десяти километров высоты, а может быть, и более того... И как это не удивительно, где-то в просвете сияли звезды в черном небе.

Летучий остров находился как бы в гигантском воздушном колодце — в центре урагана, окруженный взбесившейся стихией.

Стояла нестерпимая духота. Обливаясь потом, Гулливер, еле дыша, писал на страницах вахтенного журнала: «...Алмазное основание летучего острова дало трещину. Вероятно, от резкой смены температур. Обследование было поручено Альфомбрасу Джою Игреку Пи Квadrату, но ученый сорвался с трапа...»

Пи Квадрат словно предвидел свою трагическую гибель, когда говорил: «Искусство нуждается в аплодисментах, а наука требует жертв!»

«Твой правый глаз, — писал Гулливер, — всегда был устремлен в зенит, словно задумывался о том, что тебя когда-нибудь унесет в поднебесье на веки веков».

Лемюэль перевернул страницу, и снова зазакрипело гусиное перо.

«Мои наблюдения над участниками гонок прекратились. Лапута летит с «Аидой». Индийский океан позади. Мы сейчас в Атлантике. А возможно, уже в Тихом океане. Определить координаты затрудняюсь. Обсервации никакой. Видимость — ноль. Воздушное путешествие на «борту» тропического циклона продолжается. Курс — неизвестность!»

Ураган пересек южный тропик в Атлантическом океане. Его закрученный «глаз», занимавший около шестидесяти километров, сверкал необыкновенным «зрачком» — это был летучий остров Лапута в огнях. Два огромных оранжевых луча — противотуманных прожектора, словно пар из ноздрей летящего дракона, чертили путь над океаном.

Алые паруса маячили на почтительном расстоянии от «Аиды». Неожиданно циклон метнулся в сторону...

— Что это там... в «глазу» урагана? — спросил Грэй.

— Огни города?! — тревожно отозвался капитан Немо.

— Лапута!.. — радостно вскрикнул Артур.

— Внутри урагана?.. Не может быть...

«Аида», совершив головокружительный вираж не менее трехсот миль, скрылась в северном направлении.

— Это невероятно! — довольно категорично заявил Немо.

— А вам что-нибудь известно об охотниках за ураганами? В наше время!

— Впервые слышу, — удивился создатель легендарного «Наутилуса».

— Я, видите ли, не знаток этого вопроса, — продолжил Грэй. — Но кое-что слышал... Представьте себе тропический циклон... В «глаз» этого чудовища врезался самолет, а возможно, догоняет его со стороны хвоста... А затем, расположившись внутри урагана, летит вместе с ним... На борту бесстрашного воздушного охотника за ураганами находится группа исследователей со специальной аппаратурой для изучения этого сокрушительного явления природы.

— Неужели эти смельчаки остаются в живых?

— К сожалению, не всегда, — покачал головой капитан галиота. — Если случалась катастрофа, то ника-

ких следов ее обнаружить не удавалось. Циклон беспощадно расправлялся со своими жертвами.

К счастью, на этот раз силы «Аиды» иссякли... Она угасла в районе острова Святой Елены. Здесь Лапута совершила вынужденную посадку.

Сто двадцать ювелиров-виртуозов гранильного искусства под наблюдением главного шефа механиков принялись за ремонт алмазного основания летучего города.

Капитан Немо принял огни Лапуты за неизвестный ему доселе маяк.

— Мы на траверзе...

— Это не огни маяка, — перебил его Грэй. — Да не Лапута ли там не скале?..

С борта галиота запустили ракету. Прошипев над океаном, она с треском разорвалась в ночном небе. Паруса «Секрета» вспыхнули алым цветом...

В ожидании медленно тянулась томительная минута — одна, не больше... Над летучим островом взлетел огненный шарик сигнального фейерверка и разразился ослепительным зеленым дождем.

Галиот, сделав поворот оверштаг, пошел на огни Лапуты к острову Святой Елены...

Этот маленький клочок суши, затерявшийся в южной части Атлантического океана, в Восточном полушарии, был открыт португальскими мореплавателями в самом начале шестнадцатого века. Первым ссыльным здесь был португалец Фернан Лопеш. Он прожил на острове в одиночестве тридцать четыре года! Но остров Святой Елены вошел в историю с именем другого ссыльного — Наполеона Бонапарта.

Жан-Альберт Фозкс в своей книге «История людей под водой» писал: «...С именем Бонапарта связано еще одно подводное предприятие. В 1821 году американ-

ский капитан Джонсон решил вызволить Бонапарта с острова Святой Елены с помощью подводной лодки, построенной по модели фультоновского «Наутилуса». Дело было затеяно всерьез. Трехмачтовый барк, экипаж которого имел за плечами опыт океанских переходов, должен был доставить к острову, где томился Наполеон, подводную лодку, а та — скрытно подойти к берегу. На американской верфи спешно покрывали медью корпус подводного судна, когда пришла весть, сделавшая бессмысленным это дерзкое предприятие: развенчанный император умер». Это было в тысяча восемьсот двадцать первом году.

Галиот «Секрет» подходил к острову... На высокой прибрежной скале маячил силуэт Лемюэля Гулливера... Герой романа Джонатана Свифта приветственно помахал шляпой своим друзьям, стоявшим на капитанском мостике...

Тихий океан. Бриг «Леденец» уже находился в Западном полушарии. Попутный ветер надувал его полосатые паруса. Впереди, до самого финиша на Галапагосском архипелаге, не было ни материков, ни островов. Больше не придется огибать сушу, совершая огромные крюки в тысячи миль. Голубая дорога протянулась до острова Альбемарль. Там на рейде стоял на якоре пароход «Тютю-панпан». А жюри парусных гонок вокруг света — капитан Фиппс и профессор Маракот были готовы встретить счастливец, победившего три океана — Атлантический, Индийский и Тихий.

Дик Сэнд, заждавшись на капитанском мостике Мюнхгаузена и обеспокоенный его долгим отсутствием, пошел узнать, в чем дело... Не застав поборника истины в салоне, пятнадцатилетний капитан заглянул

в камбуз, откуда шел приятный запах яблочного пирога. В небольшой корабельной кухоньке священнодействовал кок в белом колпаке с эмблемой летящей утки.

Юноша застал капитана в каюте. Карл Фридрих Иероним поглядывал на картину Густава Доре в золоченой раме, висевшей на переборке... Великий художник изобразил скульптурный бюст нашего героя. На пьедестале был высечен родовой фамильный герб с баронской короной, тремя утками и девизом «MENDACE VERITAS» — что означало «Лживая истина». А в самом низу виднелась подпись: «КАНОВА 1766». По озорной мысли Доре, создавалось ложное впечатление, что бюст Мюнхгаузена высек из мрамора гениальный итальянский скульптор Канова, обессмертивший свое имя «Тремя грациями».

Барон не просто любовался своим скульптурным портретом, а в точном соответствии с ним завил булки над ушами, подстриг остроконечную бородку, закрутил усы и наложил на них черные наусники.

На койке красовалась белоснежная рубашка с кружевными манжетами. Пуговицы на камзоле были начищены до блеска. Сверкали лаком ботфорты с серебряными шпорами.

— Можно подумать, что вы собираетесь на банкет, — удивился Дик, улыбнувшись.

— Вы очень близки к истине, юноша, — весело воскликнул Мюнхгаузен. — И еще ближе к победе, мой друг!.. (Подкрахмаленная рубашка весело шуршала, когда он ее надевал.) Что другое нас может ожидать на финише? Триумф и банкет на борту парохода «Тютю-панпан»!

Его длинные костлявые пальцы быстро скользили по рубашке, застегивая перламутровые пуговицы.

— Вас не затруднит помочь мне накинуть камзол? Мне бы не хотелось помять кружевные манжеты.

Закончив свой туалет, Карл Фридрих Иероним вышел из каюты вместе с Диком и оглядел свой бриг...

— Надо будет надраить палубу. Покрасить борта. Тщательно почистить медные части... А вам, юноша, рекомендую заняться собой. Мне было бы приятно видеть вас на финише в парадной одежде.

Пятнадцатилетний капитан ничего не ответил, но, бросив взгляд на барона, позволил себе напомнить с лукавой искоркой в глазах:

— Вы не забудьте снять наусники!

— Да, да... А то, знаете, в суматохе оваций, музыки, хлопающих пробок шампанского еще фотографии увековечат меня на финише в наусниках... Скандал!..

Но он не договорил. Возбуждение и ликование от предвкушения будущей победы неожиданно сменились тревогой... Мюнхгаузен стеклянными глазами глядел на безжизненно повисшие паруса. Хо́да не было. Судно не слушалось руля. Бриг «Леденец» лег в дрейф.

— Мертвый штиль... — шепотом произнес поборник истины. — Сколько же он будет продолжаться?

— На этот вопрос может ответить только Нептун, — сказал Дик с улыбкой сожаления. — Нам остается набраться терпения и ждать ветра.

— А гонки? Гонки! — в сердцах крикнул барон, срывая наусники...

— Капитан Мюнхгаузен! Кругосветные гонки вдоль экватора продолжаются.

Слова пятнадцатилетнего капитана полностью отражали действительное положение. Многое сейчас зависело от того, насколько долго удержится полный штиль! Успеет ли за это время корвет «Коршун»

догнать бриг «Леденец», дрейфующий с сухими парусами?..

Неясны были шансы и «Секрета» с Гулливером на борту. Алые паруса потеряли выигранные мили в погоне за тропическим циклоном в туманной надежде обнаружить пропавшую Лапуту с Гулливером. Расчеты Артура Грэя и капитана Немо, как известно, подтвердились на острове Святой Елены. Но зато «Секрет» теперь шел позади всех. И только при благоприятном ветре мог бы настигнуть «Коршун». К счастью, нужный попутный ветер надувал паруса галиота.

Все сейчас зависело от капризного характера ветров. Пожалуй, не было на свете более злого врага моряка, чем ветер. Но и не нашлось бы на морях и океанах более верного друга!

Об этом сейчас думали на борту брига «Леденец» Карл Фридрих Иероним и Дик, сумрачно поглядывая на повисшие паруса. А бриг находился еще только вблизи острова Рождества.

Попутный ветер!.. О нем мечтали на капитанском мостике «Коршуна» Василий Федорович и Робинзон Крузо, проходя острова Гилберта на экваторе. Правда, их настроение было чуть лучше. Ветер слабый, но все-таки он дул, дул с силой в два балла.

Корвет шел мимо атоллов Тарава.

— Когда бы я ни проплывал мимо атоллов, — сказал знаменитый отшельник, — я всегда восхищаюсь причудливой формой этих островов. Очаровательное зеленое кольцо с озером-лагуной внутри... Игра природы...

— Красиво, конечно, но... опасно, — заметил капитан корвета. — Коралловые банки и рифы подстерегают корабли.

Из каюты галиота «Секрет» вышел Гулливер. Глядя на него, нельзя было сказать, что это человек только недавно подвергался смертельной опасности, находясь внутри «глаза» урагана «Аида». Бывалый моряк успел уже прийти в себя...

Лемюэль не думал сейчас о ветре, как его коллеги. Он глубоко сожалел, что не мог довести до конца свой журнал наблюдений и выполнить ответственное поручение жюри кругосветных гонок. Увы! Ему пришлось покинуть свой пост на летучем острове. Ведь ремонт алмазного основания Лапуты мог затянуться надолго.

На капитанском мостике Гулливер был встречен сочувственными улыбками.

— Как ваше здоровье, дорогой друг? — спросил Немо.

— Не жалуюсь... Где мы?

— Прошли острова Гилберта, — ответил Артур Грэй.

— Вам что-нибудь известно о них?

— Острова носят имя английского ученого. Доктор Гилберт прославился сочинением о магните, магнитных телах и дерзким выводом: Земля является гигантским магнитом! В 1600 году. Видимо, декан собора Святого Патрика в Дублине — Джонатан Свифт знал об этом сенсационном открытии и подумал: а не является ли магнит источником динамической силы? Так родилась Лапута. Летучий остров с Академией прожектеров, — улыбнулся Гулливер. — Но еще любопытнее другое: в наши дни некий Ричард Бэкминстер Фуллер, американский ученый, инженер, изобретатель и философ, создал проект воздушного города на несколько тысяч человек с диаметром в полтора километра. Город-шар под прозрачным геодезическим куполом. Жители такого летучего поселения не

будут страдать от холода и жары, снегопадов и ливней. Они всегда будут дышать свежим воздухом, без всяких вредных примесей. По желанию своих граждан — морским, горным, лесным, степным... Такой город может пришвартоваться в любой точке земного шара. Фуллер считает, что его проект может быть осуществлен через несколько десятилетий — не более!

— Меня бы это не удивило, — спокойно заметил капитан Немо. — А с какой скоростью мы идем?

— Ветер крепчает... Ход уже шесть узлов! — радостно отозвался Артур Грэй. — Можем рассчитывать на успех!

Галиот шел полным ветром под всеми алыми парусами. Расстояние между «Секретом» и «Коршуном» заметно сокращалось...

— Ясно вижу!.. — воскликнул с грот-мачты марсовый. — Ходовые огни...

— Нас настигает Артур Грэй, — ворчливо произнес Робинзон Крузо.

— Ничего... — протянул Василий Федорович. — Пока он дойдет сюда, мы уйдем дальше. А здесь его ожидает ветер всего в два балла.

Вскоре галиот «Секрет» стал идти тише... Но и корвет «Коршун» постепенно терял ход... А впереди маячил силуэт какого-то странного корабля...

— Что за судно маячит там впереди? — озабоченно спросил Лемюэль Гулливер.

— Это «Леденец»! — ответил Артур Грэй.

— Мы догнали его!.. — воскликнул Немо.

— Бриг дрейфует, капитаны... Взгляните на мертвые паруса... — сказал Гулливер. — Мы в полосе полного штиля.

По палубе «Леденца» бродил Мюнхгаузен. Он был в отчаянии: «Выйти вперед... на столько миль... и все насмарку... «Коршун» уже здесь... А там глядишь — и под луной появятся алые паруса...»

Алые паруса не заставили себя долго ждать. Вскоре галиот «Секрет» присоединился к корвету «Коршун» и к бригу «Леденец»... Полный штиль уравнивал шансы участников парусных гонок вокруг света. На этот раз Эол, повелитель ветров, держал строгий нейтралитет и проявлял похвальную справедливость. Ведь «Коршун» сошел с голубой дорожки кругосветных гонок по вине меч-рыбы, а «Секрет» — по приказу капитана Артура Грэя во имя священного долга моряков.

Этой ночью Великий, или Тихий, океан оправдывал оба своих старинных названия. Но в предутренние часы его можно было бы еще назвать Зеркальным — таким он выглядел, облитый лунным светом.

Три судна Клуба знаменитых капитанов — бриг «Леденец», корвет «Коршун» и галиот «Секрет» томились в ожидании попутного ветра, чтобы помчаться под всеми парусами к финишу! К острову Альбемарль Галапагосского архипелага!..

От острова Рождества до заветного финиша кругосветных гонок была голубая дорога вдоль экватора без всяких препятствий на пути! Нужен был только попутный ветер, и еще раз попутный!..

Томительно проходило время. Минуты казались часами. Мюнхгаузен бесцельно отсчитывал шаги по палубе и, окончательно потеряв терпение, скрылся в каюте... Дик, потоптавшись на капитанском мостике, спустился по трапу, заметил на ступеньках валявшиеся черные наусники барона и пошел к нему в каюту...

— Вы потеряли наусники... — сумрачно процедил сквозь зубы пятнадцатилетний капитан.

— А-а, все ведьмы с ними, — пробормотал капитан «Леденца», склонившись над физической картой Западного и Восточного полушарий. — Мемуары потеряны, гонки остановились... Все кувырком! — прошипел поборник истины.

— Что с вашими усами?

Мюнхгаузен посмотрел в зеркало. Действительно, один ус торчал вверх, а другой, как остроконечная стрелка компаса, указывал на ост. Карл поправил усы и надел наусники.

— Нет сил больше ждать...

Совсем неожиданно, как будто бы по мановению волшебной палочки, а может быть, по прихоти морского царя Нептуна, махнувшего трезубцем, ветер — душа океана — стал вдыхать жизнь в сухие паруса, повисшие как тряпки на снастях кораблей.

Тишину душной тропической ночи прорезали торжествующие трели боцманских дудок. Теперь все зависело от искусства капитанов. Их можно было бы сейчас сравнить с дирижерами симфонических оркестров. Но вместо музыкантов с инструментами в их распоряжении были паруса и ветры. Зрителей не было!

Только мириады звезд и луна были немymi и бесстрастными свидетелями кругосветных гонок.

Паруса «Коршуна», «Секрета» и «Леденца» видали виды на морях и океанах. Серая парусина корвета и брига, алые паруса галиота из натурального удивительного шелка были испещрены черными точками от соленых брызг и рубцами, оставшимися на память о свирепых штормах, как шрамы на теле лихого кавалериста от сабельных ударов.

«Леденец» шел впереди. Бриг выигрывал две мили. Как раз те самые две мили, отделявшие его от корвета и галиота во время мертвого штиля.

«Коршун» и «Секрет» шли ровно. Капитаны меняли галсы, выигрывая ветер, резали курс друг другу, мастерски лавируя...

В напряженной борьбе то корвет выходил вперед, оставляя за кормой галиот, то алые паруса выносили «Секрет» вперед, правда, не более чем на один кабельтов. Но две мили, отделявшие бриг «Леденец» от «Коршуна» и «Секрета», никак не становились меньше — ни на один дюйм.

— Так держать! — гремела команда Мюнхгаузена с капитанского мостика.

— Есть так держать! — отозвался пятнадцатилетний капитан.

— Что скажете, Дик? Кто выигрывает гонки вокруг света? А? — гордо заявил Карл Фридрих Иероним.

— Похоже на то, что мы. Ветер дует одинаково для всех трех судов. Отклоняться нельзя. Нужно идти вдоль экватора. Так что большие маневры бесполезны, а малые — не помогут! — сказал юноша.

— Отдайте распоряжения надраить палубу, все медные части, чтобы блестели как зеркало, и вообще... освежить бриг перед блистательным финишем. Пора! А я пока спущусь в каюту... подумаю о своей речи — в ответ на поздравления. Глядите в оба, капитан Сэнд! И только — вперед! Вперед! И никуда больше! — приказал поборник истины. Затем он весело сбежал по трапу, скрылся в своей каюте, но моментально выскочил с озабоченным лицом.

— Что случилось? — спросил Дик.

— Я упустил из виду... — заорал Мюнхгаузен. — Не забывайте взглянуть назад, назад! Как там наши соперники? Ясно?..

— Вполне! — отозвался юноша, улыбаясь, и приложил подзорную трубу к глазу.

Злополучные две мили по-прежнему отделяли бриг «Леденец» от «Коршуна» и алых парусов галиота! Казалось, что Карл Фридрих Иероним может праздновать победу... Вдали уже мерцали огни парохода «Тютю-панпан»...

Но борьба еще не была закончена. Сейчас шли самые напряженные минуты. Решающие на финише минуты, более того, секунды!

Этой ночью особенно было душно в экваториальной зоне. Перуанское течение встречало участников парусных гонок. Своим правым крылом оно грело воды Тихого океана, гостеприимно встречая корабли.

На мостике галиота «Секрет» капитан Грэй озабоченно глядел на вырвавшийся вперед бриг. Паруса «Леденца» напоминали крылья бабочки.

— Пожалуй, нам уже не догнать Мюнхгаузена, любезный Артур, — со вздохом произнес Гулливер.

— Похоже на то...

— Две мили, конечно, не так уж много, но ветер дует с одинаковой силой для нас и для них... — огорченно заметил капитан Немо.

— Ну что ж! — пожал плечами Лемюэль. — Будем бороться за второе место. Тоже не так просто, друзья. Ведь «Коршуном» командует Василий Федорович. С ним — не шутя!

— Рано сдаетесь, — с явным упреком сказал Грэй и скомандовал: — Приготовиться к повороту фордевинд!

— Есть приготовиться к повороту фордевинд! — распорядился капитан Немо.

— Вы хотите пересечь носом курс корвета?.. — с одобрением заметил Лемюэль Гулливер.

Но маневр не удался, так как «Коршун» их опередил, проскочив раньше перед «Секретом», чуть не задев бом-утлегарь, на котором крепились косые паруса на носу.

Капитан корвета заметно оживился.

— Вы надеетесь настигнуть бриг «Леденец»? — с надеждой спросил Робинзон Крузо.

— Как вам сказать... — неопределенно протянул Василий Федорович. — На что я надеюсь? На его величество случай!

— Но его величество... может оказать свою благосклонность нашим соперникам. Неизвестно, кто сегодня станет его фаворитом!

— Пока это тайна, особенно на такой длинной дистанции, как кругосветные гонки, — ответил капитан корвета, с беспокойством поглядывая на верхние паруса...

Ветер явно посвежел. Корабли пошли быстрее, но уже пришлось задумываться — не брать ли рифы? Не убирать ли бом-брамсели?

Из каюты быстро вышел Карл Фридрих Иероним в треугольной шляпе, с завитыми буклями и напудренной косичкой. Сверкнув лакированными ботфортами в лунном свете, он взбежал по трапу на капитанский мостик.

— Поздравляю, капитан, — приветствовал его Дик Сэнд, передавая подзорную трубу. — Полюбуйтесь!.. Огни парохода «Тютю-панпан»... Финиш!

В этот момент раздался тревожный бой судового колокола.

— Что случилось?.. В чем дело? — сердито спросил Мюнхгаузен.

— Наш бриг «Леденец» тает в Перуанском течении! — отрапортовал Дик Сэнд.

— К помпам! К помпам! — выпалил барон, не задумываясь.

— Осмелюсь доложить... Нечего откачивать! «Леденец» тает, тает... Какие будут приказания?

Карл Фридрих Иероним зажмурил глаза, как бы желая хотя бы на несколько секунд укрыться от кошмарного рапорта. Но именно в эти мгновения несусветная фантазия барона представила себе тающий корабль... И вместо темного масляного круга на месте гибели судна покачивался такой же круг, только брусничного цвета и почему-то с плавающими вишнями...

Мюнхгаузена передернуло. Он открыл глаза и прошептал:

— Случилось то, чего я больше всего опасался в тропических широтах!.. Нет, не случайно меня всегда влекло на Северный полюс...

— А может быть, мы еще дотянем до финиша? — азартно воскликнул пятнадцатилетний капитан. — Осталось совсем немного...

— Рискнем! — твердо произнес барон. — Приготовьте шлюпки к спуску на воду. На всякий случай!

Две мили, разделявшие «Леденец» и «Коршун» с «Секретом», стали сокращаться... Вскоре Артур Грэй и Василий Федорович догнали поборника истины. К их крайнему изумлению, кильватерная струя за кормой брига, заметно поубавившего ход, была уже не серебристой, к светло-брусничной, как будто кто-то сильно разбавил клюквенный морс. Мачты оплывали, как свечи. Сквозь щели в обшивке вытекала не смола, а нечто похожее на сладкий сироп...

Невероятные сплетни о «Леденце» среди матросов в портовых кабаках Старого и Нового Света оправдались.

Слухи о «Леденце» поддерживал сам боцман с этого же брига. Но, не раз отдыхая на юте, говорил мат-

росам, проницательно поглядывая своим единственным глазом на горизонт, — второй глаз он потерял в схватке с пиратами у Бермундских островов:

— Слухам, ребята, надо верить, а вот факты лучше всего проверять!

Правда, с именем Мюнхгаузена всегда было связано множество самых удивительных происшествий, но эта история была из ряда вон выходящей! Что там «Полконя»?.. «Волк наизнанку»?.. «Верхом на ядре»?.. «В желудке у рыбы»?.. «Оттаявшие звуки»?.. «Лошади под мышками, карета на плечах»?.. или «Восьминогий заяц»?..

Все это сейчас меркло в Тихом океане перед невиданным зрелищем... Бриг «Леденец» Карла Фридриха Иеронима таял на экваторе в эту душную январскую ночь.

Попытки капитанов «Коршуна» и «Секрета» оказать помощь были отвергнуты бароном. И не просто отвергнуты, а с апломбом! С борта тающего брига семафорили: «В помощи не нуждаюсь точка справлюсь сам следуйте своим курсом запятая привет точка до встречи на финише тире таю запятая но не сдаюсь восклицательный знак капитан брига «Леденец» Мюнхгаузен».

Вы быстрее и быстрее скользило гусиное перо по страницам вахтенного журнала Клуба знаменитых капитанов, не успевая за бурно развивающимися событиями на гонках уже вблизи финиша.

На борту парохода «Тютю-панпан» были закончены все приготовления к встрече победителя парусной кругосветки. Над Тихим океаном сияла луна.

— А не создается ли у вас впечатление, что бриг «Леденец» идет ко дну? — спросил капитан Фиппс.

Профессор Маракот пристально глядел в морской бинокль.

— Не думаю, коллега, мы бы увидели шлюпки на воде... Кроме того, там рядом, ну, не более чем в двух-трех кабельтовых, «Коршун» и «Секрет»... Нет, видимо, происходит что-то другое... Но что? Странно... Бриг Мюнхгаузена лидировал, и вдруг... — Он оборвал свои раздумья, не зная, что и подумать.

Конечно, многое можно было бы предположить, что могло случиться на парусных гонках, кроме того, что действительно произошло. Капитан Фиппс был озадачен. На этот раз Человек-вопрос на задал ни одного вопроса. Но именно этот знак препинания был красноречиво написан на его изумленном лице.

— Алые паруса или «Коршун»?.. Кто придет первым? Ваше мнение, капитан Фиппс? — спросил Маракот, опустив свой бинокль.

— А не лучше ли нам подождать несколько минут, профессор?

— Пожалуй, пора приготовить поздравительный фейерверк в честь победителя... — согласился ученый секретарь жюри, направляясь к трапу.

— Вас не удивляет отсутствие летучего острова Лапуты? — крикнул вдогонку капитан Фиппс. Но Маракот, быстро сбежавший с трапа, уже не слышал очередного вопроса председателя жюри.

До финиша остался один кабельтов. Но именно эти сто восемьдесят пять метров и двадцать сантиметров — точная длина кабельтова — были самыми напряженными. Алые паруса галиота или серые — корвета? «Секрет» или «Коршун»?..

С кораблей доносились отрывистые команды капитанов: «Круче к ветру! Еще круче! Так держать!»

Западный ветер свистал в снастях. Два пенных следа оставляли за кормой галиот и корвет. Кто же все-таки придет первым?..

До финиша оставалось не более тридцати метров, но еще нельзя было назвать победителя...

Но вот алые паруса обошли корвет и вырвались вперед на несколько метров. Через несколько секунд «Коршун» оставил за своей кормой галиот «Секрет»...

— Корвет! Корвет! — закричал Маракот.

— А не галиот ли? — взволнованно спросил Человек-вопрос.

— Корвет впереди! — подтвердил профессор. — Ах нет... отстает... Его обходит «Секрет»...

— А не кажется ли вам, что «Коршун» выигрывает несколько метров? — нетерпеливо перебил капитан Фиппс.

— Вы что, ослепли? Алые паруса впереди!.. Держу пари...

Но он не договорил, так как «Коршун», внезапно переменив галс, срезал курс «Секрета»...

Десять метров!.. Восемь метров до финиша! Семь! «Коршун» или «Секрет»? Кто же, наконец?.. Четыре метра! Два! Один!.. Двадцать сантиметров! Только двадцать!..

Финиш. Праздничный фейерверк взлетел над парходом «Тютю-панпан» и взорвался над Тихим океаном золотым дождем. Ослепительное зарево осветило корвет «Коршун» и галиот «Секрет». Корабли пересекли линию финиша одновременно. Духовой оркестр парохода «Тютю-панпан» играл в честь победителей триумфальный марш из оперы Верди «Аида».

С борта парохода был спущен парадный трап. Вскоре по нему поднялись Артур Грэй, Василий Федорович, Робинзон Крузо, Немо и Лемюэль Гулливер. Ра-

достные и возбужденные победой, хотя и разделенной поровну, капитаны «Коршуна» и «Секрета» обменялись крепкими, дружескими рукопожатиями, с радостью принимая поздравления Фиппса и Маракота.

Торжественная церемония задержалась, так как необходимо было принять срочные меры по спасению Мюнхгаузена, Дика Сэнда и всего экипажа «Леденца». Но спасательные операции были внезапно прерваны...

Общее внимание привлек остолбеневший Гулливер, изумленно глядевший за борт.

— Что с вами? — встревожено произнес Артур Грэй.

— Черепаха на финише... — пробормотал Лемюэль.

— Ничего удивительного! Мы же на Галапагосских островах! — улыбнулся Василий Федорович.

Линию финиша кругосветных гонок вдоль экватора пересекала исполинская черепаха. Верхом на ней сидел Дик Сэнд, размахивая выпелом Клуба знаменитых капитанов.

— А где же Мюнхгаузен? — с беспокойством спросил Робинзон.

— Капитан покидает свой корабль во время катастрофы — последним! — с достоинством ответил Дик.

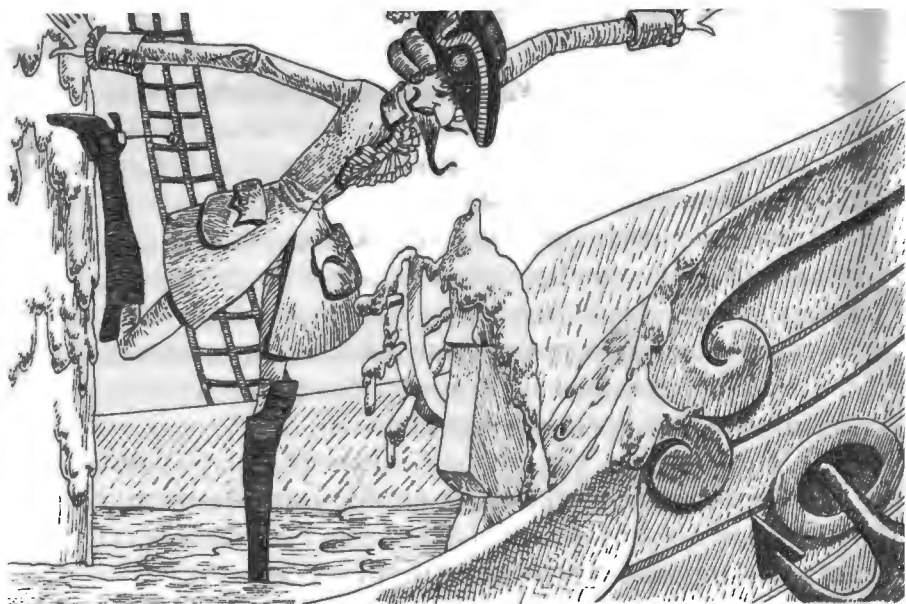
— Почему же вы не на борту «Леденца»? — осведомился Человек-вопрос.

— Не мог выдержать медленного хода на финише, — отозвался пятнадцатилетний капитан. — Дрогнуло сердце... Кинулся за борт... и перебрался на черепаху. Все-таки быстрее тающего «Леденца»!

Дик ласково похлопал исполинскую черепаху по панцирю и весело воскликнул:

— Сюда бы поставить одну мачту с грот-марселями и грот-бом-брамселями, и я бы догнал алые паруса!

— Черепаха на финише?... — вновь прошептал изумленный Гулливер.

— Да вы не волнуйтесь... — утешил его Немо, дружески похлопав по плечу. — Успокойтесь... На этот раз парусные гонки вокруг света обошлись без жертв.

— Я не об этом...

— А о чем же?

— Представьте себе, коллега, когда я находился на летучем острове Лапута, мне пришло в голову задать ляпутанам вопрос: кто первым будет на финише — «Коршун», «Секрет» или «Леденец»? Ученые из Академии прожекторов заложили в машину ЭЛ-1727 все необходимые сведения, вплоть до урагана в двенадцать баллов — и машина дала ответ: «Черепаха!»

— Воздадим славу ученым воздушного королевства Бальни-барби!.. — улыбнулся капитан Немо.

Но как воздать славу ученым-лапутянам из Академии прожекторов, не удалось выяснить, потому что Фиппс задал вопрос:

— А не подходит ли к финишу бриг Мюнхгаузена?.. Что это? Корабль или суфле-сюрприз?

Вряд ли кто-либо из моряков видал такое судно на плаву! «Леденец» погрузился в воду почти до фальшборта. Мачты, реи и весь такелаж растаяли. Паруса валялись на палубе, напоминая взбитые сливки, посыпанные толченым орехом. Карл Фридрих Иероним безуспешно пытался вытащить ногу, завязнувшую на капитанском мостике в липкой и тягучей патоке. Наконец это ему удалось, но лакированный ботфорт так и остался торчать около оплывшего штурвала, и барон сейчас напомнил длинноногую цаплю, стоявшую в болоте на одной ноге.

«Леденец» медленно пересекал линию финиша, оставляя вокруг малиновую пену, как будто кто-то в гигантском котле варил варенье...

— Поздравляю, капитан Мюнхгаузен, — приветствовал его профессор Маракот, — а мы уже думали, что вы совсем растаяли!..

— Как видите — не совсем! — ответил барон. — Моряки во время шторма успокаивают бурное море маслом, а я выбросил за борт сорок бочек с земляничным пломбиром!.. Отдать якорь! — слабым голосом распорядился капитан «Леденца».

— Нечего отдавать, — отозвался Дик Сэнд. — Якорь растаял. Осталась только цепь...

О дальнейшем можно было только строить предположения и догадки. Несколько страниц вахтенного журнала нельзя было прочесть. То ли за давностью времени выцвели чернила, то ли журнал побывал в морской воде... Страниц шесть было навсегда поте-

ряно, хотя их можно было бы восстановить при помощи ультрафиолетовых лучей.

Но пока их восстановят, перевернем ничего не говорящие нам страницы и начнем читать дальше...

Остров Альбемарль. Галапагосский архипелаг, переименованный по указу правительства республики Эквадор в архипелаг Колумба, а остров Альбемарль, на котором мы высадились, — в остров Изабелла.

«Местные жители ведут образ жизни Робинзона Крузо; дома очень простые, выстроенные из жердей и покрытые травой. В лесах водится много диких свиней и коз, но главную часть животной пищи составляют черепахи... Эти огромные создания, вероятно, очень стары; в 1830 г. одно из них было поймано (причем потребовалось шесть человек, чтобы перенести его в шлюпку); на щите его были вырезаны различные даты; одна была 1786 г.» — писал Чарлз Дарвин в своем путевом дневнике в сентябре 1835 года.

По тропинке, ведущей в глубь острова, растянувшись цепочкой, во главе с капитаном Фиппсом и профессором Маракотом шли знаменитые капитаны — Артур Грэй, Василий Федорович, Немо, Дик Сэнд, Мюнхгаузен, Лемюэль Гулливер и Робинзон Крузо. Человек-вопрос бережно нес палисандровую шкатулку.

— Долго ли нам еще идти? — недовольно ворчал барон. — Где же, наконец, спрятаны призы победителям гонок, обещанные Тартареном?.. Где сюрпризы?

— Вы забыли завешание нашего друга из Тараскона, — возразил Гулливер. — Разве он нам обещал призы?

— А что же? — сердито спросил поборник истины.

— Если я не ошибаюсь, почтенный коллега, а у меня хорошая память... Тартарен обещал другое: «...на нулевой широте Западного полушария победи-

телю кругосветных гонок вдоль экватора на парусных кораблях будет оказана необычайная честь...»

— Но какая честь?.. — продолжал ворчать барон, огорченный своей неудачей на финише. — Я с детских лет не люблю задач, загадок, кроссвордов, шарад, ребусов и разных головоломок... Да не лезьте под ноги! — зло прошипел он, отпихнув носком ботфорта ящериц. — Сколько здесь этих бестий!..

Пройдя еще немного, Мюнхгаузен окончательно потерял терпение и, подбежав к Фиппсу, забрюзжал:

— Не угодно ли вам хоть немножко разнообразить нашу вынужденную прогулку по прихоти Тартарена?

— А что бы вы хотели?

— Не томить нас больше... Вскрыть палисандровую шкатулку и узнать — что там?.. А вдруг — призы? Кстати, ведь не может быть только один приз, тем более очень туманный... А награды за честную борьбу на гонках? За отвагу? За мастерство? За искусство вождения кораблей, наконец! Капитаны! — продолжал он, повысив голос. — Я предлагаю сделать привал и немедленно заняться содержимым шкатулки! Довольно испытывать наше терпение...

— А если серебряный ключ от шкатулки у Тартарена? — улыбнулся Фиппс.

— Вскроем ее клинком! — непреклонным тоном заявил Мюнхгаузен, выхватив шпагу из ножен.

Трудно сказать — кто одержал бы победу в этом споре, если бы вдруг не зазвучала музыка... Где-то совсем неподалеку играли музыканты на тростниковых флейтах, морских раковинах и барабанах.

— А не папуасы ли это? — прислушался Человек-вопрос.

— На Черепаших островах? — усмехнулся Немо. — Приехали на гастроли из Новой Гвинеи?!

Дружный смех раздался в ответ на ироническое замечание создателя «Наутилуса».

— А нет ли у вас впечатлений, что этим древним маршем встречают нас? — многозначительно и довольно уверенно спросил Фиппс.

— Именно — нас! — убедительно воскликнул профессор Маракот. — Вот... взгляните!

На холме красовалась арка, а может быть, ворота, так как по обе стороны тянулся частокол из высоких жердей. Верхнее полукружие арки служило вывеской. У входа расположился маленький оркестр из нескольких голых музыкантов шоколадного цвета кожи с «поясами стыдливости». Их курчавые волосы были украшены цветами и яркими перьями какаду и казуаров (гигантские птицы, известные под названием — эму). На шеях оркестрантов висели ожерелья из зубов хищных зверей.

Посреди арки в плетеном кресле-носилках возлежал человек, перевязанный с ног до головы. Единственно, что можно было увидеть из-за белых бинтов, это один глаз, напоминавший спелую сливу. И глаз этот сверкал безграничным восторгом. У кресла стояли два воина с острыми копьями.

— Кто это может быть? — спросил Василий Федорович, всматриваясь в загадочного незнакомца.

Когда подошли поближе — все сомнения рассеяла малиновая феска с кисточкой на забинтованной голове и знакомые саквояжи покорителя Монблана, охотника за фуражками, любимца Тараскона. Около саквояжей было свалено его личное оружие — пистолеты, малайский крис, охотничьи ружья и абордажный топор.

А на здоровенном пне красовались копье, лук, стрелы и львиная шкура — памятные сувениры экспедиции, из которой он еле унес ноги.

Таинственное окружение Тартарена — два воина, экзотический оркестр подстрекали его друзей к множеству вопросов, но любимец Тараскона махнул забинтованной рукой. Оркестр умолк,

— Вы живы! — воскликнул подбежавший Мюнхгаузен. — Зачем же вы напугали нас своим завещанием? Мы уж подумали, что вы на том свете!..

— Мой дорогой Карл, — снисходительно начал Тартарен. — Не я один писал завещание... Многие путешественники, отправляясь в далекие экспедиции и дальние плавания, оставляли завещания... Миклухо-Маклай тоже писал... И не раз в австралийских, голландских газетах появлялись сообщения о его смерти. А в «Кронштадтском вестнике» была напечатана такая заметка: «...Было бы очень желательно, чтобы кто-нибудь из знавших покойного составил бы его биографию. Николай Николаевич Миклухо-Маклай — редкий тип мученика науки, пожертвовавшего жизнь для изучения природы». Если хотите знать, Миклухо-Маклай написал около пятидесяти завещаний! Как же я мог отправиться в опаснейшую экспедицию, не оставив хотя бы одного!

— Но ради чего? Зачем? Во имя какой цели? — засыпал его вопросами неугомонный Мюнхгаузен.

— А это вы сейчас узнаете!.. — раздался глухой голос любимца Тараскона. — Медам и месье! Что может на долгие годы, а может быть, и навечно прославить Клуб знаменитых капитанов?..

Этот вопрос застал врасплох друзей Тартарена никак не менее, чем вид самого истребителя львов. Воцарилось молчание. Но ненадолго. Тартарен продолжал:

— Поднимите головы! Прочтите вывеску на арке... Прошу вас, Дик, только погромче.

Пятнадцатилетний капитан срывающимся голосом читал вывеску:

— «Зоологический сад-музей экваториальной зоны имени Н.Н. Миклухо-Маклая. Основан действительным членом Клуба знаменитых капитанов Тартареном из Тараскона».

— Единственный в мире! — восторженно воскликнул толстяк.

— Браво, браво! — не удержался барон. — Бис!..

— К сожалению, на бис ничего не сумею исполнить, — с огорчением произнес Тартарен. — Я бы сейчас с удовольствием сплясал тарантеллу. Но сами видите, в каком я состоянии...

— Что же с вами стряслось? — озабоченно спросил Артур Грэй.

— А вы думаете, создать уникальный зоологический сад — это так просто? Увеселительная прогулка по экватору? Воскресный пикник? Или весенняя ярмарка... Я рисковал жизнью, мои дорогие коллеги. Я остался жив только благодаря счастливой случайности... Ах, медам и месье, если бы я был Альфонс Доде, Майн Рид, Луи Буссенар и Жюль Верн одновременно (одному из них это было бы не под силу), я бы написал увлекательный роман о моей экспедиции под названием «Тартарен на экваторе»!

Гулливер наклонился к любимцу Тараскона и шепнул ему на ухо:

— Скажите, а кто эти темнокожие с копьями?

— Ах, я совсем забыл... Позвольте вам представить моих друзей — охотников из Новой Гвинеи... Месье Дигу и Лако — папуасы с берега Маклая...

Они, услышав свои имена, улыбнулись и, желая выразить лучшие чувства, подали знак музыкантам. Сразу же запели тростниковые флейты, протяжно завывли

огромные раковины, напоминая шум океана, и темно-шоколадные пальцы четко выстукивали ритм на бочкообразных барабанах. Дигу и Лако затянули песню...

— Что они поют? — поинтересовался Дик Сэнд, прислушиваясь.

— Какая-то знакомая мелодия...

— Могу вам перевести, — любезно согласился Тартарен.

Над Коралловым морем небо синее-синее,
Далека ты, Россия, в серебряном инее!..
Там, где волны рокочут, белой пеной вскипая,
Виден каждому шкиперу берег Маклая!
Весть селенья облетела
И осталась здесь навек:
— Он был добрый, он был смелый,
Он был русский человек!

— Позвольте, — прервал тарасконца Артур Грэй. — Да это же песня Клуба знаменитых капитанов. Откуда они ее знают?

— Слыхали по радио. В наши дни... Океания — это не какие-нибудь глухие и дикие острова. В конце 1973 года над Меланезией взвился государственный флаг «Папуа Новая Гвинея». На красно-черном поле красуется созвездие Южного Креста и райская птица чандраваси. Сбылись мечты Миклухо-Маклая о будущем коренных жителей этих далеких островов!..

Но внимание капитанов уже было отвлечено необычной картиной. Галапагосские дрозды-пересмешники, горлицы, вьюрки, тираны-мухоловки и корольки порхали вокруг любимца Тараскона... Эти птицы Черепашьих островов отличались доверчивостью и нисколько не боялись человека. Дрозд-пересмешник сел на плечо толстяка и преспокойно чистил клювом перышки своего крыла, а маленькая птичка тиран-мухоловка с ярким пунцовым хохолком расположилась

на феске знаменитого охотника за фуражками, с любопытством рассматривая Карла Фридриха Иеронима.

Единственный глаз, выглядывавший из бинтов перевязанной головы, сиял, как алмаз индийского раджи.

— Капитаны! — торжественно произнес Тартарен. — Что я обещал победителю парусных гонок вокруг света вдоль экватора?.. Оказать необычную честь! Попрошу председателя жюри — капитана Фиппса открыть мою палисандровую шкатулку.

— Наконец-то! — нетерпеливо воскликнул Мюнхгаузен.

— А вы не потеряли ключ? — любезно осведомился Человек-вопрос.

— Он у меня в левом карманчике жилета.

Тарасконец тут же застонал от боли:

— Ой, осторожно... плечо... Удар носорога! Ох!..

Капитан Фиппс бережно вытащил из верхнего карманчика серебряный ключик, вставил его в замочную скважину палисандровой шкатулки и повернул... Музыкальный замочек старинного ларца сыграл мелодию песенки Тартарена:

А может быть, а может быть,
Еще не все пропало,
И будем мы опять дружить,
Смеяться, как бывало?

Маракот поднял крышку.

— Но здесь ничего нет, кроме ножниц! — изумился профессор, вытащив длинные канцелярские ножницы.

— Вы позволяете себе, Тартарен, неуместные шутки, — сердито заметил Мюнхгаузен.

— Это не шутки! — возразил толстяк. — Кроме ножниц, в шкатулке есть еще кое-что...

Фиппс заглянул в ларец и достал конверт, вскрыл его, вытащил листок почтовой бумаги и задал вопрос:

— А не огласить ли мне это письмо?

— Что за вопрос? — возмущенно крикнул барон. — Немедленно!

Председатель жюри приступил к последнему посланию Тартарена в своей обычной манере:

— А не взять ли победителю кругосветных гонок ножницы? Не подойти ли к арке? А может быть...

Тартарен оборвал Фиппса на полуслове:

— Что это вы там читаете? Прекратите. Ни в коем случае!.. Только без ваших вопросов! Вы наверняка запутаете смысл моего послания. Я такого не писал. У меня там стоят точки, точки! Иногда — запятые, тире, двоеточия, наконец, восклицательные знаки, но ни одного вопроса! Я ничего не спрашиваю. Я утверждаю и предлагаю!.. Капитан Грэй, прошу вас — и если можно, таким голосом, как будто вы отдаете команду с капитанского мостика вашего корабля с алыми парусами.

— Постараюсь, — улыбнулся Артур Грэй.

Явно обиженный, Человек-вопрос недовольно выпустил из рук послание любимца Тараскона.

— «Победителю кругосветных гонок вдоль экватора! — начал читать капитан галиота. — Поздравляю вас и прошу взять из моей палисандровой шкапулки ножницы, подойти к триумфальной арке, перерезать шелковую зеленую ленту и открыть первый в мире Зоологический сад-музей экваториальной зоны имени замечательного русского путешественника Николая Николаевича Миклухо-Маклая. Основатель — Тартарен из Тараскона», — закончил Артур Грэй.

— Музыка! — распорядился толстяк, махнув рукой оркестру.

Артур Грэй и Василий Федорович после короткого обмена любезностями были в некотором недоумении — кому же из них взять ножницы? Ведь оба они были победителями гонок вокруг света... Капитан галиота «Секрет» передал их капитану корвета «Коршун», как старшему по возрасту.

Под звуки оркестра с берега Маклая Василий Федорович перерезал зеленую ленту.

— Друзья! Следуйте за мной! — приказал Тартарен.

Дигу и Лако подняли носилки... Любимец Тараскона возлежал на них, окруженный порхающими дроздами-пересмешниками, вьюрками, горлицами и мухоловками...

Знаменитые капитаны с нескрываемым любопытством вступили на заповедную территорию зоологического сада-музея...

— Обратите внимание! Редчайший экземпляр летучего дракона! — захлебываясь от восторга, говорил покоритель Альп, накинув изрядно потрепанную шкуру льва на забинтованные ноги. — Обитает на ветвях и в густой кроне... По бокам у него широкие кожистые складки... Во время полета летучий дракон напоминает планер. Летает на расстояние до тридцати метров!

— Как же вы его поймали? — полюбопытствовал Дик Сэнд.

— Во время полета!

— Сачком для ловли бабочек? — с язвительной иронией спросил Мюнхгаузен.

— Мы не в кают-компании, барон, — сухо заметил Тартарен. — Оставьте ваши шутки. Приберегите сачок для себя.

— Ну все-таки, как же вам удалось поймать летучего дракона, почтенный капитан Тартарен? — вмешался в спор Лемюэль Гулливер.

— Я сидел в засаде, скрывшись довольно высоко на дереве. В это время пролетал этот самый дракон... Я уж не помню подробностей: то ли я прыгнул за ним, то ли я полетел с ветки?! Во всяком случае, я его прихлопнул на лету своим телом.

Капитаны улынулись... Да, это могло быть именно так, как рассказывал любимец Тараскона. Вся процессия двинулась дальше...

Пресмыкающиеся были представлены в большом количестве — ядовитые змеи, ящерицы, среди которых особенно выделялись амблиринхусы, обитающие только на Галапагосском архипелаге, гигантские черепахи... Правда, они не вызвали особенного интереса. Члены клуба их уже видели на острове Альбемарль. Но зато капитанов изумил огромный носорог с бантиком апельсинового цвета на могучем роге.

— Я чуть-чуть не погиб из-за этого носорога, — заявил Тартарен. — Представьте себе...

Его перебил удивленный Дик Сэнд:

— А почему у него бантик на роге?

— Не хочется вспоминать, — вздохнул толстяк. — Во время охоты на это чудовище султан одного из островов на экваторе предложил своим воинам завязать бантик на роге этого малыша весом в несколько тонн. Я тоже принял в этом участие... И мне удалось исполнить прихоть его высочества. Правда, я пострадал. До сих пор у меня не действует правая рука. Ударом рога повреждено плечо. Потом оказалось, что победителя ожидала необыкновенная награда — женитьба на дочери султана, шоколадной красавице... Ее звали Бонема. Очаровательная девушка лет шестнадцати! Роскошное ожерелье из зубов крокодила украшало ее шею... В ушах вместо сережек — две океанские перламутровые раковины... В носу — палочка из слоновой кости...

А вместо платья — зеленый пояс с плодами бананов... Откровенно говоря, я задумался... В моем возрасте... жениться?.. Стать зятем султана?.. Менять кают-компанию Клуба знаменитых капитанов на хижину его высочества в экваториальном лесу?.. И я решил бежать от милостей султана вместе с носорогом! В этом рискованном предприятии мне помогли Дигу и Лако.

Мюнхгаузен, указывая на носорога, насмешливо спросил:

— И что же, милейший Тартарен, этот уникальный экспонат... так и будет удивлять посетителей своим бантиком?

— Ну, если вам не нравится, попробуйте снять этот бантик с рога! — не без ехидства сказал толстяк.

Одобрительный смех вызвало неожиданное предложение Тартарена. Уязвленный барон выхватил шпагу и кончиком сверкнувшего лезвия сорвал апельсиновый бантик с рога.

— Прошу! Будьте любезны! — хвастливо воскликнул он. — Ну, что там у вас еще в клетках? — добавил поборник истины с напускными равнодушием, втайне завидуя охотнику за фуражками, герою дня, а точнее — герою лунной ночи на экваторе.

Капитаны любовались великолепным ягуаром. По словам Тартарена, хищник был пойман в сети...

В большом количестве были представлены обезьяны, дикобразы, муравьеды... В одной из клеток дремал тапир.

В бассейне прохлаждался бегемот, высунув из воды морду.

Украшением зоологического сада, несомненно, был слон Бумба, подаренный Тартарену во время пребывания в гостях у одного африканского племени, вблизи водопада Стэнли на реке Конго.

На всех клетках были пояснительные надписи на латинском, русском, французском, английском, испанском языках. Не были забыты и языки народов, населяющих экваториальную зону.

Но одна надпись на клетке с каким-то ободраным верблюдом могла поразить всех посетителей, кроме знаменитых капитанов. В деревянной рамке, под стеклом, на плотном картоне было написано на многих языках:

Верблюд
Из романа Альфонса Доде
«Необычайные приключения
Тартарена из Тараскона»

— Это благородное животное, — прослезился толстяк, — полюбило меня...

Капитаны столпились у загона, с любопытством разглядывая верблюда, увековеченного Альфонсом Доде. Но верблюд даже не удостоил своим взглядом ни одного капитана. Он смотрел свысока своими глазами цвета драгоценного топаза на носилки, где возлежал Тартарен, видимо не узнавая своего хозяина и друга в забинтованном человеке. Но, услышав знакомый голос, корабль пустыни оцепенел... Верблюжьи глаза увлажнились от умиления... Просунув морду между прутьями загона, животное влюбленно глядело на любимца Тараскона...

— Он всюду бегал за мной, как верный пес, — продолжал Тартарен. — Я не мог от него отвязаться... Мне даже пришлось скрыться, но он нашел меня на вокзале в Тарасконе, затем ему удалось догнать меня на последних страницах романа... Этот верблюд, друзья, единственный свидетель моей охоты на львов!..

— Позвольте, а где же лев? — поинтересовался Артур Грэй, заглянув в пустую клетку.

— Вот все, что осталось от царя зверей... — горделиво воскликнул истребитель львов, подняв шкуру.

Однако он умолчал о подробностях этой охоты. Царственное животное было действительно подстрелено Тартареном двумя разрывными пулями «дум-дум», но не в пустыне, а на территории монастыря, основанного триста лет назад неким Магометом бен Ауда. Это был жалкий, старый, слепой лев, внезапно появившийся перед остолбеневшим толстяком в малиновой феске.

Тартарен, конечно, умолчал и о том, что царь зверей смиренно собирал подавание для монахов монастыря, бродя по улицам города, держа в пасти деревянную тарелку.

Мюнхгаузен бросил подозрительный взгляд на шкуру льва и остановился перед клеткой с табличкой — «ТИГР».

Но хищника в клетке не было.

— А где же тигр? — спросил Дик Сэнд.

— Вот именно этот вопрос я и желал задать! — язвительно процедил поборник истины с иронической улыбкой.

— Вы что же хотите? — взорвался Тартарен. — Чтобы я один выловил всех хищников в тропиках?! Я основал этот уникальный, единственный на земном шаре зоологический сад-музей экваториальной зоны... Рисковал жизнью! Пусть теперь мои ученики и последователи продолжают то, что я начал с таким блеском! Я уступаю им все острова, болота, джунгли, пустыни, девственные леса, атоллы и архипелаги на экваторе! Это мое второе завещание! Но, несмотря на мои раны, я продолжаю жить, друзья! — задорно воскликнул любимец Тараскона, вспугнув галапагосского дрозда-пересмешника с малиновой фески.

Яростно заревел ягуар, истосковавшийся за железными прутьями по родным джунглям.

— Этот рев я слышал над своей головой не из клетки, не в кают-компании, а в тропическом лесу, — гордо сообщил Тартарен и тут же застонал. — Уложите меня на другой бок... Подойдите поближе... Мне тяжело громко говорить... И не хочется будить львов Атласа. Сейчас, друзья мои, я сообщу вам такое... такое, что никому на всем земном шаре неизвестно!.. Вы помните, чем заканчивается роман Альфонса Доде?.. Я вам процитирую: «Представьте себе, — говорил Тартарен, — однажды в Сахаре...» И — все! Конец романа. Что же произошло в пустыне — писатель умолчал. Но я не могу молчать! Случилось нечто из ряда вон выходящее... Ночью...

Лемюэль Гулливер перебил его, взглянув на свой берег:

— Поздно, любезный Тартарен. Вернее, рано. Мы вас с удовольствием выслушаем в другой раз!..

Над Тихим океаном розовели облака.

— Свистать всех наверх!.. — скомандовал капитан корвета «Коршун».

— Пошли все наверх!.. — подхватил пятнадцатилетний капитан.

— На борт какого судна? — в недоумении спросил Мюнхгаузен. — «Леденец» почти растаял. «Секрет» и корвет «Коршун» сильно потрепаны штормами. А ночь на исходе!

В ответ раздался звонкий голос Артура Грэя:

— Прошу без промедления проследовать за мной на страницы книги Чарлза Дарвина «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль».

Капитан галиота «Секрет» распахнул переплет объемистого тома... Зашелестели страницы, подхваченные свежим ветром с Тихого океана... Если бы было время,

то можно было бы прочесть о Рио-де-Жанейро, о светящихся насекомых, о нравах ягуара, о пауках-воздухоплователях, о прощании с Огненной Землей, о Вальпараисо, о Таити, о Голубых горах, о рыбах, питающихся кораллами, о вулканических бомбах...

Но надо было спешить!.. Светало. Сквозь волнуемый шелест страниц доносился голос с борта корабля «Бигль» — голос капитана Роберта Фиц Роя:

— Паруса ставить! С якоря сниматься!

Мы успели вернуться в нашу уютную кают-компанию прежде, чем запели первые петухи в Химках...

Не теряя ни минуты, Артур Грэй почтительно поставил «Путешествия натуралиста» рядом с другими сочинениями великого Дарвина.

Теперь оставалось только припомнить нашу прощальную песенку:

Синим флагом машет
утренний туман...
До свиданья. Вашу
руку, капитан!..

ПРОТОКОЛ
заседания географического кружка «Алый выпел»

Слушали:

Десятую клеенчатую тетрадь Клуба знаменитых капитанов под кодовым названием «Пруса ставить! С якоря сниматься!».

Обсуждение проходило у политической карты мира и у физической карты Западного и Восточного полушарий. Жаркие споры вызвал вопрос конструктора планетоходов серии ВВН Васи Новикова: какое значение имеют парусные суда в наше время?

ОТВЕТ АФАНАСИЯ ПЕТРОВИЧА

Первым парусом была звериная шкура — пять тысяч лет назад. Великие географические открытия на голубых дорогах морей и океанов были совершены отважными мореплавателями под парусами. История легендарных и беспримерных плаваний навсегда останется на страницах книг, на географических картах и в людской памяти. Но Вася Новиков задал вопрос: а сегодня... в наши дни... нужны ли парусные суда? Для чего? Зачем?.. У нас в стране самая большая в мире парусная флотилия с такими флагманами, как «Крузенштерн» и «Седов»... или знаменитый «Товарищ» из мореходного училища в Херсоне! Это все учебные корабли... Я вам сейчас прочитаю выдержку из американской газеты, напечатанную в «Комсомольской правде».

«Товарищ» был приглашен на торжества, посвященные 175-летию старейшины флота Соединенных Штатов Америки фрегата «Констелейшен» в американском порту Балтимор». И вот что в Америке написали о наших ребятах: «Присутствие «Товарища» и 125 обаятельных, сильных и ловких, как кошки, юных советских моряков придали юбилею фрегата неизгладимое впечатление».

3 августа в Портсмуте герцог Эдинбургский поздравил экипаж трехмачтового парусника «Товарищ» с победой в международной регате «Операция «Парус-74».

Постановили:

1. Составить маршрутную карту кругосветных гонок вдоль экватора на корвете «Коршун», галиоте «Секрет» и бриге «Леденец» из флотилии Клуба знаменитых капитанов.

2. Всем членам кружка прочитать книгу Чарлза Дарвина «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль».

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПРОТОКОЛУ:

**справка руководителя кружка,
учителя географии Афанасия Петровича**

Корабль «Бигль» с двадцатидвухлетним Дарвином на борту снялся с якоря в Девонпорте 27 декабря 1831 года и отдал якорь 2 декабря 1836 года в Фалмутской бухте на юго-западе Англии. «Бигль» представлял собой небольшое парусное судно, водоизмещением в 225 тонн, оснащенное как барк и вооруженное шестью пушками. Чарльз Дарвин в своем путевом дневнике назвал корабль «маленькой ныряющей уткой» во время шторма. Каюта молодого ученого помещалась на корме, рядом с библиотекой. Пятилетней экспедицией «Бигля» командовал капитан Роберт Фиц Рой.

С подлинным верно —

староста географического кружка «Алый вымпел»
Сережа Березов

*Уважаемая
Серафима Александровна!*

Не писала весь август месяц, пока вы гостили в Москве. Мне просто не хотелось вдаваться в некоторые подробности дела, за которое вы взялись, и мешать раскладывать этот сложный криминалистический пасьянс, именуемый в дальнейшем «Дело Клуба знаменитых капитанов». Но сегодня тридцать первое число, у вас уже взяты билеты на «Красную стрелу». Вы с Булькой покидаете столицу в двадцать три часа пятьдесят пять минут по московскому времени. А «городские воробьи» завтра сядут за школьные парты.

Простите меня, но вы, проводя расследование этого необычайного дела, проявили некоторый формализм. В данном случае скорее надо было искать поприще для психологических исследований.

Я хотела напомнить о лицах, совершавших на первый взгляд неблагоприятные или сомнительные проступки во имя высоких идей. О некоторых из них мы в шутку говорили: «Это Робин Гуд современности».

Невозможно забыть хотя бы дело старого учителя Соловьева. На него поступил солидный материал, требовавший серьезного расследования. Этого еще бодрого на вид пенсионера уже с утра можно было встретить в букинистических магазинах, где он покупал редкостные дорогие книги. А ближе к вечеру появлялся в восемьдесят восьмом отделении связи, чтобы отправить несколько посылок по весьма далеким адресам. Его получателями были лица, проживающие в Тюмени и Красноярске, в Самарканде, Мурманске и во многих других городах, населенных и даже ненаселенных пунктах (где-то в экспедициях на краю света).

А обратно шли почтовые переводы, иногда на крупные суммы: в сто, двести и даже в пятьсот рублей. Работники уголовного розыска завели дело по подозрению Соловьева в злостной спекуляции. Но тут вмешались вы, дорогая Серафима Александровна, и все сразу прояснилось.

Учитель был любимцем своих учеников и сохранил с ними тесные связи. Ребята уже стали большими, окончили свои вузы и техникумы, разлетелись по далеким экспедициям и новостройкам. А там подчас бывает нелегко достать нужную книгу. И начался поток писем к добрей-

шему Ивану Сергеевичу. Одиноким старик был Учителем с большой буквы и остался им навсегда.

А помните криминальный казус, который лег в основу комедийного фильма «Берегись автомобиля»?.. Герой этой ленты на самом деле угонял автомобили, принадлежавшие спекулянтам и ворам, а деньги аккуратнейшим образом передавал детским домам. Он вел идеальную отчетность и оставлял в свою пользу только суточные и командировочные по каждой операции.

Конечно, он нарушал законы, но суд отнесся к нему весьма снисходительно.

Но отложим в сторону уголовный кодекс. За этот месяц вы, вероятно, сами убедились, что никакие преступные или сомнительные лица, группы или организации не могли извлечь ни малейшей корысти от сочинения, составления или переписки вахтенных журналов Клуба знаменитых капитанов.

Более всего тень подозрения падала на учителя географии Афанасия Петровича. Но разрешите спросить: какими уликами вы располагаете?.. Ровным счетом нулевыми. Даже вариант с правой и левой рукой классного руководителя оказался несостоятельным. Ведь сегодня утром он пришел в кружок «Алый вымпел» без марлевой повязки. На руке явно просматривался свежий рубец между большим и указательным пальцем. Учитель подписывал ребятам на память фотографии, снятые в Кремле на фоне царь-пушки. Он ставил свою подпись левой рукой, а вы попросили его расписаться правой на своем экземпляре. Афанасий Петрович с удивлением пожал плечами, но спорить не стал. И как все левши, правой рукой писал медленно и старательно.

Никакой графической экспертизы не требовалось. При самом беглом взгляде стало ясно, что все клеенчатые тетради писал кто-то другой. Правда, известны случаи, когда люди писали и даже рисовали, пользуясь пальцами ног, а в литературе встречается упоминание о возможности держать ручку, карандаш или кисть в зубах... Но в данном случае это мало вероятно. Ведь легче продиктовать десять вахтенных журналов, чем написать их каким-либо неестественным способом. Но кому же классный руководитель мог их диктовать? И зачем?.. Вернее всего, он тут совершенно ни

при чем. Не сердитесь на меня за этот критический анализ расследования.

Как всегда, ваша лучшая подруга

Сима

ЗАМЕТКИ К ПИСЬМУ С.

Это письмо самой себе было написано около двенадцати часов дня. По правде говоря, оно меня очень обескуражило. Ведь действительно за месяц (а точнее, за тридцать один день расследования) мы нисколько не продвинулись вперед. Неужели я, старый опытный криминалист, утратила остроту ума и блеск интуиции?..

Отмечаю!.. Ну что с того, что я на пенсии? Ведь меня постоянно приглашают для консультации по самым сложным и запутанным делам.

Пока я предавалась своим невеселым размышлениям, внезапно возникло совершенно новое обстоятельство. Так сказать, «луч света в темном царстве», как метко выразился однажды великий критик Добролюбов. Явилась девушка-почтальон (на сей раз рыженькая Клава) и вручила мне письмо от добрейшего Платона Михайловича. Это мой ленинградский друг — ученый-эксперт по анализу документов. Да, не напрасно я послала ему вырванный мной тайком от ребят чистый листок из первой клеенчатой тетради. И вот результат!.. Точно установлено, что тетрадь изготовлена из бумаги особой плотности, на ней есть малозаметное клеймо фирмы «Гауптфогель и Компания» в Дрездене. По старому каталогу фирмы значится, что она изготавливает такие клеенчатые тетради высшего качества со ста страницами указанной бумаги, с синими линейками. Фирма также упоминает в числе постоянных покупателей Морской корпус и Морскую академию в Санкт-Петербурге. Далее эксперт дает справку, что импорт подобных изделий не производится с тысяча девятьсот четырнадцатого года. А сама фабрика сгорела во время воздушной бомбардировки американской авиацией города Дрездена весной 1945 года.

Конечно, материал экспертизы сам по себе еще не давал никакой нити для раскрытия тайны вахтенных журналов клуба. Но зато он давал богатую возможность для

«психической атаки», знакомой всем с детства по фильму «Чапаев».

Я все тщательно продумала и подготовила. На вокзал по моему настоянию мы поехали очень рано — за полтора часа до отхода поезда. Через полчаса слетелись все «городские воробьи». Девочки преподнесли мне букет гладиолусов, а Сережа Березов лично от себя вручил пакет с мозговыми косточками для Бульки, как неприкосновенный запас на дорогу.

Вместе с Сережей пришли его родители, с которыми он хотел меня познакомить. Очень интересные люди! Папа — мастер золотые руки, слесарь-инструментальщик. А Сережина мама — финансист, работает кассиром в сберегательной кассе. У них дома свое хобби — кактусы. Они даже подарили мне маленького колючего мексиканца.

Я точно рассчитала, что Афанасий Петрович немного опоздает, и все обычные перронные разговоры провела до его появления. Поэтому мне было очень удобно взять его под руку и отвести в сторонку. И здесь с ходу начала «психическую»...

Я показала учителю географии заключение Платона Михайловича и спросила, что он об этом думает.

Шеф «городских воробьев» немного призадумался, что-то припоминая... А затем сказал, что у него есть дядя — капитан дальнего плавания. Он уже давно на покое, и морские ветры и ураганы остались у него далеко за кормой. Но, между прочим, дядя страстный коллекционер и всю жизнь собирает письменные принадлежности — перья, карандаши, авторучки, тростниковые палочки для письма, птичьи перья от гусей до альбатросов, а также открытки, бумагу и конверты. И кажется, у него есть и похожие клеенчатые тетради...

— Вы полагаете, Афанасий Петрович, что вахтенные журналы клуба написал ваш дядя?.. — испытующе спросила я, буравя его глазами.

Мой собеседник немного подумал и ответил с легким вздохом, как человек, решивший наконец сказать правду:

— Видите ли, Серафима Александровна... Мой дядя стар и вряд ли смог бы написать столько вахтенных журналов... Да и почерк совсем не похож...

Афанасий Петрович смотрел на меня своими ясными прозрачными глазами, в которых не было ни тени смущения или неловкости. И я снова вспомнила такие же прозрачные глаза Евтихия Голубя из «Компании Бубновых валетов».

А учитель географии, взглянув на круглые вокзальные часы, продолжал наш прощальный диалог:

— Будем говорить откровенно!.. Вы подозреваете меня в создании Клуба знаменитых капитанов. Понимаю ваше настроение — ведь обидно уезжать с пустыми руками... Ну, что ж, я готов признаться, что сочинял или помогал сочинять вахтенные журналы клуба. Как вам больше нравится... Только одно неперемненное условие — ни слова ребятам! Романтика требует тайны. И не надо разочаровывать наших милых «городских воробьев».

Мы молча пожали друг другу руки. И в этот момент из репродуктора раздался громкий голос, предлагая пассажирам занять места, а провожающим выйти из вагонов.

Я еле успела поцеловать мою сестру Полину и ВВН, затем вскочила на подножку. Булька великолепным прыжком последовала за мной.

Дописываю эти строки в отдельном купе. (Всегда беру отдельное, когда путешествую со служебной собакой.) Ну, кажется, все. «Дело Клуба знаменитых капитанов» может занять почетное место на полках моего личного архива.

Я прилегла на диван, но сна нет и в помине. Сказал ли мне Афанасий Петрович правду, полуправду... или, может быть, это — «ложь во спасение», как говаривали в старину? Нет, кажется, сдавать дело в архив рано. Помнится, в одной из клеенчатых тетрадей клуба пятнадцатилетний капитан проносит такие слова: «Тайна хороша, когда она раскрыта».

Но дорогая моя С.! Что же мы можем сказать об Афанасии Петровиче?.. Как бы там ни было — он чудак, а Максим Горький говорил, что чудачки украшают мир.

Серафима

Примечание на полях.

А может быть, Афанасий Петрович тоже Учитель с большой буквы?!

ЛИЧНЫЙ ВАХТЕННЫЙ ЖУРНАЛ
старосты географического кружка «Алый вымпел»
Сергея Березова (шестой «А»)

5 сентября. Ветер юго-западный. 3 балла. Температура воздуха — плюс 8. Давление ртутного столба — 720 (узнать: что это за ртутный столб и на кого он давит?). Восход солнца — 5.41. Заход — 19.15. Полнолуние.

После того как экспресс «Красная стрела» укатил с тей Симой и Булькой в Ленинград, я поссорился с Васей, и мне кажется... навсегда! Мы даже сели за разные парты. А началось все из-за трех пузатых бутылок от ямайского рома, в которые Мюнхгаузен запечатал свои записки почти с того света. Он их писал на борту корабля-призрака «Синяя птица». Бутылки барон бросил в океан около острова Ньюфаундленда...

Больше часа я просидел над физической картой, на которой обозначены все течения: синими стрелками — холодные и красными — теплые. И поделился с Васей своим потрясающим открытием! Куда океанские течения унесут почтовые бутылки! Сначала их подхватит Гольфстрим, потом Северо-атлантическое течение увлечет их в Баренцево море, а затем в Белое море, по каналу — к Онежскому озеру... а тут уже, также по каналу, в Химки!

Нужно установить дежурство членов географического кружка... Вася поднял меня на смех...

Он даже сказал, что клеенчатые тетради Клуба знаменитых капитанов превратили меня в неслыханного фантазера. А я его обозвал черствым сухарем! Не могут же капитаны высасывать из пальца истории, происшествия, приключения... Что-то ведь было на самом деле!.. «Что-то и было, — дерзко крикнул мне Вася, — но никакого Клуба знаменитых капитанов не было и нет!» А я почему-то верю... Так интереснее жить! Жаль, конечно, что мы крепко поссорились... Теперь я все свои тайны и мечты могу доверить только бумаге. И буду писать в свой вахтенный журнал гусиным пером, как знаменитые капитаны. Где только достать такие перья? Ведь гуси продаются ошипанные, в целлофановой упаковке.

17 сентября. Ветер южный. Умеренный. 2 балла. Температура воздуха — 12 градусов тепла. Давление ртутного

столба — 810. Восход солнца — 6.05. Заход — в 18.43. Нолуние.

Вот уже пошла вторая неделя, как я ишу этот клуб! Я обошел много школьных библиотек в районе Химок — и пока ни одной, которая хоть чем-то напоминала бы кают-компанию знаменитых капитанов.

Так и не найдено больше клеенчатых тетрадей. Но ведь вахтенный журнал клуба под кодовым названием «Маяк на полуострове Дюко» обозначен под номером 106... А мы прочитали только десять, значит, где-то есть еще девяносто шесть, если не больше! Но где? Неужели мы их никогда не найдем?!

27 сентября. Дует норд-вест. 5 баллов. Температура воздуха — плюс 4. Давление ртутного столба — 641. Восход солнца — 6.25. Заход — 18.16. Первая четверть луны.

Еще обошел семь школьных библиотек — и никакого толка. Был сильный листопад.

Я долго бродил в этом районе. И вот еще одна школа. Завернул на всякий случай... Нашел на втором этаже библиотеку, заглянул в нее и не поверил своим глазам... Здесь все было точно так, как не раз описано в клеенчатых тетрадях... Портреты Беллинсгаузена, Лазарева, Беринга, академика Шмидта, адмирала Макарова, Александра Грина, Константина Станюковича, Жюль Верна и других писателей, большой глобус, круглый стол, кожаные кресла.

Часы! Я их сразу узнал, огромные старинные часы на полу, как башня из красного дерева. И самое главное: седенькая старушка и девушка! Я услышала то самое, что я читал: «Катюша, пора закрывать библиотеку!» А девушка ей ответила: «Сейчас, Мария Петровна, я только поставлю на полку «Алые паруса».

Стрелки на часах показывали — 18.59. Через одну минуту пробьет семь, и знаменитые капитаны смогут сойти со страниц...

...Я не знал, что мне делать. Спрятаться?... Было невозможно. И сам не знаю, почему убежал.

Я пришел в себя только на улице. Свет в окне второго этажа погас, и вскоре из подъезда вышла Мария Петровна, а за ней Катюша.

А я все стоял и глядел на окно и никак не мог уйти. Моросил дождь. Вдруг распахнулась оконная рама... Из кают-

компании выглянул капитан галиота «Секрет» Артур Грэй... Осенний ветер донес до меня его негромкий голос:

«С океанским приветом, Сережа!.. И как говорится в романах: продолжение следует...»

Опомнившись, я долго вглядывался в темное окно... Очевидно, мне все это померещилось.

Правда, человек, который придумал «Тома Сойера» и «Гекльберри Финна», сам Марк Твен однажды сказал: «Нет ничего такого на свете, что не могло бы случиться».

И я к этому ничего не могу добавить.

Сережа Березов

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Да, бывают разные мальчишки...
Разве мало их — сынов Земли?
Только всем давай такие книжки,
Чтоб в туманах плыли корабли...
Чтоб в поход вели их капитаны,
Чтоб пиратам было не уйти...
И во сне увиденные страны
Расцветали где-то по пути.
А девчонки тоже не похожи
На подружек — разве что коса...
Но мечтают многие, быть может,
Распустить по ветру паруса.
И, пока на свете будут дети,
Будут звать крылатые мечты:
Хорошо бы плавать на корвете,
С океаном перейти на «ты»!..
От себя ведь невозможно бегство —
Пусть давно я дяденька большой,
Но во мне еще таится детство
И живет парнишка озорной.
И я верю, что в часы ночные
Капитаны сходят со страниц...
Храбрецы и вечно молодые,
Как об этом пишут Крепс и Минц.
И со всеми юными друзьями
Плыть за капитанами готов,
Только это строго между нами,
Ваш ровесник — юнга

МИХАЛКОВ.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Сегодня с нами уже нет любимых и уважаемых создателей «Клуба знаменитых капитанов», на увлекательных и полных доброго юмора рассказах которых воспитывались родители, дедушки и бабушки нынешних сорванцов. Такие книги, полные приключений, выдумки, фантазии, не могут не захватывать. Думается, мало кто из мальчиков и девочек наших дней не захочет прокатиться в почтовом дилижансе, подняться на воздушном шаре в компании героев, любимых с детства, — с капитаном Немо, Робинзоном Крузо, капитаном Гаттерасом, пятнадцатилетним капитаном Диком Сэндом, выдумщиком Тартареном из Тараскона и узнать кучу занимательных подробностей о жизни писателей, благодаря таланту которых родились знаменитые капитаны.

Больше двадцати лет назад появилась книга «Клуб знаменитых капитанов». За прошедшие десятилетия в России произошли события, которые изменили не только нашу жизнь и людей, но и наш язык. Поэтому, когда издательство приступило к подготовке книги В. Крепса и К. Минца к переизданию, редакторы заметили некоторые неточности как в написании отдельных слов и речевых оборотов, так и в некоторых географических названиях. Однако издательство решило выпустить книгу такой, какой сделали ее авторы для издания 1977 года (М., «Советская Россия»).

К79 Крепс В.М., Минц К.Б.
Клуб знаменитых капитанов. — М.: ЗАО Изд-во
Центрполиграф, 1997. — 396 с.

ISBN 5-218-00350-6

Фантастические истории о новых удивительных и поучительных приключениях и путешествиях знаменитых капитанов. Книга является продолжением первой книги «Клуб знаменитых капитанов».

ББК 84.7Р

**Владимир Михайлович
Крепс**
**Климентий Борисович
Минц**

КЛУБ ЗНАМЕНИТЫХ КАПИТАНОВ

Редактор В.Ф. Турбина
Художественный редактор А.И. Моисеев
Технический редактор В.Ф. Нефедова

Изд. лиц. ЛР № 065372 от 22.08.97 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 1.10.97.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21. Уч.-изд. л. 17,4.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 2389

ЗАО «Издательство «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
ГИПП «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, Варварская ул., 32

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

Книга-почтой

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой»

Все книги будут рассылаться наложенным платежом без предварительной оплаты. Заказы принимаются на отдельные книги, а также на целые серии, выпускаемые нашим издательством. В последнем случае Вы будете регулярно получать 2—3 новые книги в месяц выбранной серии.

Для этого Вам нужно только заполнить почтовую карточку по образцу и отправить по адресу:

105275, Москва, а/я 55, «ЦЕНТРПОЛИГРАФ»

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА		 РФ 6218
г. Москва, а/я 55		
Куда		

Кому	«ЦЕНТРПОЛИГРАФ»	

 105275 <small>Почтовые индексы предприятий, городов и местоназначений</small>		Индекс предприятия, серии и адрес отправителя

		<small>Мин. связи России Издательство «Мир», 1992. Э. 105275. ППФ Голландия 11 85</small>

На обратной стороне открытки необходимо указать, какую книгу Вы хотели бы получить или на какую из серий хотели бы подписаться. Укажите также требуемое количество экземпляров каждого названия.

МЫ РАДЫ ВАШИМ ЗАКАЗАМ!

Указанные цены включают все почтовые расходы по пересылке книг наземным транспортом, за исключением 10% от суммы наложенного платежа, которые взимаются на почте при получении заказа.

Авиатарифы в цену не включены, но они увеличивают стоимость каждой книги на сумму от 5 до 20 тыс. рублей.

Для Вас, поклонники издательства «Центрполиграф»!

ОТКРЫТЫ МАГАЗИНЫ-КЛУБЫ

К Вашим услугам свыше 200 наименований самых свежих книг издательства. Широко представлены: классика зарубежного и российского детектива, исторические и любовные романы, научная фантастика, фантастические боевики, романы в жанре фэнтези, приключения, вестерны, детективы для детей и юношества, книги о собаках в сериях: «Мастера», «Мастера остросюжетного романа», «Мастера остросюжетного детектива», «Русский триллер», «Мастера исторического романа», «Осирис», «Винчестер. Лучшие вестерны», «Библиотека французского детектива», «Стальная мечта», «Мастера фэнтези», «Библиотека американского клуба собаководства», «Классическая библиотека приключений и научной фантастики» (Рамка), «Маскарад».

Полные собрания сочинений признанных мастеров российской и зарубежной остросюжетной прозы: *Василия Головачева, Дж. Хедли Чейза, Рекса Стаута, Эрла Стенли Гарднера, Яна Флеминга, Картера Брауна, Луиса Ламура, Буало-Нарсежака*, а также внесерийные книги издательства.

ТОЛЬКО В КЛУБЕ:

- встречи книгалюбов с авторами, переводчиками, редакторами, художниками;
- презентации книг «Центрполиграфа» и других издательств;
- читательские конференции;
- творческие диспуты;
- обмен мнениями.

Клуб — это место, где Вас ждет удивительный праздник — праздник книги.

КЛУБ — это книги из РУК ИЗДАТЕЛЬСТВА, а значит, низкие цены.

Звоните и приезжайте!

Вас ждут по адресам:

**1) Москва, ул. Октябрьская, дом 18;
тел. 284-49-89, тел./факс 284-49-68**

Рижская
М
Проезд: м. Рижская, тролл.
18, 42, авт. 84 до ост.
«Марьинский универмаг»
м. Савеловская, авт. 84 до
ост. «Марьинский
универмаг».

2) Москва, ул. Щербаковская, дом 40/42; тел. 365-58-28

Проезд: м. Семеновская,
далее на любом трамвае до
остановки «ул. Ибрагимова»
(1 ост.).

60

55

13.60

ЦЕНТРОЛИГРАФ®